

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ ЕВРАЗИИ

Выходит на русском и английском языках

Номер 4 (16) 2003

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

- Зыкин В.С., Зыкина В.С., Орлова Л.А.** Реконструкция изменений природной среды и климата позднего плейстоцена на юге Западной Сибири по отложениям озера Аксор 2

ДИСКУССИЯ

Проблема перехода от среднего к верхнему палеолиту

- Медникова М.Б.** Переход от среднего к верхнему палеолиту в Европе: дискуссионные аспекты таксономического ранга верхнепалеолитических скелетных остатков 17

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

- Матвеева Н.П., Рябогина Н.Е.** Реконструкция природных условий Зауралья в раннем железном веке (по палинологическим данным) 30
- Вадецкая Э.Б., Протасов В.А.** Енисейские мумии (археологические источники и их анатомическая экспертиза) 36
- Нестеров С.П., Мыльников В.П.** Деревянные онгоны с реки Бурей 48
- Черемисин Д.В.** Наскальная композиция с изображением колесницы и “танцоров” из Чаганки (Кара-Оюк), Алтай 57
- Кубарев Г.В., Кубарев В.Д.** Погребение знатного тюрка из Балык-Соока (Центральный Алтай) 64
- Богомолов Г.И.** Каменная стела из окрестностей Мингурюка 83
- Енимыхов А.В.** Верхне-кизильский клад: варианты интерпретации 96
- Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х.** Буддийские находки из пещеры на реке Моген-Бурен 103
- Горюнова О.И., Вебер А.В.** Комплекс с ажурной бляхой из погребения могильника бронзового века Курма XI (озеро Байкал) 110

ЭТНОГРАФИЯ

- Сато Хироюки, Онуки Сидзуо.** Этноархеологическое исследование поселений и территориального размещения удэгейцев на русском Дальнем Востоке (конец XIX – начало XX века) 116
- Русакова Л.М.** Коллекция одежды старообрядцев-сибиряков штата Орегон (США) 130

ЭТНОРЕАЛЬНОСТЬ В ФОТООБЪЕКТИВЕ

- Казахи Южного Алтая** 143

ПЕРСОНАЛИИ

- Григорий Максимович Бонгард-Левин** 153
- Алексей Павлович Уманский** 156
- Анатолий Иванович Мартынов** 158

- СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ** 160

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

УДК 551.583.2:551.791(571.1-13)

В.С. Зыкин, В.С. Зыкина, Л.А. Орлова

*Институт геологии СО РАН
пр. Академика Коптюга, 3, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: Zykin@uiggm.nsc.ru*

РЕКОНСТРУКЦИЯ ИЗМЕНЕНИЙ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ И КЛИМАТА ПОЗДНЕГО ПЛЕЙСТОЦЕНА НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ПО ОТЛОЖЕНИЯМ КОТЛОВИНЫ ОЗЕРА АКСОР*

Введение

Развитие древнего человека тесно связано с древней природной средой и климатом, существенно влиявших на условия его обитания, образ жизни, выбор мест существования, возможности и пути расселения, характер хозяйственной деятельности. Одним из основных источников информации об изменении природной среды и климата во внутриконтинентальных районах в позднем плейстоцене и голоцене являются осадки озер, расположенные в замкнутых, бессточных котловинах. В образовании замкнутых котловин и развитии внутриконтинентальных озер климат играет определяющую роль. Пульсации водного режима озер, зависящие от термических условий и увлажненности территории, проявляются в осадконакоплении и колебании их уровня. Часто в осадках озер встречаются разнообразные индикаторы изменений природной среды и климата, связанные с различными палеогеографическими и геологическими явлениями. На основе данных сравнительного анализа динамики состояния внутриконтинентальных озер в позднем голоцене А.В. Шнитниковым был установлен цикл колебания их водного режима продолжительностью ок. 1 800 – 1 900 лет, отражающий изменения общей увлажненности материков [1957].

Замкнутые котловины различных размеров, очертаний и глубины широко распространены в зоне семиаридного климата на юге Западно-Сибирской равнины. Большинство из них имеют правильную округлую форму. Во многих котловинах располагаются бессточные озера различной минерализации. Несмотря

на длительную историю изучения этих озер [Берг, Игнатов, 1901; Волков, Волкова, 1982; Мартынов, 1963; Поползин, 1967; и др.], накоплено немного сведений об осадках, выполняющих бессточные котловины. Большинство работ посвящено географическому описанию озер и озерных котловин [Белецкая, 1976, 1988; Водопьянова, 1982; Муравлев, 1973; и др.]. Особое внимание уделено колебанию уровня современных озер в голоцене [Шнитников, 1957, 1963, 1975, 1985]. Наиболее полная информация об осадках и изменении уровня получена лишь по голоценовой истории развития котловины оз. Чаны [Волков, Волкова, 1982; История..., 1995; Орлова, Паньчев, 1985; Пульсирующее озеро..., 1982].

Проведенные в 1987 – 1995 гг. исследования четвертичных и плиоценовых отложений в береговых обрывах р. Иртыша между поселками Лебяжье и Подпуск выявили, что четвертичные отложения, залегающие в верхней части береговых разрезов, относятся к озерным отложениям котловины оз. Аксор [Зыкин, 1991]. Детальное изучение осадков позволило установить строение, основные закономерности формирования этих отложений, получить радиоуглеродные даты и реконструировать природную среду и климат времени их аккумуляции.

Разрез верхнечетвертичных отложений котловины и его геоморфологическое положение

Разрез плиоцен-четвертичных отложений в береговых обрывах Иртыша между поселками Лебяжье и Подпуск (рис. 1) давно известен в геологической литературе [Высоцкий, 1896; Зальцман, 1968; Краснополь-

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 01-05-65085)

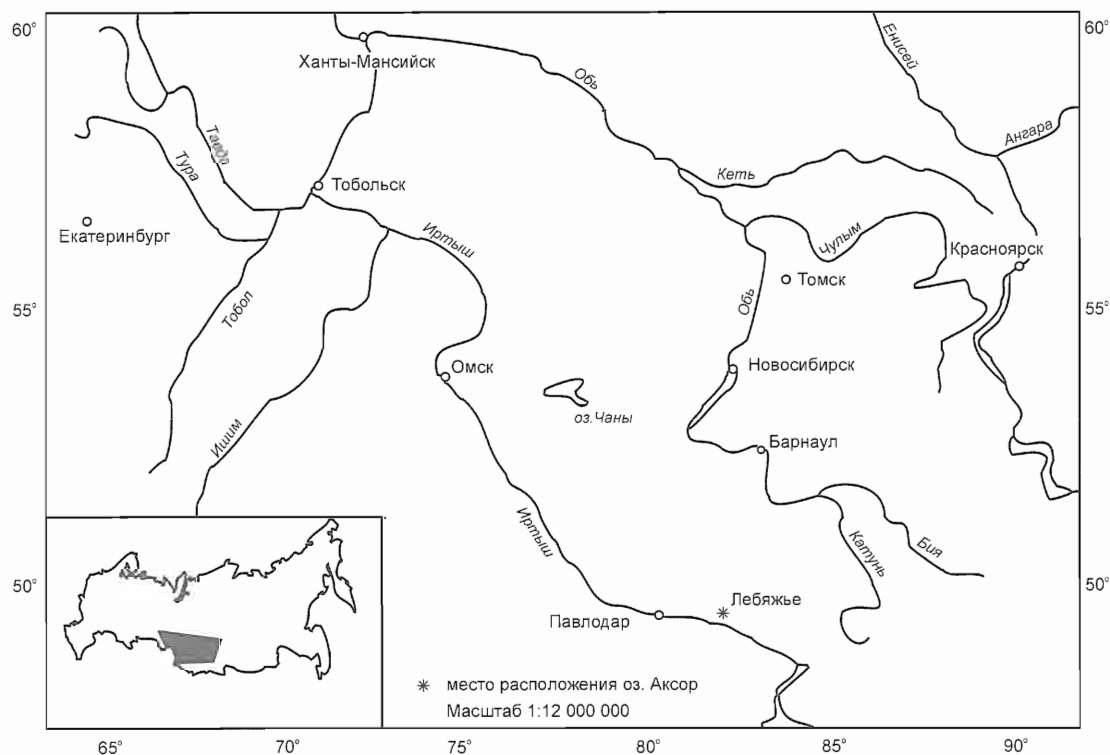

Рис. 1. Схема расположения разреза оз. Аксор.

ский, 1900; Лавров, 1959; Никифорова, 1953]. К нему приурочено крупное местонахождение позднеплиоценовой фауны позвоночных [Вангенгейм, 1977; Вислобокова, 1973]. Строение разреза приведено С.А. Архиповым [1971] и Р.А. Зиновой [1982]. Залегающие в верхней части разреза четвертичные отложения С.А. Архипов относил к среднеплейстоценовой кулундинской свите, а Р.А. Зинова связывала их со среднечетвертичными отложениями. Встречающиеся в разрезе мерзлотные деформации либо относили к плиоцену [Шкатова, Линькова, Минюк, 1986; Зубаков, 1990], либо считали их среднечетвертичными, образовавшимися во время максимального в Западной Сибири самаровского оледенения [Архипов, 1971].

Как показали детальные исследования на этом разрезе, четвертичные отложения лежат на склонах озерной котловины, в центре которой находится оз. Аксор (рис. 2). Они вложены в плиоценовые речные отложения. Котловина расположена юго-восточнее пос. Лебяжье. Она имеет округлую форму и вытянута на 11,5 км в северо-западном направлении и на 8,5 км в северо-восточном. Ее береговой уступ хорошо выражен в рельефе 8,5-километрового участка к северо-востоку от берегового обрыва Иртыша. Юго-западный склон подрезается береговым обрывом реки. Глубина котловины относительно междуречной равнины превышает 70 м. Уровень озера на 27,5 м ниже

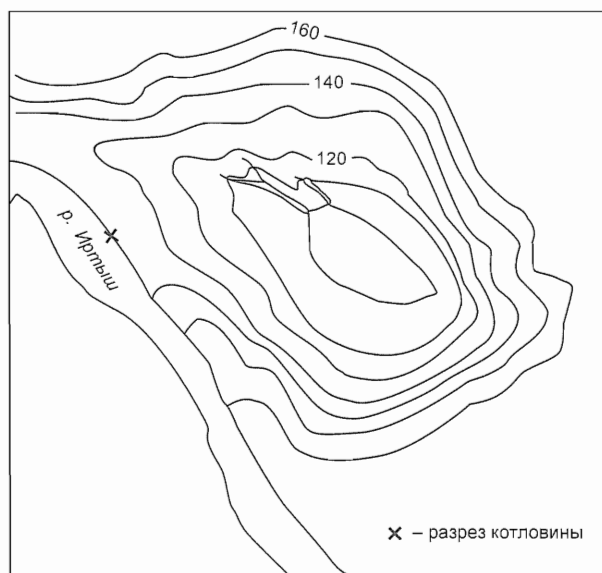

Рис. 2. Геоморфологическое положение разреза котловины оз. Аксор.

современного межледного уровня Иртыша. К озерной поверхности у пос. Лебяжье прислонена первая надпойменная терраса реки, к которой наклонена современная поверхность вдоль Иртыша. Плиоценовые и четвертичные отложения в районе разреза разделены неровной денудационной поверхностью. Она отчет-

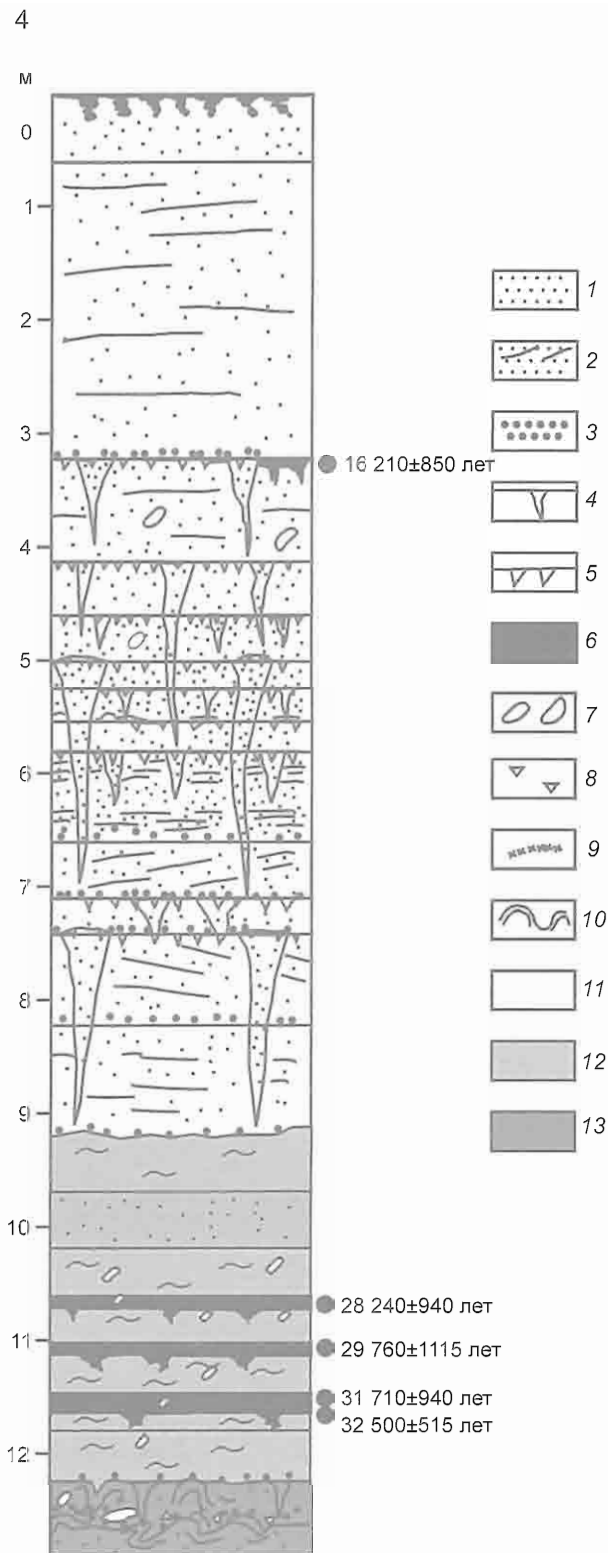

Рис. 3. Строение каргинско-сартанской толщи (изотопные стадии 2 и 3) в замкнутой дефляционной котловине оз. Аксор

1 – песок, 2 – песок слоистый, 3 – галька, 4 – первично-песчаные жилы, 5 – клинья усыхания, 6 – почвы, 7 – норы землероев, 8 – ветрогранники, 9 – карбонатная кора, 10 – криотурбация, 11 – сартанская толща (изотопная стадия 2), 12 – каргинская толща (изотопная стадия 3), 13 – отложения плицена.

ливо прослеживается вдоль Иртыша на участке протяженностью более 24 км между поселками Подпуск и Лебяжье. Подошва четвертичных отложений наклонена к центру котловины.

В настоящее время разрез находится в области недостаточного увлажнения, в очень засушливой зоне, где годовое количество осадков не превышает 200 – 300 мм [Шварева, 1963]. Среднегодовая температура здесь составляет +1 °С [Гидрогеотермический атлас СССР..., 1983], средняя температура июля около +20 °С, а средняя температура января – 16 °С [Атлас СССР, 1984].

Наиболее полно отложения, выполняющие озерную котловину, вскрываются в правом береговом обрыве Иртыша высотой около 15 м, выше пос. Лебяжье на 1 400 – 1 600 м, в пологом денудационном понижении в плиоценовых отложениях протяженностью около 200 м. Подошва четвертичных отложений в этом понижении находится на 1,5 м выше меженного уровня Иртыша, на абсолютной высоте ок. 129 м. Географические координаты разреза: 51° 27' с.ш. и 77° 47' в.д. В 100 м выше нижнего окончания денудационного понижения сверху вниз вскрыт следующий разрез (рис. 3):

1. Почвенно-растительный слой – суглинок коричневатого-серый, плотный, легкий, плохо сортированный, с мелкой столбчатой отдельностью. Переход в нижележащий слой постепенный. Мощность 0,2 м.

2. Песок коричневатого-серый, полимиктовый, преимущественно мелкозернистый, плохо сортированный, неслоистый (благодаря переработке почвенными процессами). Переход в нижележащий слой неотчетливый. Мощность 0,4 м.

3. Песок коричневатого-серый, светлый, полимиктовый, преимущественно среднезернистый, слабо-слоистый, с неравномерной субгоризонтальной слоистостью, с прослойками крупно- и мелкозернистого песка толщиной до 3 см, местами с мелкой субгоризонтальной слоистостью, с прослойками толщиной до 0,5 см. Редко встречается мелкая галька размером до 0,5 см. Наблюдаются линзочки грубозернистого песка и мелкого гравия толщиной до 2 см и длиной до 30 см. В интервале 0,3 – 0,9 м отмечаются редкие прерывистые прослои светло-серого мергеля толщиной до 0,5 см. Нижняя граница резкая, неровная. Мощность слоя 2,65 м.

4. Песок серовато-коричневый, полимиктовый, преимущественно среднезернистый, плохо сортированный, с зернами крупнозернистого песка и редко – мелкой гальки. Слоистость мелкая, субгоризонтальная, обусловленная чередованием мелко-, средне- и крупнозернистого песка. Песок в верхней части от кровли (0,4 м) коричневатый, неслоистый, представляющий иллювиальный горизонт ископаемой почвы. В 108 – 115 м от северного конца понижения в верхней

части слоя находится ископаемая почва с гумусовым горизонтом черного цвета. Нижняя граница гумусового горизонта неровная, в виде языков-затек до глубины 10 см. По всему профилю почвы прослеживаются норы землероев диаметром 10 – 20 см, проникающие до глубины 2 м. В 50 м от конца понижения на участке протяженностью 2,5 м в 5 см от кровли виден прослой светло-серого мергеля. Верхняя поверхность песка и перекрывающей его почвы расчленена мерзлотными клиньями, выполненными более светлым песком с субвертикально ориентированной полосчатостью. Клинья глубиной до 0,7 м и шириной 0,1 – 0,4 м удалены друг от друга на 1,5 – 2,1 м. Через 8 м встречаются клинья глубиной до 1,5 м. Слои, вмещающие клинья отложений, у контакта с клиньями слабо отжаты вверх. По поверхности песка и мерзлотных клиньев на глубину 5 – 10 см развиты мелкие клинья усыхания, заполненные светло-серым песком. Ширина полигональной решетки между ними до 0,2 м. Граница между слоями 3 и 4 подчеркнута прослоем мелкой гальки толщиной 1 см (галька расположена в один слой и представляет собой, по-видимому, пустынную мостовую, свидетельствующую о дефляции). Слой гальки покрывает только мерзлотные клинья. Над мелкими клиньями гальки нет; часто она находится внутри них. Нижняя граница неровная, резкая. Мощность слоя 0,9 м.

5. Песок серовато-коричневый, плотный, полимиктовый, слабослюдистый, слабглинистый, с прослоями и линзочками, обогащенными плохо сортированным крупнозернистым песком и мелким гравием. Слоистость неравномерная, субгоризонтальная. Верхние 5 – 7 см обогащены мелкой, плохо сортированной галькой кристаллических пород. Верхняя поверхность на глубину 0,6 м (иногда до 1,6 м) разбита мерзлотными клиньями шириной в верхней части до 0,3 м, выполненными более светлым песком с субвертикально ориентированной полосчатостью. Расстояние между ними до 1,7 м. В одном из клиньев шириной 4 см и глубиной до 1,7 м в центральной части видна тонкая (0,5 см) прерывистая жилка светло-серого мергеля. Прослой песка у контакта с клиньями слабо отогнуты вверх. Поверхность слоя и мерзлотных клиньев разбита мелкими клиньями усыхания глубиной 6 см и шириной около 3 см, расположенными на расстоянии 6 – 8 см друг от друга. Эти клинья заполнены светло-серым, преимущественно среднезернистым песком. Местами между слоями 4 и 5 отмечается тонкий прослой мелкой гальки, залегающий между мелкими клиньями и внутри них. Нижняя граница слоя резкая. Мощность 0,47 м.

6. Песок серовато-коричневый, плотный, полимиктовый, слабослюдистый, преимущественно мелкозернистый с прослоями и линзами хорошо промытого крупнозернистого песка толщиной до 3 см. Слоис-

тость неравномерная, субгоризонтальная, линзовидно-горизонтальная, местами прослеживается крупная рябь волнения. Встречаются редкие пятна и субгоризонтальные жилки светло-серого карбоната. Между слоями 5 и 6 местами наблюдается прослой мелкой гальки мощностью до 1 см. Верхняя поверхность расчленена редкими узкими клиньями шириной 5 см, глубиной до 30 см, расположенными на расстоянии до 6 м друг от друга. Слойки песка у контактов с клиньями очень слабо приподняты вверх. Нижняя граница слоя неровная, резкая. Мощность 0,4 м.

7. Песок серовато-коричневый, плотный, полимиктовый, слабослюдистый, преимущественно мелкозернистый с большим количеством тонкозернистого песка, плохо сортированный. В верхней половине слоя песок неслоистый, в нижней – слоистость неотчетливая горизонтально-линзовидная. Верхняя граница слоя расчленена клиньями, выполненными более светлым песком с субвертикально ориентированной полосчатостью. Ширина клиньев 0,9 – 1,5 м, глубина 1,7 м; расстояние между ними 4,3 м. Верхняя часть клиньев выпуклая. Контакт клиньев с осадками четкий, местами вдоль их наружных стенок отмечаются субвертикальные скопления светло-серых карбонатов. Слой песка у контакта с клиньями отчетливо отогнуты вверх. В кровле слоя также присутствуют мелкие клинья, расщепляющие как поверхность слоя, так и выгнутую поверхность крупных мерзлотных клиньев. Их ширина до 3 см, глубина 10 см; расстоянием между клиньями 8 см. Между слоями 6 и 7 имеется прослой мелкой гальки толщиной до 1 см. Галька находится на поверхности между мелкими клиньями и внутри них. Нижняя граница слоя неровная, резкая. Мощность 0,25 м.

8. Песок светло-коричневый, плотный, полимиктовый, слабослюдистый, преимущественно мелкозернистый, плохо сортированный, малоглинистый, неслоистый. Верхняя граница слоя разбита клиньями, выполненными более светлым песком с субвертикально ориентированной полосчатостью. Ширина клиньев до 0,35 м, глубина 0,3 м; расстояние между ними 0,25 м. Верхняя часть клиньев выпуклая. Слои у контактов с клиньями очень слабо приподняты вверх. Клинья резко суживаются книзу. Поверхность слоя и крупных клиньев разбита мелкими клиньями глубиной до 8 см; расстояние между ними 8 см. Слои 7 и 8 разделяет прослой мелкой гальки толщиной до 1 – 2 см, расположенный между мелкими клиньями и внутри них. Мощность 0,26 м.

9. Песок коричневатосерый, плотный, полимиктовый, слабослюдистый, плохо сортированный, преимущественно мелкозернистый, обогащенный мелкой галькой размером до 1 см. В верхней части слоя светло-серый, почти белый карбонатный прослой толщиной до 10 см, смятый в разорванные складки. Ниже карбонатного прослоя располагаются мелкие клинья

усыхания, заполненные светло-серым песком, который сцементирован карбонатом. Ширина клиньев у основания до 0,05 м, глубина до 0,4 м; расстояние между ними 0,3 м. Мощность 0,28 м.

10. Песок неслоистый, коричневый, со слабым красноватым оттенком, очень плотный, полимиктовый, мелкозернистый, алевритистый, с мелкой галькой толщиной до 10 – 15 см, переслаивается с более рыхлым песком серовато-коричневого цвета, полимиктовым, слабослюдистым, алевритистым, преимущественно мелкозернистым, с мелкой горизонтальной неравномерной слоистостью, которая подчеркнута слойками грубозернистого песка или мелкой гальки толщиной 10 – 20 см. Некоторые прослойки местами прерывисто пропитаны карбонатными новообразованиями светло-серого цвета до 1 см толщины. Верхняя граница слоя разбита клиньями, выполненными более светлым песком с субвертикально ориентированной полосчатостью. Ширина клиньев 0,2 м, глубина 0,5 м; расстояние между ними 0,7 м. По поверхности слоя и крупным клиньям развиты мелкие клинья усыхания шириной 5 см и глубиной 10 см, удаленные друг от друга на 8 см. Клинья усыхания оконтурены карбонатами. Нижняя граница резкая, неровная. Мощность 0,8 м.

11. Песок коричневато-серый, рыхлый, полимиктовый, преимущественно мелкозернистый, с неравномерной параллельной слабонаклонной слоистостью. Она подчеркнута слойками и линзочками толщиной до 2 см грубозернистого песка и мелкой гальки. Нижняя граница резкая. Мощность 0,4 – 0,5 м.

12. Песок серовато-коричневый, плотный, полимиктовый, преимущественно мелкозернистый, плохо сортированный, с зернами грубозернистого материала, редко встречается гравий, местами, в верхней части, глинистый, со светло-серыми неправильными пятнами карбонатов до 10 см в поперечнике. В нижней части неотчетливая субгоризонтальная слоистость. Верхняя граница слоя рассечена клиньями с выпуклой верхней частью, выполненными более светлым песком с субвертикально ориентированной полосчатостью. Клинья шириной 0,4 м и глубиной 0,8 м находятся на расстоянии друг от друга 3,3 м. Более крупные клинья шириной 1,5 м и глубиной 1,7 м удалены друг от друга на 8 м. Контакт клиньев с осадками четкий. По наружным стенкам клиньев местами прослеживаются субвертикальные скопления светло-серых карбонатов. Слои песка у контакта с клиньями резко отогнуты вверх. Крупные клинья и поверхность слоя разбиты мелкими клиньями, заполненными светло-серым песком. Ширина клиньев 5 см, глубина 10 см; расстояние между ними 10 – 15 см. Между слоями 11 и 12 тонкий прослой мелкой гальки толщиной 1 см. Он закрывает крупные мерзлотные клинья и не перекрывает мелкие клинья. Мощность 0,3 – 1 м.

13. Песок серовато-коричневый, плотный, полимиктовый, преимущественно мелкозернистый, плохо сортированный, с зернами грубозернистого материала. Слоистость неравномерная, субгоризонтальная, слабонаклонная. Она обусловлена чередованием слойков мелко- и грубозернистого лучше промытого песка. Нижняя граница слоя резкая, неровная. От подошвы песок в интервале 0 – 10 см обогащен мелкой галькой. Встречаются редкие прерывистые прослойки карбонатов в верхней части. Верхняя граница слоя рассечена клиньями с выпуклой верхней частью, выполненными более светлым песком с субвертикально ориентированной полосчатостью. Ширина клиньев у основания 0,5 м, глубина 1,7 м; расстояние между ними 4 м. Контакт клиньев с осадками четкий, местами вдоль их наружных стенок присутствуют субвертикальные скопления светло-серых карбонатов. Слои песка у контакта с клиньями резко отогнуты вверх. Крупные клинья и поверхность слоя разбиты мелкими клиньями, заполненными светло-серым песком. Ширина этих клиньев 5 см, глубина 8 см; расстояние между ними 10 – 15 см. Между слоями 12 и 13 прослой мелкой гальки толщиной до 2 см. Он закрывает крупные мерзлотные клинья и не перекрывает мелкие клинья. Мощность слоя 0,84 м.

14. Песок коричневато-желтый, плотный, полимиктовый, слабослюдистый, мелкозернистый, слабоалевритистый, с неравномерной мелкой параллельной слабонаклонной слоистостью, с линзами и редкими прослоями коричневато-серого хорошо промытого крупно- и среднезернистого песка толщиной 5 – 7 см. Нижняя граница неровная, резкая. Мощность 1,2 м.

15. Суглинок коричневато-серый, плотный, в верхней части песчаный, слабослюдистый, с редкими зернами гравия, с неясной субпараллельной слоистостью. Нижняя граница отчетливая. Мощность 0,5 м.

16. Песок желтовато-коричневый, плотный, глинистый, разнозернистый, плохо сортированный, с субвертикальной плитчатой отдельностью, параллельной стенке обнажения, и редкими кротовинами. Нижняя граница неотчетливая. Мощность 0,5 м.

17. Суглинок темно-коричневый, плотный, легкий, опесчаненный, плохо сортированный, с редкими зернами гравия и мелкой гальки. В верхней его части встречаются черные прослойки и неправильной формы линзочки почти черного гумусированного материала. Они представляют остатки почвы, ниже которой много кротовин до 5 см в поперечнике, заполненных темно-коричневым суглинком. Мощность прослоев 0,5 – 0,7 м.

18. Педокомплекс, имеющий различное строение на северном склоне понижения, в 40 м от северного края понижения состоит из двух почв мощностью 0,45 м. Гумусовый горизонт верхней почвы представлен черным опесчаненным суглинком, смятым в очень пологие неправильные складки толщиной до 5 см.

Почвы разделены легким темным коричневато-серым суглинком мощностью до 0,15 м. Нижняя почва имеет гумусовый горизонт толщиной до 0,2 м почти черного цвета, легкосуглинистого состава. Ее основание неотчетливое, с мелкими до 5 см языками-затеками. Верхняя граница неровная, с редкими мелкими клиньями, проникающими на глубину до 0,25 м. В центральной части понижения, в 100 м от его северного края педокомплекс образован тремя темными, серовато-коричневыми, иногда почти черными гумусированными горизонтами опесчаненного суглинка мощностью 15, 12 и 7 см, разделенными серовато-коричневыми горизонтами более опесчаненного суглинка толщиной 35 и 10 см соответственно. Все гумусовые горизонты включают редкую гальку и гравий. В слое много нор землероев диаметром 5 – 8 см, проникающих до глубины 1,6 м. Мощность 0,8 м.

19. Суглинок лессовидный, коричневато-серый, плотный, легкий, более глинистый в верхней части, плохо сортированный, с редкой мелкой галькой и гравием, слабослюдястый. Нижняя граница отчетливая. Мощность 0,5 – 0,8 м.

20. Песок желтовато-серый, полимиктовый, мелкозернистый, слабослюдястый, слабоалевритистый, с редкой мелкой галькой, с мелкими желтовато-коричневыми пятнами гидроокислов железа. Нижняя граница неровная, резкая. Мощность 0,4 м.

21. Песок зеленовато-серый, мелкозернистый, преимущественно кварцевый, хорошо окатанный, хорошо сортированный. Мощность до 0,2 м.

22. Глина серая, плотная, комковатая, песчанистая, с марганцево-железистыми дробовинами. Мощность 0,1 – 0,3 м.

23. Песчаник светло-серый, преимущественно мелкозернистый, полимиктовый, сильнокарбонатный, плохо сортированный, с редкой галькой. Мощность 0,04 – 0,05 м.

24. Галечник серый, плохо сортированный, состоящий из гальки различных размеров и разной степени окатанности. Многие гальки имеют светло-серую карбонатную корку и матовый блеск. Местами встречаются ветрогранники. Мощность галечника 0,04 – 0,08 м.

Слои 21 – 24 сильно криотурбированы, смяты в разорванные, часто сильно изогнутые складки. Мощность криотурбированного слоя составляет от 0,6 до 0,9 м благодаря захвату в криотурбации слоя 25. Верхняя поверхность криотурбированного слоя разбита мерзлотными клиньями шириной у основания 0,9 м, глубиной до 0,9 м, удаленными друг от друга на 4,8 м. Клинья заполнены желтовато-серым полимиктовым, плохо сортированным, преимущественно среднезернистым песком с субвертикально ориентированной полосчатостью. Контакт клиньев с осадками четкий, местами вдоль их наружных стенок присутствуют субвертикальные скопления светло-серых карбонатов.

25. Песок серый, разнозернистый, полимиктовый, с зернами гравия, хорошо промытый, косослоистый. В верхней части криотурбирован вместе со слоями 21 – 24 на глубину до 0,3 м. Видимая мощность 0,4 м.

Нижняя часть обнажения закрыта отложениями поймы Иртыша, высота которой до уреза воды (абсолютная высота 127,5 м) составляет около 1,5 м.

Радиоуглеродные даты

Имеющиеся в разрезе ископаемые почвы были датированы на радиоуглеродной установке в Институте геологии СО РАН. Радиоуглеродная лаборатория систематически занимается определением дат, показывающих степень воспроизводимости результатов в других аналитических лабораториях, которые располагают, как правило, иной аппаратурой и проводят эксперимент по той же или совершенно иной методике. В 1998 – 2000 гг. этой и Гронингенской радиоуглеродной лабораторией (Нидерланды) определялся возраст 36 проб органических остатков для Куртаковского археологического района. Получена удовлетворительная сходимость радиоуглеродных дат обеих лабораторий [Дроздов и др., 1999; Haesaerts et al., 2000].

При подготовке почвенного материала для радиоуглеродного датирования была использована методика О.А. Чичаговой и А.Е. Черкинского [1975]. Определение ^{14}C возраста выполнено по сумме фракций гуминовых кислот. Первая дата, определенная в 1989 г., была получена по образцу, отобранному из слоя 18 в 40 м от северного края понижения, из почти черного гумусового горизонта нижней почвы. Она показала возраст $32\ 500 \pm 515$ лет (СОАН-2867). В 1998 г. по образцам из этого же слоя (центральная часть понижения, 100 м от его северного края) из трех гумусовых горизонтов получены три последовательные даты. Верхний гумусовый горизонт датирован – $28\ 240 \pm 970$ лет (СОАН-3890). Возраст среднего гумусового горизонта составил $29\ 760 \pm 1\ 115$ лет (СОАН-3889), нижнего гумусового горизонта – $31\ 710 \pm 1\ 085$ лет (СОАН-3888). Образец, отобранный в 1998 г. в 115 м от северного конца понижения из гумусового горизонта слоя 4, показал возраст $16\ 210 \pm 850$ лет (СОАН-3891).

Строение разреза и его литологические особенности

Четвертичные отложения, выполняющие озерную котловину, залегают с длительным денудационным перерывом на хорошо промытых серых косослоистых горизонтально залегающих разнозернистых речных песках (слой 25), относящихся к иртышской свите верхнего плиоцена [Зыкин, Зажигин, Казанский, 1991]. В разрезе они представлены озерно-субаэралью толщиной мощностью 12,95 м, состоящей из двух

Рис. 4. Ветрогранники из основания озерных отложений котловины оз. Аксор.

Рис. 5. Растрескавшийся валун с пустынным загаром и карбонатной корой из основания озерных отложений котловины оз. Аксор. Фото А.А. Прокопенко.

пачек, резко отличных по составу и строению. К нижней пачке относятся слои 15 – 24 разреза, верхняя пачка состоит из слоев 2 – 14. Между ними наблюдается резкая граница, соответствующая незначительному перерыву в осадконакоплении.

К подошве четвертичных отложений и, следовательно, к основанию нижней пачки приурочена пустынная мостовая, хорошо прослеживаемая на участке протяженностью более 24 км между поселками Лебяжье и Подпуск. Она приурочена к денудационной поверхности, дну и склонам котловины, выработанным в речных плиоценовых отложениях на глубину более 70 м относительно междуречной равнины и на 27 м ниже меженного уровня современного Иртыша. Пустынная мостовая сложена плохо сортированным галечником мощностью до 0,1 м. В нем встречаются ветрогранники, крупная галька и мелкие валуны с пустынным загаром. Ветрогранники состоят из кремнистых пород и кварца, на многих присутствует отчетливая ячеистая скульптура (рис. 4). Иногда в слое присутствуют ветрогранники, валуны и крупная галька, растрескавшиеся на несколько частей (рис. 5) [Зыкин, Зыкина, Орло-

ва, 2000]. Выше распространена карбонатная кора толщиной до 8 см. Карбонаты пропитывают и нижележащий слой и образуют на многих гальках, валунах и ветрогранниках карбонатную корку. Наличие в переуглубленной котловине пустынной мостовой, ветрогранников, а также пустынный загар на поверхности ветрогранников, валунов и галек свидетельствуют о ее дефляционном происхождении и развитии в это время дефляционной пустыни. Время создания котловины и развития в ней пустынной дефляционной обстановки определить достаточно трудно. Не совсем ясно, при каких температурных условиях формировалась карбонатная кора. Чаще всего она фиксируется в областях с засушливым климатом с чередующимися сухими и дождливыми сезонами [Градзинский и др., 1980] и в районах с жарким климатом [Bretz, Horberg, 1949]. Присутствие карбонатных корок и жилок в верхней пачке разреза, формировавшейся в холодных климатических условиях, указывает на возможность развития карбонатных образований и в холодном сухом климате. Исходя из наличия над пустынной мостовой и карбонатной корой хорошо датированных верхнекаргинских отложений, а также учитывая отсутствие значительного перерыва в осадконакоплении между ними, временем распространения пустынных условий в Павлодарском Прииртышье можно считать ермаковскую ледниковую эпоху [Архипов, 1997] или 4-ю морскую изотопно-кислородную стадию.

Распространенные выше карбонатной коры мелководные озерные отложения видимой мощностью 0,5 м, сложенные серой глиной и зеленовато-серым мелкозернистым песком, формировались, по-видимому, в относительно теплых условиях, возможно, в раннекаргинское время. Они вместе с залегающими ниже карбонатной корой, галечником и ветрогранниками были смяты в разорванные, часто сильно изогнутые складки в результате криотурбации, а затем разбиты мерзлотными трещинами, образующими полигоны. Это событие может соответствовать внутрикаргинскому похолоданию.

На поверхности, подвергшейся мерзлотным деформациям, лежат преимущественно коричневатосерые суглинки и глинистые пески, включающие ископаемые почвы. Судя по составу, цвету и текстурным особенностям, суглинки и пески накапливались в мелководном озерном водоеме, в котором были широко распространены водные растения. Почвы образовывались в субаэральных условиях при осушении водоема. По гумусу почв получена серия радиоуглеродных дат – 28 – 32 тыс. лет. С учетом полученных определений формирование этой части разреза можно связывать с позднекаргинским временем (по Н.В. Кинд [1974]) или с заключительным этапом 3-й морской изотопно-кислородной стадии. В морской изотопно-кислородной стратиграфии границы 4-й морской изотопной стадии соответствуют 75 и 59 тыс. лет, а 3-й морской изотопно-кислородной стадии – 59 – 24 тыс. лет [Martinson et al., 1987].

Верхняя пачка мощностью 9,15 м (слои 2 – 14) залегает на каргинских отложениях с незначительным денудационным перерывом. Она представлена преимущественно мелкозернистыми слюдистыми песками с отчетливой субгоризонтальной и мелколинзовидной слоистостью и местами со слоистостью ряби волнения. Плохая сортировка и слоистость свидетельствуют от том, что пески формировались в прибрежной части неглубокого озера, возможно мелководного залива, где теплоизолирующее влияние толщи воды существенно не сказывалось на мерзлотных процессах. Верхняя пачка имеет отчетливое циклическое строение, отражающее смену субаэрального и субаквального режима осадконакопления. Циклы осадконакопления почти равномерны по мощности. Они начинаются озерными осадками, залегающими со слабыми денудационными перерывами на осадках предыдущих циклов. Во время перерывов происходила кратковременная дефляция и формировались тонкие слойки гравия и мелкой гальки с матовой поверхностью пустынного загара. В верхних частях циклов песок обычно неслоистый и более плотный, что свидетельствует о его выветривании в субаэральных условиях. Иногда в верхних частях песчаных циклов находятся тонкие карбонатные корочки, образовавшиеся при подтягивании карбонатов к субаэральным поверхностям. Озерные пески верхней пачки разделены 11 субаэральными поверхностями, на восьми из которых развиты полигонально-жильные образования. Часто на субаэральных поверхностях, в т.ч. на верхних поверхностях полигонально-жильных образований, развиты мелкие полигональные трещины. Верхний горизонт полигонально-жильных образований разбивает каштановую ископаемую почву (слой 4), для которой имеется радиоуглеродная дата – $16\,210 \pm 850$ лет. Отчетливые цветовые и структурные переходы в разрезе от нижней пачки к верхней отражают резкие из-

менения условий осадконакопления. Строение верхней пачки, наличие в ней полигонально-жильных структур, залегание на верхнекаргинских отложениях и радиоуглеродная дата для верхней почвы позволяют отнести ее образование к сартанскому времени или ко 2-й морской изотопно-кислородной стадии. Возраст основного климатического рубежа на границе каргинского времени с сартанским оледенением в Западной Сибири точно не установлен. По мнению Н.В. Кинд [1974], он падает на интервал от 25 – 24 тыс. л. н. (наиболее молодые даты для позднекаргинских отложений) до 21 тыс. лет, а с точки зрения С.А. Архипова [1997] – на период 23 – 22 тыс. л. н. Граница 2-й и 3-й морских изотопно-кислородных стадий проходит на уровне 24 тыс. л. н. [Martinson et al., 1987].

Ископаемые почвы

Ископаемые почвы распространены в верхней и нижней частях описанного разреза. Верхняя ископаемая почва, дата которой $16\,210 \pm 85$ л.н., завершает формирование слоя 4 в разрезе. Дата позволяет считать почву сформировавшейся в позднеледниковье. В профиле почвы выделяются следующие горизонты: гумусовый (А), переходный гумусовый (АВ), иллювиальный (В₁).

Горизонт А (0 – 0,2 м) – суглинок легкий, опесчаненный, черный с коричневым оттенком, некарбонатный, уплотненный, встречается мелкая галька, много нор землероев, заполненных песком из нижележащего горизонта. Переход в следующий горизонт заметен по цвету.

Горизонт АВ (0,2 – 0,35 м) – суглинок темно-коричневый, легкий, опесчаненный, некарбонатный, слабоуплотненный, содержит мелкую гальку и грубый песок, много нор землероев, местами отмечается очень слабое вскипание от соляной кислоты. Переход в следующий горизонт заметен по плотности и цвету.

Горизонт В₁ (0,35 – 0,5 м) – суглинок легкий, коричнево-красный, очень опесчаненный, плотный, содержит мелкую гальку, почти некарбонатный, норы землероев диаметром от 5 до 10 см заполнены темной супесью. Переход в следующий горизонт заметен по цвету.

Профиль почвы укорочен и слабо развит, что свидетельствует о его формировании в течение кратковременного интерстадиала. Эту почву можно считать аналогом позднеледниковой суминской почвы в Западной Сибири [Зыкина, Волков, Дергачева, 1981; Zykina, 1999]. По механическому составу она относится к суглинкам легким, опесчаненным. В распределении основных элементов по профилю отмечается накопление в иллювиальном горизонте илистой фракции, полуторных окислов железа и алюминия, связанное, скорее всего, с солонцовым процессом. По данным микроморфологии, гумусовый горизонт

имеет глинистую плазму, содержащую тонкодисперсный темно-бурый и бурый гумус. Он представлен бурыми высокодисперсными формами, равномерно распределенными в плазме. Основная масса хорошо агрегирована в микроагрегаты первого и второго порядка округлой формы. В горизонте встречаются биогенные агрегаты – экскременты дождевых червей. В гумусовом (А1) и иллювиальном (В₁) горизонтах отмечаются признаки подвижности глины (струйчатые формы ориентированной глины в плазменном материале и кутаны на поверхности агрегатов и кварцевых зерен), что можно объяснить процессом осолонцевания.

Характер строения, физико-химические свойства почвы, микростроение горизонтов свидетельствуют о сходстве ее с современными темно-каштановыми почвами сухой степи. В почвах этой зоны в условиях очень аридного климата существенно ослабляется гумусово-аккумулятивный процесс. В составе гумуса увеличивается роль фульвокислот, что в значительной степени обуславливает окраску профилей. Отношение $C_{гк} : C_{фк}$ в гумусовом горизонте изученной почвы равно 0,95. Среди ведущих элементарных почвообразовательных процессов (ЭПП) для этой почвы можно выделить поверхностное и внутрипочвенное поступление растительных остатков, осолонцевание, среди сопряженных ЭПП – миграцию гумуса, оструктурирование почвенной массы [Ильичев, 1992]. Почва сформировалась в условиях, близких к современным, но из-за кратковременности ее развития не достигла зрелости профиля современных темно-каштановых почв, развитых на этой территории.

Ископаемые почвы слоя 18 в разрезе изучены по северному склону котловины в двух расчистках. Возрастной интервал радиоуглеродных дат (28 – 32 тыс. л.н.), полученных по сумме фракций гуминовых кислот из гумусовых горизонтов ископаемых почв в разных расчистках, лежит в пределах позднекаргинского времени.

В первой расчистке, находящейся в 40 м от северного края понижения, вскрыт комплекс из двух почв. Профиль верхней почвы по мощности меньше нижней в 2 раза, он состоит из двух генетических горизонтов. Гумусовый горизонт (А) – суглинок опесчаненный черного цвета в виде пологих гумусированных складок мощностью до 5 см, разбросанных в интервале 20 см. Гумусово-иллювиальный горизонт (АВ) – суглинок легкий, коричневато-серый, карбонатный, мощностью 15 см, содержит норы землероев.

Нижняя ископаемая почва по сравнению с верхней имеет лучше развитый профиль и больше по мощности, включает гумусовый (А), переходный (АВ) и иллювиальный (В) горизонты.

Горизонт А (0,35 – 0,55 м) – суглинок черного цвета со слабым коричневатым оттенком, легкий, опесча-

ненный, некарбонатный, уплотненный. В кровле и основании горизонта отмечены норы (5 – 10 см) землероев. Верхняя граница горизонта неровная, редко расчленена трещинами усыхания, замаскирована норами землероев. Нижняя граница в виде редких узких гумусированных затеков, чаще волнистая, закругленная. Переход в другой горизонт заметен по цвету.

Горизонт АВ (0,55 – 0,70 м) – супесчаный, коричневатый с черным оттенком, некарбонатный, отмечается мелкая галька, присутствуют норы землероев, заполненные песком или суглинком с вкраплениями. Переход в другой горизонт заметен по утяжелению механического состава.

Горизонт В (0,70 – 0,85 м) – суглинок опесчаненный, коричневый, с редко встречающимися мелкими пятнышками карбонатов, плотный, его пересекают редкие узкие гумусированные затеки, отмечается галька размером до 2 см, присутствуют норы землероев. Переход в другой горизонт заметен по цвету и механическому составу.

Характер строения профилей обеих почв, черный цвет органических горизонтов и формы новообразований позволяют говорить о черноземовидных почвах степной зоны. Гумусовые горизонты почв практически не содержат растительных остатков, что свидетельствует о благоприятных условиях трансформации органического вещества и активном гумусообразовании. Их микростроение подтверждает хорошую агрегированность (агрегаты первого – третьего порядка), скоагулированное органическое вещество образует агрегаты первого порядка. В иллювиальном горизонте нижней почвы отмечается некоторое накопление илстой фракции (< 0,001 мм) и полутонных окислов железа и алюминия. Микропризнаки показывают перемещение и отложение тонкодисперсных частиц по порам, краям агрегатов и кварцевых зерен. Их наличие в нижней почве, возможно, связано с солонцовым процессом либо с большей влажностью. Ведущими ЭПП для верхней почвы следует считать иллювиально-карбонатный, гумусонакопление, а в нижней – дополнительно лессиваж.

В 100 м от северного края понижения (центральная его часть) присутствует комплекс из трех почв, имеющих слаборазвитые профили, в которых выделяются горизонты А и ВС. Радиоуглеродные даты (28 240 ± 970 лет (СОАН-3890) – верхняя почва, 29 760 ± 1 115 лет (СОАН-3889) – средняя почва, 31 710 ± 1 085 лет (СОАН-3888) – нижняя почва), полученные по сумме фракций гуминовых кислот, свидетельствуют о позднекаргинском возрасте гумусовых горизонтов всех трех ископаемых почв.

Гумусовый горизонт верхней почвы – А (0,0 – 0,15 м) – представлен супесью темно-серого цвета, иногда черного с коричневатым оттенком, слабоуплотненной, карбонатные новообразования отсутствуют,

встречаются норы землероев диаметром до 5 см, заполненные суглинком. Верхняя граница горизонта неровная, волнистая, а нижняя – в виде гумусированных языков-затеков шириной и глубиной 5 – 15 см. Переход в другой горизонт замечен по цвету и механическому составу.

Горизонт ВС (0,15 – 0,50 м) – супесь темно-серо-коричневая за счет прокраски органическим веществом из гумусового горизонта, более опесчаненный, чем предыдущий, к основанию переходит в песок коричневого цвета, карбонаты отсутствуют, встречается мелкая (до 0,5 см) окатанная галька и редкие норы землероев. Переход к другому горизонту замечен по цвету.

Гумусовый горизонт средней почвы – А (0,50 – 0,62 м) – супесь темно-серо-коричневая, уплотненная, некарбонатная, некоторое оглинение наблюдается в основании горизонта, встречаются мелкая щебенка и галька. Верхняя граница горизонта в виде мелких трещинок, нижняя – в виде гумусированных язычков-затеков и карманов небольших размеров.

Горизонт ВС (0,62 – 0,72 м) – супесь коричневатожелтая, более оглиненная, чем вышележащая, некарбонатная, присутствуют мелкая галька и щебенка. Переход к другому горизонту нечеткий по цвету.

Гумусовый горизонт нижней почвы – А (0,72 – 0,79 м) – супесь серая с коричневатым оттенком, иногда в виде темно-серых пятен, некарбонатная. Верхняя граница нечеткая, в виде мелких трещинок и язычков, нижняя – неясная, волнистая; присутствуют мелкие щебенки и галька.

Горизонт ВС (0,79 м – видимая мощность 20 см) – супесь коричневатожелтая, уплотненная, некарбонатная; встречаются крупнозернистый песок, мелкие гальки и щебенки.

Мощность верхней ископаемой почвы в 2 раза больше, чем нижележащих почв. Гумусовые горизонты также различаются между собой: верхний – самый яркий по цвету и большой по мощности, с четкими верхней и нижней границами, средний и нижний – самый невыразительный. Все три почвы практически не имеют карбонатных новообразований, что обусловлено, скорее всего, легким механическим составом почв, определяющим вымывание карбонатов на значительную глубину. Основные компоненты валового состава, как и фракции механического состава, не обнаруживают существенных различий в распределении по профилям почв. Гумусовые горизонты почв, согласно данным микростроения, состоят из простых агрегатов округлой формы не сложнее второго порядка, а в верхней – до третьего. Агрегаты первого порядка представлены скоагулированным органическим веществом, что очень характерно для почв черноземного ряда. Соотношения основных компонентов гумуса в аккумулятивных горизонтах почв свидетельствуют о его гуматном составе, кото-

рый соответствует почвам лесостепной и степной зон. Все три изученные почвы можно отнести к типу слабообразованных черноземовидных.

Таким образом, в разрезе присутствуют почвы двух теплых интервалов позднего неоплейстоцена (внутрисарганского и позднекаргинского). Верхняя почва, сходная с темно-каштановыми, сформировалась в условиях сухой степи. Ее возраст $16\,210 \pm 850$ лет (СОАН-3891), близок к возрасту суминской почвы Западной Сибири [Зыкина, Волков, Дергачева, 1981; Zykina, 1999]. Почвы нижнего педокомплекса, согласно строению профилей и комплекса их физико-химических свойств, соответствуют типу черноземовидных слабообразованных, развивавшихся в условиях степи. На основании радиоуглеродных дат и особенностей строения профилей они хорошо сопоставляются с верхней почвой искитимского педокомплекса Западной Сибири [Там же; Зыкин, Зыкина, Орлова, 2000]. Все изученные ископаемые почвы сформировались в условиях, близких к современным, но судя по строению профилей, за более короткое время, чем современные почвы. Сравнительный анализ строения профилей всех изученных ископаемых почв, микростроения горизонтов, состава органического вещества и их основных физико-химических свойств показал, что климат в позднекаргинское время был несколько влажнее, чем в позднеледниковье.

Криогенные образования

В разрезе широко распространены криогенные образования, относящиеся к криотурбациям и полигонально-жильным структурам.

Горизонт криотурбаций, представленный в нижней части разреза четвертичных отложений, отчетливо прослеживается на участке протяженностью 24 км между поселками Лебяжье и Подпуск. Он приурочен к поверхности пологого склона, разделяющей плиоценовые и четвертичные отложения. Абсолютная высота его залегания у пос. Лебяжье – 127,9 м, у пос. Подпуск – 165 м. Криотурбации представляют собой горизонт мощностью 0,6 – 0,9 м сильно изогнутых, смятых в часто разорванные складки в результате солифлюкции слоев 21 – 24 разреза четвертичных образований и верхней части плиоценовых отложений до глубины 0,3 м. Ниже горизонта криотурбаций плиоценовые пески (слой 25) на глубине 0,5 – 1 м имеют зеленоватый оттенок.

Обычно криотурбации рассматриваются как следы существования многолетнемерзлых пород и соответствуют сезоннопротаивающему слою [Данилова, Баулин, 1973]. В данном разрезе наличие их подтверждается полигональными первично-песчаными жилами, секущими горизонт криотурбаций. По мнению Н.С. Даниловой и В.В. Баулина [1973], переме-

щение грунта, наблюдаемое в инволюциях, возникает в период промерзания обводненного сезоннопротаивающего слоя. Образование криотурбаций на песчаных отложениях, которые легко водопроницаемы в немерзлом состоянии, возможно только в случае, если ниже этого горизонта находятся многолетнемерзлые породы. Сохранение обводненного слоя обусловлено наличием водоупора из многолетнемерзлых песков только при низких летних температурах. Мощность горизонта криотурбаций в описываемом разрезе, составляющая 0,6 – 0,9 м, близка глубине протаивания связных пород в арктической геокриологической зоне [Каплина, 1965].

Процесс формирования криотурбационных тектур предполагает достаточную степень увлажнения грунта [Owen et al., 1998] и, следовательно, определенное годовое количество осадков. Предельная минимальная величина выпадающих осадков, ниже которой возможность течения грунтов резко падает, составляет 200 мм [Там же].

Полигонально-жилые структуры распространены в нижней части нижней и в верхней пачке. Они носят отчетливый эпигенетический характер. Клинья заполнены песком, имеют отчетливую субвертикальную полосчатость, созданную элементарными песчаными жилами различного цвета, в большинстве случаев слои вмещающих их отложений изогнуты вверх, причем наибольшая изогнутость вверх наблюдается в верхних частях жил. Часто они имеют выпуклую верхнюю часть. Над жилами и слоями, подвергшимся растрескиванию, прослеживаются тонкие горизонты гравия и мелкой гальки с матовой поверхностью, представляющие собой пустынные мостовые. Последние образовались в результате селективного выдувания мелкого материала. Состав, морфологические особенности и размеры позволяют относить полигонально-жилые структуры разреза к первично-песчаным жилам [Романовский, 1972, 1977]. Они образуются в результате многократного повторяющегося процесса заполнения морозобойных трещин золовым песком в резко континентальном климате. Современные первично-песчаные жилы изучены только в условиях полярных, резко и, особенно подробно, резко континентальных типов сезонно-талых слоев в грубообломочных отложениях различного генезиса [Péwé, 1959; Berg, Black, 1966; Pissart, 1968; Black, 1973; Романовский, 1977; и др.]. В плейстоцене они широко распространены в Центральной и Северной Европе у края ледниковых щитов [Goździk, 1973]. Для территории их формирования характерны весьма малоснежные зимы с сильными ветрами и интенсивными золовыми процессами. По данным Н.Н. Романовского [1977], среднегодовые температуры пород, при которых образуются первично песчаные жилы в песчано-гравийных отложениях, должны быть

очень низкими, видимо, ниже $-10\text{ }^{\circ}\text{C}$. По мнению Р.С. Бредли [Bradley, 1994] и Дж. Карте [Karte, 1983], среднегодовые температуры воздуха времени формирования полигональных песчаных клиньев составляют меньше $-12 \dots -20\text{ }^{\circ}\text{C}$, а среднегодовая сумма осадков менее 100 мм. Выпуклые верхние части первично-песчаных жил свидетельствуют о том, что процессы дефляции происходили в холодных условиях, когда жилы находились в мерзлом состоянии, и что сила ветра усиливалась к концу их формирования.

Реконструкции климата и природной среды

Комплексные детальные исследования четвертичных отложений, условия залегания в замкнутой котловине оз. Аксор, а также радиоуглеродное датирование позволили восстановить особенности их формирования, последовательность осадконакопления и реконструировать изменения природной среды и климата в регионе во время накопления.

Образование замкнутой котловины связано с резко усилившейся аридизацией климата, усилением силы ветра и развитием в этом регионе дефляционной пустыни во время 4-й морской изотопно-кислородной стадии в интервале 74 – 59 тыс. л.н. Размеры котловины говорят об огромном количестве рыхлого материала, вынесенного ветром за ее пределы. С развитием процессов опустынивания связано и формирование обширной денудационной поверхности, развитой в Павлодарском Прииртышье и за его пределами. Во время развития дефляционной котловины на ее дне происходило образование пустынной мостовой, ветрогранников, карбонатной коры и пустынного загара на обломках коренных пород. В результате резких перепадов дневных и ночных температур многие ветрогранники, мелкие валуны и крупные гальки растрескались (см. рис. 5).

Дефляционные пустыни с ветрогранниками и пустынным загаром на каменном материале образовывались как в жарком аридном климате [Glennie, 1970], так и в холодном аридном климате во время оледенений [Колпаков, 1970, 1973, 1979, 1983; Лунгерсгаузен, 1961; Медянцеv, 1962; Флинт, 1963]. Пустынный загар отмечается в настоящее время и в полярных странах [Гладцин, 1936]. А.П. Тутковский [1899, 1910] считал, что появление и расцвет четвертичных пустынь повсеместно сопровождали фазу отступления ледникового покрова или совпадали с послеледниковыми фазами, т.е. пустыни были приурочены к началу межледниковий и интерстадиалов. Как показывают последние данные, полученные по кернам льда из Антарктиды [Petit et al., 1990, 1999] и Гренландии [Alley, 2000; Alley et al., 1995; Biscaye et al., 1997], увеличение количества пыли в атмосфере, связанное

с увеличением силы ветра, развитием пустынь и выносом из них продуктов дефляции, происходило в эпохи оледенений. По данным У. Брекера [Broecker, 2000], количество пыли в атмосфере во время оледенений было в 30 раз больше, чем во время межледниковий. Некоторыми исследователями [Moreno et al., 2001] приводятся данные, согласно которым увеличение силы ветра и количества пыли в атмосфере происходило в терминации.

В последующее, раннекаргинское, время в дефляционной котловине накапливались мелководные озерные осадки. В период внутрикаргинского похолодания в относительно влажных условиях они были криотурбированы, а затем при усилении аридизации и похолодания климата на них были развиты полигональные первично-песчаные жилы, которые, по-видимому, были частично дефлированы.

В позднекаргинское относительное потепление климата в замкнутой котловине при некотором увлажнении климата существовал мелководный, сильно зарастающий озерный водоем. Его уровень значительно колебался. Во время его понижения на озерных осадках формировались черноземовидные почвы, отражающие степные ландшафты. Смена субаквального режима осадконакопления субаэральным была связана с изменением увлажненности климата.

Выявленные в разрезе нижней пачки (слои 15–24) озерной котловины существенные изменения в осадконакоплении отражают резкие климатические изменения в Павлодарском Прииртышье. Они соответствуют 4-й и 3-й морским изотопно-кислородным стадиям и отвечают эпизодам быстрых климатических осцилляций в Северной Атлантике [Bond et al., 1993; Dansgaard et al., 1993]. Эти резкие колебания также отчетливо фиксируются в палинологических последовательностях в Европе [De Beaulieu, Reille, 1984; Guiot et al., 1989; Woillard, Mook, 1982].

Формирование верхней пачки происходило с 24 тыс. л.н. в обстановке, резко отличной от условий образования нижней пачки разреза во время последнего сартанского оледенения. Наблюдаемое в разрезе отчетливое циклическое чередование озерных песков, полигональных первично-песчаных жил и горизонтов пустынного выветривания и селективного выдувания отражает резкие изменения температуры и увлажнения климата (рис. 6). Фазы криогенеза происходили в условиях сильного холода, во время которых температура опускалась до $-12 \dots -20 \text{ }^\circ\text{C}$, а среднегодовая сумма осадков была менее 100 мм. Зимы были малоснежные, с сильными ветрами. Из котловины в это время выносилось большое количество рыхлого материала. Отклонение среднегодовой температуры в период фаз криогенеза от современных значений составляло $13 - 21 \text{ }^\circ\text{C}$, что хорошо согласуется с результатами палеоклиматического моделирования [Kutzbach et al.,

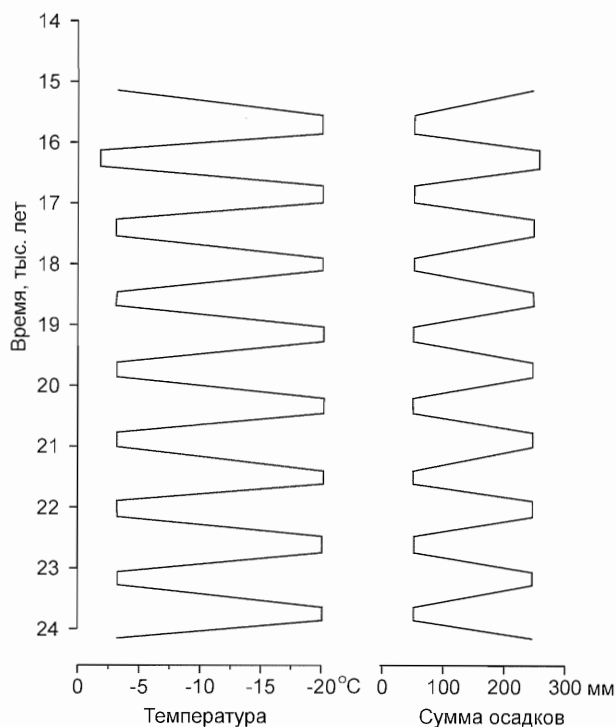

Рис. 6. Изменение температуры и годовой суммы осадков в сартанское время по данным из отложений оз. Аксор.

1998], дающего для этих широт на уровне 21 тыс. лет среднегодовые температуры на $10 - 15 \text{ }^\circ\text{C}$ ниже современных. Данные термометрии скважины, пробуренной во льдах Гренландии на станции Саммит [Cuffey, Clow, 1997], указывают, что в течение ледникового времени температура воздуха в среднем была на $15 \text{ }^\circ\text{C}$, а в периоды сильного похолодания на $18 - 20 \text{ }^\circ\text{C}$ ниже, чем сейчас.

Во время формирования озерных песков увлажнение территории увеличивалось, а полигонально-жилые структуры не формировались. Учитывая холодный температурный режим сартанской эпохи [Архипов, Волкова, 1994], можно допустить, что озерные осадки без мерзлотных структур образовывались близ южной границы криолитозоны, где среднегодовые температуры воздуха в настоящее время близки $-3 \text{ }^\circ\text{C}$ [Дучков и др., 1995]. Горизонты пустынного выветривания с карбонатными образованиями, развитые на поверхностях озерных осадков и первично-песчаных жил, по-видимому, формировались в сухих умеренно-холодных условиях. Хорошая сохранность мерзлотных структур, при которой сохранялись выпуклые части первично-песчаных жил, свидетельствует о достаточно быстрых сменах условий осадконакопления в замкнутой котловине.

В разрезе выделяется не менее восьми эпох кратковременных умеренно холодных и влажных условий.

В это время происходили деградация мерзлоты, сопровождаемая вытравиванием первично-песчаных жил, и трансгрессия озера. В течение восьми эпох сильных похолоданий и аридизации климата озерный водоем осушался, его дно промерзало, образовывались первично-песчаные жилы и происходила дефляция. Различия в температуре интервалов сильного и умеренного холода составляли от 9 до 17 °С.

При определении продолжительности быстро сменяющихся эпох похолоданий и относительных потеплений климата возникает некоторая неопределенность из-за неточного возраста нижней границы сартанской эпохи. Принимая за нижний рубеж сартанской эпохи уровень 25 – 24 тыс. л.н. [Кинд, 1974] и радиоуглеродную дату для верхней почвы (слой 4) в 16 210 ± ± 850 лет, а также исходя из наличия в этом интервале семи эпох резких потеплений и похолоданий климата, можно заключить, что продолжительность наблюдаемых в разрезе циклов составляла ок. 1 100 – 1 300 лет. С учетом синхронности крупных эпох похолоданий и потеплений [Broecker, 2000], по крайней мере в течение последних 500 тыс. лет, радиоуглеродные даты для Западной Сибири следует считать омоложенными и принимать границу карги и сартана, согласно глобальной хронологии [Martinson et al., 1987], на уровне 28 тыс. лет. При проведении границы 2-й и 3-й изотопно-кислородных стадий на уровне 28 тыс. лет [Bond et al., 1993] длительность климатических циклов увеличивается до 1 600 – 1 700 лет. Таким образом, выявленная в разрезе продолжительность циклических климатических изменений соответствует тысячелетней продолжительности событий резких изменений температуры, установленных впервые во льдах Гренландии и осадках Северной Атлантики [Ibid; Dansgaard et al., 1993]. О совпадении этих событий также свидетельствуют данные о значительном возрастании пыли в атмосфере Северной Атлантики во время периодов сильного холода [Broecker, 2000] и резком увеличении дефляции в Павлодарском Прииртышье в период формирования полигональных первично-песчаных структур.

Самая поздняя озерная трансгрессия, осадки которой залегают выше последней датированной почвы, по видимому, соответствует времени последней дегляциации, начало которой зафиксировано в изотопно-кислородной записи осадков центральной части Арктического океана на уровне 15 700 л.н. [Stein et al., 1994].

Заключение

Детальные комплексные исследования верхнечетвертичных отложений, залегающих в замкнутой котловине оз. Аксор, позволили установить их строение, основные закономерности формирования, получить радиоуглеродные даты и провести реконструкцию при-

родной среды и климата времени их аккумуляции. Установлено, что наблюдаемое в разрезе отчетливое циклическое чередование озерных песков, полигональных первично-песчаных жил и горизонтов пустынного выветривания и селективного выдувания отражает резкие изменения температуры и увлажнения климата тысячелетней продолжительности. Фазы криогенеза проявлялись в условиях сильного холода при температуре –12 ... –20 °С (отклонение среднегодовой температуры относительно современных значений достигало 13 – 21 °С) и среднегодовой сумме осадков менее 100 мм. Малоснежные зимы с сильными ветрами способствовали выносу большого количества рыхлого материала. Прибрежные озерные осадки без мерзлотных структур образовывались близ южной границы криолитозоны, где среднегодовые температуры воздуха в настоящее время близки –3 °С. Горизонты пустынного выветривания с карбонатными новообразованиями, развитые на поверхностях озерных осадков и первично-песчаных жил, по видимому, формировались в сухих умеренно-холодных условиях. Различия в температуре интервалов сильного и умеренного холода составляли 9 – 17 °С.

Список литературы

- Архипов С.А. Четвертичный период в Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1971. – 329 с.
- Архипов С.А. Хронология геологических событий позднего плейстоцена Западной Сибири // Геология и геофизика. – 1997. – Т. 38, № 12. – С. 1863 – 1884.
- Архипов А.С., Волкова В.С. Геологическая история, ландшафты и климаты плейстоцена Западной Сибири. – Новосибирск: НИЦ ОИГГМ СО РАН, 1994. – 105 с.
- Атлас СССР. – М.: ГУГК СМ СССР, 1984. – 259 с.
- Белецкая Н.П. Морфология и морфометрия озерных котловин Петропавловского Приишья // Геогр. науки. – 1976. – Вып. 6. – С. 67 – 71.
- Белецкая Н.П. Озерные районы Западно-Сибирской равнины // Рельеф Западно-Сибирской равнины. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 93 – 99.
- Берг Л.С., Игнатов П.Г. Солёные озера Селеты-Денгиз, Теке и Кызыл-Как Омского уезда // Зап. Западно-Сибирского отдела РГО. – 1901. – Т. 28. – 161 с.
- Валленгейм Э.А. Палеонтологическое обоснование стратиграфии антропогена Северной Азии (по млекопитающим). – М.: Наука, 1977. – 177 с.
- Вислобокова И.А. О местонахождениях эоплейстоценовых млекопитающих в Павлодарском Прииртышье // Геология и геофизика. – 1973. – № 5. – С. 123 – 126.
- Видопьянова С.Г. Морфометрия и морфология озер южных равнин Западной Сибири // Закономерности развития рельефа Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 62 – 72.
- Волков И.А., Волкова В.С. Позднеледниковая и голоценовая история озер южной части Западно-Сибирской равнины по геологическим данным // Позднекайнозойская история озер в СССР. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 101 – 108.

- Высоцкий Н.К.** Геологические исследования 1894 г. в Киргизской степи и на Иртыше (предварительный отчет) // Геологические исследования и разведочные работы по линии Сибирской железной дороги. – М.: Б.и., 1896. – Вып. 1. – С. 1 – 45.
- Гидрогеотермический атлас СССР** (зона активного водообмена). – Л.: ВСЕГЕИ, 1983.
- Гладин И.Н.** К вопросу о пустынном выветривании // Проблемы физической географии. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – Т. 3. – С. 143 – 146.
- Градзинский Р., Костецкая А., Радомский А., Унруг Р.** Седиментология. – М.: Недра, 1980. – 640 с.
- Данилова Н.С., Баулин В.В.** Следы криогенных процессов и их использование при палеогеографических реконструкциях // Палеокриология в четвертичной стратиграфии и палеогеографии. – М.: Наука, 1973. – С. 66 – 79.
- Дроздов Н.И., Чеха В.П., Орлова Л.А., Хазертс П., Дамблон Ф.** Новые данные о каргинском горизонте Средней Сибири (бассейн Енисея) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – Том 5: Материалы VII Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии. Декабрь 1999 г. – С. 121 – 126.
- Дучков А.Д., Балобаев В.Т., Девяткин В.Н., Ан В.В., Соколова Л.С.** Геотермическая модель криолитозоны Западной Сибири // Геология и геофизика. – 1995. – Т. 36, № 8. – С. 72 – 81.
- Зальцман И.Г.** Стратиграфия палеогеновых и неогеновых отложений Кулундинской степи. – Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1968. – 160 с.
- Зинова Р.А.** Плиоцен севера Центрального Казахстана. – Минск: Наука и техника, 1982. – 148 с.
- Зубаков В.А.** Глобальные климатические события неогена. – Л.: Гидрометеиздат, 1990. – 223 с.
- Зыкин В.С.** Изменение климата в позднем миоцене и плиоцене на юге Западно-Сибирской равнины // Эволюция климата, биоты и человека в позднем кайнозое Сибири. – Новосибирск: Изд-во ОИГТМ СО АН СССР, 1991. – С. 5 – 17.
- Зыкин В.С., Зажигин В.С., Казанский А.Ю.** Поздний неоген юга Западно-Сибирской равнины: стратиграфия, палеомагнетизм, основные климатические события // Геология и геофизика. – 1991. – №1. – С. 78 – 86.
- Зыкин В.С., Зыкина В.С., Орлова Л.А.** Основные закономерности изменения природной среды и климата в плейстоцене и голоцене Западной Сибири // Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцена и плейстоцена Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Вып. 2. – С. 208 – 228.
- Зыкина В.С., Волков И.А., Дергачева М.И.** Верхне-четвертичные отложения и ископаемые почвы Новосибирского Приобья. – М.: Наука, 1981. – 204 с.
- Ильичев Б.А.** Коричневые, серо-коричневые и каштановые почвы // Элементарные почвообразовательные процессы. – М.: Наука, 1992. – С. 162 – 166.
- История озер Севера Азии.** – СПб.: Наука, 1995. – 288 с.
- Каплина Т.Н.** Криогенные склоновые процессы. – М.: Наука, 1965. – 296 с.
- Книд Н.В.** Геохронология позднего антропогена по зонотным данным. – М.: Наука, 1974. – 256 с.
- Колпаков В.В.** Об ископаемых пустынях нижнего течения р. Лены // Бюл. Комиссии по изучению четвертичного периода. – 1970. – № 37. – С. 75 – 82.
- Колпаков В.В.** Палеогеографическое значение четвертичных эоловых отложений севера Восточной Сибири // Некоторые вопросы региональной геологии. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. – С. 38 – 42.
- Колпаков В.В.** Ветрогранники вне пустынь. Стоит ли пересматривать их происхождение? // Изв. АН СССР. Сер. геогр. – 1979. – № 1. – С. 87 – 91.
- Колпаков В.В.** Эоловые четвертичные отложения Приленской Якутии // Бюл. Комиссии по изучению четвертичного периода. – 1983. – № 52. – С. 123 – 131.
- Краснопольский А.А.** Геологические исследования в Акмолинской и Семипалатинской областях. – СПб.: Б.и., 1900. – 317 с.
- Лавров В.В.** Континентальный палеоген и неоген Арало-Сибирских равнин. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1959. – 231 с.
- Лунгерсгаузен Г.Ф.** Геологическая история средней Лены и некоторые вопросы стратиграфии четвертичных отложений Восточной Сибири // Материалы Всесоюз. совещ. по изучению четвертичного периода. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – Т. 3. – С. 209 – 217.
- Мартынов В.А.** К истории формирования озер Кулундинской степи // Вестн. Западно-Сибирского и Новосибирского геологических управлений. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1963. – № 2. – С. 50 – 55.
- Медянцева А.И.** Ветрогранники в четвертичных отложениях в низовьях реки Лены // Бюл. Комиссии по изучению четвертичного периода. – 1962. – № 27. – С. 146 – 151.
- Муравлев Г.Г.** Малые озера Казахстана. – Алма-Ата: Б.и., 1973. – 178 с.
- Никифорова К.В.** Геоморфология и геологическое строение Прииртышской впадины // Тр. Ин-та геол. наук АН СССР. Сер. геол. – 1953. – Вып. 141. – С. 3 – 33.
- Орлова Л.А., Паньчев В.А.** Радиоуглеродная хронология и история оз. Чаны в среднем – позднем голоцене // Стратиграфия плейстоцена Сибири: Актуальные проблемы и задачи. – Новосибирск: Изд-во ИГиГ СО РАН, 1985. – С. 20 – 29.
- Поползин А.Г.** Озера юга Обь-Иртышского бассейна. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1967. – 351 с.
- Пульсирующее озеро Чаны.** – Л.: Наука, 1982. – 304 с.
- Романовский Н.Н.** Основные типы полигонально-жильных образований, их характерные черты и условия развития // Вестн. Моск. ун-та. – 1972. – № 6. – С. 44 – 57.
- Романовский Н.Н.** Формирование полигонально-жильных структур. – Новосибирск: Наука, 1977. – 216 с.
- Тутковский П.А.** К вопросу о способе образования лесса // Землеведение. – 1899. – Кн. 1/2. – С. 213 – 311.
- Тутковский П.А.** Ископаемые пустыни Северного полушария. – М.: Б.и., 1910. – 373 с.
- Флинт Р.Ф.** Ледники и палеогеография плейстоцена. – М.: Изд-во иностр. лит., 1963. – 576 с.
- Чичагова О.А., Черкинский А.Е.** Отбор проб и химическая подготовка проб для радиоактивного датирования // Изв. АН СССР. Сер. геогр. – 1975. – № 8. – С. 156 – 158.
- Шварева Ю.О.** Климат // Западная Сибирь. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 70 – 99.
- Шкатова В.К., Линькова Т.И., Минюк П.С.** Климатомагнитостратиграфический рубеж позднего плиоцена на севере Казахстана и юге Западной Сибири и его значе-

- ние для межрегиональной корреляции // Палеонтология и детальная стратиграфическая корреляция. – Л.: Наука, 1986. – С. 114 – 118.
- Шнитников А.В.** Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария // Зап. Геогр. об-ва Союза ССР. Нов. сер. – М.; Л., 1957. – Т. 16. – 337 с.
- Шнитников А.В.** Озера Западной Азии – индикаторы колебаний общей увлажненности их бассейнов // Озера полярной Азии. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 4 – 74.
- Шнитников А.В.** Из истории озер Северного Казахстана // Озера Казахстана и Киргизии и их история. – Л.: Б.и., 1975. – С. 5 – 27.
- Шнитников А.В.** Теоретические возможности многовековой изменчивости общей увлажненности и состояние озер – современное и вероятное будущее // Проблемы исследования крупных озер. – Л.: Б.и., 1985. – С. 5 – 22.
- Alley R.B.** The Younger Dryas cold interval as viewed from central Greenland // *Quat. Sci. Rev.* – 2000. – Vol. 19. – P. 321 – 226.
- Alley R.B., Finkel R.C., Nishiizumi K., Anandakrishnan S., Shuman C.A., Mershon G.R., Zielinski G.A., Mayewski P.A.** Changes in continental and sea salt atmospheric loadings in central Greenland during the most recent deglaciation // *J. Glaciol.* – 1995. – Vol. 41. – P. 503 – 514.
- Berg T.E., Black R.F.** Preliminary measurements of growth of nonsorted polygons, Victoria Land, Antarctica // *Antarctic Res. Ser.* – 1966. – Vol. 8, pub. 1418. – P. 61 – 108.
- Biscaye P.I., Crousset F.E., Revel M., Gaast S. van der, Zielinski G.A., Vaars A., Kukla G.** Asian provenance of glacial dust (stage 2) in the Greenland Ice Sheet Project 2 Ice Core, Summit, Greenland // *J. Geophys. Res.* – 1997. – Vol. 102. – P. 26765 – 26781.
- Black R.F.** Growth of patterned ground in Victoria Land, Antarctica // *Permafrost, 2 Intern. Conf.* – 1973. – P. 193 – 203.
- Bond G., Broecker W., Johnsen S., McManus J., Labeyrie L., Jouzel J., Bonani G.** Correlations between climate records from North Atlantic sediments and Greenland ice // *Nature.* – 1993. – Vol. 365, N 6442. – P. 143 – 147.
- Bradley R.S.** Quaternary Paleoclimatology. Methods of Paleoclimatic Reconstruction. – L.: Chapman and Hall, 1994. – 472 p.
- Bretz J.H., Horberg L.** Caliche in south-eastern New Mexico // *J. Geol.* – 1949. – Vol. 57, N 5. – P. 491 – 511.
- Broecker W.S.** Abrupt climate change: causal constraints provided by the paleoclimate record // *Earth-Sci. Rev.* – 2000. – Vol. 51. – P. 137 – 154.
- Cuffey K.M., Clow G.D.** Temperature, accumulation and ice sheet elevation in central Greenland through the last deglacial transition // *J. Geophys. Res.* – 1997. – Vol. 102. – P. 26383 – 26396.
- Dansgaard W., Johnsen S.J., Clausen H.B., Dahl-Jensen D., Gundestrup N.S., Hammer C.U., Hvidberg C.S., Steffensen J.P., Sveinbjörnsdóttir A.E., Jouzel J., Bond G.** Evidence for general instability of past climate from 250 kyr ice core record // *Nature.* – 1993. – Vol. 364, N 6434. – P. 218 – 220.
- De Beaulieu J.-L., Reille M.** A long Upper Pleistocene pollen record from Les Echets, near Lyon, France // *Boreas.* – 1984. – Vol. 13. – P. 111 – 132.
- Glennie K.W.** Desert sedimentary environments // *Developments in sedimentology.* – Amsterdam: Elsevier Publishing Company, 1970. – N 14. – 222 p.
- Goździk J.** Geneza i pozycje stratygraficzne struktur peryglacialnych w órodkowej Polsce // *Acta Geogr. Lodz.* – 1973. – N 31. – 119 p.
- Guiot J., Pons A., De Beaulieu J.L., Reille M.** A 140,000-year continental climate reconstruction from two European pollen records // *Nature.* – 1989. – Vol. 338. – P. 309 – 313.
- Haesaerts P., Damblon F., Drozdov N., Orlova L., Chekha V., Plicht J. van der.** Chronology and climatic evolution during the middle pleniglacial at Kurtak (Yenisei, Central Siberia) // 17th International Radiocarbon Conference. Program and Abstracts. – Judean Hills: Weizmann Institute of Science, 2000. – P. 35.
- Karte J.** Periglacial Phenomena and their Significance as Climatic and Edaphic Indicators // *Geojournal.* – 1983. – Vol. 7, N 4. – P. 329 – 340.
- Kutzbach J., Gallimore R., Harrison S., Behling P., Selin R., Laarif T.** Climate and biome simulations for the past 21,000 years // *Quat. Sci. Rev.* – 1998. – Vol. 17. – P. 473 – 506.
- Martinson D.G., Pisias N.G., Hays J.D., Imbrie J., Moore T.C., Shackleton N.J.** Age dating and the orbital theory of the ice ages: development of a high-resolution 0 to 300,000-year chronostratigraphy // *Quaternary Research.* – 1987. – Vol. 27, N 1. – P. 1 – 29.
- Moreno A., Targarona J., Henderiks J., Canals M., Freudenthal T., Meggers H.** Orbital forcing of dust supply to the North Canary Basin over the last 250 kyr // *Quat. Sci. Rev.* – 2001. – Vol. 20. – P. 1327 – 1339.
- Owen L.A., Richards B., Rhodes E.J., Cunningham W.D., Windley B.F., Badamgarav J., Dorjnamjaa D.** Relic permafrost structures in the Gobi of Mongolia: age and significance // *J. of Quaternary Sci.* – 1998. – Vol. 13, N 6. – P. 539 – 547.
- Petit J.R., Mounier L., Jouzel J., Korotkevich Y.S., Kotlyakov V.M., Lorius C.** Paleoclimatological and chronological implications of the Vostok core dust record // *Nature.* – 1990. – Vol. 343, N 6253. – P. 56 – 58.
- Petit J.R., Jouzel J., Raynaud D., Barkov N.I., Barnola J.-M., Basile I., Bender M., Chappellaz J., Davis M., Delaygue G., Delmotte M., Kotlyakov V.M., Legrand M., Lipenkov V.Y., Lorius C., Pépin L., Ritz C., Saltzman E., Stievenard M.** Climate and atmospheric history of the past 420,000 years from the Vostok ice core, Antarctica // *Nature.* – 1999. – Vol. 399. – P. 429 – 436.
- Péwé T.L.** Sand-wedge polygons (tesselation) in the Ms Murdo Sound Region, Antarctica. – A progress report // *Am. J. Sci.* – 1959. – Vol. 257. – P. 545 – 552.
- Pissart A.** Les polygones de fente de geld de “île Prince Patric (Artique Canadien, 76° Lat. N) // *Bull. Perigl.* – 1968. – N 17. – P. 171 – 180.
- Stein R., Nam S.-I., Schubert C.** The Last Deglaciation Event in the Eastern Central Arctic Ocean // *Science.* – 1994. – Vol. 264. – P. 692 – 696.
- Woillard G.M., Mook W.G.** Carbon-14 dates at Grande Pile: Correlation of land and sea chronologies // *Science.* – 1982. – Vol. 215, N 4530. – P. 285 – 310.
- Zykina V.S.** Pedogenesis and climate change history during Pleistocene in Western Siberia // *Anthropozoikum.* – 1999. – N 23: Quaternary of Siberia. Quaternary Geology, Palaeoecology and Palaeolithic Archeology. – P. 49 – 54.

ДИСКУССИЯ

ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДА ОТ СРЕДНЕГО К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ

УДК 572

М.Б. Медникова

Институт археологии РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия
E-mail: medma_pa@mail.ru

ПЕРЕХОД ОТ СРЕДНЕГО К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ В ЕВРОПЕ: ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ ТАКСОНОМИЧЕСКОГО РАНГА ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СКЕЛЕТНЫХ ОСТАТКОВ

Проблема изменения внешнего облика обитателей Европы при переходе от среднего палеолита к верхнему является одной из наиболее интересных не только для узкого круга специалистов-морфологов, причастных к изучению ископаемых скелетов, но и для теоретиков и популяризаторов науки, которых волнуют вопросы происхождения человека современного физического типа.

Облик европейских неандертальцев достаточно специфичен, его отличие от внешнего вида людей эпохи раннего и среднего верхнего палеолита ни у кого не вызывает сомнений. Поэтому ключевым моментом дискуссий, посвященных финальной стадии антропогенеза, длительное время является рассмотрение аргументов, подтверждающих или опровергающих гипотезу о возможности генетической связи между “классическими” неандертальцами Европы и людьми современного физического типа, иногда называемыми кроманьонцами в широком смысле этого слова.

При обсуждении вопроса о происхождении человека современного вида предпринимались попытки выявления морфологических признаков, свидетельствующих о преемственности между архаичными и более поздними *Ното* на отдельных территориях (модель мультирегиональной эволюции) [Wolpoff et al., 1984; Wolpoff, 1992]. Многие из тех же признаков использовались в рамках концепции “замещения” для обоснования отсутствия генетической связи между архаическими и анатомически современными популяциями за пределами Африки [Stringer, Andrews, 1988; Stringer, 1992, 1993]. Помимо традиционных краниологических критериев привлекались и посткраниальные параметры [Trinkaus, 1981; Stringer, 1984; Frayer,

1992; Churchill, 1996]. Обсуждались различия в форме тела гоминидов позднплейстоценовой Европы [Ruff, 1994; Holliday, 1997].

Часто дискуссии разворачивались вокруг особенностей относительной длины предплечья и голени и соответствующих интерпретаций. Если Р. Верно [Verneau, 1906], первым отметивший относительное удлинение предплечья и голени в верхнем палеолите Европы, предполагал автохтонный характер этого явления, то Г. фон Бонин [Bonin, 1935] уже подчеркивал свойственную верхнепалеолитическим европейцам высокую изменчивость по указанным индексам. Широкую известность получила точка зрения Р. Биасутти [Biasutti, 1951] о связи удлинения дистальных сегментов конечностей и двигательной активности охотников-собирателей. Впоследствии эта линия получила развитие в концепции “мобильности” и соответствующих приспособлений к переходам на большие расстояния у охотников на мамонтов [Wolpoff, 1989, 1992; Caspari, 1992; Frayer, 1992]. Высокий луче-плечевой и берцово-бедренный индексы контрастируют с пропорциями неандертальцев. Многие авторитетные ученые высказывались в пользу рассмотрения морфологического комплекса пропорций европейских неандертальцев как адаптивного к холодному стрессу [Coon, 1962; Badoux, 1965; Хрисанова, 1978, Holliday, 1997]. Э. Тринкаус [Trinkaus, 1981] сопоставил все доступные для изучения европейские находки позднего плейстоцена с тенденциями изменчивости современного человечества. Он подтвердил справедливость применения к человеку правила Аллена, отметив, что современные популяции демонстрируют достоверную положительную корреляцию особенностей строения тела с годовыми

температурами. К сходному выводу пришла Т.И. Алексеева [1977], обобщившая закономерности изменчивости в современных этнотерриториальных группах. В отличие от М. Вольпова, Э. Тринкаус объяснял высокие луче-плечевой и берцово-бедренные индексы европейских кроманьонцев дрейфом генов, связанным с наиболее ранними представителями человека современного вида из тропических регионов.

Позиция Э. Тринкауса подверглась критическому обсуждению [Frauer et al., 1993], ведь относительно удлиненные предплечье и голень сохраняются у людей позднего верхнего палеолита и мезолита. Холод ледникового периода должен был способствовать конституциональным изменениям потомков “пришельцев из тропиков” в сторону более адаптированной к нему морфологии, значит, по логике противников концепции воздействия холодного стресса на морфотип человека, она несостоятельна.

Вступивший в дискуссию Т. Холлидэй [Holliday, 1999a] исходил из теоретической предпосылки, что теплоотдача повышена у индивидуумов с удлиненными конечностями. Поскольку нижние конечности, в силу своих размеров, в большей степени участвуют в этом процессе, возможно, при адаптации к холоду значение имеют не дисто-проксимальные пропорции, а отношение длины руки к длине ноги и абсолютные размеры. Он сформулировал три вопроса. Какие сегменты конечностей, проксимальные или дистальные, преимущественно ответственны за вариабельность луче-плечевого и берцово-бедренного указателей? Отражают ли эти индексы общее удлинение конечностей? И наконец, сохранили ли люди позднего верхнего палеолита и мезолита относительно и абсолютно длинные конечности? В анализ включались все доступные неандертальские, верхнепалеолитические (за исключением Сунгиря), мезолитические находки и ряд современных европейских и африканских групп.

Результаты показывают, что дистальный сегмент нижней конечности вносит больший вклад в изменчивость пропорций ноги, в то время как в пределах руки проксимальный и дистальный сегменты имеют равное значение для вариабельности луче-плечевого указателя. Луче-плечевой и берцово-бедренный индексы не связаны с общей длиной конечности. Так, люди финального верхнего палеолита и мезолита обладали значимо удлиненными (“тропическими”) по сравнению с современными европейцами предплечьем и голенью и относительно укороченными (адаптированными к холоду) конечностями. По мнению Т. Холлидэя, это парадоксальное сочетание служит подтверждением концепции “замещения” и позволяет определить направление морфогенетических изменений, сопряженных с обитанием в климатической зоне с более низкими по сравнению с предковой средней температурами.

В другой работе [Holliday, 1999b] исследователь произвел многомерный статистический анализ с целью выявления таксономического положения левантских гоминидных форм. Обнаружено, что индивидуумы круга Кафзех – Схул характеризуются более “тропическими” пропорциями, в то время как обитатели Амуда, Кебары, Табуна, Шанидара отличаются более “европеизированными”, т.е. адаптированными к холодному стрессу, соотношениями. Эти данные, наряду с присутствием значительного афро-аравийского фаунистического комплекса в кафзехской палеонтологической коллекции, с одной стороны, говорят в поддержку концепции “замещения” населением тропических регионов, с другой – свидетельствуют о существовании в позднем плейстоцене Западной Азии двух таксонов гоминидов.

В новом тысячелетии появились новые концептуальные научные исследования, позволяющие взглянуть на вечно актуальную проблему под нетрадиционным углом зрения. В этой связи примечательна публикация в “Current Anthropology” [Eswaran, 2002], в обсуждении которой приняли участие ведущие археологи и антропологи. Автор, профессор из Технологического института в Индии, специалист в области механического конструирования, для объяснения феномена широкого распространения анатомически современных форм предлагает гипотезу диффузионного проникновения из Африки определенного генотипа, несущего “коадаптированное сочетание новых генов” и, в комплексе, наследственное преимущество. Предполагается, что движение из Африки было не миграцией, а “диффузионной волной” – продолжительной стохастической экспансией современных популяций, сопровождавшейся гибридизацией и естественным отбором в пользу нового генотипа. Современный генотип возник в Африке в процессе воздействия т.н. эффекта основателя и распространился благодаря своему глобальному преимуществу. Показано, что генотип мог распространиться путем случайной диффузии демов, но только при условии низкого уровня генетического взаимодействия между демами (интербридинга) и интенсивного отбора. Количественная модель, использованная Е. Есвараном для описания этого механизма, предлагает объяснения для многих аспектов генетических, палеонтологических и археологических исследований, посвященных происхождению современного человека. По В. Есварану, могла иметь место значительная генетическая ассимиляция архаических популяций человека анатомически современными. Морфологическое преимущество современного фенотипа (например, за счет уменьшения детской смертности) предположительно могло стать причиной глобального перехода к “новой морфологии”.

Математическая модель, предложенная С. Райтом еще в 1932 г. (т.н. shifting-balance process), возможно, описывает важную тенденцию в эволюции чело-

века, поскольку человеческие популяции характеризовались малыми размерами демов и низким уровнем интербридинга. Согласно теории Райта, в популяциях, образованных малыми полуизолированными демами, эволюция может проявлять себя в трех основных фазах: 1) дрейф генов способствует продвижению различных демов по разным траекториям, облегчая освоение ландшафта, пригодного для данного вида, 2) селекция между демами позволяет некоторым из них достичь нового и более высокого адаптивного пика, 3) отбор внутри дема умножает генные комбинации, которые согласуются с этими адаптивными преимуществами и продвигают весь вид на новую высоту. Для развития данного сценария демы должны быть достаточно малы, чтобы в них сказывался “эффект основателя”, и полуизолированными, чтобы облегчить формирование коадаптированных генных комбинаций, которые иначе могли исчезнуть в результате смешения.

Как подчеркивает В. Есваран, диффузионная волна комплексного коадаптированного генотипа отличается от потока генов отдельного обладающего преимуществом аллеля. Исследователь применил математическую модель Монте Карло, расширенный вариант уравнения Фишера – Колмогорова для описания локализованного случайного движения – диффузии. Он использовал этнографические данные, согласно которым уровень интербридинга у современных охотников-собираателей равен 0,05. Диффузионная волна распространялась на 11 тыс. км, что с учетом продолжительности жизни поколения в 20 лет соответствовало смене 4 тыс. поколений. Согласно вычислениям В. Есварана, если уровень фертильности женщин архаического облика определялся показателем 7 (семь детей у одной матери), то для достижения селективного преимущества женщинам современного облика нужно было иметь уровень фертильности 7,5 при прочих равных условиях. Одним из результатов моделирования стал вывод о том, что морфологические признаки гибридации могли проявляться только на линии диффузионной волны, ширина которой едва превышала 800 км. При этом рассчитанная В. Есвараном область, где могли наблюдаться ясные признаки гибридации, должна была быть еще уже – порядка 300 км. Гибриды впереди этой узкой зоны были близки архаическим формам, позади нее оставались популяции современного облика. Если диффузионная волна прошла 3 тыс. км в Европе за период от 45 до 25 тыс. л.н., только около 10% ископаемых находок, относящихся к данному временному интервалу, могут демонстрировать признаки смешанной морфологии. По В. Есварану, этот модельный механизм может объяснить редкость явных гибридов среди палеоантропологических находок (собственно, он приводит единственный пример подобной метисации – 4-летнего ребенка Абриго до Лагар Вельо 1).

Я достаточно подробно остановилась на работе В. Есварана, поскольку она вызвала в целом положительные отзывы многих специалистов, придерживавшихся полярных точек зрения. Археолог Дж.А. Кларк заметил, что, будучи убежденным полицентристом, приветствует эту статью, поскольку она предлагает приемлемый сценарий для объяснения распространения современной формы без необходимости признания направленной миграции. Генетик Г. Харпендинг отметил, что моделируемый процесс должен был опираться на достаточно высокий уровень брачной изоляции между группами современного и архаического облика, в результате которой гены любого гибрида с большой долей вероятности утрачивались. Волна обладавшего преимуществом нового морфотипа, по существу, представляла собой “катыщееся бутылочное горлышко”. Продолжительное действие “эффекта основателя” разрушило изначально высокое генетическое разнообразие. Популяции позади фронта волны оказывались практически изолированными. В результате структура ДНК должна отражать экспансию населения с малым числом основателей, а продолжительность этой экспансии должна постоянно меняться в зависимости от сроков прохождения диффузионной волны. Антрополог К. Розенберг, оценив модель Есварана как интригующую, прокомментировала его предположение о том, что многие определяющие признаки современной краниальной морфологии у взрослых ассоциированы с уменьшением переднезаднего диаметра и что редукция этого размера у детей могла вызвать селективное преимущество, резко снизив риск при рождении детей. Антрополог указала на отсутствие доказательств того, что подобная редукция имела место при происхождении человека современного облика. Как замечает Розенберг, мы должны предполагать относительно более крупный родовой канал у женщин современного физического типа по сравнению с неандертальскими, но это не так.

Э. Тринкаус, назвавший работу В. Есварана элегантной демонстрацией, убежден в том, что модель диффузионной волны соответствует важной тенденции, игравшей роль во многих регионах и во многие эпохи на протяжении становления современного человечества. Вместе с тем, по его мнению, она не объясняет всех факторов отбора. Как и К. Розенберг, Э. Тринкаус обращает внимание на незначительную разницу в размерах лица ювенальных особей архаического и современного облика. Объем мозга современных и архаических взрослых *Номо* был одинаковым, тем более следует предполагать сходные размеры головы у новорожденных. Говоря о параметрах женского таза, следует подчеркнуть, что они остаются прежними или даже становятся чуть меньше. Значительное уменьшение массивности характерно только для верхних конечностей, и значение этого признака пока

не ясно. Отмеченное ранее М. Бреннан [Brennan, 1991] снижение влияния физиологического стресса затрагивает гораздо более поздний детский возраст. Если обсуждать предположительно возросшую фертильность у женщин современного облика по сравнению с “классическими” неандертальскими, то она могла достигаться в основном благодаря увеличению продолжительности жизни. Касаясь периода возможного сосуществования поздних архаических и ранних современных гоминидов в Европе, Э. Тринкаус говорит о том, что слишком мало скелетных остатков переходного периода демонстрирует мозаичный характер функциональных анатомических признаков (Сен-Сезер 1, Фогельхердхеле).

Автор и последовательный сторонник концепции мультирегиональной эволюции М. Вольпов в принципе не отвергает идею распространения по миру коадаптированного набора признаков и отмечает, что ископаемые находки не могут дать исчерпывающего ответа на вопросы о происхождении человека. Если современные люди представляют собой новый вид или превосходящий в анатомическом либо поведенческом отношении вариант, они должны обладать набором уникальных, определяющих признаков, но повторяющиеся попытки установить его заставляют включить туда все недавнее или ныне живущее человечество.

Археолог Ж. Зильо отметил, что нынешние обитатели тропических широт характеризуются повышенной плодовитостью по сравнению с арктическими жителями, хотя все они обладают современными анатомическими особенностями. Он также высказал сомнение в возможности низкого уровня скрещивания между демами, каждый из которых включал ок. 25 чел., поскольку этот механизм противоречил более жизнеспособному механизму экзогамии.

Немногочисленные скелетные остатки гоминидов, населявших Европу в переходный период 40 – 30 тыс. л.н., подвергались тщательному антропологическому изучению.

В 1979 г. в ассоциации с шательперронским материальным комплексом был найден фрагментарный скелет в Ла Роше (Сен-Сезер, Франция). Позднее в Гротт дю Ренн Арси-сюр-Кур в шательперронском уровне Хb обнаружили ювенальную височную кость, классифицированную как неандертальская. Обсуждались три основных сценария ассоциации шательперронской индустрии со скелетными остатками архаического облика. Первый предполагает признание нормального эволюционного развития мустьерской технологии, приведшего к формированию верхнепалеолитической традиции на территории Франции. Второй и третий сценарии базируются на допущении одновременного существования шательперронской и раннеориньякской традиций и на предположении

о создании раннеориньякской индустрии людьми современного облика. Согласно второй гипотезе, шательперрон был продуктом аккультурации, в результате которой неандертальцы восприняли технологические достижения и социальную организацию соседствующих ориньякских племен. По третьему сценарию, шательперрон был итогом экологической конкуренции между среднепалеолитическими неандертальцами и современными людьми раннего верхнего палеолита, когда испытывавшие новое селективное давление неандертальцы выработали прогрессивные технологические способы эксплуатации природных ресурсов.

Исследователей скелетных остатков из Сен-Сезера интересовал вопрос, насколько характер поведения неандертальцев, изменившийся в связи с использованием верхнепалеолитической культурной традиции, отразился в их морфологии [Trinkaus et al., 1998, 1999]. Манипуляторное поведение и локомоция шательперронцев были реконструированы путем изучения геометрии поперечного сечения трубчатых костей индивидуума Сен-Сезер 1.

Сен-Сезер 1 оказался сходен с другими европейскими неандертальцами по округлому сечению бедренной кости в проксимальной ее части, отсутствию пилеастра, округлым очертаниям гребня большеберцовой кости, но отличается от них выраженностью дельтовидной бугристости плечевой кости и дорзальным выступанием медиального контрфорса бедренной кости. По другим диафизарным сечениям Сен-Сезер 1 сходен с представителями как неандертальской, так и анатомически современной выборки. На фоне верхнепалеолитических пропорций нижняя конечность Сен-Сезер 1 выглядит гипермассивной. В срединной части бедренной кости Сен-Сезер 1 демонстрирует большую степень развития медио-латеральных стенок, но вместе с тем он сходен с ранними носителями современной морфологии благодаря утолщенным переднезадним стенкам диафиза. Форма диафиза бедренной кости наиболее соответствует неандертальской модели пропорций таза и бедра, сочетаясь с анатомически прогрессивной переднезадней гипертрофией в середине диафиза. Последняя особенность отражает возросший уровень двигательной активности, характерный для людей верхнего палеолита и нетипичный для “классических” неандертальцев, однако примечательно, что структурное усиление осуществляется “на базе неандертальской морфологии”, без развития пилеастра, характерного для современной анатомии. В строении верхней конечности площадь кортикального слоя вновь сближает Сен-Сезер 1 с неандертальцами, но форма диафиза в проксимальной части имеет смешанные черты.

Антропологи подчеркивают [Trinkaus et al., 1999], что остается неясным, являются ли гиперарктические неандертальские пропорции тела шательперронца

из Сен-Сезера филогенетическим наследием или это результат продолжавшейся анатомической адаптации к температурным условиям ледниковой Европы.

Предположительно, Сен-Сезер 1, унаследовавший базовые пропорции и строение тела, характерные для большинства неандертальцев Европы, демонстрирует некоторые функциональные анатомические особенности, отражающие изменения в использовании верхних конечностей и общем уровне физических нагрузок, свидетельствующие о том, что в поведенческом отношении он близок людям раннего верхнего палеолита.

Фрагменты по меньшей мере трех человеческих скелетов найдены в пещере Фогельхерд на юго-западе Германии (координаты: 48° 34' с.ш., 10° 12' в.д.). Поскольку она находится в 1 км от маленького городка Штеттен, памятник иногда называют этим топонимом. Раскопки пещеры производились с 1931 г. под руководством Г. Рика из Института предистории при Тюбингенском университете. Протяженность пещеры составляет 23 м, ее ширина варьирует в разных местах от 3 до 6 м. Существуют два главных входа в пещеру. Первый обращен к югу, второй – к юго-западу. Археологические находки были связаны с обоими входами. Толщина отложений варьировала от 2 до 4 м. Г. Рик открыл стратифицированные культурные слои, охватывающие очень продолжительный период – от ашеля до неолита. Наиболее значимые артефакты были представлены каменными и костяными орудиями. Кроме того, удалось обнаружить характерные для ориньяка небольшие фигурки, изображавшие животных и человека. Рик выделил три фазы ориньяка в пещере Фогельхерда, которые он обозначил как нижний, средний и верхний ориньяк. “Нижний ориньяк” был представлен немногочисленными каменными и двумя костяными орудиями. Х. Мюллер-Бек [Sammlerinnen..., 1983] отметил, что эта индустрия в своих основных чертах более характерна для мустье, а не для ориньяка, и предложил считать вмещающий ее слой позднемустьевским. “Средний ориньяк” (по Рику) теперь обозначается как горизонт V и соотносится с ранним ориньяком, а “поздний” представлен на памятнике горизонтом IV. Типичный для ориньякской культуры инвентарь и костяные изделия происходят из этих двух горизонтов.

Первый индивидуум Фогельхерд (Штеттен) 1 представлен черепной крышкой современного облика. Большая часть лицевого скелета отсутствовала. Части нижней челюсти, обнаруженные в 0,15 м к востоку от краниума на глубине 0,33 м от него, так же, как и крышка черепа, залежали в т.н. сожженном слое прямо перед юго-западным входом в пещеру (профиль 1). В 2 – 3 м восточнее черепа в том же слое найдены два поясничных позвонка, соответствующие по цвету основной находке и относимые к одному и тому же ин-

дивидууму. Как отмечают С. Черчилл и Ф. Смит [Churchill, Smith, 2000], в литературе была некоторая путаница по поводу того, в каком горизонте найден череп. В 1937 г. антрополог В. Гизелер написал, что череп и сожженный слой находились между “средним и верхним ориньяком”, т.е. сверху горизонта V. Однако Г. Рик еще в 1934 г. ясно указал, что фрагменты скелета обнаружены в основании горизонта V.

Останки второго индивидуума Фогельхерд (Штеттен) 2 были обнаружены внутри южного прохода в пещеру (профиль 9). Таким образом, кости Фогельхерд 1 и 2 разделены между собой всей протяженностью пещеры. Согласно Г. Рику, скелет Фогельхерд 2 был найден над верхним ориньякским слоем (теперь это горизонт IV) под более поздними отложениями мелкообломочного бело-желтого известняка без признаков культурного воздействия. На основании стратиграфии, представленной Г. Риком, В. Гизелер [Gieseler, 1937] предположил, что череп Фогельхерд 2 относится к поздней мадленской эпохе.

С точки зрения морфологии, оба черепа, несомненно, принадлежали людям современного облика, несмотря на некоторые архаичные особенности. Черепа обладали большой ценностью для Г. Рика, ведь, как он полагал, они позволяли реконструировать сложное ритуальное поведение, связанное с культом головы и, возможно, каннибализмом у ориньякцев Фогельхерда [Riek, 1934].

Фрагмент скелета третьего индивидуума из Фогельхерда ранее не привлекал особого внимания. Фогельхерд 3 представляет собой массивную правую плечевую кость с разрушенным проксимальным эпифизом. По В. Гизелеру, она происходит из основания “среднего ориньякского слоя” (теперь – ранний ориньяк, горизонт V) в центральной части пещеры. Указанный фрагмент скелета частично помещался в этом слое, а частично в подстилающем стерильном, образованном грубым известняковым щебнем (grobstuckiger Kalkschutt). По-видимому, Фогельхерд 3 находился между отмеченными Г. Риком профилями 3 и 6. В. Гизелер [Gieseler, 1937, p. 43], ссылаясь на мнение Г. Рика, замечает, что плечевая кость должна быть древнее черепа Штеттен 1.

Согласно радиоуглеродным анализам [Sammlerinnen..., 1983], горизонт IV Фогельхерда относится к позднему ориньяку – 30 730 ± 750 л.н. и соответствует холодному сухому климату. Для горизонта V получены даты 30 162 ± 1340 и 31 900 ± 1100 л.н. Климат в это время еще был холодным и влажным. К влажному периоду раннего ориньяка относят другой памятник – Гайсенкlostерле, горизонт 3 которого датируется в интервале 34 000 – 36 500 л.н. Если он соотносится с горизонтом V Фогельхерда, то основание последнего, где была найдена плечевая кость, соответствует концу вюрмско-

го интерстадиала II/III (34 – 36,5 тыс. л.н.). Это делает плечевую кость Фогельхерд 3 одной из самых ранних среди скелетных остатков носителей ориньякской культуры.

С. Черчилл и Ф. Смит [Churchill, Smith, 2000] посвятили специальное исследование поиску неандерталоидных особенностей штеттенской плечевой кости, ведь первый ее исследователь В. Гизелер, отметив массивность и сильное развитие костно-мышечного рельефа, причислил Фогельхерд 3 к числу неандертальских форм. Согласно новейшей реконструкции при помощи двух уравнений регрессии, длина плечевой кости составляла порядка 338 мм. На основании общих размеров и рельефности мест прикрепления мышц было сделано заключение о принадлежности этой кости мужчине.

Большие продольные размеры, редукция площади кортикального слоя в середине и в верхней трети диафиза, морфология дельтовидной бугристости, медиальной и латеральной дорзальных поверхностей дистального эпифиза позволяют идентифицировать плечевую кость как морфологически современную.

Массивность посткраниального скелета не является надежным таксономическим индикатором при разграничении архаических и современных форм [Pearson, Grine, 1996; Churchill et al., 1996]. Хотя выявлена генеральная тенденция снижения диафизарной массивности и ранние представители современного физического типа в Европе в целом демонстрируют менее массивные диафизы по сравнению с европейскими неандертальцами, высокий уровень внутригрупповых вариаций делает эти признаки ненадежными индикаторами таксономических различий. Как отмечают исследователи, немногие характеристики, сближающие Фогельхерд 3 с неандертальцами, пластичны по отношению к внешним воздействиям и не могут быть использованы для классификации. Размеры и степень развития мест прикрепления мышц формируются под влиянием постоянной физической нагрузки. Область прикрепления большой грудной мышцы (*m. pectoralis major*) на кости Фогельхерд 3 развита сильнее по сравнению со средними значениями данного показателя у мужчин раннего верхнего палеолита, но, по данным Ф. Смита, в неолитической выборке с территории Германии 24% мужчин демонстрировали уровень развития этой мышцы, равный таковому у неандертальцев или превышающий его.

Итак, плечевая кость времен раннего ориньяка не дает оснований говорить о “мозаичной” морфологии филогенетического свойства, она лишь демонстрирует высокий уровень физических нагрузок на верхнюю конечность у конкретного мужчины (Фогельхерд 3), сопоставимый с таковыми у неандертальцев Европы. Можно также реконструировать тип движения, спо-

собствовавшего гипертрофированному развитию мускулатуры, – опускание поднятой вверх руки и приведение ее к туловищу с одновременным поворотом вовнутрь [Медникова, 1998, с. 154].

Так называемая мозаичность морфологии посткраниального скелета гоминидов переходного периода пока не дает прямых доказательств в пользу генетического смешения между мустьерскими неандертальцами Европы и людьми современного анатомического облика. Подчеркну, что развитие культурной традиции шательперронцев привело к изменениям в двигательной активности и сопутствующим функционально-анатомическим трансформациям, но сумма пластических ответов костной ткани реализовывалась на основе “классической” неандертальской конституции, например, без формирования наружного пилеастра бедренной кости. Вместе с тем гипертрофированное развитие мускулатуры у раннего ориньяка Фогельхерда, отражающее сопоставимый с неандертальцами ледниковой Европы уровень физических нагрузок на верхнюю конечность, целиком входит в вариации современного человечества и может свидетельствовать о некотором совпадении “стиля жизни”, формировавшегося в сходных социальных и природных условиях.

Возможность метисации “классических” неандертальцев Европы и кроманьонских пришельцев из тропических широт обсуждал А.Г. Козинцев [1997]. Центральное место в его теоретических построениях занимают сунгирские находки. Как представляется А.Г. Козинцеву [Там же, с. 112], люди из Сунгира родственны не ориньякам и их потомкам (т.е. мигрантам), а “шательперронцам и прочим верхнепалеолитическим неандертальцам, как о том и свидетельствует археология”, они представляют финальный этап того процесса, в начале которого находился неандерталец Сен-Сезера. Процесс сапиентации повторился в Европе (а быть может, и в других местах) через много десятков тысячелетий после того, как он впервые произошел в Африке или на Ближнем Востоке. «Одиннадцать тысячелетий, или 440 поколений, отделяющих Сунгирь от Сен-Сезера, – срок, надо полагать, достаточный для того, чтобы постулируемый механизм привел к осязательному эволюционному эффекту... Структуры более важные для полового отбора (лицо, пропорции тела) должны были эволюционировать быстрее всего, а мелкие детали скелета и зубы “оставались”» [Там же].

Иное происхождение, согласно теории А.Г. Козинцева, имели верхнепалеолитические жители Центральной Европы, представленные находками из Младеча и Пржедмости. Придя в Европу, носители ориньякской традиции, возникшей на Ближнем Востоке, сохранили посткраниальный скелет, адаптированный к жаркому климату, и архаическое строение черепа.

Здесь А.Г. Козинцев опирается на мнение М. Вольпова, согласно которому черепа из Младеча и Пржедмости имеют больше неандертальских черт, чем черепа из Схула и Кафзеха. А.Г. Козинцев объясняет это тем, что представители данной линии произошли от неандертальцев (или смешались с ними), но не в Европе, а на Ближнем Востоке. «...Ведя свое происхождение от пришельцев и принадлежа к господствующей группе (т.е. будучи потомственными, а не “новоиспеченными” представителями верхнепалеолитической цивилизации), пржедмостцы и их родственники, в отличие от аборигенов, могли позволить себе иметь несколько более архаичный облик и не были подвержены половому отбору, сдвигавшему местную норму внешности в сторону современного типа». Такой половой отбор, по мнению Козинцева, привел к тому, что “лица сунгирцев выглядят даже современнее, чем лица людей из Пржедмости” [Там же, с. 113]. Публикация новой коллективной монографии, посвященной антропологии сунгирских находок [Homo sungirensis..., 2000], побудила А.Г. Козинцева [2003] вновь обратиться к аргументам, доказывающим происхождение этой группы верхнепалеолитического населения от неандертальцев Европы. По его мнению, интегрировать выводы археологов и антропологов теперь невозможно по вине антропологов. Все потому, что “новая монография полемична по отношению к предыдущей, несмотря на то, что некоторые авторы участвовали в обоих исследованиях” [Там же, с. 58] (речь идет о монографиях [Homo sungirensis..., 2000] и [Сунгирь..., 1984]). По-видимому, если бы антропологи сумели доказать неандертальский субстрат сунгирцев, археологические материалы хорошо бы соответствовали данным антропологии. Не буду сейчас касаться дискуссионных аспектов сунгирской археологии, далеко не все вопросы которой решены специалистами, изучающими материальный комплекс слоев сунгирского поселения и погребений, где были обнаружены человеческие останки. Также до конца не решенной представляется проблема генетической связи мустьерской и верхнепалеолитических культур. Отмечу главное: данные антропологии традиционно служат независимым историческим источником и далеко не всегда могут соответствовать столь же независимому археологическому источнику. Накоплено слишком много примеров, свидетельствующих о том, как в различные эпохи люди сходного антропологического облика являлись носителями разных археологических культур и, напротив, обладатели разных антропологических особенностей объединялись в рамках единой культурной традиции. Поэтому вернемся к обсуждению биологических особенностей сунгирского населения.

Совокупность систем признаков, по которым были исследованы скелетные остатки, подразделена на разные уровни: молекулярно-генетический (структура

ядерной и митохондриальной ДНК) и морфологический. Последний включает в себя макроструктурные показатели разной природы: краниологические, одонтологические, традиционно используемые для выяснения степени биологического родства, и морфофункциональные, привлекаемые при изучении механизмов физиологической адаптации (сюда относятся рентгеноструктурные показатели и частично размерные признаки посткраниального скелета). Рассмотрим имеющиеся данные сквозь призму возможного неандертальского субстрата, лежащего, по А.Г. Козинцеву, в основе сунгирской палеопопуляции.

Исследователям удалось амплифицировать фрагменты ГВС 1 митохондриальной ДНК индивидуумов Сунгирь 2 и 3 длиной 435 нуклеотидных пар, что свидетельствует о хорошей сохранности этих костных остатков [Homo sungirensis..., 2000, с. 354]*. В ходе прямого секвенирования амплифицированных фрагментов были прочитаны обе цепи мтДНК. Нуклеотидные последовательности ювенальных особей Сунгирь 2 и 3 оказались идентичны, представляя собой дериват т.н. кембриджской последовательности мтДНК и отличаясь от нее всего одной заменой (трансверсия G-A в положении 16129). Частота встречаемости ДНК этого типа составляет в среднем 62% на территории современной Европы. Итак, тип мтДНК у погребенных на территории стоянки Сунгирь принадлежит к группе наиболее распространенных среди современного европейского населения вариантов**.

Первая последовательность митохондриальной ДНК европейских неандертальцев была определена в 1997 г. [Krings et al., 1997]. Это исследование, подтвержденное последующими экспериментальными работами с другими образцами [Krings et al., 2000; Ovchinnikov et al., 2000], установило, что последова-

* Получить аналогичный фрагмент ДНК Сунгирь 1 не удалось, но остается надежда, что последующее исследование более коротких фрагментов ДНК с использованием промежуточных праймеров позволит восстановить структуру ГВС 1 мтДНК и этого индивидуума.

** Безусловно, не стоит абсолютизировать результаты проведенного молекулярно-генетического исследования. Оно должно быть продолжено с другими образцами и подтверждено в других лабораториях. Методическую сложность подобных работ отчетливо иллюстрируют неудавшиеся попытки И.В. Овчинникова и М. Фаерман выделить древнюю ДНК из тканей сунгирских останков. Однако в распоряжении этих ученых были образцы ткани, при получении которых резко возросла опасность загрязнения современной ДНК, в то время как группа А.Б. Полтарауса имела возможность исследовать образцы, полученные из внутреннего слоя диафизов интактных трубчатых костей. Хорошую сохранность коллагена в этих костях подтверждают исследования стабильных изотопов, легших в основу радиоуглеродного и палеодиетарного анализа [Homo sungirensis..., 2000, с. 32, 79; Richards et al., 2001, p. 6530].

тельность мтДНК у неандертальцев значительно отличается от таковой у современных людей. Дивергенция последовательностей (3,8%) незначительна и указывает на принадлежность достаточно удаленных географически неандертальцев Фельдсхофер и Мезмай к единой генетической ветви. “Неандертальские” гаплотипы мтДНК на сегодняшний день не выявлены в популяциях современных людей. Как отмечают в своем фундаментальном обзоре, посвященном перспективам применения методов изучения древней ДНК в антропологии, Ф.А. Кэстле и К.А. Хорсбург [Kaestle, Horsburgh, 2002, p. 103], таксономический статус неандертальцев по данным исследования митохондриальной ДНК до конца не ясен и неизвестно, соответствует ли он видовому уровню, однако очевиден относительно высокий уровень дивергенции между “классическими” неандертальцами и современными людьми.

Итак, предварительные итоги молекулярно-генетического анализа, во-первых, свидетельствуют о бесспорной принадлежности сунгирцев к виду *Homo sapiens sapiens*, причем структура их митохондриальной ДНК относится к числу наиболее распространенных по сей день. Последний результат отчасти контрастирует с мнением, высказывавшимся ранее В.М. Харитоновым, который оценивал таксономические отличия кроманьонцев и современного человека достаточно высоко, на уровне подвида [Харитонов, 1991, с. 73], но, как известно, степень генотипического и фенотипического полиморфизма может сильно отличаться. Во-вторых, строение митохондриальной ДНК представителей сунгирской палеопопуляции не свидетельствует в пользу их происхождения от европейских неандертальцев.

Однако эти данные не представляются убедительными А.Г. Козинцеву. Если из его первой публикации, которую я цитировала выше, можно было понять, что исследователь предполагает происхождение сунгирской группы от европейских неандертальцев без метисации с пришедшими в Европу ориньяками*, то в но-

* См. также: «“Широкий моноцентризм”, допускающий метисацию [Рогинский, 1949], как будто лучше согласуется с сунгирскими данными. Но и тут возникают серьезные вопросы. Во-первых, если эти верхнепалеолитические люди пришли сюда извне, то почему они не только смешались с неандертальцами, но и заимствовали их архаичную технику раскалывания кремня? Вопрос этот относится не только к Сунгирю, но и ко всем районам, где наблюдается культурная преемственность между средним и верхним палеолитом. Во-вторых, если сунгирцы – метисы, то почему они сходны лишь с одной из родительских групп по целой системе организма (черепу), будучи промежуточны по другим системам (зубам, посткраниальному скелету)?» [Козинцев, 1997, с. 110].

вой работе А.Г. Козинцев более подробно объясняет свою позицию по данному вопросу, постулируя возможность метисации между неандертальцами и сапиенсами. Он проводит аналогию между заселением Японских островов носителями культуры бронзового века яёй, оттеснившими на север и частично ассимилировавшими носителей местной неолитической культуры дзёмон, и ситуацией при переходе от среднего к верхнему палеолиту. “Единственное, о чем можно говорить с уверенностью, – так это о том, что неандертальские варианты мтДНК были утеряны в процессе эволюции. <...> Отбор против неандертальских гаплотипов мтДНК (если таковой действительно происходил) – это отбор против неандертальских или метисных женщин или девочек” [Козинцев, 2003, с. 59].

На мой взгляд, применительно к сунгирским находкам подобные предположения остаются гипотетическими. Если А.Г. Козинцев по-прежнему придерживается мнения о генетической связи сунгирцев с неандертальцем Сен-Сезера, то мне сложно представить последовательную элиминацию неандертальских женщин на протяжении 440 поколений, для того чтобы обеспечить отсутствие следов материнской линии неандертальцев в генотипе сунгирцев. Приходится предположить, что неандертальские мужчины женились на кроманьонских женщинах. Возникает вопрос: где они их брали в достаточном количестве, если кроманьонцы мигрировали? Преобладающая миграция в истории человечества – мужская, и, как правило, при взаимодействии пришлого и автохтонного населения именно местный женский субстрат участвует в метисационных процессах. Маловероятно, чтобы немногочисленные кроманьонские женщины вступали в брачные союзы с неандертальцами, впрочем, здесь мы вступаем в область допущений и предположений, поэтому лучше вернемся к фактическим данным.

Краниология мужского черепа Сунгирь 1, подробно исследованного еще корифеями отечественной антропологии Г.Ф. Дебецем [2000, с. 147 – 150] и В.В. Бунаком [Сунгирь..., 1984, с. 14 – 99], подверглась дальнейшей детализации в коллективной монографии “*Homo sungirensis...*” [2000]. Как отмечает соавтор В.В. Бунака по первой сунгирской монографии М.М. Герасимова, по прошествии 15 лет некоторые моменты требуют определенного переосмысления [Там же, с. 158]. Характеризуя Сунгирь 1, она подчеркивает своеобразие данного краниума, тем не менее входящего в круг верхнепалеолитических черепов Европы [Там же, с. 171]. Итоги краниотригонометрического обследования, выполненного С.В. Васильевым [Там же, с. 177], говорят о принадлежности черепа Сунгирь 1 к виду *Homo sapiens*, причем по разным системам признаков наблюдается сближение с индивидуумами Пржедмости 3, Младеч-Лауч 1, Кроманьон 1, Комб-Капель, Фиш-Хук, Шандидунь.

Т.И. Алексеева рассмотрела результаты пяти канонических анализов верхнепалеолитических краниумов [Там же, с. 182 – 190]. Согласно ее заключению, сунгирский череп, безусловно, включается в круг европейских, точнее, западно-европейских верхнепалеолитических находок, сохраняя при этом некоторые специфические черты, проявляющиеся в его крупных лицевых размерах, которые могут быть трактованы как индивидуальная особенность. По итогам многомерного анализа в верхнепалеолитической Европе выделились три краниологических варианта, не имеющих очерченных территорий. Первый представлен находками КроМаньон 1 и Костенки 2, второй – Солютре. Сунгирь 1, скорее всего, включается в наиболее многочисленный третий вариант наряду с находками Шанселяд, Комб-Капель, Пржедмости 3 и 9, Младеч 1, Уртьяга В1 и, возможно, Сан-Теодоро 1, 3, Барма-Гранде 5.

Итак, верхнепалеолитические черепа демонстрируют значительный полиморфизм. Вместе с тем данные краниологии свидетельствуют об отсутствии неандерталоидных особенностей у сунгирского мужчины. При этом не наблюдается и обособления группы моравских гоминидов, имевших, по А.Г. Козинцеву [2003, с. 60 – 61], неандертальский субстрат, что отражается в “пережиточно-неандертальских чертах” черепов из Пржедмости. Единственным аргументом, на который могут опереться сторонники неандертальского происхождения сунгирцев, после того как А.А. Зубов смягчил свой вывод об одонтологическом комплексе детей Сунгирь 2 и 3, как доказывающем преемственность между неандертальцами и современными людьми [Homo sungirensis..., 2000, с. 267], остаются особенности посткраниального скелета, описанные Е.Н. Хрисанфовой [1984; Homo sungirensis..., 2000]. Такая трактовка работы Е.Н. Хрисанфовой традиционна для российской антропологии и, в частности, восходит к взглядам Я.Я. Рогинского [1985, с. 11], отметившего наличие отдельных неандерталоидных особенностей у мужского скелета из Сунгира.

Действительно, Е.Н. Хрисанфова цитирует предположение О.Н. Бадера, что под влиянием надвигавшегося ледника происходила миграция неандертальцев к югу и их концентрация в зоне между ледником и Понто-Каспийским морским бассейном, где они могли частично смешиваться с потомками поздней прото-кроманьонской волны из Африки и/или Передней Азии. Вместе с тем исследовательница демонстрирует большую взвешенность в оценках, отмечая, что “некоторые сходные черты габитуса ископаемых популяций могли возникать неоднократно и на разных уровнях эволюционного процесса (ранний архаический сапиенс Северной Европы, классические неандертальцы, мадленцы)” [Homo sungirensis..., 2000, с. 348]. Е.Н. Хрисанфова дает читателю всю необходимую

информацию о том, *какие* признаки сближают сунгирца с неандертальцами и о *каких* неандертальцах в этом случае идет речь. Итак, рост, пропорции конечностей, некоторые черты морфологии плечевой кости (тенденция к округлению диафиза, умеренный торзион, значительное развитие обоих эпифизов, горизонтальное положение блока), длинные, умеренно массивные кости предплечья, длинное бедро с широким верхним эпифизом (при умеренном относительном развитии нижнего), крупной циркулярной головкой, опущенной шейкой, сильным пиястром, специфическим характером рельефа верхнего конца кости, платикнемия, повышенный торзион и сильная ретроверсия большеберцовой кости составляют многочисленные признаки сходства Сунгирь 1 с переднеазиатскими сапиентными мустьерцами группы Схул. Сходство между сунгирцем и Схул 4 по особенностям строения кисти и стопы, находящимся под генетическим контролем, Е.Н. Хрисанфова признает поразительным [Там же, с. 346]. Эти факты прямо говорят в пользу концепции “замещения”. На их основании нельзя отвергать предположение о том, что часть предков сунгирца была родственна ближневосточным мустьерцам.

Что же поистине архаического, не считая морфологической близости палестинским “прогрессивным” мустьерцам, наблюдается в облике сунгирца? Это исключительная плотность телосложения, резкая брахиморфия верхней части туловища, сильное развитие мезоморфного компонента, внешне массивный скелет. Соотношение P/S (вес к поверхности тела) соответствует групповому максимуму современного человека и близко к величине этого показателя у “классических” неандертальцев. Указанные признаки сами по себе не являются видоспецифичными и характерны не только для европейских неандертальцев, но и для современных арктических монголоидов (например, алеутов и эскимосов). Заманчиво было бы рассматривать население Аляски и Чукотки как “последний форпост” “классических” неандертальцев, особенно с позиций японской модели, предлагаемой А.Г. Козинцевым, но, к сожалению, данные этнической антропологии говорят об ином. В частности, по результатам краниоскопического исследования [Козинцев, 1988], арктические монголоиды сходны с южными, что подкрепляет гипотезу о тихоокеанском, а не континентальном, пути заселения Берингоморья. По-видимому, можно признать, что специфические черты арктических монголоидов, такие как пропорции посткраниального скелета (относительно укороченные голени, отношение длины руки к длине ноги, вместительная грудная клетка, относительно широкие плечи, внешняя, но отнюдь не внутренняя массивность скелета), сформировались в ряду поколений арктического населения как адаптивная реакция в экстремальных условиях проживания.

Как подчеркивает Т.И. Алексеева, “может быть, и не стоит рассматривать морфологический комплекс сунгирцев как несущий в себе некоторую примесь неандерталоидности. Все выше названные признаки рассматриваются – по аналогии с адаптивными особенностями современного человека – в качестве приспособительных к условиям холодного стресса; они возникают конвергентно в популяциях, которые могут быть не связаны родством, но жить в одной и той же экологической нише” [Homo sungirensis..., 2000, с. 453].

Продольные размеры основных костей конечностей и длина ключицы, т.е. показатели, отражающие общие размеры тела, линейные пропорции и широтное развитие плечевого пояса, были использованы мною для описания тенденций морфологической дифференциации палеолитических гоминидов [Там же, с. 388 – 392]. Остановлюсь подробнее на некоторых результатах этого исследования. Так, при кластеризации методом UPGMA выделились две основные совокупности конституциональных вариантов [Там же, с. 391, рис. 30.6]. Первый включил находки Грот Детей 4 – Барма-Гранде 2, Пржедмости 3 – Схул 4, Схул 5 – Кебара 2. К этому же кластеру присоединился Сунгирь 1. Вторая большая совокупность морфотипов образована вариантами строения, характерными для Пржедмости 9 – Шанидар 1, Пржедмости 14 – Оберкассель, Гуч-Кэйв – Неандерталь 1, Арен-Кандид 5, Ле Регурду 1, Шанидар 5 и 4.

По мнению А.Г. Козинцева [2003, с. 62], на базе этого анализа трудно сделать какие-либо выводы эволюционного, адаптационного или иного характера, т.к. по рассмотренным показателям неандертальцы не противостоят верхнепалеолитическим сапиенсам. Однако, на мой взгляд, эти данные в значительной степени отражают климатогеографическую дифференциацию палеолитического населения. Высокорослые формы включают протокроманьонцев Ближнего Востока, конституция которых запечатлела формообразующее воздействие жаркого климата, верхнепалеолитическое население Франции, Италии, частично Центральной Европы и Европейской России периода интерстадиала. Для них была характерна относительная короткорукость и длинноногость. Средневысокие и низкорослые формы представлены разнородной выборкой, объединяющей шанидарских неандертальцев, посткраниальная морфология которых оценивалась многими исследователями как сформировавшаяся под воздействием холодного стресса (см. выше), европейских неандертальцев, верхнепалеолитическое население Южной и Центральной Европы, большая часть которого существовала в условиях позднейшего оледенения или, как представитель мезолита из Гуч-Кэйв, еще не преодолела его последствия. Наряду с общим уменьшением размеров тела

для этих гоминидов была характерна относительная длиннорукость и коротконогость. Примечательно, что несмотря на крайне большую ширину плеч, которая отличает мужчину Сунгирь 1 от других представителей раннего и среднего палеолита, он не обнаруживает сходства с европейскими неандертальцами. В то время как уменьшение длины конечностей у мадленцев и общая брахиморфизация сложения, характерные для населения позднего верхнего палеолита, имеют аналогии в морфологическом комплексе поздних неандертальцев. В сходных климатических условиях европейские неандертальцы и мадленцы, по-видимому, следовали параллельным тенденциям варибельности.

А.Г. Козинцев [Там же, с. 62 – 63] упрекнул меня за то, что я использовала неудачные признаки и неадекватный статистический метод. По его мнению, даже сравнение простых индексов было бы полезнее. Подчеркну, что выбор мною признаков далеко не случаен. Именно общие размеры тела имеют большое физиологическое значение, будучи связанными с процессами терморегуляции. Рассмотрение только индексов не может быть признано удачным, ведь “тропические” пропорции относительной длины предплечья и голени сохраняются у большинства европейского населения верхнего палеолита и мезолита, что, на мой взгляд, прекрасно было показано в цитированных выше работах Т. Холлидея. Таксономическое значение в этот период имеют именно параметры общих размеров тела и отношение длины руки к длине ноги.

Применение программы UPGMA при анализе ископаемых находок не является моим изобретением. Это стандартный способ исследования, включающий не только метод главных компонент, но и кластерный анализ. Сходным образом признаки посткраниального скелета у древних гоминидов анализировал О. Пирсон, посвятивший обстоятельное исследование посткраниальной морфологии в связи с вопросами происхождения человека современного облика [Pearson, 1997]. Как мне представляется, вообще не стоит абсолютизировать результаты анализа единичных ископаемых находок с применением методов многомерной статистики, даже если это метод канонического анализа со стандартной корреляционной матрицей*. Без фундаментальных знаний в морфологии использование методов многомерной статистики становится формальным приемом.

* По мнению А.Г. Козинцева, проведенный мною статистический анализ крайне неудачен, поскольку использованы измерительные признаки посткраниального скелета, связанные между собой внутригрупповой корреляцией. Но полученные мной ранее коэффициенты корреляций основных остеометрических признаков оказались, хотя и положительные, но не столь высоки (например, 0,38 для длины плеча и бедра, 0,30 для длины бедра и голени) [Медникова, 1993, с. 67].

Но вернемся к обсуждению морфологических деталей. Нельзя не отметить отсутствие в морфологии сунгирцев некоторых важных анатомических особенностей “классических” неандертальцев. Так, у неандертальца Сен-Сезера, несмотря на “верхнепалеолитические” физические нагрузки и локомоцию, связанную с более “прогрессивной” деятельностью, так и не происходит формирование наружного пилеастра бедренной кости, т.е., по-видимому, этот признак находился под генетическим контролем. У индивидуумов Сунгирь 1 и 4 пилеастр присутствует, а особенности формы поперечного сечения бедренной кости не имеют ничего общего с известными у неандертальцев и целиком соответствуют современным анатомическим формам [Homo sungirensis..., 2000, с. 324; Mednikova, Trinkaus, 2001].

Мои наблюдения позволяют дополнить данные о воздействии холодового стресса на сунгирское население. Так, рентгеноструктурный анализ скелета мужчины Сунгирь 1 позволил установить, что, несмотря на общие крупные размеры костяка, он характеризуется пониженной кортикализацией и очень обширным пространством, которое заполнял костный мозг [Homo sungirensis..., 2000, с. 367 – 371]. Например, очень низкое значение отношения индекса компактизации в середине диафиза к длине плечевой кости показывает, как мал удельный вес кортикального слоя в архитектуре плечевых костей сунгирца по сравнению с большинством позднейших выборок. По этому показателю, характеризующему объем костного мозга, выполняющего важную кроветворную функцию, сунгирский мужчина располагается между эскимосами и алтайскими афанасьевцами Куроты II. В меньшей степени тенденция относительного увеличения объема медуллярного канала прослеживается в группе Южного Оленьего острова и у обдорских хантов. Максимальные различия обнаружены у сунгирца с нагудийскими группами. Эти данные отражают экогеографическую дифференциацию древнего человечества и свидетельствуют о повышенной функции кроветворения у обитателей палеолитического севера, а также у мезолитических жителей тундры и высокогорья в эпоху бронзы. В холодном климате усилены окислительно-восстановительные процессы, что обуславливает повышенное расходование организмом аскорбиновой кислоты и дефицит кислорода (гипоксия). Абсолютное и относительное увеличение костного мозга – эффективный компенсаторный механизм, позволяющий выжить в экстремальных условиях.

По целому комплексу морфологических показателей, имеющих физиологическое значение, прежде всего с точки зрения кроветворения и интенсификации обмена веществ (к ним относятся, в первую очередь, высокий удельный вес костного мозга в составе скелета и вместительная грудная клетка), взрос-

лые сунгирцы соответствуют представителям современных популяций, относимых к арктическому и высокогорному адаптивным типам. При этом по общим размерам и пропорциям тела они ближе к последним, которые часто демонстрируют высокорослость. Особенности индивидуального развития сунгирских детей, проявляющиеся в продолжительном периоде продольного роста трубчатых костей [Homo sungirensis..., 2000, с. 371, 379], слабая выраженность процессов старения, характерная для индивидуума Сунгирь 1 [Там же, с. 54 – 56, 399] и отвечающая варианту долгожителей, также находят аналогии в высокогорных популяциях современного человечества. Для неандертальцев был характерен более короткий жизненный цикл [Trinkaus, 1995], чем для верхнепалеолитического населения, что, на мой взгляд, обнаруживает сходство с темпами онтогенеза современных арктических групп и может отражать дальше зашедшую адаптацию европейских неандертальцев к климатическим условиям ледникового периода.

Данные молекулярной генетики, морфологии черепа и посткраниального скелета не предоставляют доказательств участия “классических” европейских неандертальцев в происхождении сунгирской группы верхнепалеолитического населения. Признаки строения посткраниального скелета, которые могли быть истолкованы как неандерталоидные, с большой долей вероятности являются проявлением закона гомологических рядов наследственной изменчивости, сформулированного Н.И. Вавиловым. Как мне представляется, нынешний уровень научных знаний позволяет исключить сунгирские скелеты из круга метисных форм. Иные предположения на этот счет остаются гипотетичными. Тем не менее изучение изменения облика населения при переходе от среднего к верхнему палеолиту остается актуальной проблемой. Будущее покажет, насколько адекватно отражают новые построения, подобные математической модели диффузионной волны, реалии морфологической изменчивости. Пристального внимания заслуживают верхнепалеолитические скелеты, возможно, несущие следы воздействия неандертальского субстрата [Portrait..., 2002]. К сожалению, фрагментарность находок, неодинаковый возрастной статус и неравнозначность морфологических критериев всегда будут способствовать дискуссиям вокруг выдвигаемых концепций.

Список литературы

- Алексеева Т.И. Географическая среда и биология человека. – М.: Мысль, 1977. – 302 с.
 Дебец Г.Ф. Скелет позднепалеолитического человека из погребения на Сунгирской стоянке // Homo sungirensis: Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюци-

онные аспекты исследования / Отв. ред. Т.И. Алексеева, Н.О. Бадер. – М.: Научный мир, 2000. – С. 147 – 150.

Козинцев А.Г. Новые данные о происхождении арктической расы // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири / Отв. ред. В.П. Алексеев. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 66 – 83.

Козинцев А.Г. Переход от неандертальцев к людям современного типа в Европе: эволюция путем полового отбора? // Человек заселяет планету Земля: Глобальное расселение гоминид. – М.: Ин-т географии РАН, 1997. – С. 109 – 114.

Козинцев А.Г. От среднего палеолита к верхнему: адаптация и ассимиляция (сунгирская проблема на новом этапе изучения) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 1 (13). – С. 58 – 64.

Медникова М.Б. Антропология древнего населения Южной Сибири по данным посткраниального скелета (в связи с проблемами палеоэкологии): Дис. ... канд. биол. наук / Моск. гос. ун-т. – М., 1993. – 420 с.

Медникова М.Б. Описательная программа балловой оценки степени развития рельефа длинных костей // Историческая экология человека: Методика биологических исследований. – М.: Старый сад, 1998. – С. 151 – 169.

Рогинский Я.Я. О причинах исчезновения неандертальцев // Вопр. антропологии. – 1985. – Вып. 75. – С. 10 – 13.

Сунгирь: Антропологическое исследование / Под ред. А.А. Зубова, В.М. Харитонова. – М.: Наука, 1984. – 215 с.

Харитонов В.М. Онтогенез структурных компонентов стадийных типов гоминид // Вопр. антропологии. – 1991. – Вып. 85. – С. 67 – 75.

Хрисанфова Е.Н. Эволюционная морфология скелета человека. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. – 174 с.

Хрисанфова Е.Н. Посткраниальный скелет взрослого мужчины Сунгирь 1. Бедренная кость Сунгирь 4 // Сунгирь: Антропологическое исследование / Под ред. А.А. Зубова, В.М. Харитонова. – М.: Наука, 1984. – С. 100 – 139.

Badoux D.M. Probabilite d'une differenciation due au climat chez les Neandertaliens d'Europe // L'Anthropologie. – 1965. – Vol. 69 (1/2). – P. 75 – 82.

Biasutti R. Radio-humeral and tibio-femoral indexes in fossil and living man // Homo. – 1951. – Vol. 2. – P. 97 – 99.

Bonin G., von. European races of the Upper Paleolithic // Human Biology. – 1935. – Vol. 7. – P. 196 – 221.

Brennan M. Health and disease in the Middle and Upper Paleolithic of Southwestern France. A bioarchaeological study: Ph. D. Dissertation / New York University. – N.Y., 1991.

Caspari R. Skeletal reflections of increased mobility in the Central European Upper Paleolithic // American Journal of Physical Anthropology. – 1992. – Suppl. 14. – P. 58.

Churchill S.E. Neanderthal scapular axillary border morphology revisited // American Journal of Physical Anthropology. – 1996. – Suppl. 22. – P. 85.

Churchill S.E., Pearson O.M., Grine F.E., Trinkaus E., Holliday T.W. Morphological affinities of the proximal ulna from Kasies River main site: archaic or modern? // Journal of Human Evolution. – 1996. – Vol. 31. – P. 213 – 237.

Churchill S.E., Smith F.H. A modern human humerus from the early Aurignacian of Vogelherdhohle (Stetten, Germany) // American Journal of Physical Anthropology. – 2000. – Vol. 112. – P. 251 – 273.

Coon C.S. The origin of races. – N.Y.: Alfred A. Knopf, 1962.

Eswaran E. A diffusion wave out of Africa: The mechanism of the modern human revolution? // Current Anthropology. – 2002. – Vol. 43, N 5. – P. 749 – 774.

Frazer D.W. Evolution at the European edge: Neanderthal and Upper Paleolithic relationships // Prehist. Europ. – 1992. – Vol. 2. – P. 9 – 69.

Frazer D.F., Wolpoff M.F., Thorne A.G., Smith F.H., Pope G.G. Theories of modern human origin: the paleontological test // Am. Anthropol. – 1993. – Vol. 95. – P. 14 – 50.

Holliday T.W. Body proportions in Late Pleistocene Europe and modern human origins // Journal of Human Evolution. – 1997. – Vol. 32. – P. 423 – 447.

Holliday T.W. Brachial and crural indices of European Late Upper Paleolithic and Mesolithic Humans // Journal of Human Evolution. – 1999a. – Vol. 36. – P. 549 – 566.

Holliday T.W. Qafseh-Skhul, West-Asian “Neandertals” and modern human origins // Journal of Human Evolution. – 1999b. – Vol. 36. – P. 7 – 8.

Homo sungirensis: Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования / Отв. ред. Т.И. Алексеева, Н.О. Бадер. – М.: Научный мир, 2000. – 468 с.

Gieseler W. Bericht über jungpaläolithischen Skelettreste von Stetten ob Lontal bei Ulm // Verh. Gesellschaft Phys. Anthropol. – 1937. – Bd. 8. – S. 41 – 48.

Kaestle F.A., Horsburgh H.A. Ancient DNA in anthropology: Methods, Applications and Ethics // Yearbook of Physical Anthropology. – 2002. – Suppl. 35 (vol. 45). – P. 92 – 130.

Krings M., Capelli C., Tschentscher F., Geisert H., Meyer S., von Haeseler A., Grosschmidt K., Possnert G., Paunovic M., Paabo S. A view of Neanderthal genetic diversity // Nature Genetics. – L., 2000. – Vol. 26. – P. 144 – 146.

Krings M., Stone A., Schmitz R.W., Krainitzki H., Stoneking M., Paabo S. Neanderthal DNA sequences and the origin of modern humans // Cell. – Cambridge, 1997. – Vol. 90. – P. 19 – 30.

Mednikova M., Trinkaus E. Femoral midshaft diaphyseal cross-sectional geometry of the Sunghir 1 and 4 Gravettian human remains // Anthropologie. – Brno, 2001. – Vol. 39 (2/3). – P. 103 – 109.

Ovchinnikov I., Gotherstrom A., Romanova G.P., Kharitonov V.M., Liden K., Goodwin W. Molecular analysis of Neanderthal DNA from the Northern Caucasus // Nature. – L., 2000. – Vol. 404. – P. 490 – 493.

Pearson O.M. Postcranial morphology and the origin of modern humans: Ph. D. thesis / State University of New York at Stony Brook. – N.Y., 1997. – 783 p.

Pearson O.M., Grine F.E. Morphology of the Border Cave ulna and humerus // South African Journal Science. – 1996. – Vol. 92. – P. 231 – 236.

Portrait of the artist as a child: The Gravettian human skeleton from the Abrigo do Lagar Velho and its archeological context / Eds. J. Zilhao, E. Trinkaus. – Lisboa: Instituto Portugues de Arqueologia, 2002. – 609 p.

Richards M.P., Pettit P.M., Stiner M.S., Trinkaus E. Stable isotope evidence for increasing dietary breadth in the European mid-Upper Paleolithic // Proceedings of National Academy of Science. – 2001. – Vol. 98, N 11. – P. 6528 – 6532.

Riek G. Die Eiszeijagerstation am Vogelherd. – Leipzig: Curt Gabitzsch Verlag, 1934. – Bd. 1: Die Kulturen.

Ruff C.B. Morphological adaptation to climate in modern and fossil hominids // Yearbook of Physical Anthrop. – 1994. – Vol. 37. – P. 65 – 107.

Sammlerinnen und Jäger von den Anfängen bis vor 35000 Jahren // Urgeschichte in Baden-Württemberg / Hrsg. H. Müller-Beck. – Stuttgart: Konrad Theiss Verlag, 1983. – S. 241 – 272.

Stringer C.B. Human evolution and biological adaptation in the Pleistocene // Prehistoric human adaptation in biological perspective / Ed. by R. Foley. – N.Y.: Academic Press, 1984. – P. 55 – 83.

Stringer C.B. Replacement, continuity and the origin of Homo sapiens // Continuity or Replacement: Controversies in Homo sapiens Evolution / Eds. G. Brauer, F.H. Smith. – Rotterdam: A.A. Balkema, 1992. – P. 9 – 24.

Stringer C.B. Reconstructing recent human evolution // The origin of modern humans and the impact of chronometric dating / Eds. M.J. Aitken, C.B. Stringer, P.A. Mellars. – Princeton: Princeton University Press, 1993. – P. 179 – 195.

Stringer C.B., Andrews P. Genetic and fossil evidence for the evidence of modern humans // Science. – 1988. – Vol. 239. – P. 1263 – 1268.

Trinkaus E. Neanderthal limb proportions and cold adaptation // Aspects of Human evolution / Ed. by C.B. Stringer. – L.: Taylor & Francis, 1981. – P. 187 – 224.

Trinkaus E. Neanderthal mortality patterns // Journal of Archaeological Science. – 1995. – Vol. 22. – P. 121 – 142.

Trinkaus E., Churchill S.E., Ruff C.B., Vandermeersch B. Long bone shaft robusticity and body proportions of the Saint-Cesaire 1 Chatelperronian Neanderthal // Journal of Archaeological Science. – 1999. – Vol. 26. – P. 753 – 773.

Trinkaus E., Ruff C.B., Churchill S.E., Vandermeersch B. Locomotion and body proportions in the Saint-Cesaire 1 Chatelperronian Neanderthal // Proceedings of the National Academy of Sciences USA. – 1998. – Vol. 95. – P. 5836 – 5840.

Verneau R. Anthropologie // Les Grottes de Grimaldi (Baousses-Rousses). – Monaco: Imprimerie de Monaco, 1906. – Vol. 2, fasc. 1.

Wolpoff M.H. The place of the Neanderthals in human evolution // The Emergence of Modern Humans / Ed. by E. Trinkaus. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – P. 97 – 141.

Wolpoff M.H. Theories of modern human origins // Continuity or Replacement: Controversies in Homo sapiens Evolution / Eds. G. Brauer, F.H. Smith. – Rotterdam: A.A. Balkema, 1992. – P. 25 – 63.

Wolpoff M.H., Wu X., Thorne A.G. Modern Homo sapiens origins: A general theory of hominid evolution involving the fossil evidence from East Asia // The origin of modern humans: A world survey of the fossil evidence / Eds. F.H. Smith, F. Spencer. – N.Y.: Alan R. Liss, 1984. – P. 411 – 483.

Материал поступил в редколлегию 16.06.03 г.

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

УДК 903

Н.П. Матвеева, Н.Е. Рябогина

Институт проблем освоения Севера СО РАН

а/я 2774, Тюмень, 625003

E-mail: Pale@ipdn.tmn.ru

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРИРОДНЫХ УСЛОВИЙ ЗАУРАЛЬЯ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ (по палинологическим данным)*

Традиционно ранний железный век Евразии относят к первой половине субатлантического периода голоцена. Он характеризуется неоднородной ландшафтно-климатической ситуацией и совпадает с периодами увеличения увлажнения в середине и конце I тыс. до н.э. и аридизации в начале I тыс. н.э. [Шнитников, 1957]. В ритмической модели голоцена, разработанной Е.В. Максимовым, ранний железный век включал холодно-влажную (VI – II вв. до н.э.), холодно-сухую (II в. до н.э. – I в. н.э.) и тепло-сухую (I – IV вв. н.э.) климатические фазы [Максимов, 1986, с. 11]. Время наступления каждой из них в разных регионах Евразии различалось на 100 – 200 лет, они имели неодинаковую продолжительность. В степях аридизация была более глубокой, чем в лесостепи, происходило смещение зон и подзон, но характер изменения ландшафтных зон на сегодня малоизучен.

Палинологические изыскания на археологических объектах Южного Зауралья были нацелены на реконструкцию среды обитания человека и выявление ее влияния на социально-экономический уклад общества в раннем железном веке**. Поэтому одна из задач исследования – установление соответствия между локальной археолого-исторической периодизацией и региональными изменениями природных условий субатлантического периода.

Конкретная динамика климата в лесостепи Западной Сибири долгое время оставалась неизученной, и только в 1980-х гг. Л.А. Орловой выполнены иссле-

дования по Новосибирскому Приобью [1990], материалы которых свидетельствуют о существенных изменениях климата в раннем железном веке. В целом ее данные удовлетворительно сопоставляются с рубежом суббореальной и субатлантической хронозон эталонной схемы Блитта – Сернандера [Там же, с. 76]. Колебания среднегодовой суммы осадков почти синхронны с изменением температуры: при ее повышении их количество сокращалось, при понижении – увеличивалось [Там же, с. 67 – 68]. В интервале IV – III вв. до н.э., как полагает Л.А. Орлова, в лесостепном Приобье и Барабе климат был холодный и влажный, с температурами на 2° ниже современных и среднегодовой суммой осадков на 75 – 100 мм больше. Затем происходили неоднократные колебания, а в III – IV вв. н.э. климат был близок к современному.

Район нашего исследования расположен в западной части лесостепной зоны Западной Сибири. Зональная растительность характеризуется чередованием небольших березовых и сосново-березовых лесов с лугово-степными пространствами, большая часть которых распахана. При сравнении состава современных растительных формаций с поверхностным спорово-пыльцевым спектром нами была установлена степень их адекватности. В методическом аспекте мы получили подтверждение данных Н.А. Хотинского [1977] о том, что содержание пыльцы древесных пород и кустарников в палинологических материалах на границе леса и степи завышено вдвое, а количество пыльцы трав занижено в 3 раза. Кроме этого, доля пыльцы сосны в значительной степени зависит от ветрового заноса из подтаежной и таежной зон [Рябогина, Семочкина, Ларин, 2001, с. 211]. Полагая, что данная закономерность действовала и в прошлом, мы учли ее при восстановлении характера палеорастительности нашего региона.

* Стендовый доклад на секции “Палеоэкология” XIV Международного конгресса, посвященного до- и протоистории, в Льеже, Бельгия. 2001 г.

** Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 01-06-80094)

В работе использованы материалы трех древних поселений и двух некрополей, относящихся к саргатской культуре и изученных Н.П. Матвеевой в бассейне р. Тобол. Они расположены на расстоянии 30 – 80 км друг от друга и датируются в интервале VI в. до н.э. – III в. н.э.

Методика и место отбора проб на археологических объектах подбирались индивидуально для каждого памятника. На поселениях анализировалась почва из заполнения сооружений и межжилищного пространства, где, как правило, имеется четко выраженный культурный горизонт с включениями датированных артефактов. При работе на могильниках исследовалась почва, погребенная под могильным выбросом. Это позволило получить данные о природных условиях, существовавших как до сооружения могильника, так и непосредственно в момент его функционирования. В работе использовались относительные археологические определения возраста и результаты радиоуглеродного анализа.

Материалы по реконструкции условий обитания населения раннего железного века представим в хронологическом порядке.

Очень интересны палинологические данные из культурных горизонтов поселения Нижний Ингал-3 [Рябогина, Матвеева, Орлова, 2001]. На нем зафиксировано обитание человека в эпоху бронзы (XVIII – XVII вв. до н.э.) и раннем железном веке (VI – III вв. до н.э.). Выявлено, что природные условия в бронзовом и раннем железном веках резко различались (рис. 1). Характер палинологических комплексов в середине бронзового века указывает на доминирование лугово-степных ландшафтов и континентальный аридный климат. Палинологические данные новой эпохи – периода саргатской культуры – свидетельствуют о существенных изменениях ландшафтно-климатической ситуации в сторону похолодания и увеличения увлажнения. Этот перелом приходится на финал суббореального и начало субатлантического периода, что подтверждается двумя радиоуглеродными датами, полученными по древесному углю из жилища саргатской культуры: $2\ 670 \pm 45$ л.н. (СОАН-3947) и $2\ 860 \pm 45$ л.н. (СОАН-3948). В палиносpectрах этого времени наблюдается значительное сокращение доли травянистой растительности (с 71 до 15,4%). Резко возрастает количество древесной пыльцы (с 29 до 76%), в ее составе доминирует береза, представлены сосна и ива. Таким образом, в конце бронзового – начале раннего железного века открытые степные ландшафты сменяются лесостепными с березовыми лесами, а участки степей сокращаются и принимают более мезофитный облик. Тенденция к дальнейшему увеличению площади лесов отмечается и позднее.

Другой саргатский памятник – Рафайловское городище – датируется V – II вв. до н.э. [Ларин, Матвеева, 1997]. Из образцов, относящихся к концу V – IV в., выделены палинологические материалы, характеризующие распространение березово-сосновых лесов и увеличение увлажнения. В отложениях IV – начала III в. до н.э. выявлены спорово-пыльцевые комплексы лесостепного типа, свидетельствующие о наличии березовых лесов, возможно местами переувлажненных, и разнотравных лугово-степных участков. Обилие спор и представителей гидромезофитов, очевидно, связано с повышением уровня воды в водоемах, в результате чего увеличились площади заливных лугов и сырых местообитаний. Во время функционирования Рафайловского городища лесные сообщества уже доминировали, хотя облесенность территории в раннем железном веке, видимо, была меньше, чем в более позднее время.

Однако в раннем железном веке Зауралья выделяется и кратковременная фаза потепления. Она выявлена по материалам конца III – II в. до н.э. на Рафайловском городище как период повышения температур и снижения влагообеспеченности. В это время наблюдается увеличение количества пыльцы полыней и других ксерофитов и уменьшение доли древесной пыльцы. Такая же волна потепления была зафиксирована и в разрезах Л1/95 близ с. Лыбаева на среднем Тоболе и 2/98 на Андреевском торфянике близ Тюмени [Рябогина, Семочкина, Ларин, 1999, с. 62 – 63; 2001, с. 213], не включающих культурные отложения. Очевидно, это проявление глобального среднесубатлантического потепления, которое привело к иссушению степей в более южных районах, и вызвало великое переселение народов [Иванов, Васильев, 1995]. Потепление конца III – II в. до н.э. в Зауралье не повлекло существенных изменений в ландшафте и проявилось только в небольшом увеличении степных участков.

Последующее похолодание обусловило распространение осветленных березово-сосновых лесов и сокращение доли участия в ландшафте участков степей и лугов. Такое направление в развитии природных условий сохраняется и позже, по-видимому, в средневековье.

Сходная ландшафтно-климатическая ситуация реконструирована и по материалам могильника Нижне-Ингалский-1 (кург. 1) [Матвеева, 1999, с. 93; 2000, с. 16 – 17]. Памятник функционировал как погребальное сооружение в III – II вв. до н.э., согласно датам $2\ 230 \pm 65$ л.н. (СОАН-3557) и $2\ 215 \pm 60$ л.н. (СОАН-3529), а также и в I – III вв. н.э. Из погребенной под курганной насыпью почвы выделены палинокомплексы лесостепного типа. В период функционирования кургана на окружающих территориях начали развиваться смешанные сосново-березовые леса с напочвенным травяно-плауновым покровом [Ларин,

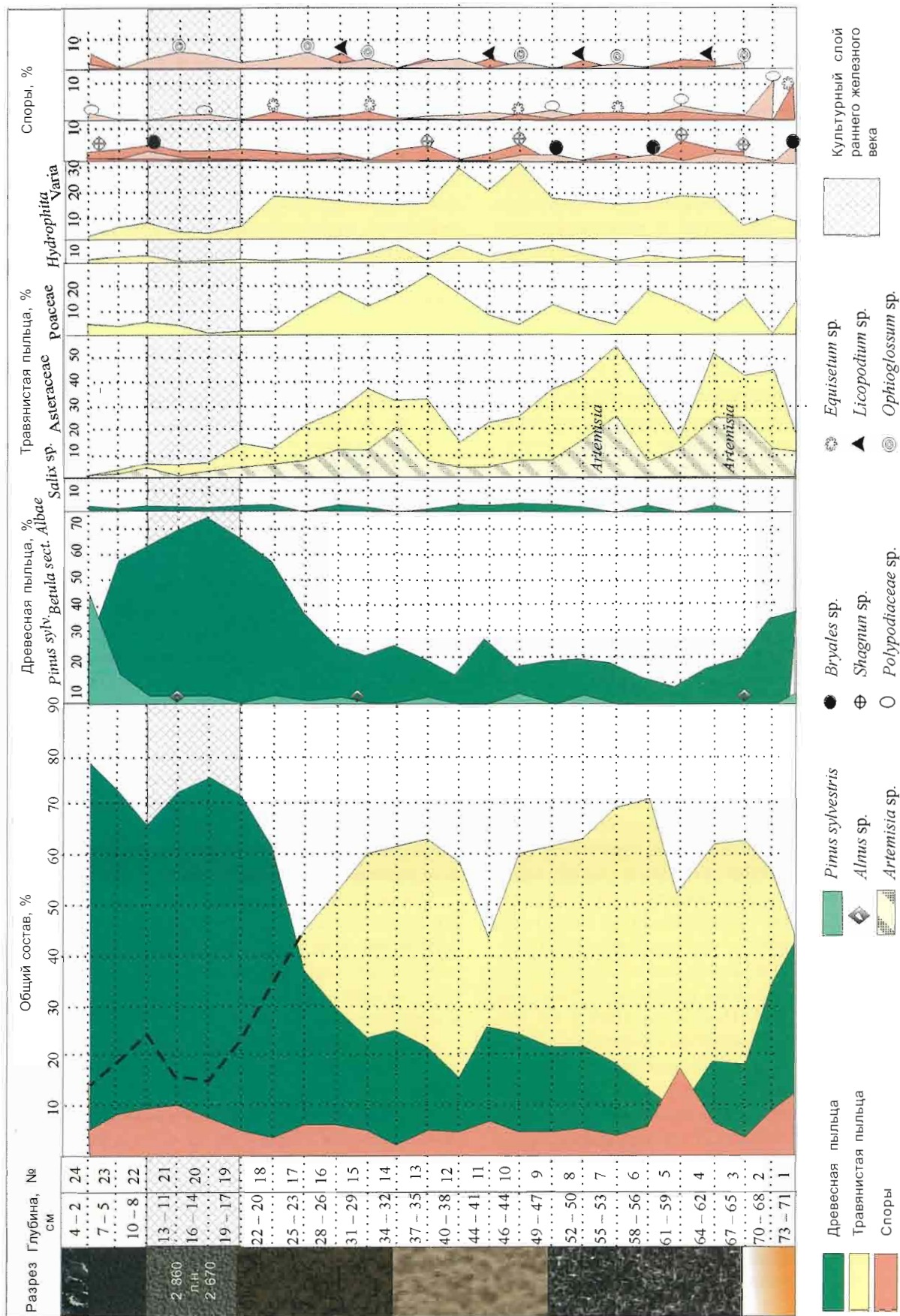

Рис. 1. Палинологическая диаграмма по материалам разреза на поселении Нижний Ингал-3, 1999 г.

Матвеева, 1997, с. 138 – 139]. В составе лугово-степных сообществ велика доля представителей ксерофитных местообитаний, однако это может быть связано как с уменьшением увлажнения в III в. до н.э., так и с распространением пасквальной растительности. В целом реконструируются климатические условия, близкие к современным.

Очень интересными и представительными оказались палинологические материалы селища Коловское-2, отобранные из стенки раскопа, в котором В.В. Гореловым изучена саргатская полуземлянка. Памятник был датирован по инвентарю IV – II вв. до н.э. [Матвеева, 1993, с. 90], что подтверждено и исследованиями 2001 г. на площадке городища. В образцах из культурного горизонта ясно прослеживается увеличение количества пыльцы деревьев с 25 до 70 – 80% при значительном сокращении доли пыльцы трав (рис. 2). Эти данные резко отличаются от палинокомплексов степного типа предыдущей эпохи из нижележащих отложений погребенной почвы, связываемых с бархатовской культурой заключительной стадии бронзового века. Понижение температур в начале эпохи раннего железа способствовало развитию березовых лесов, и ландшафт принимает лесостепной облик. Постепенно лесная растительность становится доминирующей, а роль степных сообществ – незначительной. Очевидно, население поселка на Коловском городище обитало в окружении березовых и березово-осиновых лесов. Смешанные или сосновые леса в это время здесь отсутствовали. Их ареал был значительно севернее современного. В верхней части культурного горизонта отмечается некоторое снижение влагообеспеченности. Оно проявилось в сокращении споровых и увеличении роли ксерофитов в палиноспектрах, но не повлияло на общий тренд природных изменений.

Заключительную фазу раннего железного века представляет могильник Старо-Лыбаевский-4 [Матвеева, 2001, с. 98 – 113]. Объектом для реконструкции ландшафтно-климатических условий в раннем железном веке явились палинологические материалы погребенной почвы кург. 31 могильника Старо-Лыбаевский-4 [Рябогина, Семочкина, Иванов, 2001]. По комплексу могильного инвентаря он датирован I – III вв. н.э. В это время на окружающих территориях были распространены разреженные березовые леса с примесью сосны и открытые участки, занятые разнотравно-злаковой растительностью. По температурным параметрам климат был близок к современному, но более сухой, а характер ландшафта соответствовал современному варианту южной лесостепи. Растительность первых веков нашей эры сформировалась под влиянием потепления. Этому этапу предшествовали крайне изменчивые климатические условия с чередованием кратковременных сравнительно аридных и гумидных фаз, но в целом с тенденцией к похолоданию.

Таким образом, развитие саргатской культуры в Зауралье происходило на фоне значительных изменений природных условий. Они привели к смене открытых степных ландшафтов лесостепными и сопровождались общим похолоданием и несколькими фазами увлажнения. В раннем железном веке восстановилась конкурентоспособность лесов, в основном березовых, а сухие полынные степи сменились разнотравными лугово-степными сообществами. Потепление и снижение влагообеспеченности в III в. до н.э. в Зауралье проявилось незначительно и не вызвало серьезных изменений в ландшафтном облике территории.

Сравнивая реконструированные нами природные условия позднего голоцена на территории Зауралья с восстановленными для Казахстана по данным К.В. Кременецкого, В.П. Тарасова и А.Е. Черкинско-го [Кременецкий и др., 1994, с. 26], мы обнаруживаем, что изменения в уровне увлажненности не были синхронными. Период увеличения увлажнения и снижения континентальности в Северном Казахстане выявлен в интервале 3 000 – 2 700 л.н. Позднее вновь отмечается значительное усиление аридизации, и только в начале нашей эры (2 000 – 1 800 л.н.) климат становится более влажным и благоприятствует развитию сосновых боров вдоль рек.

На соседних территориях Южного Урала также реконструированы подобные казахстанским климатические условия. По палеопочвенным данным зафиксировано ослабление континентальности с некоторым увеличением увлажненности в первой половине I тыс. до н.э., затем там имела место аридизация, а с конца I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э. вновь отмечается смягчение климата с повышением увлажненности [Демкин, 1996, с. 234]. Особенно благоприятным было начало раннего железного века, что создавало хорошие природные условия в этом регионе для развития скотоводства, а также для роста населения, активизации миграционного движения, торговли, военных походов. В IV в. до н.э. аридизация и экологический кризис вызвали миграции из Южно-Уральского региона в районы Северного и Центрального Казахстана, Нижнего Поволжья и Приаралья. Второй импульс аридизации, повлекший волну перемещений сарматов на север, запад и юг, прослежен во II в. до н.э., он был наиболее сильным на соседней с изучаемой нами территории – в Приишимье. Таким образом, палеогеографические данные подтверждают гипотезу “экологического импульса” сарматских миграций, предложенную Б.Ф. Железчиковым и подтвержденную И.В. Ивановым [Иванов, 1994, с. 86]. Получается, что различия в климатической ситуации на Южном Урале, в Казахстане и Зауралье весьма способствовали миграциям, а также поддержанию интенсивных контактов сарматов и савков с племенами западно-сибирской лесостепи.

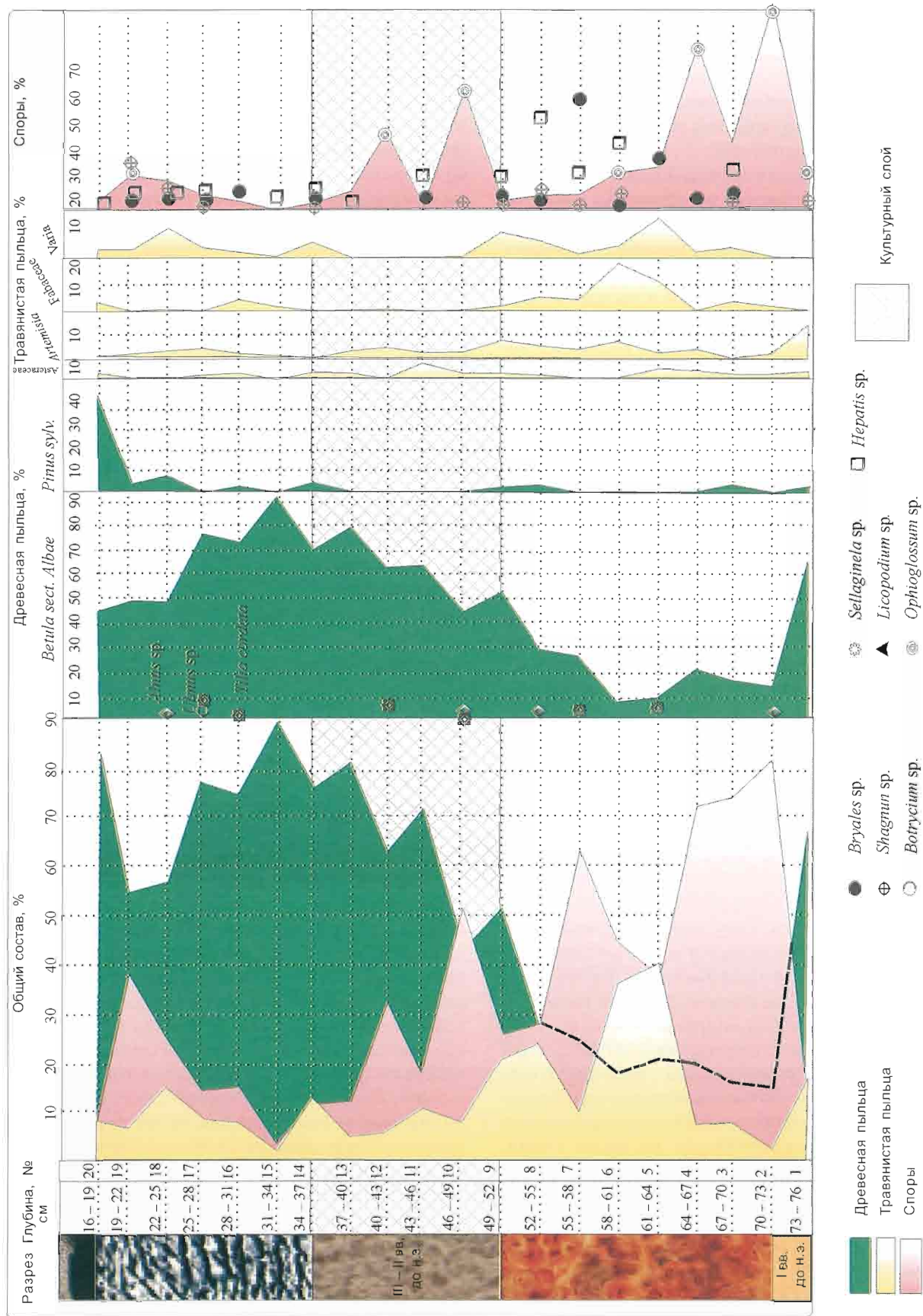

Рис. 2. Палинологическая диаграмма по материалам разреза на селище Коловское-2.

В итоге можно говорить о существовании влажно-го и прохладного климата в западно-сибирской лесостепи в VI – III вв. до н.э. Установлено, что в III – II вв. до н.э. имело место кратковременное потепление, сменившееся затем новым похолоданием с увеличением увлажнения, а в первые века нашей эры – снова потеплением и большей сухостью. По-видимому, резкое усыхание степной зоны в Среднеазиатском регионе в первые века нашей эры не было столь же значительным в Зауралье. Оно не сказалось отрицательно на природных условиях и социально-экономических процессах в западно-сибирской лесостепи; наоборот, судя по большому количеству раскопанных могильников этого времени, здесь наблюдается рост численности населения и подъем культуры [Матвеева, 2000].

Из изложенного следует, что изменения климата были весьма существенными и не могли не вызвать серьезных экономических и этнокультурных трансформаций на юге Западной Сибири, в том числе крупных миграций и развития экономических и культурных контактов с номадами прилегающих степей в VI – V вв. до н.э., а также оседлым населением древних государств Центральной Азии – начиная с III в. до н.э. Установленные нами [Матвеева, 1997, 2000] такие факты, как возникновение военной дружины и многочисленные войны на саргатской территории в III – I вв. до н.э., могли быть тоже спровоцированы переселением отдельных племен и переделом земель.

Список литературы

Демкин В.М. Палеоэкологические условия сухостепного Предуралья во II тысячелетии до н.э. – I тысячелетии н.э. // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. История, археология, культурная антропология и этнография. – М.: Междунар. науч. фонд Сороса, 1996. – С. 232 – 236.

Иванов И.В. Место сарматской эпохи в системе ландшафтно-климатических изменений голоцена // Проблемы истории и культуры сарматов. – Волгоград: Ин-т археол. РАН, 1994. – С. 85 – 87.

Иванов И.В., Васильев И.Б. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. – М.: Интеллект, 1995. – С. 161 – 163.

Кременецкий К.В., Тарасов В.П., Черкинский А.Е. История островных боров Казахстана в голоцене // Ботанический журнал. – 1994. – Т. 79, № 3. – С. 13 – 19.

Ларин С.И., Матвеева Н.П. Реконструкция среды обитания человека в раннем железном веке в северной части Тоболо-Ишимской лесостепи // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 1997. – Вып. 1. – С. 132 – 140.

Максимов Е.В. Голоцен (ритмичный вариант системы Блитга – Сернандера) // Изв. ВГО, 1986. – Т. 118, вып. 1. – С. 10 – 20.

Матвеева Н.П. Саргатская культура на среднем Тобололе. – Новосибирск: Наука, 1993. – 175 с.

Матвеева Н.П. Гипотетическая социальная структура саргатского населения Западной Сибири // Социальная организация и социогенез первобытных обществ: теория, методология, интерпретация: Материалы конф. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – С. 55 – 59.

Матвеева Н.П. Нижне-Ингальский-1 могильник // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. 1997. – Тюмень, 1999. – С. 85 – 94.

Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. – Новосибирск: Наука, 2000. – 399 с.

Матвеева Н.П. Старо-Лыбаевский-4 могильник по раскопкам 1999 года // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. – Вып. 3. – С. 98 – 113.

Орлова Л.А. Голоцен Барабы: Стратиграфия и радиоуглеродная хронология. – Новосибирск: Наука, 1990. – 128 с.

Рябогина Н.Е., Матвеева Н.П., Орлова Л.А. Новые данные о природной среде Зауралья в древности (палеонтологические исследования отложений Нижне-Ингальского-3 поселения) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. – Вып. 3. – С. 205 – 213.

Рябогина Н.Е., Семочкина Т.Г., Иванов С.Н. Реконструкция условий обитания населения Нижнего Приисетья в позднем бронзовом и раннем железном веках // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. – С. 33 – 39.

Рябогина Н.Е., Семочкина Т.Г., Ларин С.И. Палеоэкологические условия обитания носителей доисторических культур Тюменского Притоболья в голоцене // Экология древних и современных обществ: Тез. докл. конф., посвященной 275-летию РАН. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 1999. – С. 61 – 63.

Рябогина Н.Е., Семочкина Т.Г., Ларин С.И. Динамика растительности на границе подтаежной и лесостепной зон Зауралья в среднем и позднем голоцене (по материалам спорово-пыльцевого анализа торфяника Андреевского) // Современные проблемы популяционной, исторической и прикладной экологии. – Екатеринбург: Екатеринбург, 2001. – Вып. 2: Материалы конф. молодых ученых, 23 – 27 апреля 2001, ИЭРиЖ УрО РАН, г. Екатеринбург. – С. 211 – 215.

Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии. – М.: Наука, 1977. – 97 с.

Шнитников А.В. Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. – С. 337.

Материал поступил в редколлегию 3.06.02 г.

УДК 903.5

Э.Б. Вадецкая¹, В.А. Протасов²¹*Институт истории материальной культуры РАН
Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия**E-mail: vadetskaya@mail.ru*²*Государственный медицинский университет им. академика И.П. Павлова
ул. Льва Толстого, 8/6, Санкт-Петербург, Россия**E-mail: .recter@spmu.rat.ssi.ru***ЕНИСЕЙСКИЕ МУМИИ****(археологические источники и их анатомическая экспертиза)****Введение**

С III в. до н.э. по VII в. люди, расселявшиеся на берегах Енисея и верхнего Чулыма (носители тагарской и таштыкской археологических культур), в одной могиле хоронили десятки умерших. Со временем изменялись конструкции погребальных сооружений, вещи, изготавливавшиеся для мертвых, способы захоронения и признаки подбора покойников, но сохранялась традиция класть определенную группу умерших в одну могилу и одновременно предавать их огню.

С конца XIX в. археологов интересуют коллективные захоронения в особо крупных бревенчатых камерах площадью до 30 м² (в лесостепи) и 50 м² (в степи), расположенных под насыпями высотой до 3 – 4 м и по современной периодизации относящихся к позднему (тесинскому) периоду тагарской культуры – с начала нашей эры до IV в. [Вадецкая, 1999, с. 147 – 175]. Сначала, обратив внимание на большое (до 100, иногда больше) количество скелетов, они пытались выяснить: хоронили трупы вместе или в разное время, помещали их в ямы сразу после смерти или временно погребали в других местах и уже потом переносили в коллективные могилы [Спицын, 1899]. Чуть позже предметом любопытства специалистов стали оригинальные, но бутафорские бронзовые миниатюрные и полноразмерные глиняные изделия, сопровождавшие мертвых. В 60 – 70-е гг. XX в. археологи начали исследовать устройство погребальных камер и обряд погребения и в этой связи заинтересовались следами обработки тел умерших. Такими следами чаще всего являются посмертные трепанационные

отверстия (с одной или двух сторон черепа), заполненные травой, а также глина, которой обмазаны черепа снаружи. Реже сохраняется трава, которой была заполнена грудная полость скелета, обернуты кости рук и ног. В одном кургане на остатках травы зафиксированы фрагменты грубой кожи, в двух – прутики, скреплявшие череп со скелетом. Органические остатки ввиду плохого состояния исследованы мало, что объясняет различия в суждениях ученых о том, мумифицировались ли трупы или реставрировались скелеты. Опыт первого изучения масок с привлечением методов точных наук дал во многом неожиданные результаты, которые изложены в данной статье.

Археологические источники

Под тесинскими масками подразумеваются глиняные и гипсовые скульптуры, вылепленные на лицевой части черепа человека поверх глиняной обмазки. До наложения маски мозговой отдел черепа заполнялся травой, а глаза, носовая и часто ротовая полости – глиной, поэтому такие черепа иногда называют глиняными головами.

Остатки обмазок и масок обнаружены в 20 курганах тесинского этапа [Вадецкая, 1999, рис. 65, 77]. Первые из них были найдены И.Р. Аспелиным еще в 1889 г. (курган у с. Тесь (правый берег Енисея)), а самые последние – Э.Н. Киргинековым в 2001 г. (курган в г. Черногорске около Абакана). Тем не менее масок для изучения немного, поскольку черепа в коллективных могилах плохо сохраняются, особенно, если на них снаружи давит глиняная обмазка, а внутри –

1

2

Рис. 1. Череп с глазницами, заполненными глиной и покрытыми гипсом, с куском глины в ротовой полости. Черногорск. Фото Э.Н. Киргинекова.

Рис. 2. Черепа, лицевые части которых обмазана глиной и покрыты гипсом, покрашенным красной краской. Черногорск. Фото Э.Н. Киргинекова.

глиняное заполнение полостей черепа. Извлечь из могилы удается, как правило, лишь части обмазанных глиной черепов или фрагменты масок. Поэтому в литературе имеются очень краткие описания таких черепов, отражающие первые впечатления авторов раскопок.

Первые описания десятков черепов с глиной сделали археолог А.В. Адрианов и антрополог К.И. Горощенко в 1897 г. при раскопках кургана у оз. Кызыл-Куль. Ими впервые на 55 из 109 черепов, находившихся в могиле, были обнаружены четырехугольные отверстия величиной с куриное яйцо, сделанные в височной области, чаще с обеих сторон. У многих черепов глиной заполнены глазницы, носовое отверстие, пазухи под скуловой дугой, а на некоторых скелетах обмазано несколько первых позвонков. По наблюдениям А.В. Адрианова, глина на лицевой части большинства черепов сверху была покрыта бесформенной массой гипса или гипсовой маской ярко-красного цвета с черными полосами или кружками на щеках. Таким образом, А.В. Адрианов на черепах выделял глиняную обмазку, гипсовую облицовку и маску. У масок были моделированные гипсом глаза, нос, губы (ГИМ, кол. 36854). Археолог отмечал, что “внутри нескольких черепов был спущен мятый комок глины” [Адрианов, 1902 – 1924, с. 60]. Видимо, имелось в виду заполнение ротовой полости. К.И. Горощенко называл масками все черепа, на которых была глина, хотя ее нельзя было снять с черепа. Маски-черепки из Кызыл-Куля он разделил на три типа: покрытые а) глиной, б) глиной и сверху слоем гипса, в) глиной, гипсом и сверху еще одним слоем глины [Горощенко, 1899, с. 177 – 179]. Очевидно, это

были черепа с уже отреставрированными в древности масками. Спустя два года К.И. Горощенко издал каталог черепов, хранившихся в антропологическом отделе Минусинского музея, в который были включены и находки из кургана Кызыл-Куль. В нем значится лишь один череп, полностью обложенный глиной (включая нижнюю челюсть и пять шейных позвонков) и облицованный гипсом. Кроме того, указаны два черепа, на которых глина сохранилась частично: либо на черепной крышке и в глазницах, либо на лицевой части – “в пазухах скуловой области” и носовых отверстиях. Причем два из трех указанных черепов не были трепанированы. На других девяти неполных черепах (без нижней челюсти) глина или глина с гипсом остались только в глазницах или в глазницах и носовых отверстиях [Горощенко, 1900, с. 5 – 7, рис. на с. 30]. Красная глина до сих пор находится в глазницах нескольких черепов [Медникова, 2001, с. 240, рис. 1].

Таким образом, после извлечения из кургана черепа, как правило, уже не соответствовали описаниям А.В. Адрианова и К.И. Горощенко. Но достаточно полное представление о них, видимо, можно получить по трем черепам из раскопанного в г. Черногорске кургана, который находится сравнительно недалеко (к востоку) от кургана Кызыл-Куль*. Целый череп имеет четырехугольное отверстие в правом виске. Глиняная обмазка сохранилась местами, но видно, что череп был покрыт ею полностью, включая основание, глазницы забиты глиной и облицованы гипсом, а в рот вложен кусок глины (рис. 1). На двух других

* Приносим благодарность Э.Н. Киргинекову за присланные фотографии и разрешение их опубликовать.

черепях (без нижней челюсти) гипс был нанесен поверх глины на лицевую часть и сплошь покрашен ярко-красной краской, на которой в некоторых местах видны черные полосы (рис. 2).

Новые сведения о масках были получены уже в 1971, 1977 гг. при раскопках М.Н. Пшеницыной курганов Барсучиха I (левый берег Енисея) и Тепсей XVI (правый берег Енисея). Впервые установлено, что черепа с обмазками лежали как отдельно, так и с нарушенными скелетами. В мозговом отделе у всех черепов сохранились остатки растительной массы, а у некоторых глиной была заполнена полость рта [Пшеницына, 1975, с. 44 – 49]. В кургане Барсучиха I обнаружено 12 масок (на 39 скелетах); на одном черепе с маской в затылочной зоне сохранились остатки светлых волос [Там же, с. 45]. Согласно сведениям М.Н. Пшеницыной, преобладали маски, на которых глину покрывал тонкий слой гипса, имелись следы черной и красной краски. К сожалению, из могилы удалось извлечь лишь нижнюю часть глиняной расплющенной маски без следов гипса либо росписи [Там же, с. 46, рис. 1]. Она грубо вылеплена, ее стенки толщиной до 4,5 см. Между толстыми губами имеется прорезь, в которой виден зуб. На стенке маски с внутренней стороны отмечаются вдавленные мелкие кусочки костей черепа и двух верхних позвонков (ГЭ, кол. 2622, № 36). В кургане Тепсей XVI было 37 масок (на 42 скелетах), одна из которых зарисована при раскопках. Маска глиняная, грубая. Она покрывает весь череп, шейный отдел позвоночника и переходит в “нагрудник”, доходящий по ширине до плечевого сустава. В глиняных глазницах сделана широкая и глубокая прорезь [Пшеницына, 1992, табл. 29, рис. 2]. Собраны также обломки более чем десяти масок. В ходе осмотра нами установлено, что они в основном грубые, неровные по толщине, без гипсовой облицовки, но со следами росписи поверх глины. Преобладают обломки шей, подбородков, “нагрудников”, а также “глаза”, и куски глины, вставленные в трепанационные отверстия в черепе и обмазанные сверху (вместе с черепом) глиной. На оборотной поверхности этих “пробок черепа” видны отпечатки травы, заполнявшей черепную коробку. Судя по отпечаткам на тыльной стороне обломков глиняных шей и подбородков, мумии в соответствующих местах были обмотаны стеблями травы и обвязаны веревками и ремнями. На нескольких фрагментах с затылочной зоны видны отпечатки, предположительно, волос. Маски вылеплены из глины, а также из смеси золы с небольшим количеством песка. Ротовая полость черепа была заполнена древесным пеплом, смешанным с известью, или суглинком. Использовалась, как правило, коричневая глина с добавлением извести, но имеется маска неместного происхождения, вылепленная из серой глины с добавлением гипса. Для придания пластичности в глиняное

тесто в небольшом количестве добавлялись рубленая трава (со стеблями) и шерстяные нити*. В целом маски из кургана Тепсей XVI значительно отличаются от масок из курганов Кызыл-Куль, Черногорск и Барсучиха I.

Еще один вид масок зафиксирован на рисунках и фотографиях в 1982 г. при раскопках Э.Б. Вадецкой в долине верхнего Чулыма кург. 2 у с. Береш. Поверхность свода черепа (мозговой отдел был забит травой, а глазницы и рот глиной) обмазана глиной, а на лицевой стороне грубо смоделированы лоб, виски, массивные брови и нос. Вся голова обшита куском кожи, на месте глаз сделаны прорезы, пришит отдельно скроенный нос. Сверху кожа обмазана еще одним слоем глины толщиной 0,5 см, лицевая часть загрунтована гипсом, на котором сохранились следы росписи красной краской [Вадецкая, 1995, с. 102 – 105, рис. 9]. Маски этого типа с имитацией головных уборов отмечены на 60 скелетах кургана. Подобные маски по внешнему виду и химическому составу глины (смешанной с гипсом) характерны в целом для северного лесостепного региона.

Наиболее хорошо сохранились черепа с масками в кургане Новые Мочаги, расположенном у д. Калы в 12 км от г. Саяногорска (раскопки Н.Ю. Кузьмина в 1983 г.). В камере находились останки 120 чел., бульшая часть черепов была трепанирована, заполнена смесью травы с землей и мелкими угольками и снаружи обмазана глиной, обмазка захватывала шею вплоть до ключицы. Н.Ю. Кузьминым выделены два типа масок. Одни маски глиняные, расписанные черной и красной краской, лишь глаза и губы на них дополнительно моделированы гипсом, иногда в глиняные глазницы вставлены стеклянные голубовато-зеленые бусины. Другие поверх глины сплошь покрыты слоем гипса, который раскрашен красной и черной краской по белому, серому и желтому фону [Кузьмин, Варламов, 1988, с. 149]. Десятки черепов, извлеченных из могилы, позже разрушились. Почти целиком маски сохранились лишь на четырех черепах, на которых глина была закреплена до транспортировки. Черепа были трепанированы в области левого виска и обмазаны одним слоем глины толщиной до 1 – 1,5 см. Лицевые скульптуры индивидуальны и выполнены в разной манере. Ротовая полость заполнена глиной не всегда, шейные позвонки обмазаны глиной только снаружи. Лица на двух черепах моделированы только глиной. На первом изображены крупный нос и выступающие скулы. Лицо без росписи. Шейные позвонки (в анатомическом порядке) до ключицы спереди

* Все указанные в статье рецепты глины, обнаруженной в курганах Тепсей XVI, Новые Мочаги, Лисий, Береш, выполнены сотрудником лаборатории археологической технологии ИИМК РАН Е.Ю. Медниковой.

Рис. 3. Голова, моделированная глиной.
Новые Мочаги.

Рис. 4. Голова, моделированная глиной и расписанная
красной и черной краской. Новые Мочаги.

Рис. 5. Череп, обмазанный глиной (без гипсовой
облицовки). Новые Мочаги.

Рис. 6. Череп, обмазанный глиной, с моделированными
гипсом чертами лица и росписью. Новые Мочаги.

обмазаны глиной. Полость рта не была заполнена глиной, в ротовом отверстии видны зубы. На одном фрагменте глины с затылка сохранились отпечатки волос (рис. 3). На втором черепе глиной моделированы небольшой нос, губы, подбородок. Нижняя часть лица от верхней губы как бы закрыта красной полосой шириной 1,5 см. В области ушей нарисовано черное кольцо. Раскрашенная глина сверху покрыта тонким слоем гипса, кусочек которого остался в области глаза и

верхней части щеки. Поверхность облицовки покрашена красной краской, а прорезь глаза и узор на щеке нарисованы черной краской. Шейные позвонки со всех сторон обмазаны глиной (рис. 4). С третьего черепа гипс был снят автором раскопок. Под гипсовой облицовкой оказались забитые глиной глазницы, обмазанные кости носа и зубы. Без гипса глиняная обмазка не передает лицо человека. Полость рта заполнена глиной. Шейные позвонки были обмазаны

глиной, но внутри позвонков и между ними глина отсутствовала (рис. 5). Глиняная обмазка, которая покрывала четвертый череп и первые позвонки, покрыта слоем гипса толщиной в 2 – 4 мм. Гипсом моделированы глаза (с прорезью), нос, губы, уши. Скульптурно запечатлено лицо с мелкими чертами и закрытыми глазами. На слое белого гипса имеются следы росписи, выполненной красной краской. Внутри черепа сохранились остатки тростника, ротовая полость заполнена глиной, между отростками позвонков глина не зафиксирована (рис. 6)*.

Таким образом, в одном кургане обнаружены разные по исполнению скульптуры: лицо либо моделировано глиной и иногда обмазано гипсом, либо обмазано глиной и моделировано гипсом. При раскопках кургана с 50 глиняных голов сняты гипсовые покрытия. Они одинаковы по составу теста (основной компонент гипс, глинистые вещества 1,5 – 2,4%, кварцевый песок 2 – 4,3%, карбонат кальция в следовых количествах), в которое при смешивании гипса с водой были добавлены немного измельченных злаковых растений (определение М.И. Колосовой) и шерсть. Для росписи гипса использованы охра, киноварь и древесный уголь. Гипсовые покрытия, разные по толщине (2 – 8, 9 – 16, 6 – 20 мм), имеют один или два основных и отделочный (толщина 1 мм) слои. Верхний основной слой нанесен после полного высыхания предыдущего, а отделочный – до полного высыхания. С тыльной стороны некоторых масок зафиксированы отпечатки переплетений тканей и складок кожи**. Значит, либо все, либо часть “глиняных голов” мумий из кургана Новые Мочаги были обшиты тканью или кожей (как в кургане Береш), а затем покрыты или моделированы гипсом. Варианты росписи гипсовых покрытий пока не исследовались; обращают на себя внимание сплошь красные, которые, хотя и не отмечены Н.Ю. Кузьминым [Кузьмин, Варламов, 1988, с. 149], но имеются в курганах Кызыл-Куль, Черногорске и Лисьем у с. Сабинки (раскопки Г.П. Павлова в 1984 г.). К сожалению, из коллекции, собранной в последнем кургане, удалось найти лишь фрагменты трех черепов и почти целый череп без нижней челюсти, покрытый гипсом, который был сплошь окрашен в ярко-красный цвет.

Можно сделать вывод, что ни технология, ни манера изготовления масок не были едиными даже в пределах одного коллектива. Принципиальные различия еще предстоит выявить. Но вернемся к терми-

* Таксонометрическое определение частиц сделано микроскопическим методом по признакам анатомического строения фрагментов эпидермиса (кожицы) побегов и листьев сотрудником отдела научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа М.И. Колосовой.

** Технология гипсовых облицовок и их химический анализ установлены сотрудником отдела научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа Л.С. Гавриленко.

нологии. Если череп, его заполнение (трава и глина), обмазку и скульптуру рассматривать в целом, то логично использовать термин “глиняная голова”. Если же череп считать каркасом скульптуры, то глиняно-гипсовые изображения, отделив от операций, которые проводили с головой или черепом, правильнее называть масками. Тем более что по смыслу (изображение лица умершего) и характеру (каркас и глиняная прокладка, поверх которой лепили лицо) они схожи с гипсовыми таштыкскими масками, которые лепили либо на лице трупа (поверх ткани или кожи), либо на его имитации – кожаной, набитой соломой болванке. [Вадецкая, 1999, рис. 6, 48 – 54.].

Дискуссия

Дискуссия о том, как и с какими целями проводились операции с людьми, захороненными в коллективных могилах, возникла вскоре после раскопок кургана Кызыл-Куль и продолжается до сих пор. Сформировались две точки зрения: либо скелеты реставрировали для погребения, либо трупы мумифицировали для сохранения к моменту погребения. Отсутствие единого мнения объясняется не только слабой изученностью масок, но и наличием фактов, которые можно трактовать по-разному.

При изучении кызыл-кульских черепов К.И. Горощенко сделал несколько противоречащих друг другу наблюдений. С одной стороны, черепа трепанировали, как правило, вскоре после смерти человека – отверстия (судя по их краям) сделаны преимущественно на неистлевших (“сырых”) и редко на истлевших (“сухих”) черепах. С другой стороны, глиной обкладывали не голову, а череп – ею заполнены глазницы. Хирургического вмешательства не было – тонкие носовые косточки сохранились полностью, кроме того, глиной были заполнены такие “пустоты лицевой части черепа, которые были недоступны постороннему, даже жидкому веществу”. Исходя из этих наблюдений, антрополог пришел к выводу, что глиной отделявали уже истлевший или вываренный череп, а по смертная трепанация и извлечение мозга имели целью ускорить превращение трупа в скелет и последующую реставрацию (с помощью глины) черепа [Горощенко, 1899, с. 178 – 179; 1900, с. 6, 9, 38].

Вторично черепа были осмотрены антропологом М.Б. Медниковой, подтвердившей, что трепанация производилась сразу после смерти, а моделировка лицевого отдела черепа – после удаления мягких тканей [2001, с. 210 – 211].

Н.Ю. Кузьмин, изучавший находки из кургана Новые Мочаги, также считает, что маску изготавливали на черепе. Это доказывают, по его мнению, заполненные глиной глазницы и предположительно моделировка лица по частям. Однако, учитывая анатомический

порядок большинства скелетов, Н.Ю. Кузьмин высказывает предположение, что реставрировался не только череп, но и весь скелет, по которому создавался “муляж” из травы. В основе этого суждения – факт обнаружения в кургане Лисий скелета, скрепленного с “глиняной головой” с помощью прута, который был пропущен сквозь позвоночник [Павлов, 1987, с. 112]. При этом Н.Ю. Кузьмин игнорирует мнение К.И. Горощенко об освобождении черепа от мягких тканей нехирургическим способом и обмазке черепа глиной спустя какой-то срок после смерти. По версии Н.Ю. Кузьмина, освобождение тела умершего от мышечных тканей каким-то неизвестным искусственным способом и создание по скелету его заменителя – “куклы” – происходило одновременно [Кузьмин, Варламов, 1988, с. 149 – 151].

М.Б. Медниковой осмотрены 20 разрушенных трепанированных черепов из кургана Новые Мочаги. На них обнаружены следы искусственного нарушения целостности мозговой капсулы, необходимого, по-видимому, для посмертного бальзамирования. Она отмечает, что попадание глины под скуловые дуги было бы невозможно, если бы до наложения мягкой глины лицевой скелет сохранял кожные покровы [2001, с. 217]. Следовательно, М.Б. Медникова допускает вероятность бальзамирования с частичным удалением тканей.

А.В. Адрианов был убежден, что в коллективных могилах одновременно захоронены люди, умершие в разное время. По его мнению, об этом свидетельствует различная сохранность скелетов. Археолог предполагал существование обычая временного погребения или долгого хранения трупа. Свою концепцию он изложил 24 февраля 1904 г. на заседании Московского Археологического общества в докладе “О древних погребениях с гипсовыми масками и с трепанированными черепами в Минусинском уезде”. Как утверждалось в докладе, маску изготавливали, чтобы запечатлеть образ умершего (для сохранения черт лица). Трепанация была посмертной и делалась с целью удаления мозга (как вещества, быстрее всего подвергавшегося разложению). Она была необходима для продолжительного сохранения трупа и дальнейшей его подготовки к захоронению (до погребения протекало много времени) [Адрианов, 1904]. Как видим, А.В. Адрианов в трепанации видел цель, противоположную той, на которую указывал К.И. Горощенко.

Идея А.В. Адрианова о связи трепанации, с одной стороны, с мумификацией трупа, а с другой – с сохранением черт лица умершего в маске, не получила признание у тех, кто считает, что маски изготавливали на черепе. По мнению одних оппонентов А.В. Адрианова, традиция мумификации существовала до появления обычая изготавливать маску, т.к. обнаружены ске-

леты с трепанированными и заполненными травой черепами, но без масок [Павлов, 1987, с. 111]. С точки зрения других, вероятно, мумифицировали тело, а голову освобождали от мягких тканей [Пшеницына, 1975, с. 48]. Однако, судя по анатомическому положению скелетов (включая кисти рук и стопы ног), а также остаткам волос в затылочной области [Там же, с. 45], в коллективных могилах хоронили мумии. Кроме того, на внутренней поверхности глиняных обмазок черепов в нескольких случаях зафиксированы отпечатки ушей, волос, глаз, а на глине из заполнения рта – отпечатки не только зубов, но и десен, других мягких тканей [Мартынов, 1979, с. 132, рис. 35]. Тезис о мумификации трупов, казалось бы, подтверждается реконструкцией внешнего вида мумий, сделанной по материалам из кургана Береш. Череп и тело трупа освобождали от органов (предположительно опускали в соль или обмазывали кедровой смолой), затем полости заполняли консервирующей растительной смесью, проложенными с двух сторон вдоль позвоночника прутиками скрепляли голову с телом, обмотанным травой и обшитым кожей [Вадецкая, 1986, с. 85 – 86; 1995, с. 105 – 108 рис. 8 – 10; 1999, с. 146, рис. 74, 81]. Дополнительная информация получена при осмотре масок и их фрагментов из курганов Новые Мочаги и Тепсей XVI. Поскольку внутри шейных позвонков, обмазанных снаружи глиной, глина отсутствует (Новые Мочаги), вероятно, к моменту наложения маски в них еще сохранялся мозг. Фрагменты заполнения глазниц, как выяснилось, разных очертаний, в т.ч. круглые, соответствующие по форме и размеру (диаметр 38 мм) главному яблоку человека (курган Новые Мочаги и Тепсей XVI). Сходство объясняется, возможно, тем, что глина была вложена в глазное яблоко (в мешочек глаза). В пользу данного предположения свидетельствует наличие в глине одного такого “глаза” (Тепсей XVI) органических веществ, похожих на компоненты крови (определения Е.Ю. Медниковой)

Анатомический анализ состояния тел погребенных при изготовлении масок

Поскольку выводы антропологов расходятся с наблюдениями археологов, а археологические факты между собой не стыкуются, находящиеся в ИИМК РАН черепа с глиной и их фрагменты были проанализированы с использованием не только антропологических, но и анатомических и судебно-медицинских методов. Для исследования были отобраны десять черепов (целые или без нижней челюсти) и пять фрагментов (нижние челюсти и шеи) из кургана Новые Мочаги, два черепа без нижней челюсти и три челюсти из кургана Лисий. Анализ материала проводился по видеозаписям с последующим уточнением деталей по фактическому материалу (рис. 7 – 13). Анато-

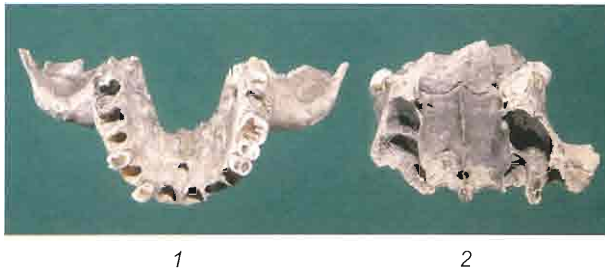

Рис. 7. Варианты заполнения глиной верхней челюсти черепа.

1 – фрагмент верхней челюсти с заполнением носовой полости через отверстие в небе (разрушены небные отростки верхней челюсти, небные кости отсутствуют); 2 – фрагмент черепа с заполнением носовой полости через хоаны (нижняя стенка носовой полости, полностью сохранено костное небо).

1

2

Рис. 9. Нижняя челюсть. Заполнение глиной ротовой полости.

1 – со стороны ротовой полости; 2 – со стороны диафрагмы рта.

1

2

Рис. 8. Заполнение глиной глазниц и носовой полости.
1 – без гипсовой облицовки; 2 – глина покрыта гипсом, окрашенным красной краской.

Рис. 10. Кости шейного отдела и основание черепа со следами глины.

1

2

3

Рис. 11. Варианты трепанационных отверстий черепов. Имеются вторичные разрушения скуловой дуги (1), части чешуи височной кости (2) и большого крыла клиновидной кости (3).

Рис. 12. Кусок глины ("пробка") из трепанационного отверстия (внутренняя поверхность).

Рис. 13. Остатки растительной массы (тростника) из мозговой полости черепа.

мическая терминология соответствует русской транскрипции парижского варианта Международной анатомической номенклатуры (PNA).

На наружной поверхности мозгового и лицевого отделов черепа глина прилегает плотно (см. рис. 6). Это позволяет считать, что кости были предварительно освобождены от мягких тканей (скелетированы). Глиной полностью заполнены височная и подвисочная ямки, а также пространство под скуловой дугой (*arcus zygomaticus*). Эти участки, как и места прикрепления мышц к наружной и внутренней поверхностям углов нижней челюсти, к скуловым дугам и венечным отросткам (*processus coronoideus*) нижней челюсти, а также к чешуе (*pars squamosa*) височных костей, были полностью скелетированы перед наложением глины. Следы глины не выявлены в наружных отделах достаточно крупных каналов, таких как нижнеглазничный (*canalis infraorbitalis*) и подбородочный (*foramen*

mentale). Следы глины отсутствуют также в наружных слуховых проходах, закрытых глиняным основанием масок. Глина не выявлена в крыловидно-небных ямках (*fossa pterygopalatina*), которые без наличия мягких тканей могут заполняться как снаружи, так и через нижнюю глазничную щель (*fissura orbitalis inferior*) из глазницы. Это позволяет предположить наличие в них остатков мягких тканей в момент формирования глиняной маски.

В случаях присутствия верхней и нижней челюстей, удерживаемых глиной, мы не можем (ввиду вторичных смещений) точно определить, сохранились ли высохшие ткани и связки височно-нижнечелюстного сустава в момент формирования маски, хотя это вполне возможно. На отдельных образцах глина не заполняет пространство между жевательными поверхностями зубов или заполнение является незначительным. Это обстоятельство косвенно свидетельствует

об исходном смыкании челюстей, удерживавшихся остатками мягких тканей или искусственными фиксаторами. Имеются образцы с явно вторичным смещением нижней челюсти. Причем наиболее часто фиксируются смещения, вызванные боковым сдавливанием, которое сопровождало разрушение тела нижней челюсти, реже ее ветвей. У большинства черепов полость височно-нижнечелюстного сустава глиной не заполнена. Встречаются нарушения смыкания зубов с одновременным отсутствием глины в полости височно-нижнечелюстного сустава. Согласно результатам анализа, перед изготовлением маски нижняя челюсть могла быть как уже отделена от черепа, так и еще соединена с ним. Состояние глиняного заполнения позволяет высказать суждение о поэтапном конструировании маски. Сначала заполнялась носовая полость, затем глазницы (поэтому разрушенные части решетчатых костей обычно вдавлены в носовую полость). Заполнение ротовой полости и формирование шеи глиной производились позже.

Носовая полость заполнялась глиной со стороны либо ротовой полости, либо носоглотки после удаления диафрагмы рта и языка. Заполнение таким образом было продиктовано, видимо, стремлением не повредить носовые кости (в анатомическом понимании термина), в частности, спинку носа, что важно для конструирования маски. Кроме того, заполнить глиной носовую полость через узкие наружные отделы носовых ходов без разрушения их тонких и хрупких костных стенок крайне трудно. Гораздо легче выполнить эту манипуляцию через анатомически широкие хоаны. Для заполнения носовой полости со стороны рта частично удалялась костная часть неба, являющаяся нижней стенкой носовой полости (см. рис. 7, 1). При этом возможное частичное сохранение остатков мягкого неба не мешало процедуре заполнения. При заполнении носовой полости через носоглотку и хоаны на некоторых черепках сохранялась тонкая и непрочная горизонтальная пластинка небной кости (задний край костного неба) или ее повреждения были незначительными, что косвенно свидетельствует об остатках мягких тканей, защищающих кость от механического повреждения (см. рис. 7, 2). Выбор способа заполнения мог определяться, в частности, степенью сохранности мягких тканей. При заполнении носовой полости обоими способами не исключено проникновение глины в гайморовы пазухи, что и зафиксировано на ряде образцов. Это возможно в случае разрушения либо нижней стенки глазницы (верхняя стенка гайморовой пазухи), либо тонкой и непрочной латеральной стенки носовой полости (медиальная стенка гайморовой пазухи). Имеются примеры заполнения только одной гайморовой пазухи, что позволяет предположить, что заполнение гайморовых пазух (самые объемные синусы черепа) не входило в обязательный ритуал.

При заполнении глазниц (см. рис. 8) глину вдавливали с усилием. Это приводило к разрушению решетчатых костей и смещению в сторону полости носа. У отдельных черепов разрушена нижняя стенка глазницы (верхняя стенка гайморовой полости). Глина в них заполняет гайморову полость (синус верхнечелюстной кости). Несмотря на усилия, которые прилагались при заполнении глазниц, глина никогда не заполняла верхнюю и нижнюю глазничные щели. Соответственно, она не проникала со стороны глазниц ни в полость черепа, ни в крыловидно-небную ямку. Не обнаружена глина и в достаточно широких зрительных (каналы зрительных нервов) и в носослезных каналах. Все это свидетельствует о частичном сохранении мягких тканей глазниц в момент их заполнения глиной.

Ротовая полость заполнялась глиной снизу через отверстие, образовавшееся после удаления диафрагмы рта и языка (см. рис. 9). В ряде случаев глина, поступавшая в носовую и ротовую полости, не сливалась в единый конгломерат, что свидетельствует о поэтапности этих операций. На глине хорошо видны отпечатки внутренних (ротовых) поверхностей верхних и нижних зубов. Иногда можно проследить и отпечатки костных рельефов ротовых поверхностей верхней и нижней челюстей. Однако мы ни разу не обнаружили проникновения глины в достаточно широкое внутреннее отверстие нижнечелюстного (*canalis mandibularis*) или большого небного (*canalis palatinus major*) канала. Скорее всего, они, как и другие упоминавшиеся нами каналы, были покрыты остатками мягких тканей. Установлены случаи неплотного прилегания глины: в местах прикрепления мышц диафрагмы рта к внутренней поверхности тела нижней челюсти и в крыловидных ямках (*fossa pterygoidea*), являющихся местом прикрепления мышц, имеется щель шириной 2 – 3 мм. Все это может свидетельствовать о незначительных различиях в степени скелетизации в момент изготовления мумий.

На основании черепа в большое (затылочное) отверстие черепа и яремные отверстия (*foramen jugulare*) глина не проникала. Свободными от глины оставались и сонные каналы (каналы сонных артерий). Об отверстиях, соединяющих полость черепа и полость глазницы, ранее уже упоминалось. Не установлен факт проникновения глины в полость черепа или в естественные отверстия на основании черепа.

В шейном отделе глина плотно прилегала к телу, дугам и отросткам позвонков, но не проникала в позвоночный канал между ними, исключением являются участки вторичных смещений и разрушений. Анатомический порядок позвонков не нарушен. На сохранившихся фрагментах расстояние между телами позвонков практически соответствует толщине межпозвонковых дисков. Глина не проникает

между телами позвонков. Все это свидетельствует о хотя бы частичной сохранности мягких тканей, соединявших позвонки в момент изготовления мумии. Отпечатки мышц шеи и туловища на глине отсутствуют (см. рис. 10).

На десяти наиболее хорошо сохранившихся черепках из кургана Новые Мочаги и на черепе из кургана Лисий имеется по одному искусственному (трепанационное) отверстию округлой формы. Они расположены слева в верхнебоковой части свода черепа, захватывают часть чешуи лобной и височной костей и часть теменной кости, реже большое крыло клиновидной кости. Края отверстий не совпадают со швами черепа и имеют зазубрины, сглаженные в ходе последующего естественного разрушения костной ткани (см. рис. 11). Такие отверстия могли быть вырублены не только специальным инструментом, но и обычным ножом. Полностью сохранившиеся края отверстий без вторичных дефектов не выявлены. Поэтому можно лишь косвенно судить о первоначальных размерах отверстий, в основном по форме и размерам глиняных “пробок”, закрывавших их (см. рис. 12). Диаметр трепанационных отверстий не превышает 7 – 10 см. Через них можно удалить головной мозг, но крайне сложно удалить твердую мозговую оболочку. На одном черепе из кургана Лисий зафиксированы остатки глиняной маски, но отсутствует трепанационное отверстие в своде черепа. При этом имеются обширные разрушения основания и частично свода черепа слева, которые могли быть получены перед смертью и явились причиной гибели. В этом случае дополнительная трепанация уже открытой полости черепа была не нужна ни для скорейшего разрушения мозга, ни для заполнения черепа травой.

В одном черепе из кургана Новые Мочаги сохранились ислетвшие остатки растительной массы – явно заполнение полости черепа (см. рис. 13). Эта масса прикрывала естественные отверстия черепа. Масса не могла проникнуть в верхнюю глазничную щель со стороны полости черепа. Это позволяет предположить наличие остатков мягких тканей в момент заполнения полости черепа.

Обсуждение результатов

На основании представленных материалов можно предположить, что до изготовления мумии тела проходили стадию естественного разрушения мягких тканей в ходе гниения (естественная мацерация) и поедания мягких тканей насекомыми. Одновременно шел процесс высыхания. При этом сохранялись остатки высохших тканей (связки, твердая мозговая оболочка головного и спинного мозга), а также высохшие ткани в естественных костных каналах и наи-

более узких пространствах, таких как крыловидно-небная ямка и глазничные щели. Наиболее интенсивно такой процесс идет в теплое время года. Предварительное удаление мягких тканей и внутренностей не требуется.

Можно сделать вывод, что окончательному захоронению предшествовало первичное. Происходившая при этом естественная мацерация тел являлась необходимым этапом в ритуале изготовления мумий. Первичное захоронение могло осуществляться путем неглубокого закапывания тел в сухих почвах или обкладывания тел камнями. Однотипность состояния скелетированных тел в момент наложения масок позволяет сделать заключение об идентичности условий естественной скелетизации трупов. Первичная скелетизация происходила в период, включающий теплое время года. Для соблюдения данного условия тело должно находиться на стадии первичного захоронения не менее одного года. В этом случае останки сохраняются в виде скелета, кости которого будут соединены остатками высохших тканей и не изменят естественного анатомического положения. Сохраняться должно и соединение черепа с позвоночным столбом. (При захоронениях в средней полосе страны остатки мягких тканей могут частично сохраняться до двух – пяти лет.) Пребывание тел в стадии первичного захоронения свыше года маловероятно. В этом случае происходило бы повторное размачивание засохших остатков мягких тканей и их дальнейшее уничтожение в процессе гниения и поедания насекомыми. Останки людей представляли бы совокупность разрозненных костей, и характер заполнения черепов глиной был бы другим.

Условия первичного захоронения в одном географическом районе имеют различия, обусловленные хотя бы погодными условиями. Поскольку при первичном захоронении в предполагаемых условиях (неглубокая яма или обкладка трупа камнями) процесс гниения и выедания тканей насекомыми тормозится высыханием, то по степени сохранности ткани могут различаться. На черепе из поверхностных тканей может сохраняться и оставаться исходно плотная кожа волосистой части (скальп). Менее вероятно сохранение высохших ушных раковин. Кожа и другие мягкие ткани лица уничтожаются достаточно быстро.

В археологической литературе высказано суждение о возможности изготовления мумии путем удаления мягких тканей у свежего трупа механическим способом [Кузьмин, Варламов, 1988]. Судя по характеру прилегания глины к костям (в местах прикрепления мышц), последние не могли быть столь тщательно очищены механическим путем. Это возможно только при естественной скелетизации в ходе процессов гниения и поедания тканей насекомыми и их личинками.

Дискуссионным является вопрос о том, когда производилась трепанация черепа. Если на стадии первичного захоронения не вскрывать полость черепа, то гниющий мозг может задерживать высыхание тканей в крупных естественных отверстиях черепа, таких как верхние глазничные щели и яремные отверстия. В этом случае они могут стать путем проникновения насекомых в полость черепа и будут очищены. Но очищенные отверстия должны были бы заполняться глиной, однако этого мы не наблюдаем. Можно предположить, что трепанация выполнялась на стадии первичного захоронения, когда все полости черепа (носовая и ротовая, вскрытая полость черепа) оставались открытыми. Однако необходимости в этой процедуре не было, поскольку летнего периода в предполагаемых нами условиях первичного захоронения было вполне достаточно для удаления головного и спинного мозга из нетрепанованного черепа (с сохранением значительной части твердой мозговой оболочки). Справедливость данного вывода косвенно подтверждается присутствием в коллективных захоронениях нетрепанованных черепов. Трепанация без специальных инструментов, обычным ножом не представляет сложности, а хрупкость костей черепа, которая могла бы мешать вырубанию отверстий, появляется лишь через годы после захоронения. Поэтому не исключена “социальная” или, что более вероятно, ситуационная избирательность при выполнении этой операции.

Еще труднее ответить на вопрос: удалялись ли внутренние органы вместе с диафрагмой рта и языком при первичном захоронении. В предполагаемых условиях первичного захоронения естественное разрушение внутренних органов, диафрагмы ротовой полости и языка вполне возможно. Их остатки легко удалить при подготовке тела к окончательному захоронению. Несколько сложнее удалить органы грудной полости у свежего трупа. Удобнее это сделать, вскрыв грудную полость. Признаки вскрытия в виде разрезанных ребер или грудины явились бы абсолютным доказательством. К сожалению, в коллекции отсутствует материал для такого исследования. Вторым достаточно достоверным признаком предварительного изъятия внутренних органов можно считать отсутствие подъязычной кости, которая неизбежно удаляется вместе с гортанью, диафрагмой рта и языком. Но эти тоненькие косточки могли быть разрушены временем или просто утеряны при извлечении останков из первичного захоронения и в ходе окончательного формирования мумий.

Что касается глазных яблок и других мягких тканей глазницы, то можно отметить плотное прилегание глины к костным стенкам глазницы и лобной вырезки, кроме верхней глазничной щели и области зрительного канала. Столь тщательная очистка стенок глаз-

ницы механическим способом маловероятно. Кроме того, область зрительного канала и верхней глазничной щели (за глазным яблоком) прикрыты жировым телом. В случае естественной скелетизации при удаленном глазном яблоке нежная жировая ткань не могла препятствовать проникновению насекомых в верхнюю глазничную щель. Эта щель была бы расчищена насекомыми. Предотвратить расчистку могло высохшее глазное яблоко.

Заключение

Состояние останков позволяет предположить, что захоронение включало два этапа. На первом этапе большая часть мягких тканей удалялась естественным путем – ориентировочно на год труп закапывали на незначительную глубину в сухих почвах или обкладывали камнями. В этом случае происходило естественное разрушение мягких тканей в процессе гниения и выедания их насекомыми. Одновременно происходило высыхание остатков мягких тканей, что обеспечивало сохранность связей между костями и исходного взаимного расположения костей скелета.

Высохшая глина плохо держится на поверхности костей или на мягких тканях, поэтому наложение мягкой глиняной маски на нескелетированный череп весьма проблематично. Основными местами фиксации глиняной маски на скелетированном черепе являлись скуловые дуги, а также глиняные заполнения глазниц и носовой полости. Необходимость предварительной скелетизации как необходимого условия для фиксации глиняной маски на черепе могла являться предпосылкой и составной частью ритуала.

По скелету изготавливали имитацию покойника, которому клали преимущественно бутафорные изделия (исключая керамику). Трава и глина использовались в качестве реставрационного и консервирующего материала. Многие головы, а также область груди и погребальная кукла были заполнены травой и смесью из травы и угольков или чем-то похожим на золу и землю. Кроме того, согласно химическим анализам глины, древние бальзамировщики, видимо, учитывали степень сохранности органики в том или ином месте конкретного черепа, которая разрушалась с помощью гашеной извести. В частности, глина, заполнявшая глазницы, полости рта, носа и отверстия в черепах из кургана Новые Мочаги, содержала известь (в качестве связывающего материала), но в глине, которой были обмазаны челюсти и шея, известь отсутствовала. Это общее наблюдение было уточнено в ходе анализа глины (из глазниц и разных мест носовой и ротовой полостей), принадлежавшей одному черепу. Выяснилось, что доля извести в глине была тем выше, чем ближе к лобной кости находилось место, из которого брали пробу; около самих лобных пазух была

введена чистая известь (определения Е.Ю. Медниковой). На наш взгляд, факт использования при реставрации эксгумированных скелетов консервирующих веществ позволяет называть получившиеся имитации не куклами или муляжами, а мумиями.

Погребальный обряд не предполагал сложных хирургических операций над трупами, но процедура погребения была длительной, т.к. готовые мумии до окончательного захоронения где-то накапливали и почитали [Вадецкая, 1995, с. 113]. Если бы сроки изготовления и захоронения мумий совпадали, то не потребовалось бы обновлять гипсом глиняную маску из кургана Новые Мочаги (см. рис. 2) и, наоборот, обмазывать еще одним слоем глины гипсовые маски из кургана Кызыл-Куль. Кроме того, очевидно, мумии родственников, изготовленные в разных районах, свозили в одно место для захоронения в одной могиле, а для этого требовалось время. Данное предположение основано на химическом анализе одной маски из кургана Тепсей XVI, резко отличающейся от других из того же кургана по цвету и составу глины. В качестве связывающего материала в тесто для маски добавлен гипс, а не известь. Признаки применения такой технологии пока обнаружены только в лесостепном районе (кург. 1 у с. Береш), они не зафиксированы в более южных курганах – Новые Мочаги, Лисий, Черногорск, Тепсей XVI.

Список литературы

- Адрианов А.В.** Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае. – Минусинск: Б.и., 1902 – 1924. – 76 с.
- Адрианов А.В.** О древних погребениях с гипсовыми масками и трепанированными черепами в Минусинском уезде // Моск. ведомости. – 1904. – 12 марта (№ 73).
- Вадецкая Э.Б.** Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 178 с.
- Вадецкая Э.Б.** Исследование коллективных могил позднетагарской культуры в верховьях Чулыма (раскопки кургана 2 у деревни Береш) // Археологические вести. – 1995. – № 4. – С. 96 – 122.
- Вадецкая Э.Б.** Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. – 438 с.
- Горошенко К.** Гипсовые погребальные маски и особый тип трепанации в курганах Минусинского округа // Тр. X археол. съезда в Риге в 1896 г. – М., 1899. – Т. 1. – С. 175 – 181.
- Горошенко К.** Курганные черепа Минусинского округа. – Минусинск: Б.и., 1900. – 40 с.
- Кузьмин Н.Ю., Варламов О.Б.** Особенности погребального обряда племен Минусинской котловины на рубеже нашей эры: опыт реконструкции // Методические проблемы археологии Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 146 – 155.
- Мартынов А.И.** Лесостепная тагарская культура. – Новосибирск: Наука, 1979. – 207 с.
- Медникова М.Б.** Трепанации у древних народов Евразии. – М.: Научный мир, 2001. – 303 с.
- Павлов П.Г.** Преемственность тагарских и тесинских памятников на юге Хакасии // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. – Омск: Изд-во Ом. ун-та, 1987. – С. 109 – 112.
- Пшеницына М.Н.** Глиняная “голова” – предшественник таштыкской гипсовой маски // КСИА. – 1975. – Вып. 142. – С. 44 – 49.
- Пшеницына М.Н.** Тесинский этап // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 224 – 235.
- Спицын А.А.** Коллективные могилы в верховьях Енисея и Чулыма // Зап. Рус. археол. об-ва. – 1899. – Т. 11, вып. 1/2. – С. 134 – 141.

Материал поступил в редколлегию 5.01.03 г.

УДК 903.2

С.П. Нестеров, В.П. Мыльников*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия**E-mail: nesterov@archaeology.nsc.ru***ДЕРЕВЯННЫЕ ОНГОНЫ С РЕКИ БУРЕИ****Введение**

В 1989 – 1991 гг. на правом борту долины р. Буреи, в 5 км выше по течению от с. Бахирева Бурейского р-на Амурской обл. исследовалась раннесредневековая сезонная стоянка Большие Симичи (рис. 1). Топографической особенностью этого местонахождения, по сравнению с уже известными археологи-

ческими пунктами на р. Буреи (Сухие Протоки-1, 2, Букинский Ключ-1, 2, Безумка, Усть-Талакан), является его удаленность от современного русла реки (приблизительно на 250 м). Однако во время существования стоянки данное место представляло собой островную систему, а сами жилища строились на берегу одной из бурейских протоков. На памятнике Большие Симичи было раскопано четыре жилища,

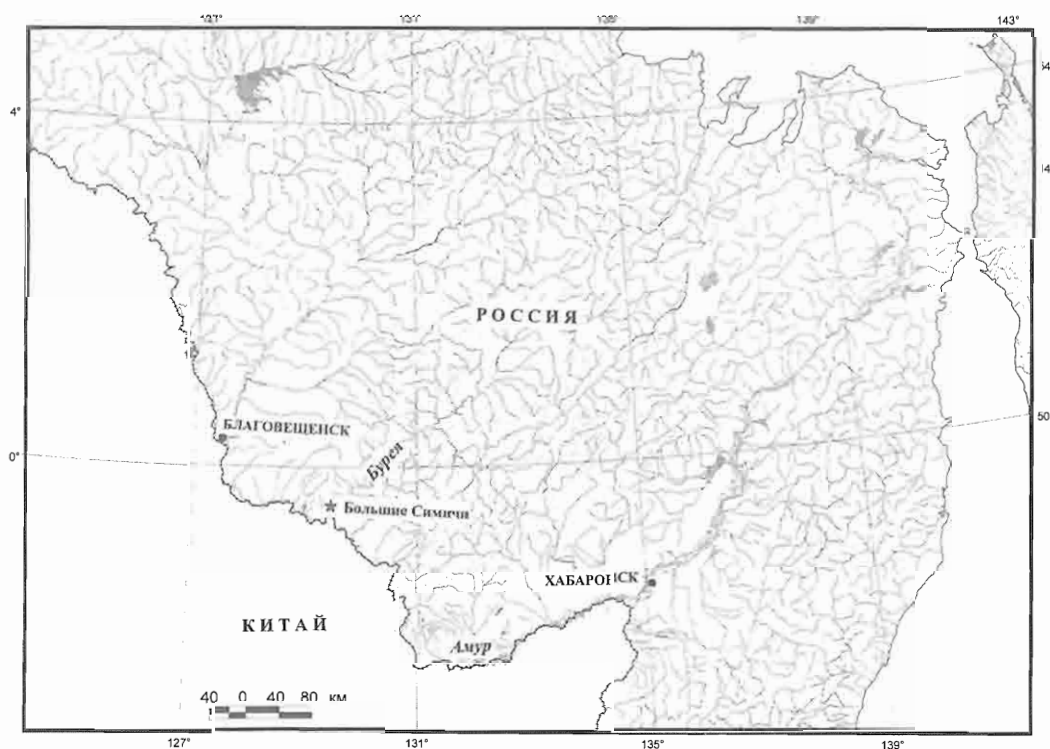

Рис. 1. Местонахождение памятника Большие Симичи.

Рис. 2. Жилище 2 на уровне рухнувшей кровли.

Рис. 3. Жилище 2 на уровне пола.

Рис. 4. Очаг в жилище 2.

которые погибли в пожаре. Исключительной находкой на данном памятнике можно считать комплекс *деревянных онгонов* из жилища 2.

Конструкция жилища 2

Остатки обугленной кровли располагались радиально от краев к середине внутренней части жилого пространства. Жерди перекрытия (стволы черной березы) были диаметром 4 – 8 см. Рама-основа жилища деформирована пожаром, поэтому исходная форма квадрата приобрела небольшую асимметрию (6,4 × 5,8 м). Рама стояла в котловане глубиной 40 – 50 см на опорных столбах (диаметры 8 – 10 см). Края котлована, вырытого в толще желтого песка, отстояли от стенок жилища на 20 – 30 см. Углы рамы выполнены внахлест. В южном и восточном угловых сочленениях обнаружены своеобразные “косынки” – короткие жерди, скрепляющие две стороны. По периметру рамы-основы (снаружи и изнутри) вбиты колы, предотвращающие развал конструкции. Рама-основа не была параллельна дну котлована (перепад составляет около 20 см), поэтому пространство между ними пере-

крыто разными способами. Юго-восточная стенка и примыкающие к ней участки двух других, где расстояние между рамой и дном котлована наибольшее, состояли из вертикально стоящих плашек, доходящих до верхнего края рамы. Там же, где это расстояние меньше, были широкие плахи, поставленные на ребро, а в одном месте аналогичным образом установленная каменная плита. В северо-западной стенке посередине был разрыв (ширина 30 см). Около него отмечены единичные следы вертикально стоявших плашек.

У юго-западной стенки, на расстоянии 3,2 м от южного угла, обнаружены следы проема шириной около 70 см. На уровне пола он имел покрытие из плотно утрамбованного и обмазанного суглинком слоя. Рама-основа здесь была подперта мощным столбом. Вдоль проема лежала узкая (8 см) тонкая плашка, поставленная на ребро, – порог (рис. 2).

В углах жилища зачищены ямки, вырытые под углом к плоскости пола, скорее всего, от несущих стропил. В восточном углу в ямке были два желобка – от двух наклонных жердей. На полу жилища также обнаружены ямки (12 шт.), некоторые из них вырыты под углом к плоскости пола. Это следы от столбов, использовавшихся для текущего ремонта кровли жилища: их подставляли под прогибающиеся стропила и крышу (рис. 3).

Очаг обнаружен в середине жилища в виде углубления четких прямоугольных очертаний (размеры 75 – 85 × 110 см). Его стенки по периметру были выложены поставленными на ребро плашками (ширина 7 – 8 см, толщина 1,5 – 2 см). На дне очажной ямы (глубина 10 – 12 см) лежали наложенные друг на друга куски бересты. К северу от очага находилась пара небольших и неглубоких ямок. У его южной торцовой стенки располагалась массивная гранитная глыба, значительно возвышающаяся над очагом. Пол вокруг очага особенно сильно утопан (рис. 4).

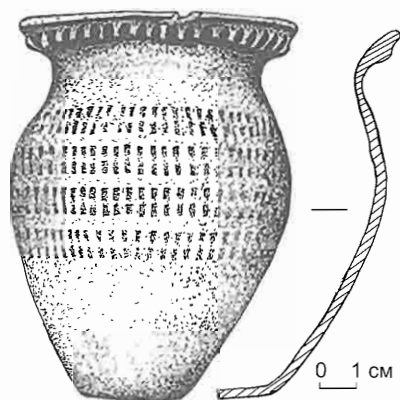

Рис. 5. Сосуд из жилища 2.

В юго-восточной части жилища на песчаный пол и частично на бересту была уложена подстилка из травы (ширина 1,2 м). Сверху она также покрыта берестой. На ней вдоль стены стояла керамическая посуда. В южном углу найдены развалы трех сосудов. В одном хранились маньчжурские орехи, в другом – мясо, в третьем были остатки сильно обугленных комочков сыпучего продукта (зерна проса?). Вместе с развалами посуды встречено особенно много костей животных и скорлупы маньчжурских орехов. Один из сосудов располагался на каменной плитке. Рядом с другой гранитной плиткой стоял небольшой целый горшок (рис. 5).

У северо-западной стенки жилища сохранилась плаха (ширина 15 см, длина 2,2 м). Рядом с ней найден фрагмент челюсти животного. Вдоль этой стенки была уложена травяная подстилка (ширина 30 – 40 см), на которой обнаружены многочисленные остатки костей и скорлупы ореха – мусор, заметный в процессе уборки под раму-основу. Наиболее интересные находки собраны у северо-восточной стенки жилища. Недалеко от восточного угла на травяной подстилке обнаружены обугленные деревянные фигурки, вырезанные ножом из плоских дощечек. Они лежали на бересте, под которой найден обломок массивной кости. В этом месте зафиксированы парные столбы (их диаметр 5 – 6 см), врытые в землю впритык друг к другу. На них опиралась плаха (ширина 20 см, толщина 2 см), другая располагалась рядом. Возможно, в собранном виде они представляли собой маленькую полочку, расположенную перпендикулярно стенке жилища. Один конец полки, очевидно, уходил под раму-основу. Пространство в восточном углу было забутовано ветками, а сама плоскость полки выстлана травой и покрыта берестой. Рядом с деревянными фигурками лежали единичный фрагмент керамического горшка и свиная челюсть. Возле полки находилось скопление сильно фрагментированных пред-

Рис. 6. Предметы мелкой деревянной пластики из жилища 2.

метов мелкой деревянной пластики. Большая их часть – это антропоморфные фигурки, другие представляют образцы декоративной резьбы, как в виде заостренных палочек, так и с вырезанными головками, напоминающие острые головы онгонов, но более длинные (3,5 – 4,5 см), или наконечники стрел. Здесь же встречены строганные щепки, у одной из них в верхней части кончиком ножа сделано треугольное отверстие, у другой по краю нарезаны мелкие зубчики. Возле той же северо-восточной стенки, ближе к северному углу жилища, найден развал деревянной посуды (может быть, ковша) с ручкой в виде объемного изображения головы и шеи птицы. Аналогичная ручка была в скоплении миниатюрных фигурок (рис. 6). Вдоль средней части стены лежала узкая (3 см) длинная (1,6 м) жердочка. Из других находок в жилище можно назвать: железную пряжку (рис. 7, 1), железный черешковый наконечник стрелы – срезень (рис. 7, 2), чугунный кельт (рис. 7, 3), каменные и керамические скребки (рис. 7, 4, 5), шлак. По всему полу были разбросаны мелкие обломки кальцинированных косточек и зубы животных. Под южным и восточным углами рамы-основы встречены кости черепа и зубы свиньи – строительная жертва.

Для жилища 2 получены две радиоуглеродные даты: 1560 ± 40 л.н. (ГИН-7238) и 1760 ± 40 л.н. (ГИН-7239), – которые позволяют датировать его серединой IV в. н.э.

Технико-технологический анализ деревянных онгонов

Технико-технологический анализ плотного скопления черных обугленных предметов позволил установить примерное первоначальное количество вещей, приемы и способы изготовления каждой фигурки, функциональное назначение комплекса изделий. Скопление

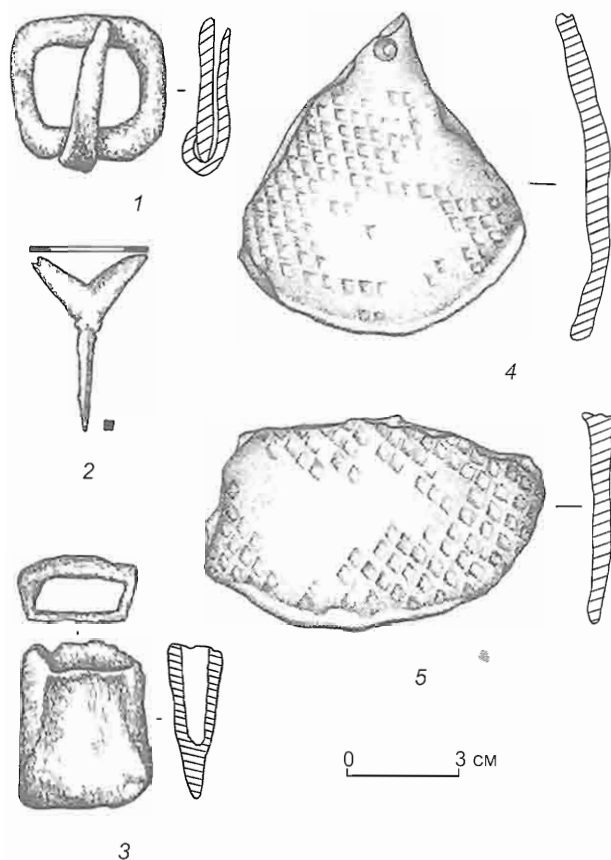

Рис. 7. Находки из жилища 2.

1 – железная пряжка; 2 – железный наконечник стрелы; 3 – чугунный кельт; 4, 5 – керамические скребки.

представляло собой пучок примерно из 40 обугленных дощечек* (ширина до 3 – 4 см, длина 20 – 25 см), перевязанный шнуром, скрученным из двух ниток (рис. 8). Это плоские фигурки в виде контура человеческого тела, у которых руки начинаются прямо от шеи и обозначены трапециевидными выступами, ноги короткие, с развернутыми в стороны ступнями, разделены глубокими вырезами. На лицах отчетливо видны тонко прорезанные нос и рот с губами. Глаза показаны точками и передающими монголоидный тип лица черточками. Верхняя часть головы у одних фигурок заканчивается зубчиками, которых в зависимости от размеров изделия насчитывается от трех – пяти до восьми – девяти (рис. 9, 10), у других – острием, напоминающим асимметрично-ромбический наконечник стрелы (рис. 10 – 12). Количественной разницы между онгонами с зубчатой головой и остроголовыми нет (примерно по 20 – 21 экз. каждого типа). Фигурки, возмож-

* В более ранних публикациях называлась цифра 20 (см.: [Нестеров, 1995, с. 117]), но в процессе реставрации выяснилось, что общее количество онгонов больше. Приведенная в настоящей работе цифра получена по наиболее хорошо сохранившимся головам.

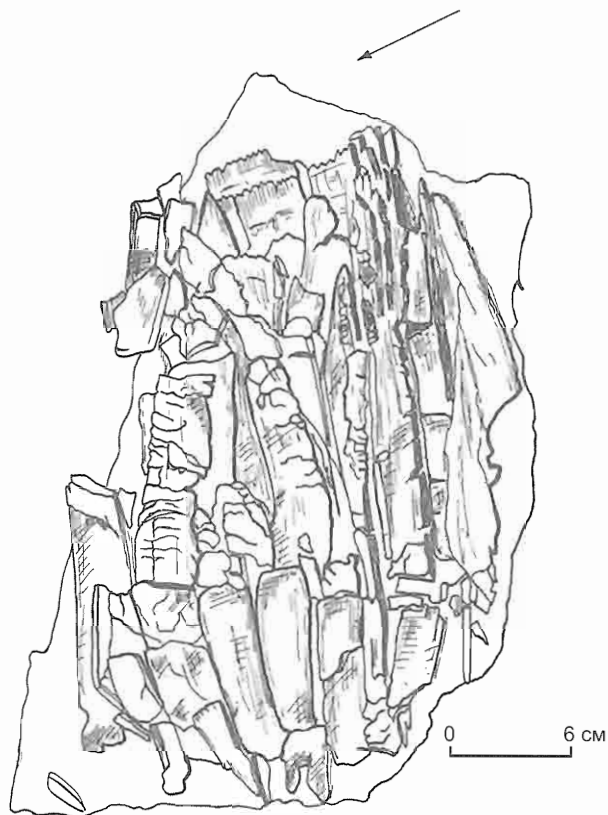

Рис. 8. Связка деревянных фигурок из жилища 2.

но, были окрашены с лицевой стороны*. Миниатюрные антропоморфные фигурки (длина 8 – 10 см) также имели зубчатое или остроконечное завершение головы и вырезанные на плоскости лица нос, рот и глаза.

Анализ поверхностей артефактов и изломов фрагментов выявил равномерную степень обугленности без уничтожения мелких деталей. Возможно, плотно связанные в пучок фигурки в момент пожара находились в каком-то тонкостенном футляре (среди обломков деревянных предметов есть фрагменты плоских дощечек с остатками шнура в отверстиях; см. рис. 6). Археологически целых (реставрированных) предметов насчитывается 12 шт. (рис. 13 – 15). Остальные представлены разрозненными обломками различных частей фигурок (рис. 16).

Все обнаруженные деревянные изделия по виду производства относятся к классу предметов с художественной резьбой. По способу обработки поверх-

* Примерно половина плоскорельефных фигурок имеют довольно значительную дугу искривления (см. рис. 15). Однако данная форма вторичная – результат воздействия древнего пожара, быстрой потери влаги в процессе раскопок, возможно, консервации в растворе ксилыла.

Рис. 9. Фрагменты зубчатых голов фигурок.

Рис. 11. Фрагменты верхних частей остроголовых фигурок.

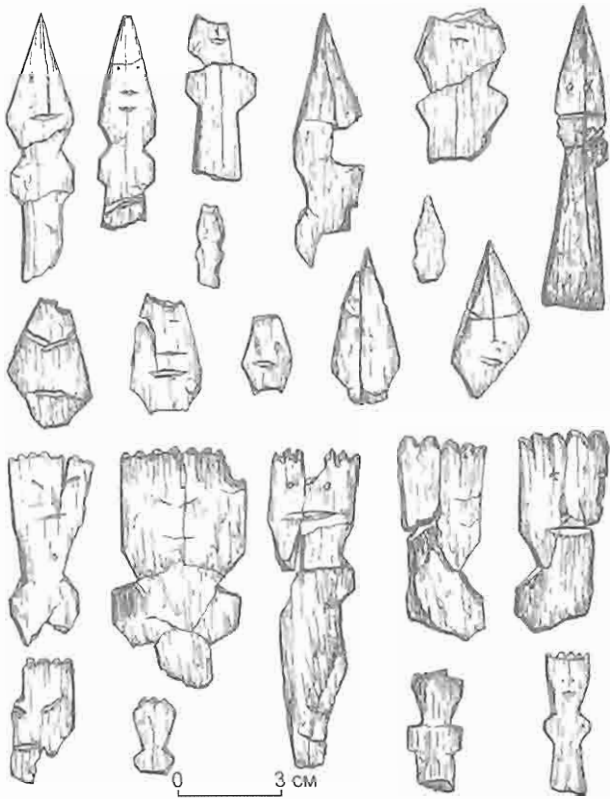

Рис. 10. Фрагменты голов деревянных фигурок.

Рис. 12. Фрагменты остроголовых фигурок.

ности (виду резьбы) это *плоскорельефные предметы и скульптурные изображения* [Мыльников, 1999, с. 230, табл. VII]. Плоскорельефные предметы в количественном отношении преобладают. Это стилизованные антропоморфные фигурки разнообразных размеров и форм. По особенностям изображения тела их можно объединить в несколько групп: с длинным туловищем – с коротким; с ножками – без них; с ромбовидной остроконечной головкой – с зубчатой прямо-

угольной и квадратной. Скульптурные фигурки – головка птицы и две подвески: изогнутая конусообразная типа кабаньего клыка и прямой, круглый в сечении, с перехватами и заостренными концами стержень (см. рис. 6).

Все фигурки вырезаны ножом с тонким и острым лезвием. Резьба по технике исполнения – двугранно-выемчатая [Там же, табл. VIII]. В поперечном разрезе более половины плоскорельефных фигурок треугольные: обратная сторона плоская, лицевая двугранная с острым ребром посередине. У одних глаза обозначены маленькими круглыми отверстиями, повернутыми острием ножа или тонкого шила-колизавра; у других – это длинные, косые, сходящиеся к переносице двусторонние разрезы. Нос тоже показан по-разному: длинной прямой чертой от глаз ко рту; углубленной точкой возле рта; короткой поперечной черточкой. Рот оформлен в виде поперечных черточек-выемок различной формы, выполненных двугранно-выемчатой резьбой наклонными встречными разрезами (см. рис. 9 – 12).

Анализ структуры обожженной древесины показал, что плоскорельефные фигурки сделаны из молодой березы. Реконструкция технологии изготовления следующая. Березовый чурбак диаметром 5 – 7 см расщепляли кельтом или ножом на ровные широкие пластины толщиной 5 – 6 мм. Пластины-рейки тщательно острагивали с обеих сторон, равномерно срезая частыми короткими движениями острого ножа тонкие стружки. Одну из поверхностей обрабатывали таким образом, чтобы получились две ровные сходящиеся на ребро грани. На двугранную поверхность заготовки острием ножа наносили абрис будущего изделия. Затем аккуратно, контролируя нажим лезвия, срезали всю лишнюю древесину по контуру фигуры, обозначая треугольными поперечными вырезами голову, туловище, руки и начало ног. Вырезая длинный прямоугольник посередине нижнего края пластины, оформляли ноги. Ступни прямыми срезами делали вывернутыми в разные стороны (см. рис. 16). У антропоморфных фигур с прямоугольной или квадратной головой верхний плоский торец грани ровными наклонными срезами по всей длине с обеих сторон превращали в острый. На нем легкими осторожными движениями делали треугольные вырезы-насечки, направляя лезвие ножа наклонно с обеих сторон к вершине треугольника. В результате получался плоский головной убор, похожий на корону, или шапка волос, торчащих ежиком. У антропоморфных фигур с ромбовидной головой и у некоторых с прямоугольной треугольные выступы скул (в отдельных случаях

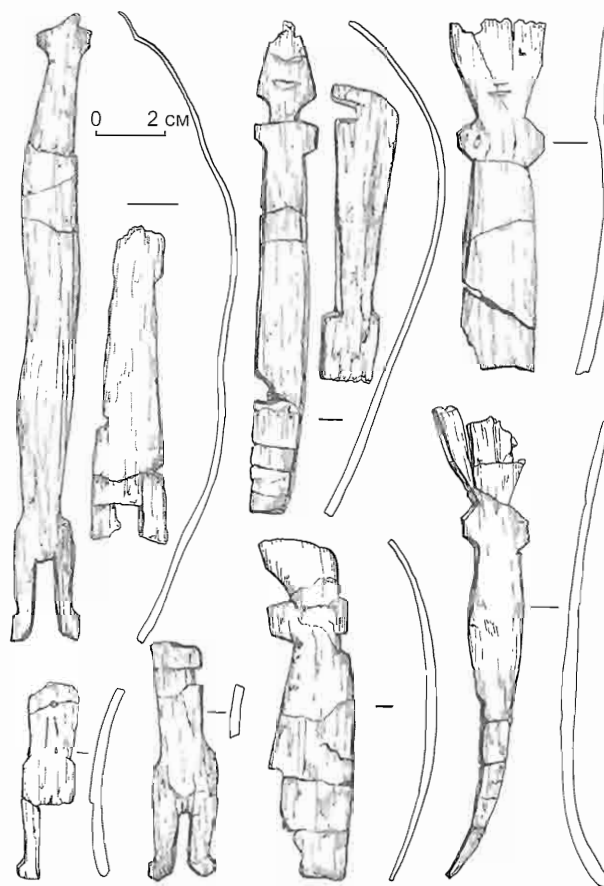

Рис. 13. Фрагменты деревянных фигурок.

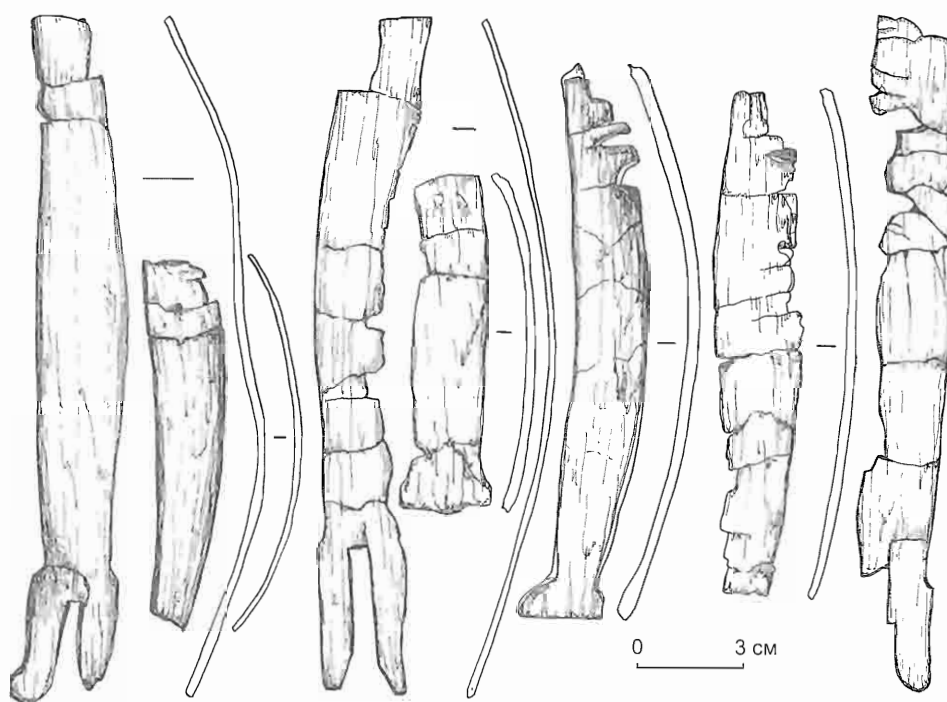

Рис. 14. Фрагменты деревянных фигурок.

Рис. 15. Фрагменты деревянных фигурок.

Рис. 16. Нижние части больших и верхние части миниатюрных фигурок.

и боковые грани) таким же образом с обеих сторон подрабатывали на острие. Кажущиеся на первый взгляд небрежными черточками изображения глаз, носа и губ являются желобчатыми треугольными выемками, точно и расчетливо прорезанными двумя движениями очень тонким лезвием ножа. Результаты обмера фигурок показывают, что многие из них выдержаны в определенном стандарте по размерам и профилю (рис. 17).

Назначение бурейских фигурок

При прочих равных условиях сохранности 18 сгоревших жилищ михайловской культуры, изученных на Михайловском городище (9) на р. Завитой [Дервянко, 1975, с. 52 – 87], на памятниках Букинский Ключ-1 (3)

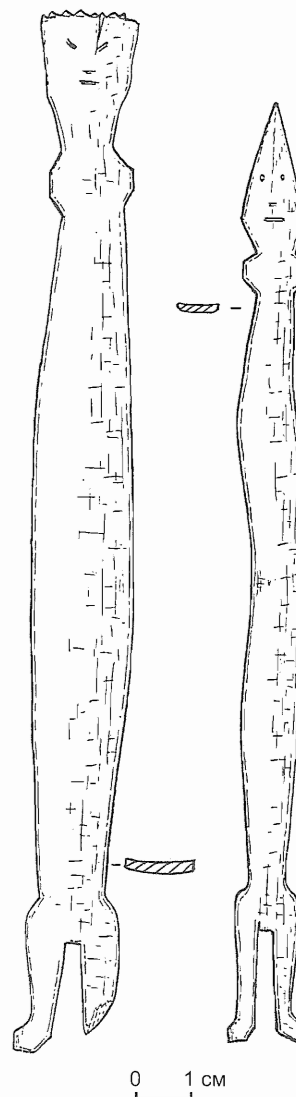

Рис. 17. Реконструкция деревянных онгонов с р. Буреи.

и 2 (2), Большие Симичи (4) на р. Буреи [Древности Буреи, 2000, с. 132 – 171; Нестеров, Шеломихин, 2002, с. 71 – 77], только в одном зафиксированы следы деятельности профессионального мастера – резчика по дереву, чем и объясняется сосредоточение мелкой деревянной пластики в одном жилище.

Однако анализ предметного комплекса показал, что обитатели симичинских жилищ, освоившие участок террасы на берегу одной из протоков р. Буреи, круглый год здесь не жили. В данном месте они занимались преимущественно первичной обработкой железа и выделкой шкур добытых на охоте животных. По данным анализа каменных орудий, последний вид занятий был на втором месте. В то же время необходимо учитывать, что в кожевенном деле использовались кроме камня керамические скребки и железные ору-

дия. Все это повышает долю обработки кожи в хозяйственной деятельности обитателей поселка. Отсутствие следов керамического производства на памятнике при наличии большого количества фрагментов посуды, а также целых горшков свидетельствует, видимо, о сезонном характере стоянки (в теплое время года, но не исключено использование построек в период зимней охоты), на которой возводилось только одно жилище (реже два, например, на памятнике Букинский Ключ-2). Рыбалка, сбор дикоросов, охота обеспечивали повседневное пропитание, а также использовались для заготовок продуктов на зимнее время. Отсутствие на памятнике большого количества железа и предметов из него при преобладании орудий для его обработки говорит о том, что оно полностью уносилось в места постоянного жительства после окончания заготовительного сезона. Все это позволяет квалифицировать памятник Большие Симичи как *сезонную стоянку*.

Некоторые факты*, зафиксированные во время раскопок бурейских жилищ михайловской культуры, говорят о том, что пожары в них происходили в период межсезонья, когда их хозяева уже покинули свои охотничьи угодья и переселились на зиму в постоянные поселки (правда, соотношение антропогенного и природного факторов в возникновении пожаров пока точно не установлено). Это свидетельствует о том, что найденная в жилище 2 связка онгонов не была изготовлена “на заказ”, а являлась продуктом “внутреннего потребления” обитателей данного жилища. На некоторых фигурках сохранились тонкие сквозные отверстия, провернутые тонким сверлом или острием шила-колизавра в их верхней трети. Возможно, фигурки выполняли роль амулетов-оберегов типа “идолов ментая” у верхнеамурских эвенков или хранителей домашнего очага, “святых семьи и рода” [Мазин, 1984, с. 30]. Хранились они дома в специальном или укромном месте связанные в один пучок. Эту мысль подтверждает и их первоначальное местоположение. Не исключается и другое функциональное назначение данной категории вещей. Они могли быть составной частью набора ритуальных украшений пояса шамана. У нанайских шаманов “аями” (духи-покровители) представляли собой небольшие остро- или круглоголовые безрукие антропоморфные скульптурки в одежде. Фигурки духов у нанайцев “обычно режутся парами: дедушка – бабушка, мать – отец, муж – жена, брат – сестра и т.п.” [Жеребина, 1991, с. 172 – 173]. Современные даль-

невосточные шаманы перед камланием подвязывают к своему поясу пучки ритуальных антропоморфных фигурок, выполненных из дерева, кости и металла [Масумото Тэцу, 2000]. Факт нахождения онгонов в “упакованном” виде на специальной полочке в углу летнего жилища косвенно свидетельствует о их связи с промысловым культом. Такое положение вполне соответствует поведению людей, занимающихся таежным промыслом. После окончания заготовительного сезона они, прежде чем уйти со стоянки, подготавливают жилище и вещи к зимнему хранению (чистят очаг; увязывают ставшие ненужными изображения духов; переворачивают вверх дном сосуды и др.). Аналогичным образом поступали гольды (нанайцы). Они оставляли в охотничьем зимовье большое число различных охотничьих и хозяйственных вещей [Лопатин, 1922, с. 191]. У гольдских охотников на биваке находилось много различных сеонов. “Одни из них стоят на нарах, другие висят на стене или на особых колышках близ зимовья, третьи привязываются непосредственно к охотничьим снарядам”, и нет данных о том, что после окончания промыслового сезона их забирали в постоянные поселки [Там же, с. 139].

Таким образом, бурейские деревянные онгоны середины IV в. н.э. являлись атрибутами, скорее всего, таежных промысловых культов монголоязычных северных шивэй (носителей михайловской археологической культуры III – X вв. н.э.), проживавших в данный период в Западном Приамурье [Нестеров, 1995].

Список литературы

- Деревянко Е.И.** Мохэские памятники среднего Амура. – Новосибирск: Наука, 1975. – 252 с.
- Древности Бурей** / С.П. Нестеров, А.В. Гребенщиков, С.В. Алкин, Д.П. Болотин, П.В. Волков, Н.А. Кононенко, Я.В. Кузьмин, Л.Н. Мыльникова, А.В. Табарев, А.В. Чернюк; отв. ред. Е.И. Деревянко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 352 с.
- Жеребина Т.В.** К вопросу о реконструкции ритуальной жизни современных нанайцев (по материалам экспедиции Музея истории религии в Хабаровский край в 1989 г.) // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. – СПб.: ГМИР, 1991. – С. 169 – 179.
- Лопатин И.А.** Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. – Владивосток, 1922. – 370 с. – (Зап. Об-ва изучения Амурского края; Т. 17).
- Мазин А. И.** Традиционные верования и обряды эвенков-ороченов (конец XIX – начало XX в.). – Новосибирск: Наука, 1984. – 201 с.
- Масумото Тэцу.** Шаманский пояс рода ульчей айнского происхождения с нижнего Амура // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1. – С. 118 – 124.
- Мыльников В. П.** Обработка дерева носителями пазырьковской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 232 с.

* Например, в сгоревшем жилище 1 памятника Букинский Ключ-1 три больших сосуда (высотой до 46 см) находились в перевернутом вверх дном положении, что означало их “изъятие” из повседневного обихода (см.: [Нестеров, Алкин, 1999, с. 478 – 482]).

Нестеров С.П. Северные шивэй в Приамурье // Традиционная культура востока Азии: Археология и культурная антропология. – Благовещенск: Берендей, 1995. – С. 105 – 122.

Нестеров С.П., Алкин С.В. Исследования в долине реки Буреи на памятнике Букинский Ключ-1 в 1999 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VII Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН.

Декабрь 1999 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – Т. 5. – С. 478 – 482.

Нестеров С.П., Шеломихин О.А. Общее и особенное в конструкции жилищ памятника Букинский Ключ-1 // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – Благовещенск: Изд-во Амурск. ун-та, 2002. – Вып. 3. – С. 71 – 77.

Материал поступил в редколлегию 17.01.03 г.

Д.В. Черемисин*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия**E-mail: d_che@ngs.ru*

НАСКАЛЬНАЯ КОМПОЗИЦИЯ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ КОЛЕСНИЦЫ И “ТАНЦОРОВ” ИЗ ЧАГАНКИ (КАРА-ОЮК), АЛТАЙ

Местонахождение петроглифов на правом берегу р. Чаган в предгорьях Южно-Чуйского хребта (Южный Алтай, Кош-Агачский р-н Республики Алтай) известно в археологической литературе под различными названиями: Ак-Кол, Чаганка, Кара-Оюк [Кубарев, Маточкин, 1992, с. 29]. Многочисленные наскальные рисунки в диапазоне от эпохи бронзы до наших дней сконцентрированы на скалах по обоим берегам реки на протяжении многих километров (рис. 1). Наиболее подробные сведения о памятнике приведены Е.А. Окладниковой [1985, 1988]. Самыми известными изображениями комплекса являются необычные “бегущие” антропоморфные фигуры, ставшие своего рода визитной карточкой памятника и изобразительной “цитатой” (по опубликованным прорисовкам данные изображения воспроизвели в своих работах многие археологи). Содержание композиции, особенности стиля, археологический контекст представляют несомненный интерес; изображения задействованы во множестве сравнительных аналитических исследований.

В 1988 г. Е.А. Окладникова в ряду некоторых гравированных изображений памятника, который она исследовала в ходе экспедиционных работ, опубликовала прорисовку необычной композиции с поверхности скального выхода у Чагана (рис. 2) [Окладникова, 1988, с. 143 – 145]. Исследовательница отметила, что изображения, выполненные тонкими резными линиями, сглажены временем и стихиями, интенсивно патинированы и выглядят архаично. Сюжет определялся следующим образом: “быки и четыре (в ряд) обнаженные фигуры широкоплечих мужчин с тонкими талиями и стройными длинными ногами

и перекрывающая их повозка на двух колесах” [Там же, с. 143]. Е.А. Окладникова датировала сцену “завершающим этапом культуры эпохи бронзы”, аналогии неординарным персонажам искала и находила в очень широком культурном и пространственно-временном контексте – от неолитических культур Средней Азии, петроглифов Ходжакента и Гобустана, пластики Триполья до “шаманских” рисунков обитателей Прибайкалья и Приангарья (Братская Када, Верхняя Буреть); наиболее отдаленные параллели усматривала в античном искусстве (“дипилонский” стиль древних греков) и в искусстве этрусков [Там же, с. 143, 145]. Следует констатировать, что несмотря на столь многочисленные “анalogии”, изображения четырех “бегущих” антропо- или зооантропоморфных фигур с Чагана фактически оставались уникальными среди петроглифов Евразии.

В 1992 г. В.Д. Кубарев и Е.П. Маточкин опубликовали свою, несколько отличающуюся прорисовку фрагмента этой композиции, воспроизведя только четверку антропоморфных персонажей (рис. 3) [1992, с. 102, рис. 40]. Согласно В.Д. Кубареву, данные изображения относятся к массиву петроглифов, названному им Чаганкой и расположенному на площади не менее 3 км² (точно такая же площадь распространения наскальных рисунков указана Е.А. Окладниковой). Название памятника, приведенное первооткрывательницей Е.А. Окладниковой, – Кара-Оюк, именно эта локализация петроглифов вошла в археологическую литературу. В последнее время к различным аспектам данных изображений обращались Д.Г. Савинов, Ю.И. Михайлов, И.В. Ковтун, Е.Г. Дэвлет, ориентируясь на опубликованные

Рис. 1. Долина р. Чаган.

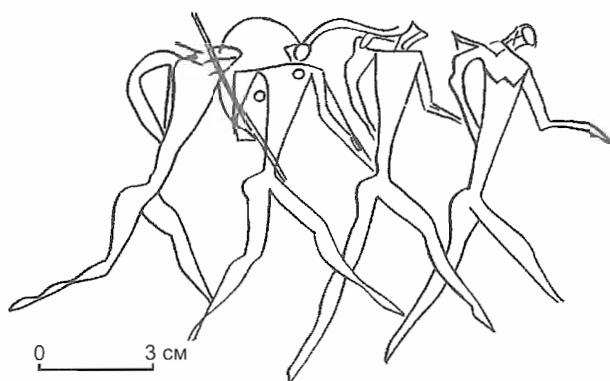

Рис. 3. Фрагмент композиции с “танцорами”
(по: [Кубарев, Маточкин, 1992]).

копии [Савинов, 1997; Михайлов, 2001, 2002; Ковтун, 2001; Дэвлет, 2002]. Как правило, в сравнительные таблицы попадала прорисовка В.Д. Кубарева, более наглядно представляющая четверку “бегунов” или “танцоров”, иногда со ссылкой на Е.А. Окладникову [Михайлов, 2001, с. 333, табл. 14, 9; 15, 2; 2002, с. 56].

В ходе исследования петроглифов в бассейне Чагана эта композиция была скопирована мною заново. Прорисовка выполнялась на прозрачные полимерные материалы стойкими маркерами в разное время суток, окончательная версия сведена по нескольким транспарентным копиям. Что касается локализации, то скальная плоскость с гравировками относится к местонахождению, находящемуся на расстоянии около 12 км от устья р. Кара-Оюк и около 20 км от одноименного урочища. Данное местонахождение местные жители не ассоциируют с топонимом Кара-Оюк, они сообщили мне другое название – Соок-Тыт, объяснив его смысл из корней со значением “дерево” и “могила”.

Рис. 2. Композиция с колесницей и “танцорами” с Чагана
(Кара-Оюк) (по: [Окладникова, 1988]).

Тонкие резные линии, нанесенные на горизонтальную плоскость сланцевого выхода, выполнены твердой рукой искусного мастера (рис. 4). Достаточно миниатюрные фигуры быков (по крайней мере четыре, они не все закончены или частично не сохранились), изображение повозки с длинной платформой на колесах со спицами, множество стилизованных изображений собак и четыре “бегающих” антропо- или зоантропоморфных персонажа, несомненно, составляют единую композицию (рис. 5).

Граффити нанесены металлическим лезвием, сегодня следы резца практически полностью сглажены, несколько большей толщиной линии отличается абрис антропоморфных фигур. Темно-коричневым, почти черным цветом линии выделяются на коричневой плоскости сланца, неоднородно патинированной на всей площади (лишь частично – узкой полосой – она покрыта черной патиной). В общем композиционное пространство включены также изображения, выполненные в технике пикетажа. Это нанесенные ровной выбивкой три неправильные окружности (две у плеч одной из фигур “бегунов”, третья – вне ее контура) и изображение, по моему мнению, условно воспроизводящее фигуру человека в профиль, возможно возницы, на задке платформы. В копиях Е.А. Окладниковой и В.Д. Кубарева эта выбивка не передана. Два “кружка”, ассоциирующиеся, по Е.А. Окладниковой, с женскими образами и предположительно обозначающие “нашивные бляшки одежды” (которые, однако, должны были бы странно смотреться на “обнаженных фигурах” мужчин-танцоров), в обеих прорисовках представлены как нанесенные лезвием. Копия Е.А. Окладниковой опубликована без указания масштаба, а в работе В.Д. Кубарева и Е.П. Маточкина приведенный масштаб не соответствует реальным размерам рисунков на скальной поверхности.

Рис. 4. Плоскость с рисунками.

Рис. 5. Композиция с “бегунами” (копия Д.В. Черемисина).

Скорее всего, иллюстрация в этой работе представляет собой несколько измененный фрагмент прорисовки Е.А. Окладниковой, возможно, восходящий к одной и той же полевой копии, к сожалению,

неполной и неточной. Иначе совершенно невозможно объяснить идентичность в расхождении обеих опубликованных прорисовок с оригиналом. Недостаточная точность копий дает основание для не-

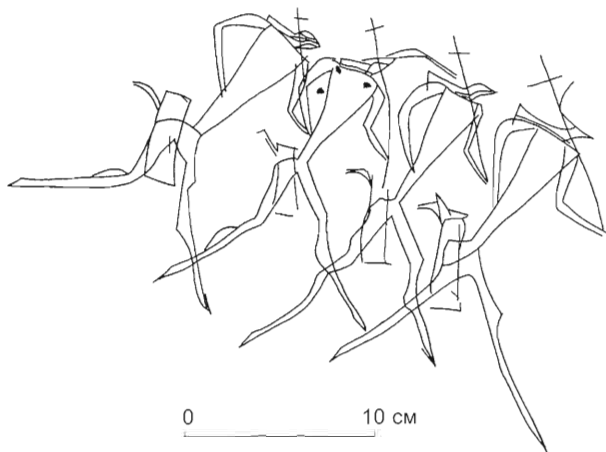

Рис. 6. Фрагмент композиции с “бегунами”.

Рис. 8. Фрагмент композиции с левого берега Чагана.

достоверных интерпретаций содержания композиции и ее составляющих – я имею в виду представление о “рогатых” головных уборах или масках с бычьими рогами у персонажей (см.: [Савинов, 1997, с. 233; Михайлов, 2001, с. 19]) или поиск ассоциаций, совершенно не коррелирующих с изображенным в реальности на скале (см.: [Ковтун, 2001, с. 167 – 168, табл. 115, 8]).

Помимо фигур на плоскости множество линий, не образующих цельных образов. При этом очевид-

Рис. 7. Композиция с левого берега Чагана.

Рис. 9. Изображение с левого берега Чагана (прорисовка).

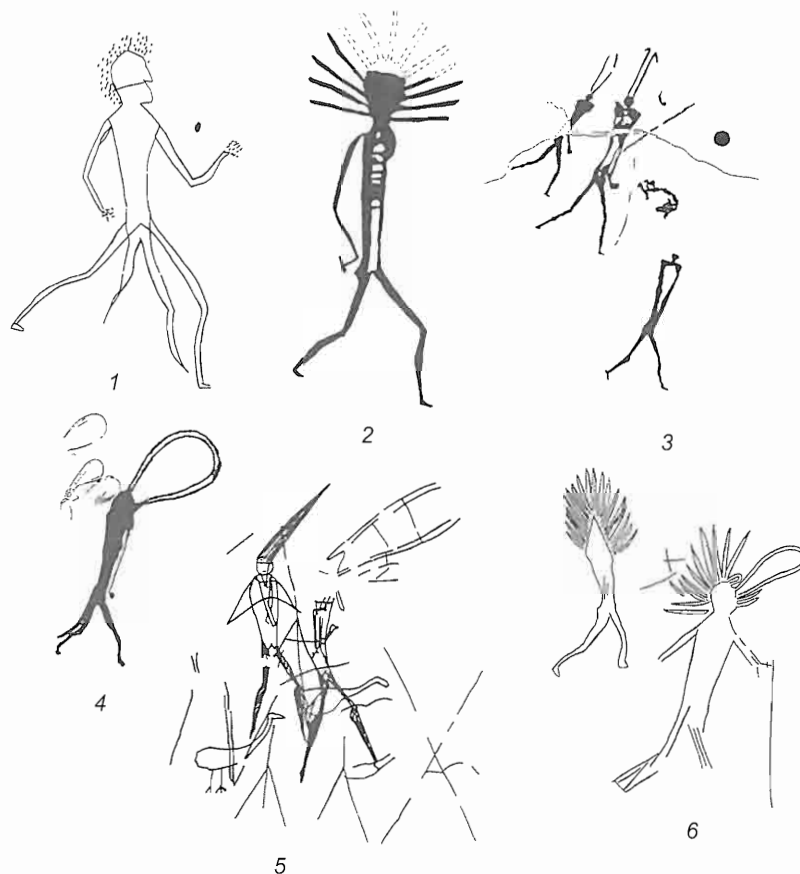

Рис. 10. Иконографически близкие изображения неординарным “бегущим” фигурам в петроглифах и персонажам на плитах могильных ям.

1 – Беш-Озек, Центральный Алтай (по: [Кубарев, 1998]); 2 – 4, 6 – Каракол, Центральный Алтай (по: [Кубарев, 1988]); 5 – Суханиха, средний Енисей (по: [Miklashevich, Pyatkin, 1998]).

но, что все они нанесены одновременно, о чем свидетельствуют одинаковые характер линий, их глубина и патинированность. Налицо принцип транспарентности наскального искусства. Это не позволяет принять точку зрения Е.А. Окладниковой, согласно которой изображение повозки перекрывает четверку “танцоров” и могло быть нанесено позднее. Транспарентно переданы также пересекающиеся ноги бегущих персонажей. В копии Е.А. Окладниковой вторая слева фигура перекрывает соседнюю (см. рис. 2), а в копии В.Д. Кубарева расположение фигур создает иллюзию перспективы, и крайний справа персонаж оказывается максимально удаленным от зрителя (см. рис. 3). В действительности же все изображения наложены одно на другое и совершенно “прозрачны”. Не исключено, что слева от них намечена еще одна антропоморфная фигура в фас (таким образом интерпретировать изображение можно, ориентируясь на иконографию персонажей рисунков на каракольских плитах), но достоверно судить об этом по сохранившимся линиям, наложенным на изображения быков в левой части сцены, трудно.

В руках у антропоморфных персонажей штандарты (или копья). Во всех случаях, видимо, переданы перекрестья: линии, пересекающие верхнюю часть этих штандартов на одном уровне, образуют знак в виде косоугольного креста. На бедре крайней слева фигуры показан горит (?), очень вероятно, что таким же атрибутом наделены и остальные, насколько можно судить по конфигурации сохранившихся линий (рис. 6). Верификации именно такого прочтения образов и их атрибутов как нельзя лучше служит еще одно изображение, обнаруженное мною в 2 км от этих петроглифов на противоположном берегу Чагана (рис. 7, 8). Фигура, практически идентичная рассмотренным выше, как и многофигурная композиция, выгравирована на горизонтальной поверхности сланца. Здесь абрис сохранился лучше, линии врезаны глубже, граффити рельефнее, покрыты интенсивной, почти черной патиной. Неординарность данного образа привлекла к нему внимание еще одного “художника” в эпоху раннего средневековья. Фигура была подновлена, практически весь абрис прочерчен лезвием, оставившим светлую непатинированную линию

поверх древней, а также рядом с ней. На мой взгляд, именно характер образа – бегущий человек – определил включение его в композицию древнетюркского времени в качестве “преследуемого”: всадник в доспехах, изображение которого расположено в иной плоскости по отношению к персонажу эпохи бронзы, “поражает” его копьем (рис. 9). Побег не удался!

Полная идентичность необычных антропоморфных фигур и их атрибутов обусловлена семантикой образа; без сомнения, на разных берегах Чагана воспроизведен один и тот же мифологический персонаж. Его облик в устойчивой иконографии теперь известен не по единственной сцене. Согласно новым материалам, одни и те же зооантропоморфные персонажи искусства каракольской культуры Алтая встречаются на плитах в разных могильниках (Каракол, Беш-Озек, Озерное), что определено семантикой композиций и символикой изображений в погребальном ритуале. Иконографически эти образы сходны с персонажами Чагана (рис. 10, 1 – 4, б). Так, в быстром движении, с наклоненным вперед туловищем показаны антропоморфные фигуры на плитах 2 и 6 из погр. 2 кург. 2 могильника Каракол, на плитах 3 и 6 из погр. 5 на западной окраине с. Каракол [Кубарев, 1988, с. 32, 38, 50, 67, 77] (рис. 10, 2 – 4, б). Определенное сходство выявляется и при сравнении с персонажами окуневских петроглифов Суханихи на среднем Енисее (пропорции, ноги с подчеркнутыми икрами и ступнями “на пуантах”) (рис. 10, 5) [Miklashevich, Pyatkin, 1998, fig. 4], в меньшей степени – с окуневскими зооантропоморфными изображениями на камне 53 Шалаболинской писаницы [Pyatkin, 1998, fig. 4].

По мнению Д.Г. Савинова, на плите в Беш-Озек идея быстрого шага одного из антропоморфных персонажей передана путем изображения двух пар раздвинутых в движении ног, таким образом как бы совмещены два следующих друг за другом “кадра” (рис. 10, 1) [Савинов, 1997, с. 206]. В.Д. Кубарев, напротив, предполагает, что в данном случае не дважды воспроизведены нижние конечности антропоморфной фигуры, а показан какой-то предмет, подвешенный к поясу – “украшение ритуального костюма (?)” [Кубарев, 1998, с. 53]. Следует заметить, что ни пояс, ни какие-либо иные детали костюма данного персонажа не изображены вовсе, и точка зрения Д.Г. Савинова об уникальной попытке передачи его шага последовательными “кадрами” представляется предпочтительной.

Д.Г. Савинов, выделяя элементы окуневской изобразительной традиции, рассматривал сцену из Чаганки (Кара-Оюк) в одном ряду с гравировками на каменных плитах каракольских могильников. Особенности подобных изображений [Савинов, 1997,

рис. 6] он определил как “грацильный стиль” и высоко оценил выразительность сцены из Чаганки: “в геометризованном очертании тел и размашистом шаге” воспроизведенных персонажей выражена “экспрессия, свойственная самым высоким образцам архаического искусства” [Там же, с. 205 – 206].

Ю.И. Михайлов сопоставил рассматриваемую сцену с сюжетами окуневского искусства, смысл которых, по его мнению, заключен в символизации идеи “движения-перемещения”, чрезвычайно актуальной в обществах скотоводов. Четверку бегущих маскированных людей, изображенных на петроглифах из Чаганки, исследователь сравнивает с бычьей упряжкой [Михайлов, 2001, с. 19 – 22; 2002, с. 55]. Эта идея в целом представляется продуктивной, контекст композиции допускает подобное прочтение, хотя наличие у “бегунов” бычьих рогов (по Е.А. Окладниковой – “развевающихся волос”), весьма сомнительно. При этом очевидно, что в граффити Чаганки представлен маскированный персонаж, возможно, зооантропоморфный образ, а сцена с участием четырех подобных существ, повозкой, быками, собаками воспроизводит один из важных мифоритуальных сюжетов.

Интерпретация содержания композиции зависит от определения сущности действий персонажей. По мнению Е.А. Окладниковой, “они показаны исполняющими быстрый ритуальный танец” [1988, с. 143]. Ю.И. Михайлов видит в петроглифах Кара-Оюка воплощение ритуальной инсценировки, в которой «изображена четверка персонажей в быстром беге “на пуантах”» [2001, с. 19, 233]. Как интерпретировать характер движения: танцевальные па, быстрый бег или размашистый шаг? На мой взгляд, определение неординарных антропоморфных фигур как бегущих людей в наибольшей степени соответствует реальности. В ряд изображений, видимо, связанных с подобной семантикой, по-моему, органично вписываются бегущие фантастические зооантропоморфные или маскированные персонажи, воспроизведенные на каменных плитах внутримогильных конструкций каракольской культуры Центрального Алтая (рис. 10, 1 – 4, б).

Можно предположить, что манифестация быстрого движения, стремительного бега фантастических персонажей символически отражает особенности культуры древних скотоводов Евразии, основанной на подвижном пастушеском образе жизни и связанной с постоянными перемещениями людей и животных. Возможно, языком изобразительного искусства графически представлены разные виды движения – бегом и при помощи колесного транспорта. Ю.И. Михайлов предполагает символическое противопоставление двух этих способов передвижения в некоторых композициях петроглифов Саймалы-Таша

и проводит параллель в семантическом плане со сценой из Чаганки (Кара-Оюк) [Михайлов, 2002, с. 57]. При этом в алтайской композиции у колесной повозки нет упряжных животных, а массивные статичные фигуры быков скорее противопоставлены изображениям бегущих в одном направлении антропоморфных персонажей и собак (неестественно вытянутые туловища собак, возможно, также семантически связаны с идеей движения).

Д.Г. Савинов, отметив, что изображения колесного транспорта служат свидетельством поэтапного распространения скотоводов на просторах Южной Сибири, подчеркнул неприспособленность окуневских фургонов для быстрого передвижения [Савинов, 1997, с. 210 – 211]. Возможно, динамике и экспрессии стремительно бегущей четверки антропоморфных персонажей противопоставлены статичность быков, а также неподвижность повозки – она изображена распряженной.

Зафиксированные при повторном копировании сцены из Чаганки (Кара-Оюк) иконографические детали – в частности, сходство иконографии быков с трактовкой данного образа в окуневском искусстве, косые кресты на “штандартах”, повозка с возницей (?), а также стремительность движений антропоморфных персонажей, свойственная и некоторым фигурам из Беш-Озек и Каракола, – лишние раз подчеркивают принадлежность данной композиции к кругу каракольско-окуневских древностей. Новая находка – изображение бегущего антропоморфного существа, обнаруженное на противоположном берегу Чагана, – практически идентична четверке “бегунов-танцоров”. Таким образом, эти неординарные фигуры лишаются статуса уникальных, расширяется корпус изображений в “грацильном стиле”. Безусловная узнаваемость содержания древнего рисунка, экспрессивность образа бегущего антропоморфного персонажа определили его включение в контекст средневековых гравировок, изображающих тяжеловооруженных воинов-всадников.

Хочется надеяться, что обращение к известному памятнику наскального искусства Алтая было оправданно. В свете последних изысканий появились новые возможности его интерпретации. Получение более точных копий известных и открытие

новых произведений “грацильного стиля” могут расширить наши представления о содержании его сюжетов и образов, а также в целом о характере исторических процессов на просторах Южной Сибири в эпоху бронзы.

Список литературы

Дэвлет Е.Г. Памятники наскального искусства: Изучение, сохранение, использование. – М.: Научный мир, 2002. – 256 с.

Ковтун И.В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 183 с.

Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. – Новосибирск: Наука, 1988. – 172 с.

Кубарев В.Д. Древние росписи Беш-Озек // Гум. наука в Сибири. – 1998. – № 3. – С. 51 – 56.

Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1992. – 123 с.

Михайлов Ю.И. Мироззрение древних обществ юга Западной Сибири. Эпоха бронзы. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. – 364 с.

Михайлов Ю.И. Образ “чудесной запряжки” и символика движения-перемещения в культурных традициях юга Западной Сибири и Центральной Азии // Первобытная археология: Человек и искусство: Сб. науч. тр., посвященный 70-летию со дня рождения Якова Абрамовича Шера. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – С. 54 – 58.

Окладникова Е.А. Петроглифы Кара-Оюка // Урал-алтаистика: Археология. Этнография. Язык. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 85 – 88.

Окладникова Е.А. Граффити Кара-Оюка, Восточный Алтай (характеристика изобразительных особенностей и хронология) // Материальная и духовная культура народов Сибири. – Л.: Наука, 1988. – С. 140 – 158. – (Сб. МАЭ; Т. 42).

Савинов Д.Г. К вопросу о формировании окуневской изобразительной традиции // Окуневский сборник: Искусство. Культура. Антропология. – СПб.: Петро-Риф, 1997. – С. 202 – 212.

Miklashevich E.A., Pyatkin B.N. The petroglyphs at Sukhanikha Mountain (Middle Yenisei) // INORA. – 1998. – N 21. – P. 18 – 23.

Pyatkin B.N. The Shalabolino petroglyphs on the river Tuba (Middle Yenisei) // INORA. – 1998. – N 20. – P. 26 – 30.

Материал поступил в редколлегию 21.05.03 г.

Г.В. Кубарев, В.Д. Кубарев

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия**E-mail: gvkubarev@online.nsk.su**vd@online.nsk.su*

ПОГРЕБЕНИЕ ЗНАТНОГО ТЮРКА ИЗ БАЛЫК-СООКА (Центральный Алтай)

Введение

Политической основой консолидации алтайских племен в средневековую эпоху послужил могущественный Тюркский каганат (VI–VIII вв.). Это крупное племенное объединение, по существу, было первой евразийской империей, границы которой простирались от Монголии до стран Восточной Европы и от Южной Сибири до Китая. Включение Алтая в состав огромной кочевой империи не только открыло его населению доступ к сокровищнице духовных и материальных ценностей других народов, но и активизировало творческий потенциал древнеалтайских тюркоязычных племен, внесших свой вклад в мировую культуру.

До нашего времени сохранилось несколько легенд о происхождении древних тюрков, из которых наиболее известной является легенда о сожительстве мальчика с волчицей. В ней повествуется, что все предки тюрков были убиты воинами соседнего племени, но чудом уцелел десятилетний мальчик. У него были отрублены ноги и руки, но волчица спасла его, выкормила и затем стала его женой. Согласно легенде, волчица в пещере рождает десять сыновей, которые становятся затем вождями тюркских племен. Один из них, по имени Ашина, переселившись на Алтай, возглавил племенной союз, получивший название Тюрк. Неожиданное подтверждение тюркской легенды найдено в степях Монголии: на одной из каменных стел изображена волчица, под брюхом которой находится небольшая фигурка человека с отрубленными руками и ногами.

Главной и грозной военной силой тюрков была кавалерия, вооруженная луками и стрелами, сталь-

ным оружием. “Сила тюрку заключается в верховой езде и стрельбе из лука. Если они видят благоприятное положение, то продвигаются вперед, если замечают опасность, тотчас же отступают. Они бушуют, как буря и молния, и не знают устойчивого боевого порядка. Лук и стрелы являются их когтями и зубами, а кольчуги и шлемы – повседневным одеянием” [Liu Mau-tsai, 1958, S. 130]. Мужчин тюрки хоронили с оружием и конем. Во многих могилах обнаруживаются явные признаки их гибели на войне. На некоторых черепах и костях видны следы смертельных ран от стрел, мечей и сабель. Нередко встречаются погребения людей и с отрубленными головами.

Среди более 250 древнетюркских захоронений, исследованных на сегодняшний день на территории Южной Сибири, лишь незначительную часть можно признать элитными. Многие из них были разграблены еще в древности, но те, которые дошли до нас непо потревоженными, содержат яркий археологический материал: предметы импорта, украшения, дорогое оружие и т.п. Такие погребальные комплексы интересны тем, что зачастую их сопроводительный инвентарь включает в себя исключительно информативные и редкие находки, такие как предметы искусства, монеты, артефакты с руническими надписями, детали защитного доспеха и многое другое. К числу подобных редких погребений древнетюркской племенной элиты, без сомнения, относится раскопанный кург. 11 могильника Балык-Соок I в Онгудайском р-не Республики Алтай (рис. 1). Могильник получил название по одноименному урочищу в долине р. Урсул близ впадения в нее р. Курота (рис. 2). Кург. 11, как и несколько других исследованных древнетюркских погре-

Рис. 1. Карта Республики Алтай.

бений, был устроен с восточной стороны от ряда огромных курганов (памятник Балык-Соок I) пазырыкской культуры, расположенных цепочкой по линии С–Ю (рис. 3)*.

Описание погребения

Насыпь исследованного кургана в плане эллипсовидной формы, размером 12×8 м, высотой 0,5 м (рис. 4). Могильная яма диаметром 350 см постепенно сужалась книзу (рис. 5). В ее заполнении прослеживалось пятно грабительского лаза. На глу-

* На этом могильнике были также исследованы два уникальных кургана с “диагональными” погребениями V – IV вв. до н.э. (см.: [Кубарев В.Д., 2002]).

Рис. 2. Общий вид могильника Балык-Соок.

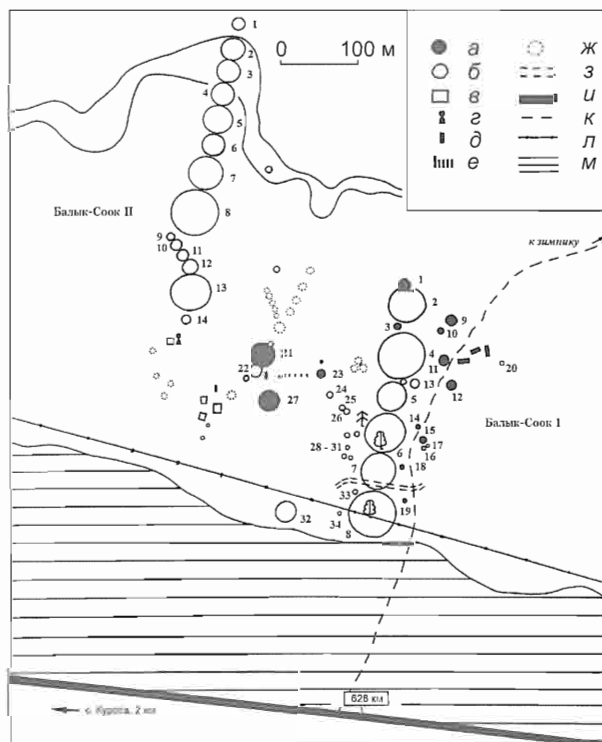

Рис. 3. План расположения археологических памятников в урочище Балык-Соок.

a – раскопанные курганы, *б* – неисследованные объекты, *в* – древнетюркские оградки, *г* – каменное изваяние, *д* – каменные стелы, *е* – балбалы, *ж* – поминальные сооружения, *з* – остатки древнего оросительного канала, *и* – Чуйский тракт, *к* – полевая дорога к зимнику, *л* – телефонная линия, *м* – вспаханное поле.

Рис. 4. Вид с востока на насыпь кургана 11.
Балык-Сок I.

Рис. 5. Процесс раскопок.

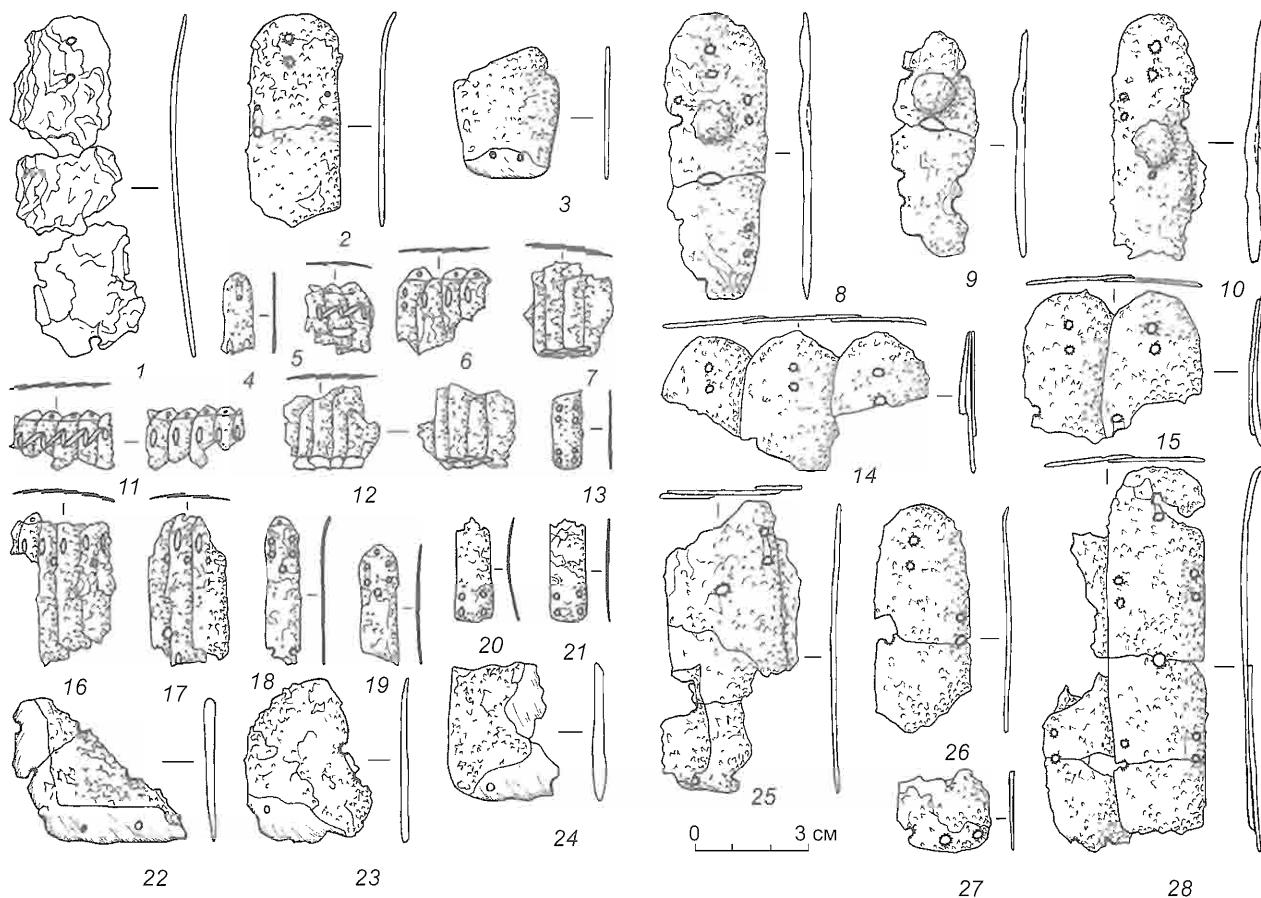

Рис. 6. Разнотипные панцирные пластины.

бине 70 – 120 см среди крупных камней, ближе к западной стенке ямы найдены многочисленные обломки железных панцирных пластин (рис. 6, 7). В центре ямы находились две пары роговых срединных накладок на лук (рис. 8, 4 – 7), а также роговой наконечник и рукоять плети (рис. 9, 16, 18).

При углублении до 140 – 155 см (рис. 10) по центру ямы обнаружены железное тесло-топор (см. рис. 9, 13), стремя (рис. 11, 14), детали узды – серебряные бляшки, наконечники, пряжки и обоймы, тройник-распределитель (см. рис. 9, 1 – 12; 12) и железный наконечник копья (см. рис. 8, 8). Вокруг этого скопления

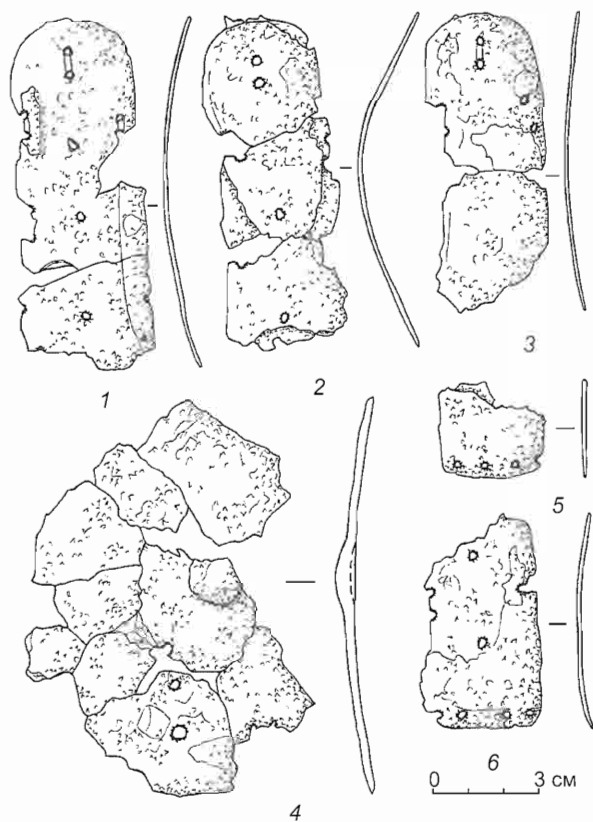

Рис. 7. Детали шлема.

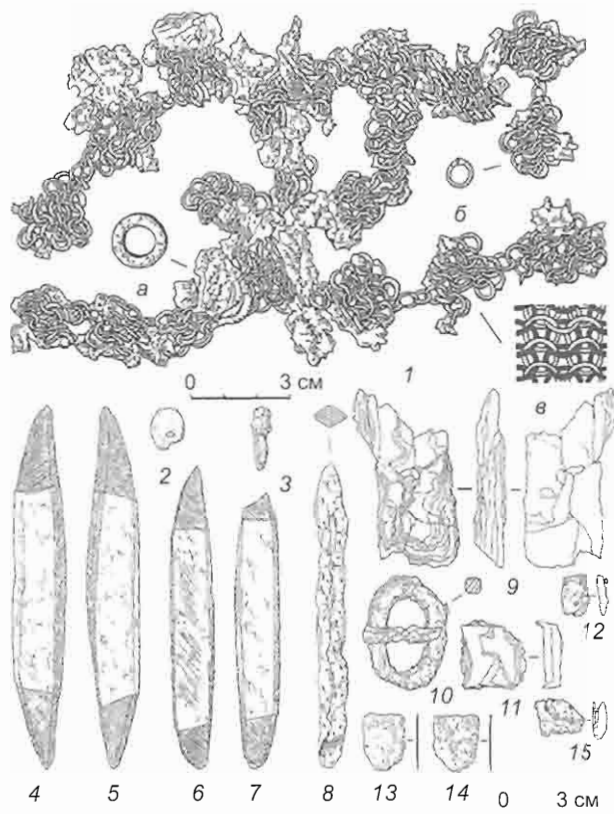

Рис. 8. Предметы вооружения.

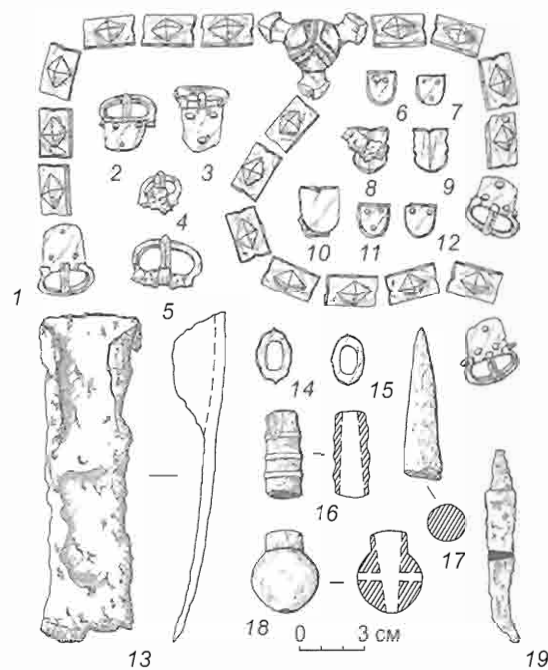

Рис. 9. Уздечный набор и бытовые предметы.

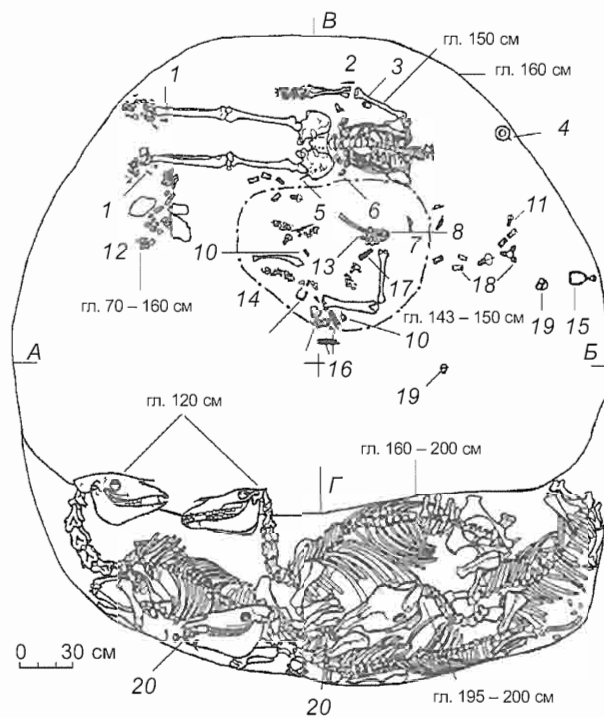

Рис. 10. План погребения.

1 – серебряные пряжки и наконечники ремней для сапог; 2 – кочедык; 3 – железное огниво, кремь, две роговые бляшки; 4 – серебряный сосуд; 5 – железный нож; 6 – наборный пояс; 7 – роговые застёжки для пут; 8 – золотая серьга; 9 – железный наконечник копья; 10 – роговой наконечник и рукоять стека; 11 – серебряные пряжки; 12 – железные панцирные пластины; 13 – обрывки кольчуги, роговой свистунок и обломок наконечника стрелы; 14 – железный наконечник и пряжка ремня, железные наконечники; 15 – железные стремена; 16 – роговые накладки на лук; 17 – железное тесло-топор; 18 – серебряные бляхи и пряжки узды, тройник; 19 – железные подпружные пряжки; 20 – железные удила с роговыми псалями.

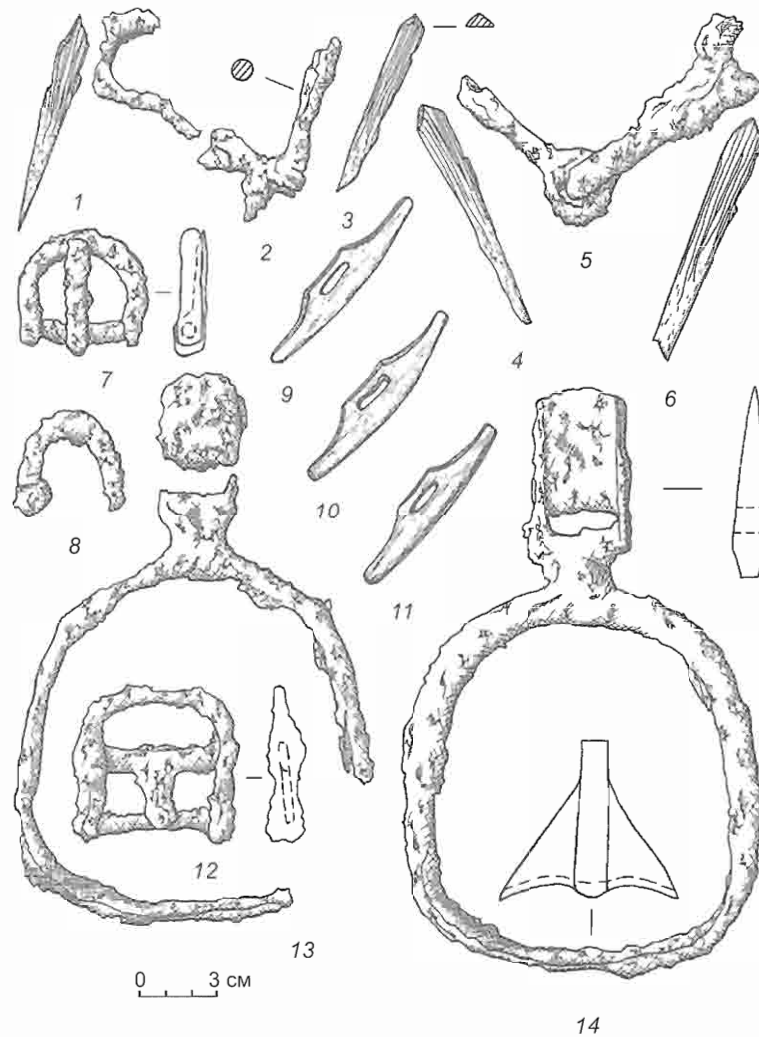

Рис. 11. Предметы снаряжения коня.

предметов большой разнородной массой лежали обломки железных панцирных пластин (рис. 6, 7), а также обрывки кольчуги (см. рис. 8, 1). Среди многочисленных железных обломков найдены части наконечников стрел (см. рис. 8, 3), роговой свистунок (см. рис. 8, 2) и фрагменты лакированной кожи. Здесь же были массивная железная пряжка (см. рис. 8, 10), наконечник ремня (см. рис. 8, 11) и несколько маленьких железных наконечников ремней (см. рис. 8, 12 – 15). При разборке этого скопления вещей обнаружена массивная золотая серьга с двумя жемчужинами (рис. 13).

В северной половине ямы, на глубине 150 см расчищен костяк человека, погребенного в вытянутом положении на спине, головой на востоко-юго-восток (см. рис. 10, 14). Череп отсутствовал, кости левой руки были смещены грабительским лазом и лежали в анатомическом порядке в центре ямы. В головной части погребения, у восточной стенки ямы находились детали седла и узды: железное стремя (см. рис. 11, 13), три роговые застёжки для пут (см. рис. 11, 9 – 11), несколь-

ко однотипных серебряных бляшек (см. рис. 9, 1) и две железные подпружные пряжки (см. рис. 11, 7, 12). Неподалеку найден серебряный сосудик с тамгообразным знаком на дне (рис. 15). На погребенном был наборный пояс из серебряных блях-оправ трех типов (рис. 16, 5; 17), к которому подвешивался железный черешковый нож (см. рис. 9, 19). У костей правой руки человека найдены железное огниво (см. рис. 16, 6), халцедоновый камень (см. рис. 16, 9), две маленькие роговые бляшки с крестовидным орнаментом (см. рис. 16, 7, 8) и роговой стержень конической формы (см. рис. 9, 17). Две миниатюрные серебряные пряжки (см. рис. 12; 16, 3, 4) и два наконечника ремней с бирюзовыми вставками (см. рис. 16, 1, 2) находились у костей ступней погребенного.

В южной половине ямы при углублении до 160 – 200 см зачищены четыре костяка коней, ориентированные на запад (см. рис. 10, 14, 18). Первый (слева) конь при погребении лежал на брюхе, завалившись на

Рис. 12. Серебряный уздечный набор.

Рис. 13. Золотая серьга с жемчужинами.

Рис. 14. Расчищенное погребение.

Рис. 15. Серебряный сосуд.

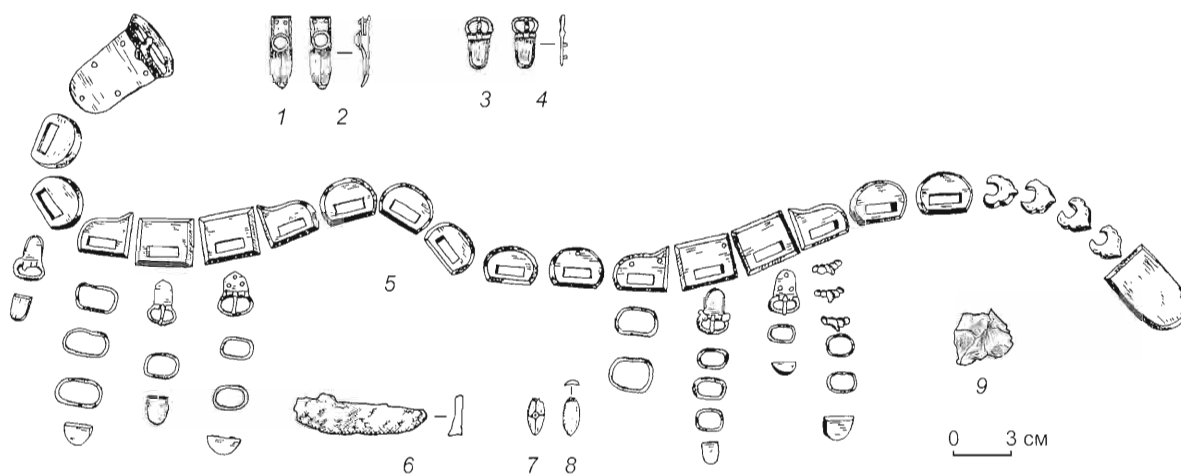

Рис. 16. Предметы из кургана 11. Балык-Соок I.

правый бок, голова его была преднамеренно развернута в противоположную сторону, т.е. к человеку. Судя по положению костяков, именно он был уложен первым, затем два коня рядом друг с другом в той же

позе и четвертый, головой вверх второго и третьего (см. рис. 18). Третий и четвертый по счету (слева направо) кони были взнузданы железными удилами с роговыми псалями (см. рис. 11, 1 – 6). Как известно,

Рис. 17. Серебряный наборный пояс.

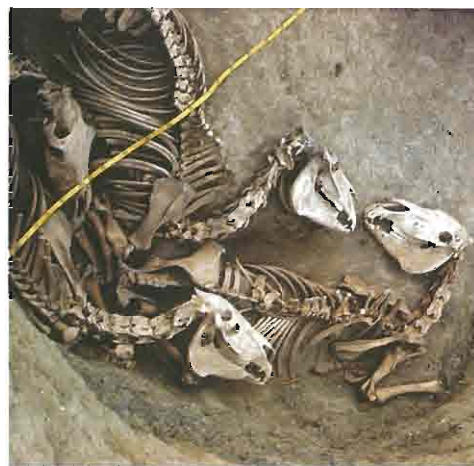

Рис. 18. Вид на захоронение коней.

многие древнетюркские погребения сопровождалось захоронением одного-двух, изредка трех коней. Здесь их четыре – пока единственный случай среди раскопанных древнетюркских погребений на Саяно-Алтайском нагорье. Этот факт, а также наличие соответствующего погребального инвентаря, в т.ч. почти целого панциря, свидетельствуют об исключительной знатности и богатстве погребенного. Интересно отметить, что “ограбление” кургана произошло вскоре после погребения умершего. В пользу такого предположения говорит то, что кости кисти левой руки человека найдены в “грабительском” лазе в анатомическом порядке. По-видимому, речь может идти не об ограблении могилы, т.к. ценные вещи не были взяты, а об ее осквернении. Являлось ли главной целью людей (врагов умершего?) вскрытие могилы и похищение головы знатного тюрка (в качестве апотропея или воинского трофея?), судить сложно.

Анализ вещевого комплекса, датировка погребения и его культурно-исторический контекст

Характерный предметный комплекс позволяет установить время совершения древнетюркского погребения в Балык-Сооке в относительно узких хронологических рамках. При этом наличие определенных, несомненно, ценных категорий инвентаря (золотая серьга, украшенная жемчугом, серебряная посуда, обувь с серебряными пряжками и ремешками с наконечниками, инкрустированными вставками из полудрагоценных камней) свидетельствует о высоком социальном статусе и богатстве погребенного. К числу престижных и значимых раритетов можно отнести защитный доспех и наборный пояс из серебряных блях – неперменный атри-

бут костюма знатного тюрка. Признаком элитарности может служить и уникальный уздечный набор, украшенный серебряными бляхами, и, конечно же, захоронение вместе с хозяином четырех породистых лошадей.

Рассмотрим наиболее характерные и датирующие предметы.

Пояс набран из серебряных блях прямоугольной и сегментовидной формы, а также типа лунниц, четыре бляхи “переходные” – от прямоугольных к сегментовидным (см. рис. 16, 5; 17). Пояс имел около пяти подвесных ремешков с обоймами, украшенных миниатюрными бляшками сердцевидной формы. Пряжки, наконечники ремней и основные типы бляшек – прямоугольные, сегментовидные и лунницы – находят многочисленные аналогии в материалах из надежно датированного слоя VIII в. средневекового города Пенджикента [Распопова, 1979, рис. 1, 3, 5]. Пояса с подобной комбинацией блях были очень широко распространены у тюрков и согдийцев в древнетюркскую эпоху и могут быть датированы концом VII – IX в. Они находят многочисленные аналогии как на территории Алтая (Катанда II, кург. 5 [Гаврилова, 1965, рис. 7], Курай II, кург. 3, Туяхта, кург. 4 [Евтюхова, Киселев, 1941, табл. III, рис. 15], Узунтал I, кург. 2 [Савинов, 1982, рис. 5, 17], Барбургазы II, кург. 9 [Кубарев Г.В., 1997, рис. 1] и др.), так и в сопредельных регионах: Кузнецкой котловине (могильник Сапогово, кург. 12 – 14 [Илюшин и др., 1992, рис. 34, 35, 38]) и Восточном Туркестане (Ярхото [Литвинский, 1995, табл. 32]). Изображения прямоугольных и сердцевидных блях, лунниц наиболее часто встречаются и на древнетюркских изваяниях. Если комбинация из трех основных типов блях является наиболее распространенной в древнетюркских материалах, то наличие блях переходной формы отличает этот пояс от других. Прямой аналог

подобной комбинации блях – пояс из погребения кург. 4 в Туяхте на Алтае [Евтюхова, Киселев, 1941, табл. III, рис. 15].

Золотая серьга (см. рис. 13) представляет собой великолепное ювелирное изделие филигранной работы. Она отличается от других подобных украшений массивностью и вместе с тем непревзойденным изяществом. На длинной подвеске-стерженьке закреплена крупная, хорошо сохранившаяся жемчужина. Еще одна, менее крупная жемчужина крепилась на шпеньке в верхней части серьги. В середине подвески-стерженька граненая “бусина”, выше и ниже которой располагаются свободно вращающиеся четыре колечка с зернью. Дополнительным креплением стерженька служит припаянное “ребрышко”, также с зернью. Все эти детали выполнены из золота.

Прямым аналогом этой находки являются две парные серьги из женского погребения в кург. 2 могильника Юстыд XIV (из неопубликованных материалов В.Д. Кубарева). Однако в отличие от балык-соокского украшения они выполнены из позолоченной бронзы, а граненая “бусина” и имитация жемчужины вырезаны из кости. Следует указать и на серьгу с подвеской в виде колечек с зернью, найденную в одном из тюркских погребений кург. 16 в Катанде-3 [Мамадаков, Горбунов 1997, рис. VII, 6 – 8]. При этом серьги, украшенные зернью, на Алтае встречаются гораздо реже, чем в Туве, Монголии и Хакасии. Два золотых изделия такого типа – с подвесками, украшенными сферическими серебряными шариками и колечками с зернью, – обнаружены в кург. 11 курганно-грунтового могильника Шелехметский II на территории Самарской Луки [Лифанов, 2001, рис. 1, 2]. Богатое погребение человека с конем, содержавшее эти серьги, было отнесено к VII – VIII вв. и справедливо интерпретировано как собственно тюркское или тюркско-хазарское. Изделия подобного типа традиционно датируются исследователями VIII – IX вв. [Евтюхова, 1957, с. 208; Овчинникова, 1990, с. 46]. Такие серьги именуется салтовскими, их различные варианты были широко распространены в VII – IX вв. во всей евразийской степной зоне. Но, возможно, происхождение этих серег следует связывать с районами Южной Сибири и Центральной Азии, а их широкое распространение – с созданием древними тюрками Первого Тюркского каганата.

Серебряный сосуд – еще один ценный предмет погребального инвентаря, заслуживающий особого внимания. Это изделие древнетюркского мастера-торевта сохранилось удовлетворительно. По вмятинам и отставшему дну можно предположить, что оно очень долго эксплуатировалось в быту. Сосуд, представляющий собой небольшую кружку на поддоне, имеет высоту 9,5 см, диаметр тулова 10 см, дна –

7 см (см. рис. 15). Его ручка выполнена в виде спаянных шариков и крепится к тулову при помощи крестовидного щитка. На дне снаружи тончайшей гравировкой нанесен тамгообразный знак.

К настоящему времени на Алтае известно несколько подобных сосудов: в Катанде [Смирнов, 1909, табл. ХСII], Туяхте [Евтюхова, Киселев, 1941, табл. II, рис. 2], Юстыде [Кубарев В.Д., 1979, с. 142 – 143, рис. 7 – 9] и Бертеке [Савинов, 1994, с. 148]. Еще один сосуд из погребения в Курае и верхняя часть сосуда из поминальной оградки Юстыда отличаются по своим пропорциям и относятся к другому типу. Кружечки, близкие балык-соокской, известны и из раскопок древнетюркских курганов соседней Тувы: в Калбак-Шат [Маннай-оол, 1963] и Монгун-Тайге [Грач, 1960, рис. 88]. Материалы могильника Сапогово в Кузнецкой котловине также включают обломок и два целых серебряных сосуда [Илюшин и др., 1992, с. 97, 110]. Время бытования серебряных сосудов такого типа на территории Саяно-Алтая определяется в рамках VIII – X вв. [Савинов, 1994, с. 148], хотя, по нашему мнению, часть из них может быть отнесена и к VII в.

Кроме уже приведенных аналогов из собственно тюркских памятников, близкие по форме и характерным деталям кружки и кувшины известны в Восточной (Перещепинский клад [Залеская и др., 1997, № 69 – 71]) и Центральной (аварские погребения каганов или знатных людей [Toth, Horvath, 1992, Abb. 69]) Европе. Оформление ручек сосудов в виде зерни с крестовидной бляхой является наиболее популярным и распространенным в материалах древнетюркского облика [Евтюхова, Киселев, 1941, рис. 1, 2; Илюшин и др., 1992, рис. 44, 1; Залеская и др., 1997, с. 311 – 314]. Так, характерной деталью сосудов из тюркской группы Перещепинского клада является ручка в виде кольца из шариков. Даже если принять датировку этого комплекса последней четвертью VII в. [Залеская и др., 1997, с. 99], то серебряные сосуды данной группы оказываются старше, чем собственно тюркские серебряные кружки с территории Саяно-Алтая. Последние преимущественно датируются VIII – IX вв. Как уже отмечалось, наличие подобных серебряных сосудов в погребениях свидетельствует о привилегированном положении их владельцев в древнетюркском обществе.

Узечный набор представлен бляшками прямоугольной формы, имеющими в центре ромбическое возвышение и вырезы на поперечных сторонах (см. рис. 9, 1 – 12; 12). Подобные бляхи обнаружены в Кузнецкой котловине – в кург. 10, 11, 13, 17 могильника Сапогово [Илюшин и др., 1992, рис. 32, 35], датированного второй половиной VIII – первой половиной IX в. Характерны они и для культуры чаатас того же периода [Кызласов, 1981, рис. 28, 47].

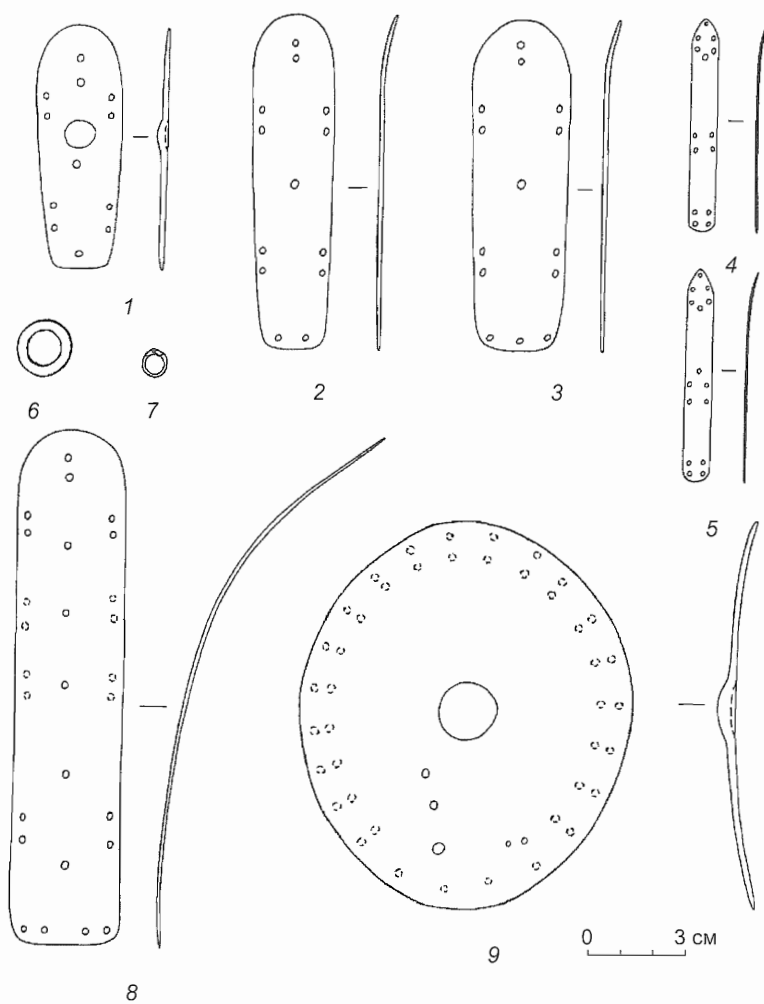

Рис. 19. Реконструированные панцирные пластины и навершие шлема.

1 – пластина I типа; 2 – пластина II типа, вариант а; 3 – пластина II типа, вариант б; 4 – пластина III типа, вариант а; 5 – пластина III типа, вариант б; 6 – железное кольцо кольчуги; 7 – бронзовое кольцо кольчуги; 8 – пластина IV типа; 9 – навершие шлема.

В центральной части тройников – орнамент, имитирующий узел (см. рис. 9, 1), что может интерпретироваться как рудимент реального завязывания в узел ремней узды.

Стремена с пластинчатой прямоугольной петлей, имеющей закраины (см. рис. 11, 13, 14), идентичны стременам такого же типа енисейских кыргызов [Евтюхова, 1948, рис. 60, 65, 96, 102, 135]. Они бытовали в VIII – X вв., при наибольшем распространении в VIII – IX вв. При этом широкая подножка и высокая пластина являются определенными хронологическими признаками, характерными для стремян VIII – IX вв. Следует согласиться с мнением Б.Б. Овчинниковой [1990, с. 112] и С.В. Неверова [1998, с. 149] о том, что массивность и большие размеры пластинчатых стремян свидетельствуют о высоком социальном статусе их владельца. Это подтверждается

наличием зачастую особых декоративных деталей – покрытия из толстого листового серебра, прорезей в подножке. Подобные стремена подражали таким образцам искусства, как массивное стремя того же типа с инкрустацией серебром в виде растительного орнамента и изображений птиц из Уйбатского чаатаса [Евтюхова, 1948, рис. 23]. Достаточно также вспомнить пластинчатые стремена из богатых аварских погребений [Garam, 1992, Taf. 12, 24], серебряные стремена из Перешепинского клада [Залеская и др., 1997, с. 235, № 120] и с территории Северного Ирана [Werner, 1974, Abb. 5 – 7].

Защитный доспех. Несомненно, одной из наиболее интересных находок в погребении являются детали защитного доспеха. По их первоначальному местонахождению невозможно судить о конструкции доспеха. К тому же от панциря не сохранилось ни одной целой пластины. Однако в результате проведенных реставрационных работ удалось склеить несколько пластин и деталей доспеха.

Панцирные пластины по форме, размерам и количеству отверстий можно условно разделить на четыре типа, часть из которых делится на варианты.

Тип I. Пластины, имеющие округлый верхний край и подпрямоугольный нижний (см. рис. 6, 8 – 10; 19, 1). Размеры: длина 7 – 7,5 см, ширина 2 – 2,7, толщина 0,1 – 0,3 см. У основания пластины слегка сужаются. Отличительные особенности – наличие полусферических выступов в верхней части и значительная толщина; 12 отверстий. Насчитывается 46 обломков от не менее 34 пластин. Восстановлен 1 экз.

Тип II. Пластины, также имеющие округлый верхний край и подпрямоугольный нижний (см. рис. 6, 1 – 3; 14, 15, 25 – 28; 19, 2, 3). Размеры: длина 9,5 – 10 см, ширина 2,3 – 3, толщина 0,1 – 0,2 см. Верхний край часто слегка вогнут. Подразделяются на два варианта: а) с 13 отверстиями (см. рис. 19, 2), б) с 14 отверстиями (дополнительное в нижнем окончании пластины) (см. рис. 19, 3). Насчитывается 151 обломок от не менее 39 пластин. Восстановлено 2 экз.

На спекшихся фрагментах пластин I и II типов различимо их налегание друг на друга как слева направо, так и справа налево на 4 – 5 мм (см. рис. 6, 14, 15, 25, 28).

Тип III. Пластины, имеющие округлый, слегка заостренный верхний край и подпрямоугольный нижний

(см. рис. 6, 4 – 7, 11 – 13, 16 – 21; 19, 4, 5). Размеры: предполагаемые длина 6,5 – 7 см, ширина 0,7 – 1,0, толщина 0,1 – 0,2 см. Верхний край иногда вогнут. Варианты: а) с 14 отверстиями (см. рис. 19, 4), б) с 15 отверстиями (дополнительное в центре пластины) (см. рис. 19, 5). Имеются также обломки пластин либо с иной системой отверстий, либо другой длины (см. рис. 6, 4, 13), которые, возможно, образуют еще один вариант. Однако полностью размер этих пластин и количество отверстий не восстанавливаются. Насчитывается 702 обломка от не менее 172 пластин. Целиком не удалось восстановить ни одного экземпляра. На спекшихся фрагментах четко различимы окантовка тканью верхнего края каждого ряда и нижнего края первого ряда, а также способ скрепления с помощью шнура или тесемки (см. рис. 6, 4 – 7, 11, 12, 16, 17).

Тип IV. Пластины, имеющие округлый верхний край и подпрямоугольный нижний (см. рис. 7, 1 – 3, 5, 6; 19, 8). Предположительная длина 18 см (при высоте в вертикальном положении 15,5 – 16 см), ширина 3 – 3,7, толщина 0,2 – 0,3 см. Отличительные особенности: сильно изогнуты, имеют самое большое количество отверстий – приблизительно 27. Насчитывается 102 обломка от не менее 18 пластин. Полностью не удалось восстановить ни одной. Пластины налегали друг на друга слева направо на 8 – 9 мм. В нижнем окончании они имеют следы окантовки шириной 5 мм.

Еще 107 малых и средних по размерам обломков пластин в равной степени могут относиться к I, II или IV типу.

14 железных обломков, по нашему мнению, не принадлежат ни к одному из выделенных типов. От остальных их отличает большая толщина (3 – 4 мм) и обильные следы органики (см. рис. 6, 22 – 24). Вполне возможно, что они представляли собой части двух больших пластин-блях. Однако их точная форма и система отверстий полностью не восстанавливаются. Можно лишь сказать, что по краям у них большое количество отверстий и следы органики шириной в 1 см. В центре также несколько отверстий.

Из железных обломков удалось частично восстановить округлое навершие шлема (см. рис. 7, 4; 19, 9). Его толщина 0,3 см, первоначальные размеры составляли, очевидно, 12 × 10 см. Навершие слегка выпуклое, в центре полусферический выступ. По краю оно, вероятно, имело большое количество отверстий для крепления пластин.

Кольчуга набрана из малых бронзовых и больших железных колец. Сохранились крупные разрозненные фрагменты бронзового плетения со спекшимися железными кольцами (см. рис. 8, 1). Плетения из железных (см. рис. 8, 1, а) и бронзовых (см. рис. 8, 1, б) колец чередовались, однако установить порядок их взаиморасположения невозможно. Приблизительная площадь

кольчуги составляет 490 см² (20 × 24,5 см). Бронзовые кольца 0,7 – 0,8 см в диаметре, шириной 0,1, толщиной 0,07 см. Их плетение – четыре в одном (см. рис. 8, 1, в), причем четыре кольца, соединенные с центральным, имеют спайки. Железные кольца 1,6 – 1,7 см в диаметре, шириной 0,3 – 0,4, толщиной 0,2 см. Очевидно, они имели такую же систему скрепления, что и бронзовые. На кольчуге сохранились остатки органики и фрагменты орнаментированного китайского шелка – нижняя окантовка и подкладка.

В месте скопления обломков панцирных пластин обнаружены небольшие железные наконечники ремней (см. рис. 8, 12 – 15), массивные пряжка (см. рис. 8, 10) и наконечник ремня (см. рис. 8, 11). Из железных обломков склеен предмет (см. рис. 8, 9), назначение которого непонятно. Их совместное нахождение и материал изготовления, вероятно, свидетельствуют о том, что они служили деталями доспеха.

Другие предметы вооружения представлены двумя парами роговых срединных накладок на лук (см. рис. 8, 4 – 7), остатками наконечников стрел (см. рис. 8, 2, 3) и железным наконечником копья (см. рис. 8, 8). Накладки на лук трапециевидной формы, большие длиной 18 см, малые – 15 см. Длина пера наконечника копья 13,5 см, оно ромбовидное в сечении. Втулка обломана, однако по имеющимся целым экземплярам (в т.ч. из еще одного древнетюркского кургана могильника Балык-Соок I) можно предположить, что по длине она примерно равнялась перу.

Таким образом, на основании сравнительного анализа рассмотренных нами предметов сопроводительного инвентаря балык-соокское погребение знатного тюркского воина можно датировать VIII – первой половиной IX в.

Реконструкция защитного доспеха

Большое количество панцирных пластин позволяет предположить, что в погребении находился целый доспех. Очевидно, он был уложен в непосредственной близости от человека, в центре могильной ямы. К сожалению, панцирь преднамеренно разбит “грабителями”, и часть его оказалась в “грабительском” лазе. В противном случае он сохранился бы спекшимся монолитом. Анализ формы пластин, их размеров и системы отверстий, с одной стороны, а также привлечение изобразительных и археологических материалов – с другой, позволяют предложить один из возможных вариантов реконструкции защитного доспеха из Балык-Соока*.

* Авторы благодарят В.В. Горбунова, заведующего музеем Алтайского государственного университета г. Барнаула, за ценные консультации и практическую помощь в реконструкции доспеха.

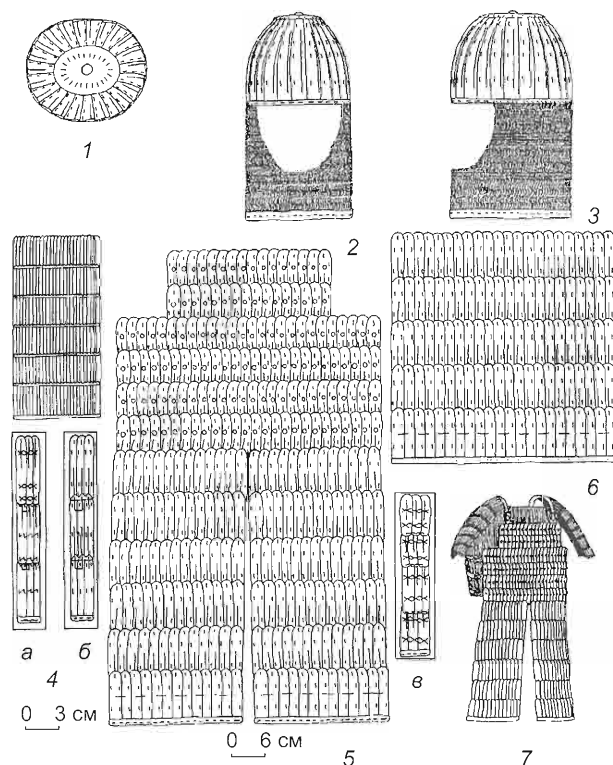

Рис. 20. Реконструкция шлема и панциря.

Рисунок В.В. Горбунова.

1 – скрепление пластин с навершием шлема; 2, 3 – шлем с кольчужной бармицей; 4 – оплечье: а – изнанка, б – лицевая сторона; 5 – нагрудник и подол (в – изнанка); б – наспинник; 7 – общий вид панциря.

Система отверстий подобных панцирных пластин предполагает их скрепление между собой при помощи ремешков, т.е. балык-соокский панцирь относился к числу т.н. ламеллярных. Пластины в таком панцире располагались длинной стороной по вертикали. Боковые отверстия служили для соединения пластин в горизонтальные полосы, а центральные – для скрепления полос между собой. При этом пластины, скорее, накладывались “снизу вверх”, т.е. округлым окончанием вверх, хотя вполне возможно и обратное направление – “чешуей”. Так, в Китае и Корее в несколько более ранний период (IV – V вв.) известны ламеллярные “чешуйчатые” доспехи [Горелик, 1993, с. 157]. Исходя из общих тенденций развития защитного вооружения во второй половине I тыс., которые нашли отражение в изобразительных материалах сопредельных регионов (см. сводку: [Там же, рис. 5 – 8]), а также в петроглифах Алтая, можно предположить, что панцирь из Балык-Соока включал следующие части: “корсет-кирасу”, состоящую из нагрудника и наспинника, двухчастный подол, крепившийся к нагрудной части и доходивший до колен, оплечья, шлем и кольчужную бармицу-”ожерелье” (рис. 20, 21).

Рис. 21. Древнетюркский воин VIII – IX вв. в защитном доспехе. Рисунок Д.В. Позднякова.

Нагрудник набирался из пластин I типа (см. рис. 20, 5), т.к. меньшие по размерам и массивные пластины обеспечивали более плотное и частое крепление, что совершенно необходимо для этой части доспеха. Кроме того, они имеют такую декоративную деталь, как полусферические выступы, которая, несомненно, использовалась в наиболее видимой составляющей панциря. Предположительное число пластин I типа, необходимых для нагрудника (в расчете на мужчину среднего телосложения), составило около 150 шт. Подол набирался из более длинных пластин II типа (см. рис. 20, 5), предположительное их число 160 шт. Нижний край подола окантовывался тканью или кожей. Наспинник также состоял из пластин II типа, предположительно в количестве 110 шт. (см. рис. 20, 6). Наспинная и нагрудная части доспеха соединялись оплечными и боковыми ремнями, от которых сохранились железные наконечники (см. рис. 8, 12 – 15). Оплечья, закрывавшие руки до локтей, набирался из пластин III типа – более узких, а потому и обеспечивающих большую гибкость (см. рис. 20, 4). Судя по следам, пластины скреплялись в один ряд при помощи

длинных ремешков, а ряды между собой соединялись многочисленными короткими ремешками (см. рис. 20, 4, а, б). В нижней части оплечья имели окантовку из ткани. Кроме того, окантовывался верхний край каждого ряда. Общее предполагаемое количество пластин оплечий 310 шт.

Шлем. Из его деталей удалось частично склеить навершие и пластины (IV тип). Первоначальный размер навершия составлял, по-видимому, 12 × 10 см, в центре оно имеет полусферический выступ (см. рис. 19, 9). И хотя не удалось полностью восстановить ни одной пластины от шлема, с определенной степенью достоверности возможна его реконструкция. Учитывая приблизительные параметры боевого наголовья по известным образцам (общая высота 17 см, размеры основания тульи эллипсоидной формы 19 × 22 при длине окружности 65 см), высота пластин шлема должна была составлять 16 см при длине 18 см. Они имели порядка 27 отверстий (см. рис. 19, 8).

Таким образом, тулья-купол шлема состояла из скрепленных между собой длинных изогнутых пластин. Их необходимое число – 23 шт. Для соединения пластин шлема друг с другом в отличие от панцирных пластин использовались не только боковые парные отверстия, но и центральные. Тем самым обеспечивалось очень надежное их скрепление. Парные отверстия в верхней части пластин служили для соединения с навершием (см. рис. 20, 1), которое должно было иметь соответственно 23 парных отверстия. Из-за незначительной степени изогнутости пластин и выпуклости навершия купол шлема имел полушаровидную форму (см. рис. 20, 2, 3).

Кольчуга невелика, поэтому, вероятней всего, она использовалась в качестве бармицы-“ожерелья”, прикрывающей шею и плечи (см. рис. 21). Плетения из бронзовых и железных колец, возможно, чередовались полосами. Бармица имела окантовку нижнего края и подкладку из шелка.

Балык-соокский панцирь был снабжен дополнительными деталями – наплечниками (?) в виде двух массивных пластин, покрытых кожей или тканью. Однако их первоначальная форма не восстанавливается. Как уже упоминалось, различные части доспеха украшались китайским орнаментированным шелком и черной лакированной кожей. Массивная железная пряжка и наконечник ремня относились к “боевому” кожаному поясу, к которому могли подвешиваться колчан и налучье.

Сравнительный анализ балык-соокского доспеха

Пластины ламеллярного доспеха, аналогичные балык-соокским I и II типа, широко бытовали в степной

зоне Евразии и использовались на протяжении всего I тыс. н.э. При этом защитное вооружение в I тыс. н.э. продолжает линию развития предыдущего периода – конца I тыс. до н.э. [Горелик, 1993, с. 161]. Территориально и хронологически наиболее близкими пластинам I и II типа следует считать находки: на Алтае – Берель, кург. 3 [Гаврилова, 1965, с. 55], Кудыргэ, оградка XIII [Там же, с. 16, табл. 5], Узунтал I, кург. 2 [Савинов, 1982, с. 107, рис. 8], Боротал I, кург. 6 [Кубарев В.Д., 1985, с. 138, рис. 2], Катанда-3, кург. 21 [Мамадаков, Горбунов, 1997, с. 117, рис. VIII, 14], Балчикова-3, кург. 7 [Шульга, Горбунов, 2002]; в Туве – Монгун-Тайга 58-IV [Грач, 1960, с. 130], Бай-Тайга 59-5 [Грач, 1966, с. 103], Аймырлыг III, II-6 [Овчинникова, 1981, с. 141], Улуг-Хорум, выпускное погр. 2 [Грач, 1982, с. 158], Тора-Тал-Арты СХ-59-17, СХ-59-4 [Нечаева, 1966, с. 114, 135], Хемчик I [Грач, Нечаева, 1960, с. 191] и др.; в Монголии – Нахиугийн-Манхан [Худяков, Баяр, 1992, с. 38 – 41]; в Кузнецкой котловине – могильник Сапогово, кург. 1, 8, 11, 12, 14, 17, 19 [Илюшин и др., 1992, с. 23]; в Казахстане – у с. Алатау [Курманкулов, 1980, с. 195], Джаргас, кург. 80 [Трифонов, 1987, с. 128], Иссык [Григорьев, Загородный, 1995, рис. 2].

Декоративные полусферические выступы на пластинах I типа находят параллели в материалах кенкольской археологической культуры (I – V вв.) Средней Азии [Кожомбердиев, Худяков, 1987, с. 95] и в настенных росписях Пенджикента [Беленицкий, 1973, табл. 23]. Однако наиболее ярким и близким в культурно-хронологическом и территориальном отношении аналогом является находка (часть доспеха) из кург. 7 в урочище Балчикова-3 [Шульга, Горбунов, 2002]. Другой аналог – целый спекшийся панцирь из местности Бек-Бике в Западном Казахстане [Синицын, 1950, рис. 32, 33; 1956, с. 103 – 104]. Примечательно, что он целиком набран из пластин такой же формы (округлый верхний край, прямоугольный нижний), с аналогичной системой отверстий, а главное, с полусферическими выступами посередине. Панцирь состоял из 25 рядов пластин, скрепленных между собой ремешками, что лишней раз подтверждает использование подобных пластин в ламеллярном доспехе. При этом пластины накладывались “снизу вверх”, т.е. округлым окончанием вверх. Памятник датирован в широких пределах – VIII – XII вв. [Синицын, 1950, с. 109]. Традиция украшения пластин полусферическими выступами распространилась и далеко на запад – до севера Руси, Новгорода [Медведев А.Ф., 1959, с. 125].

Узкие пластины III типа достаточно необычны и редки. Единственный аналог – детали защитного доспеха, найденные в Китае, в Цюйцзянчи, Сиань [Горелик, 1993, рис. 12, 11], которые отнесены к VII – IX вв. Причем пластины, соответствующие II и III типам,

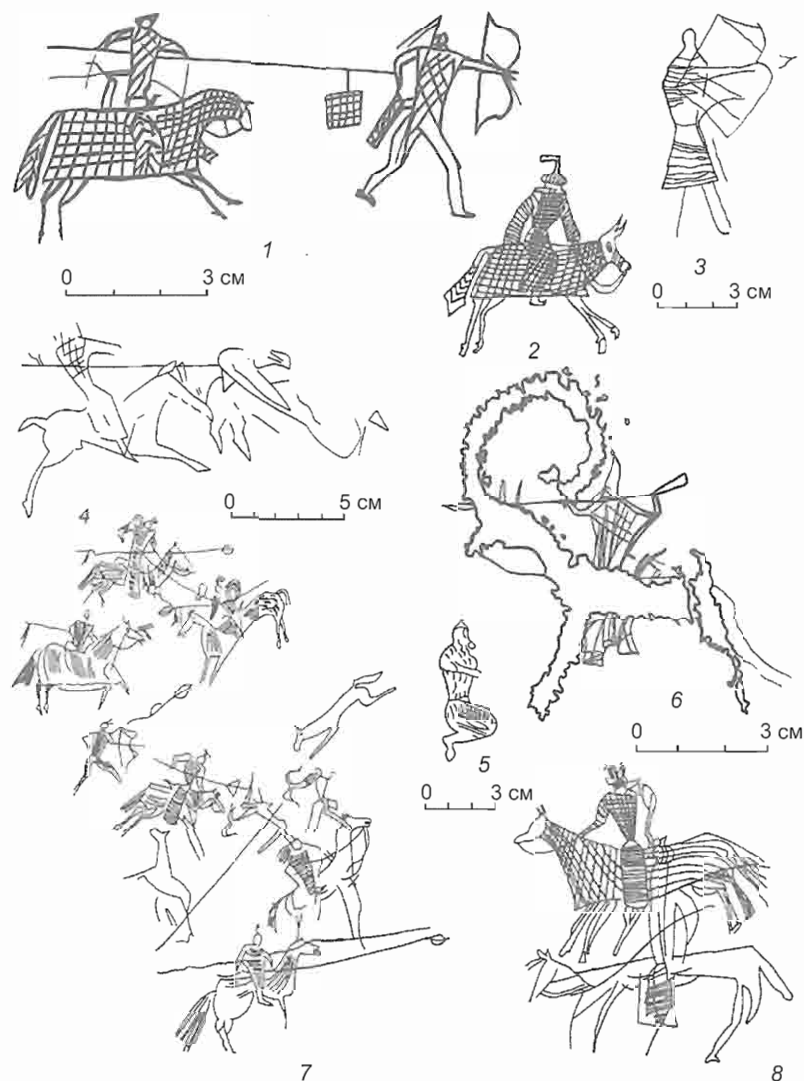

Рис. 22. Изображения тяжеловооруженных всадников и воинов в доспехах в граффити Алтая.
1, 2, 5 – Жалгыз-Тобе; 3 – Бичикту-Бом; 4 – Юстыд, оградка; 6 – Кудыргэ; 7, 8 – Кара-Оюк.

здесь также обнаружены в одном наборе. Что касается легкой изогнутости большинства пластин (у пластин из Балык-Соока в верхней части), то, очевидно, правы те исследователи [Медведев А.Ф., 1959, с. 126], которые связывают это с лучшим отражением или смягчением удара копья, броневой наконечника стрелы и т.п. Изогнутые панцирные пластины, создающие “пружинящий” эффект, отмечены у “пластинчатых” доспехов всех времен.

Части шлема в древнетюркском погребении на территории Саяно-Алтая – уникальная находка. В сопредельных регионах известны лишь единичные экземпляры, относящиеся к VIII – X вв. Это фрагменты шлема в одном из погребений (кург. 15) могильника Сапогова в Кузнецкой котловине [Илюшин и др., 1992, с. 106]. Шлем условно отнесен к сфероконическим и датирован второй половиной VIII – первой полови-

ной IX в. Еще одно боевое наголовье обнаружено в кург. 2 могильника Рёлка на средней Оби [Чиндина, 1977, с. 32]. Оно сфероконической формы, склепано из восьми полос и снабжено ободом и наверху. Кроме того, в Южной Туве во впускном погребении IX – XII вв. с трупосожжением кыргызского воина (Улуг-Хорум, погр. 2) найдено большое количество панцирных пластин, среди которых есть несколько длинных – 17 – 18 см [Грач, 1982, с. 158]. И хотя по публикации это сложно утверждать, можно предположить, что они также являлись пластинами, составлявшими купол-тулью шлема. Не исключена трактовка изображения боевого наголовья одного из катафрактариев в граффити Алтая (рис. 22, 2) как шлема, набранного из отдельных пластин.

Защитные наголовья из Рёлки и Сапогова по форме и конструкции сильно отличаются от балык-соок-

ского. Принцип набора тульи-купола из длинных изогнутых пластин восходит к ранней традиции начала I тыс. Шлемы подобной конструкции, различающиеся по способу скрепления пластин, форме тульи и т.д., известны от Центральной Европы до Японии [Горелик, 1993, с. 161]. В некоторых регионах они продолжали использоваться в позднем средневековье [Медведев В.Е., 1981, с. 179]. Шлемы с полушаровидной тульей-куполом в III – VI вв. были широко распространены в Средней Азии, Китае, Японии [Горелик, 1993, с. 163]. Интересно отметить, что пластинчатые шлемы, судя по настенной живописи Пенджикента, бытовали в Средней Азии и позднее – во второй половине I тыс. [Распопова, 1980, с. 84]. Наиболее близок балык-соокскому боевому наголовью шлем такой же конструкции и формы периода Когурё из Китая, хранящийся в музее г. Шэньян пров. Ляонин [Чо Ю Чжон, 1993, рис. 20]. По-видимому, шлемы полушаровидной формы, набранные из пластин, продолжали использоваться в конце I тыс. наряду со все более распространявшимися цельнокованными либо склепанными из полос коническими и сфероконическими боевыми наголовьями.

Кольчуга редко встречается в раннесредневековых погребениях Центральной Азии и Южной Сибири. Небольшие фрагменты обнаружены в погребальных памятниках Алтая – Кудыргэ, кург. 22 [Гаврилова, 1965, табл. XXIV], Прибайкалья – Куркут I [Асеев, 1980, с. 21], Кузнецкой котловины – Сапогово, кург. 15, 17 [Илюшин и др., 1992, с. 23], Среднего Приобья – Рёлка, кург. 5 [Чиндина, 1977, с. 33], Тянь-Шаня [Кожомбердиев, Худяков, 1987, с. 97]. Как правило, это небольшие обрывки кольчуг, часть из которых могла быть переиспользована. Кольчуга из погребения в Балык-Сооке не вызывает сомнения в применении ее как составляющей защитного доспеха. Чрезвычайно интересной конструктивной особенностью кольчуги является сочетание плетений из больших железных и малых бронзовых колец, их чередование. Подобное сочетание полос из бронзовых (медных) и железных колец отмечалось для кольчужного доспеха на Востоке [Винклер, 1992, с. 255], известно вплетание полос из медных колец в железную кольчугу и на Руси [Кирпичников, 1971, с. 9]. Плетение из бронзовых колец имело прежде всего декоративное назначение, хотя при этом не отрицается и его функциональная пригодность. Традиционно считается, что кольчуги из кочевнических погребений имеют западное, среднеазиатское или иранское происхождение [Гаврилова, 1965, с. 31; Горелик, 1993, с. 164]. В Средней Азии было налажено производство кольчуг, и они пользовались большой популярностью. Вопрос об освоении подобного производства самими кочевниками остается открытым. Относительно техники изготовления кольчуги

(ее плетения из бронзовых колец) можно отметить, что кольца попеременно сварены и склепаны. Причем четыре склепанных кольца соединялись с одним сваренным. Такая техника типична и для кольчатой брони всего домонгольского периода на Руси [Кирпичников, 1971, с. 9].

Панцирь балык-соокского воина вполне мог быть изготовлен на Алтае. Согласно китайским письменным свидетельствам, Алтай являлся крупным центром производства и обработки железа в Южной Сибири и Центральной Азии. Древние тюрки прославились именно как железоплавильщики [Бичурин, 1950, с. 228]. Это подтверждается материалами как погребений, так и памятников черной металлургии. Более 30 подобных памятников было открыто и изучено на территории преимущественно Южного Алтая [Зиняков, 1983, с. 6]. Период VIII – X вв. характеризуется возросшим уровнем производства металлических изделий и широким распространением оружия из закаленной стали [Там же, с. 16]. Несомненно, на Алтае было известно изготовление защитного доспеха, что нашло отражение в алтайской топонимике. Один из крупных алтайских пунктов железодельного производства находится близ устья правого притока р. Чуи под названием Куяхтанар (Куйак-Танар), которое означает “панцирь, броню привяжет, завяжет” [Молчанова, 1979, с. 238].

Защитный доспех из Балык-Соока имеет ряд особенностей в конструкции и оформлении. К ним относятся использование кольчуги как части доспеха; разнообразие пластин, что в целом не характерно для конца I тыс., и в частности наличие узких пластин оплечий; декоративная деталь в виде полусферических выступов; дополнительное украшение частей панциря лакированной кожей и китайским орнаментированным шелком; шлем, набранный из пластин. Все вышеперечисленное находит параллели в защитном вооружении, применявшемся в Средней Азии, и, возможно, свидетельствует о распространении моды согдийцев либо об изготовлении этого панциря согдийским мастером по заказу знатного тюркского воина.

Хорошо известны колонизация согдийцами Южной Сибири и их торговля с кочевниками: “Предприимчивые согдийские ремесленники и купцы селились в весьма отдаленных от их родины областях: в Китае, Туве, Монголии” [Распопова, 1970, с. 91]. Многие предметы, такие как поясная гарнитура, серебряные сосуды, украшения и др., перестают быть этнически показательными. Происходит заимствование предметов как согдийцами у кочевников, так и наоборот. Трудно определить, сделаны ли они кочевниками или на заказ согдийскими мастерами. Что касается вооружения, то “изделия согдийских оружейников славились за пределами Согда” [Распопова,

1980, с. 107]. В материалах древнетюркских погребений на Алтае уже известны предметы вооружения, возможно, также изготовленные согдийцами [Кубарев В.Д., 1992, с. 34]. Однако развитие вооружения самих согдийцев в VII – VIII вв. происходило не без влияния тюркского оружейного комплекса [Распопова, 1980, с. 107].

Письменные источники и петроглифы о военном искусстве древних тюрков

Важным источником по военному делу древних тюрков служат письменные памятники. Но если для периода Первого и Второго Тюркских каганатов основными и наиболее информативными можно считать китайские династийные хроники [Бичурин, 1950], то для VIII – X вв. (Уйгурского и Кыргызского каганатов) – свидетельства арабских авторов. Соотнеся их с археологическими материалами, можно сделать определенные выводы о тактике ведения боя. В этом отношении интересно “Послание Фатху б. Хакану” ал-Джахиза, относящееся к IX в. [Мандельштам, 1956]. И хотя речь в нем идет о западных группах тюрков, его использование вполне оправданно, т.к. и западные, и восточные тюрки являлись носителями единой культурной традиции. Чрезвычайно важно то, что в одном погребении были обнаружены и защитный доспех, и наконечник копья. Наконечники копий не являются редкой находкой в древнетюркских захоронениях. Так, на Алтае они найдены в погребальных памятниках: Балык-Соок I, кург. 23, Уландрык I, кург. 10, Барбургазы I, кург. 20 (неопубликованные материалы В.Д. Кубарева), Катанда I, кург. 7, 8 [Гаврилова, 1965, с. 55], Яконур, мог. 5 [Грязнов, 1940, с. 19]. Как известно, копьё предназначалось для боя с защищенным панцирем противником. Защитный доспех и копьё определяли и тактику боя – таранный удар плотно сомкнутым строем, что и подтверждают письменные данные: “...сила натиска в первый момент – а это удар, которым они достигают того, что хотят...” [Мандельштам, 1956, с. 228]. Подобная атака могла решить исход всего боя. Столкновение двух конных отрядов, вооруженных копьями, изображено в росписях Пенджикента [Распопова, 1980, рис. 50, 1]. Тактика, например, чжуржэньских войск заключалась в выставлении в авангарде копьеносцев, которых называли крепкой армией или *ин* – “стойкими”, они сами и их лошади были одеты в латы [Кычанов, 1976, с. 277]. В задачу тяжелой ударной, или т.н. врубающей, конницы (*ту-ки*) тюрков входило расстройство рядов противника, внесение замешательства. Иногда такие атаки предпринимались несколько раз. Очевидно, большая часть войска была менее экипирована (например, без попон на ло-

шадях) либо представляла собой легкую конницу. Разделение войска тюрков на легкую и тяжелую кавалерию широко известно. Тактика боя основывалась на их взаимодействии. Легкие лучники оказывали активную поддержку тяжеловооруженным всадникам, нанося большие потери, в случае неудачной атаки могли прикрыть отход катафрактари-ев для организации новой. Легкая конница, как правило, сражалась на дистанции и без поддержки тяжеловооруженных всадников также была обречена. Подобная тактика боя известна по меньшей мере с рубежа нашей эры и использовалась, например, парфянами [Никоноров, 1995]. Она была связана с появлением тяжелой конницы и, несомненно, изобретена кочевниками. В Центральной Азии в эпоху раннего средневековья такая тактика боя при дальнейшем развитии и усовершенствовании защитного доспеха получила широкое распространение среди многих кочевых народов. В числе первых ее применили древние тюрки. Очевидно, ей пользовались и оседло-земледельческие этносы – китайцы, согдийцы.

В ходе боя команды отдавались с помощью знамен, о чем известно из письменных источников [Бичурин, 1950, с. 300]. В рунических памятниках часто упоминается, что знатные воины, главы родов являлись обладателями боевого знамени [Васильев, 1995, с. 259]; изображения боевых знамен нередко встречаются и в средневековых граффити [Марьяшев, Ермолаева, Мотов, 1979, рис. 4 – 6].

В арабских письменных памятниках особо отмечается, что “копье тюрков – короткое и полное (т.е. имеющее втулку. – Г.К.). А короткие полые копья пронзают с большей силой и более легки для ношения” [Мандельштам, 1956, с. 233]. Отличительной чертой тюрков было не только умелое владение копьем, но и точность и быстрота стрельбы из лука. В балык-соокском погребении найдены роговые срединные накладки на два лука, что соответствует описанию: “...они приучают всадников возить (при себе) два или три лука...” [Там же, с. 231]. В арабских источниках постоянно упоминается, что тюрки были хорошо экипированы, носили панцирь (*аль-джавшан*), кольчугу (*дир*), щит и шлем (*байда*) (см.: [Юнусов, 1990, с. 98]). Тюрки достигли особого совершенства в ведении боевых действий: “И (никто) не внушает такой страх арабским войскам, как тюрки” [Мандельштам, 1956, с. 243].

Период VIII – X вв. в Южной Сибири и Центральной Азии характеризуется активными миграционными процессами и частыми войнами, что нашло отражение в письменных источниках и археологически фиксируется по захоронениям со смешанным обрядом погребения и предметным комплексом, большому количеству кенотафов. В такое время возрастает

Рис. 23. Изображение тяжеловооруженных воинов.
Жалгыз-Тобе. Российский Алтай.

Рис. 24. Изображение тяжеловооруженных воинов.
Хар-Салаа. Монгольский Алтай.

потребность в защитном вооружении и, вероятно, происходит некоторая его унификация. Наблюдается тенденция к распространению и развитию защитного доспеха в “редуцированном” виде – письменные источники конца I тыс. редко сообщают о закованных с головы до ног в железо отрядах конницы (см.: [Юнсов, 1990, с. 101]).

Ценным свидетельством применения защитного доспеха в древнетюркскую эпоху являются граффити Алтая (рис. 22 – 24). К их числу относятся изображения тяжеловооруженных всадников и воинов в Жалгыз-Тобе (рис. 22, 1, 2, 5; 24), Бичикту-Боме (рис. 22, 3), Юстыде (рис. 22, 4), Кара-Оюке (рис. 22, 7, 8) [Окладникова, 1988, рис. 4], на кудыргинском валуне (рис. 22, 6) [Гаврилова, 1965, табл. VI]. Несмотря на некоторую схематичность изображений, достаточно четко определяются основные части доспеха: шлем, нагрудник, прикрытия ног и рук. Показана защитная попона на конях. Непременным атрибутом катафрактария является копье. В некоторых случаях (рис. 22, 7; 24) наскальные рисунки представляют сцены боя, причем с участием не только тяжеловооруженных всадников, но и пеших лучников. По нашему мнению, наибольшая концентрация изображений катафрактариев в Чуйской котловине, по сравнению с другими районами Алтая, не случайна. Как известно, эта котловина представляет собой опустыненную степь монгольского типа, где возможна реализация всех преимуществ плотно сомкнутого строя тяжеловооруженных всадников. В других районах Алтая с их пересеченной местностью и узкими долинами подобная тактика боя неприменима.

Алтай, в особенности Центральный, следует рассматривать, в определенном смысле, как природную крепость. В условиях узких горных троп небольшое количество воинов могло сдерживать продвижение целой армии. Возможно, поэтому на Алтае, в отличие от соседней Тувы, пока не обнаружены укрепленные

городища древнетюркского времени. Хотя полностью не исключено, что городище на Катунь, в районе Большого Яломана, занимающее важное стратегическое положение, принадлежит к этой эпохе. Наличие таких конструктивных особенностей некоторых древнетюркских оградок, как ров, вал, дает основание для предположения о знакомстве древних тюрков с фортификационными сооружениями.

Археологические находки, данные письменных источников, изобразительные материалы и налаженное металлургическое производство позволяют предположить достаточно широкое распространение защитного доспеха и в целом высокий уровень развития военного дела у древних тюрков в VIII – X вв. Трудно согласиться с мнением, что тюрки формировали воинские контингенты легковооруженных всадников-лучников как вспомогательную конницу в войсках уйгурских и кыргызских каганов и что исключительно знатные воины были защищены панцирными доспехами [Худяков, 1986, с. 150, 159]. Только по находкам в захоронениях невозможно судить обо всем применявшемся комплексе вооружения. Существуют категории оружия, не входящие в погребальный инвентарь или относительно редкие в нем, например мечи, палаши, сабли. Однако их редкая встречаемость в погребениях отнюдь не свидетельствует о том, что ими не пользовались. Как известно, детали защитного вооружения – нечастая археологическая находка, а целые экземпляры доспехов единичны и происходят из захоронений именно знатных воинов [Медведев А.Ф., 1959, с. 119; Кирпичников, 1971, с. 43]. Как правило, в погребальных памятниках находят лишь отдельные панцирные пластины либо часть доспеха, что, очевидно, связано с устоявшимися канонами погребально-поминальной обрядности. Ярким подтверждением этому служат не менее часто встречающиеся отдельные панцирные пластины, заменяющие целый панцирь, в древнетюркских поминальных сооруже-

ях – каменных оградках: на Алтае – Кудыргэ, оградка XIII [Гаврилова, 1965, с. 16], в Туве – Хемчик I [Грач, Нечаева, 1960, с. 191], в Казахстане – Иссык [Григорьев, Загородний, 1995, рис. 2]. Такие категории вооружения, как панцирь, меч, палаш, в отличие от оружия массового производства – лука, стрел и т.д., относились к числу ценных и использовались не одним поколением, кроме того, они являлись желанной добычей врага.

Заключение

В периоды правления Уйгурского и Кыргызского каганатов алтайские тюрки сохраняли определенную независимость, их подчинение можно расценивать как номинальное. На VIII – IX вв. приходится расцвет материальной и духовной культуры тюрков на Алтае (т.н. курайская археологическая культура), подавляющее большинство исследованных древнетюркских захоронений относится именно к данному периоду. Этим же временем следует датировать и немногочисленные элитные погребения алтайских тюрков. Собственно уйгурских захоронений на Алтае пока не известно, а число кыргызских погребений по обряду трупосожжения незначительно и заметно уступает их количеству в соседней Туве. Кыргызы слабо заселили Алтай, в отличие от Тувы, являвшейся театром военных действий между кыргызами и уйгурами, где некоторое время располагалась ставка кыргызского кагана [Кызласов, 1984, с. 77]. Видимо, этот факт во многом объясняется относительной изолированностью и удаленностью Алтая. Исследователями уже указывалось на возможные союзнические отношения между тюрками и кыргызами во время уйгуро-кыргызских войн [Худяков, 1983, с. 15; Кызласов, 1984, с. 49]. Очевидно, даже после разгрома Второго Тюркского каганата тюрки Алтая сохраняли значение реальной политической и военной силы.

В период второй половины VII – X в. можно отметить высокий уровень развития военного дела у древних тюрков Алтая. Несмотря на потерю ими государственности в середине VIII в., наблюдаются общие тенденции развития и усовершенствования вооружения. Они характерны для всех центрально-азиатских кочевников конца I тыс. (дальнейшее использование защитного доспеха, увеличение типологического ряда бронированных, плоских, трехгранно-трехлопастных наконечников стрел, усовершенствование сложного лука и т.д.).

Балык-соокский панцирь, как и само погребение, является уникальным. Это единственный первоначально целый доспех (впоследствии разбитый "грабителями"), впервые найденный в древнетюркских курганах Саяно-Алтая. Он значительно расширяет

наши представления о развитии защитного вооружения и военного дела в конце I тыс. в Южной Сибири и Центральной Азии, а также приводит к постановке многих проблем социально-экономического характера, вопросов политической истории, миграций и опрелделения границ государственных образований в эпоху средневековья.

Список литературы

- Асеев И.В.** Прибайкалье в средние века. – Новосибирск: Наука, 1980. – 152 с.
- Беленицкий А.М.** Монументальное искусство Пенджикента. – М.: Наука, 1973. – 67 с.
- Бичурии Н.Я. (Иакинф).** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. 1. – 380 с.
- Васильев Д.Д.** Персоналии древнетюркских эпитафий: возможности источниковедческого анализа // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. – М.: Вост. лит., 1995. – Вып. 3. – С. 256 – 267.
- Винклер П.** Оружие. – М.: Софт-Мастер, 1992. – 332 с.
- Гаврилова А.А.** Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л.: Наука, 1965. – 144 с.
- Горелик М.В.** Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тыс. н.э. // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 149 – 179.
- Грач А.Д.** Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге // Тр. ТКАЭЭ. – М.; Л., 1960. – Т. 1. – С. 73 – 150.
- Грач А.Д.** Археологические раскопки в Сут-Холе и Бай-Тайге // Тр. ТКАЭЭ. – М.; Л.: 1966. – Т. 2. – С. 81 – 108.
- Грач А.Д.** Средневековые впускные погребения из кургана-храма Улуг-Хорум в Южной Туве // Археология Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 156 – 168.
- Грач А.Д., Нечаева Л.Г.** Краткие итоги исследований первой группы археологического отряда ТКЭИЭ // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. – 1960. – Вып. 8. – С. 185 – 192.
- Григорьев Ф.П., Загородний А.С.** Средневековые поминальные оградки могильника Иссык // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. – Вып. 5, ч. 2. – С. 176 – 181.
- Грязнов М.П.** Раскопки на Алтае // Сб. Государственного Эрмитажа. – 1940. – Вып. 1. – С. 17 – 21.
- Чо Ю Чжон.** Чипанэ когурё южжок [Памятники когурё, расположенные в Цзиани] // Хангуксангосахак бо. – Сеул, 1993. – № 14. – С. 305 – 310.
- Евтюхова Л.А.** Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). – Абакан: ХНИИЯЛИ, 1948. – 110 с.
- Евтюхова Л.А.** О племенах Центральной Монголии в IX в. // СА. – 1957. – № 2. – С. 205 – 227.
- Евтюхова Л.А., Киселев С.В.** Отчет о работе Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Тр. ГИМ. – М., 1941. – Вып. 16. – С. 75 – 117.
- Залесская В.Н., Львова З.А., Маршак Б.И., Соколова И.В., Фоянкова Н.А.** Сокровища хана Кубрата: Перещепинский клад. – СПб.: Славия, 1997. – 336 с.

- Зиняков Н.М.** Черная металлургия и кузнечное ремесло алтайских племен VI – X вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1983. – 21 с.
- Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г.** Могильник Сапогово – памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. – Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та, 1992. – 127 с.
- Кирпичников А.Н.** Древнерусское оружие. – М.: Наука, 1971. – 91 с. + 39 рис. + 22 табл. – (САИ; Вып. Е1-36, № 3).
- Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С.** Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 75 – 107.
- Кубарев В.Д.** Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 135 – 161.
- Кубарев В.Д.** Древнетюркские кенотафы Боротала // Древние культуры Монголии. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 136 – 148.
- Кубарев В.Д.** Палаш с согдийской надписью из древнетюркского погребения на Алтае // Северная Азия и соседние территории в средние века. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 25 – 36.
- Кубарев В.Д.** “Савроматы” на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 2 (10). – С. 127 – 139.
- Кубарев Г.В.** Новая руническая надпись с Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – Т. 3. – С. 208 – 212.
- Курманкулов Ж.** Погребение воина раннетюркского времени // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1980. – С. 191 – 197.
- Кызласов Л.Р.** Древнехакасская культура чаатас VI – IX вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 46 – 52. – (Археология СССР).
- Кызласов Л.Р.** История Южной Сибири в средние века. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 168 с.
- Кычанов Е.И.** Чжурчжэни в XI в. // Сибирский археологический сборник. – Новосибирск: Наука, 1976. – С. 269 – 281.
- Литвинский Б.А.** Бытовой инвентарь // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. – М.: Вост. лит., 1995. – С. 106 – 255.
- Лифанов Н.А.** Новые формы украшений новинковского населения // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э.: (Из истории костюма). – Самара: Самар. обл. ист.-краевед. музей им. П.В. Алабина, 2001. – Т. 2. – С. 166 – 169.
- Мамалаков Ю.Т., Горбунов В.В.** Древнетюркские курганы могильника Катанда-3 // Изв. Лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. ун-та, 1997. – № 2. – С. 115 – 129.
- Мандельштам А.М.** Характеристика тюрок IX в. в “Послании фатху б. Хакану” ал-Джахиза // Тр. ИИАЭ АН КазССР. – 1956. – Т. 1 – С. 227 – 253.
- Маннай-оол М.Х.** Итоги археологических исследований ТНИИЯЛИ в 1961 г. // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. – 1963. – Вып. 10. – С. 238 – 246.
- Марьяшев А.Н., Ермолаева А.С., Мотов Ю.А.** Новые петроглифы урочища Тамгалы // Вестн. АН КазССР. – Алма-Ата, 1979. – № 5. – С. 50 – 54.
- Медведев А.Ф.** К истории пластинчатого доспеха на Руси // СА. – 1959. – № 2. – С. 119 – 134.
- Медведев В.Е.** О шлеме средневекового амурского воина (тайник с остатками доспеха в Корсаковском могильнике) // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 172 – 184.
- Молчанова О.Т.** Топонимический словарь Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во. Горно-Алт. отд-ние, 1979. – 398 с.
- Неверов С.В.** Стремена Верхнего Приобья в VII – XII вв. (классификация и типология) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 129 – 151.
- Нечаева Л.Г.** Погребения с трупосожжением могильника Тора-Тал-Арты // Тр. ТКАЭЭ. – 1966. – Т. 2. – С. 108 – 143.
- Никонов В.П.** К вопросу о парфянской тактике (на примере битвы при Каррах) // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. – С. 53 – 61.
- Обвинникова Б.Б.** К вопросу о вооружении кочевников средневековой Тувы (по материалам могильника Аймырлыг) // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 132 – 146.
- Обвинникова Б.Б.** Тюркские древности Саяно-Алтая в VI – X вв. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 150 с.
- Окладникова Е.А.** Граффити Кара-Оюка, Восточный Алтай // Сб. МАЭ. – 1988. – Т. 42: Материальная и духовная культура народов Сибири. – С. 140 – 158.
- Распопова В.И.** Согдийский город и кочевая степь в VII – VIII вв. // КСИА. – 1970. – Вып. 122. – С. 86 – 91.
- Распопова В.И.** Основания для датировки металлических изделий из Пенджикента // КСИА. – 1979. – Вып. 158. – С. 106 – 113.
- Распопова В.И.** Металлические изделия раннесредневекового Сога. – Л.: Наука, 1980. – 140 с.
- Савинов Д.Г.** Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 102 – 121.
- Савинов Д.Г.** Древнетюркское время // Древние культуры Бертекской долины. – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 146 – 152.
- Синицын И.В.** Археологические памятники по реке Малый Узень (Саратовская область и Западный Казахстан) // КСИИМК. – 1950. – № 32. – С. 101 – 112.
- Синицын И.В.** Археологические исследования в Западном Казахстане // Тр. ИИАЭ АН КазССР. – 1956. – Т. 1. – С. 87 – 140.
- Смирнов Я.И.** Восточное серебро. – СПб.: Б.и., 1909. – 130 табл.
- Трифонов Ю.И.** Джартас // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1987. – С. 115 – 129.
- Худяков Ю.С.** Вооружение древних тюрок Горного Алтая // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980 – 1982 годах. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. – С. 3 – 27.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – 268 с.

Худяков Ю.С., Баяр Д. Средневековый памятник в местности Нахиуйгин-Манхан в пустыне Монгол Элс // Северная Азия и соседние территории в средние века. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 36 – 44.

Чиндина Л.А. Могильник Рёлка на средней Оби. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. – 190 с.

Шульга П.И., Горбунов В.В. Фрагмент доспеха из тюркского кенотафа в долине р. Сентелек // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С. 112 – 130.

Юнусов А.С. Военное дело тюрков в VII – X вв. (по арабским источникам) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Полиграф, 1990. – С. 97 – 106.

Garam E. Die münzdatierten Gräber der Awarenzeit // Awarenforschungen. Archäologie Austriaca. Monographien. Studien zur Archäologie der Awaren 4. – Wien: Institut für Ur- und Frühgeschichte der Universität Wien, 1992. – Bd. 1. – S. 135 – 250.

Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-Küe). – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958. – Bd. 1. – 484 S.

Toth E., Horvath A. Kunbabony: Das Grab eines Awarenkhagans. – Kecskemet: Museum des Komitats Bacs-Kiskun, 1992. – 295 p.

Werner J. Nomadische Gürtel bei Persern, Byzantinern und Langobarden // La civiltà dei longobardi in Europa. – Roma: Accademia nazionale dei Lincei, 1974. – P. 109 – 139 + Taf. 9.

Материал поступил в редколлегию 5.06.03 г.

УДК 903.53

Г.И. Богомолов

*Институт археологии им. Я. Гулямова АН РУз
ул. Академика Абдуллаева, 3, Самарканд, 703051, Республика Узбекистан
факс: (3662) 321290*

КАМЕННАЯ СТЕЛА ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ МИНГУРЮКА

В конце I тыс. до н.э. сложившиеся на средней и нижней Сырдарье три культуры (каунчинская, отраро-каратауская и джетыасарская), по сути, относились к единому хозяйственно-культурному типу и имели близкородственную этническую основу. Общими для них были и земледельческо-скотоводческая экономика, и ограниченность денежного обращения, и типы поселений, строительная техника, приемы фортификации, керамические комплексы и погребальная обрядность. Видимо, на базе этих культур сформировалось этнополитическое объединение Кангюй, охватывавшее обширную территорию, включая Южный Казахстан и Северный Узбекистан, и оказывавшее заметное влияние на политическую обстановку в Среднеазиатском регионе. Распад Кангюй в III в. н.э. и выделение самостоятельного Ташкентского владения (Чач) привели к дальнейшей консолидации носителей каунчинской культуры, росту городов, торгово-экономических связей. В немалой степени этому содействовала интенсивная разработка природных ресурсов, добыча золота, серебра, железа, бирюзы, что, в свою очередь, способствовало развитию ремесел и торговли и постепенно выдвинуло Чач в число ведущих культурно-экономических регионов Средней Азии. Однако, несмотря на интенсивные урбанистические процессы, специфика культуры здесь долго определялась сочетанием земледельческих и кочевнических черт.

На облик культуры региона существенное влияние оказали кочевники, пришедшие с востока: в вооружении и керамике наблюдаются признаки, характерные для памятников Тувы и Монголии. Значительные изменения в материальной культуре Чача происходят в VI – VII вв., в период его вхождения в Тюркский каганат. Антропологический материал показывает смешение европеоидного и монголоидного типов, что

отражает постепенное проникновение в Чач тюркских племен и освоение ими в первую очередь предгорных районов. Видимо, в это же время начинает меняться и лингвистическая ситуация: тюркский язык вытесняет иранские. Вместе с тем именно благодаря тюркскому протекторату, дальнейшему развитию торговых и экономических связей, образованию единого рынка товаров, проведению общесреднеазиатских ярмарок вырабатывается единый (под сильным согдийским влиянием) облик материальной культуры. Хотя отдельные элементы каунчинских традиций (особенно в керамике) сохраняются вплоть до XII в.

Таким образом, культура Ташкентского оазиса характеризуется синтезом земледельческой и кочевнической традиций, в ней длительное время сохранялись элементы, отражающие генетические связи с культурой степей.

Бурное строительство конца XIX – XX в. на территории Ташкента, расширение границ городской территории существенно повлияли на сохранность и облик памятников истории и археологии. Многие из них (даже довольно крупные) практически исчезли под современной застройкой. Особенно сильно пострадали мелкие поселения и древние могильники (курганы и наусы), чьи конструкции в виде небольших невысоких земляных холмов были особенно уязвимы. Поэтому некоторые находки, обнаруженные при рытье котлованов, подземных коммуникаций, кажутся неожиданными. Однако их анализ помогает восстановить историческую топографию Ташкента.

Одной из таких находок является небольшая каменная стела в виде прямоугольной плитки в окрестностях городища Мингурюк в г. Ташкенте. Это городище с 605 по 749 г. было столицей региона (в настоящее время оно почти исчезло под современной

Рис. 1. Каменная стела из окрестностей Мингуриюка.

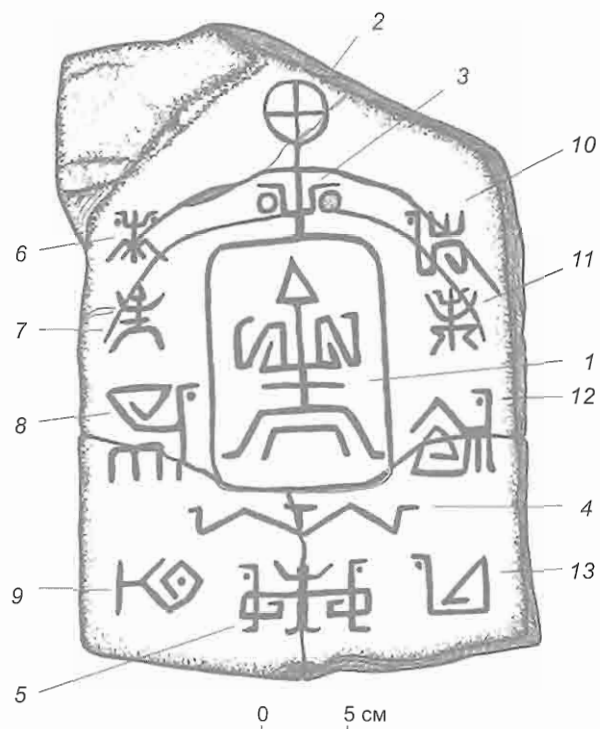

Рис. 2. Прорисовка стелы.

городской застройкой). Однако плита, несмотря на факт ее обнаружения в округе крупного городского центра, является памятником не городской, а кочевой культуры. Она была найдена случайно в 1997 г. во время проведения земляных работ в пришкольном дворе и сохранена благодаря настойчивости и энергии преподавателя истории Л.П. Маркеевой. Сообщение об этой находке поступило исследователям лишь в самом начале 2002 г. Осмотр места ее обнаружения ничего не дал. При строительстве здания школы все неровности микрорельефа были заполнены грунтом и строительным мусором. Стела могла попасть сюда вместе с забором грунта из разрушенной курганной насыпи. Нашедшие плиту сообщают, что она была погребена неглубоко и лежала лицевой стороной вниз. Место, где ее обнаружили, немного возвышено, но является ли оно остатками насыпи кургана, неясно. Другие археологические находки отсутствуют. При извлечении плиты оказалось, что она разбита на три неравных куска. Но изображение на ней практически не пострадало.

Стела представляет собой небольшую каменную плиту с вишнево-сургучной поверхностью. В изломе камень темно-серого цвета, имеет мелкозернистую структуру с горизонтальной слоистостью. Валун естественной плиточной формы немного подрезали, придавая ему очертания прямоугольника. Боковые грани и основание немного скошены к тыльной сто-

роне. Высота плиты 37 см, ширина по основанию 25,5, толщина 4 – 5 см. Края и лицевая сторона немного подтесаны, обратная не обработана, бугристая, и на ней имеются белые пятна известкового налета. Совершенно очевидно, что стела долгое время лежала на поверхности лицевой стороной вниз, хотя первоначально была установлена вертикально.

Лицевая сторона имеет уплощенную поверхность и почти целиком покрыта граффити в виде 13 различных тамгообразных знаков (рис. 1). Все они выполнены выбитой линией шириной и глубиной в 2 – 3 мм. Знаки расположены в виде трех вертикальных столбцов, тем не менее они представляют единую композицию. В крайних столбцах по четыре знака размером 3 – 4,5 см, в среднем – пять, и они значительно крупнее – до 7 – 12 см. Особое место занимает центральный знак среднего столбца (рис. 2, 1). Он заметно больше остальных и заключен в прямоугольник. Знак представляет собой сложную многоэлементную фигуру, вытянутую вертикально (высота 11 см, ширина 8 см). Его основу составляет вертикальная черта, верхний конец которой завершается треугольником вершиной вверх. Ниже она пересечена ломаной линией с поднятыми вверх и направленными к центру концами, еще ниже – короткой прямой горизонтальной линией. Нижний конец вертикальной черты упирается в горизонтальную часть ломаной линии, П-образный контур которой еще раз продублирован под ней.

В целом знак явно передает схематическое изображение мужчины, сидящего на троне (возвышении), с воздетыми вверх на уровне локтей руками (в жесте адорации?), с воинскими атрибутами (меч на поясе, островерхий шлем). Над обрамляющим его прямоугольником (картуш) по одной вертикали выбито два знака. Оба они связаны между собой и намекают на принадлежность к небесной сфере. Верхний знак (рис. 2, 2) как бы венчает всю композицию – это круг с вписанным в него крестом. Обычно исследователи единодушно трактуют его как изображение солнечного диска. Другой знак (рис. 2, 3) представляет собой более сложную фигуру. Вертикальная линия верхним концом соединяется с кругом, нижним – с картушем. В средней части она пересечена ломаной линией горизонтальным уступом вниз. Под концами этой линии выбито по кружку. Внутренняя поверхность одного не тронута (т.е. светлая), а другого забита мелкими точками (т.е. темная?). Этимология знака неясна. Возможно, он обозначает колесницу, которая поднимается вверх и возносит в небесную сферу восседающего на тахте (троне) мужа-воителя. Но скорее всего, два верхних знака, несмотря на свои маленькие размеры, символизируют мировое древо с солнцем над его кроной. Любопытно, что от вершины “древа” и от его средней части отходят две тонкие параллельные линии, полуovalом спускающиеся на знаки соседних столбцов, как бы освещая их светом (или благодатью).

Еще два знака выбиты под картушем, но они не связаны ни с его основанием, ни между собой. Верхний (рис. 2, 4) состоит из двух элементов: горизонтально вытянутой ломаной линии (длина 12 см), концы которой выведены на одну высоту и направлены в противоположные стороны в виде коротких горизонтальных отрезков, и Т-образного элемента ровно посередине ломаной линии. Во многих культурах древнего мира такая ломаная линия символизировала воду или змея, реже она воспринимается как линия горизонта с уступами гор, а Т-образный элемент имеет иконический прототип – простейшие антропоморфные изображения, наделенные сакральными функциями. Кстати, в древнетюркских рунах Т-образный знак, сохраняя связь со своей антропоморфной основой, имел значения “муж”, “мужчина”, “герой”, “богатырь” [Байпаков, Подушкин, 1989, с. 145, 148]. Нижний знак (рис. 2, 5) сложнее, одним из его основных элементов является крупная вытянутая горизонтально валютообразная фигура. Ближе к концам она пересечена двумя линиями в виде квадратных скобок, но направленных концами не вовнутрь фигуры, а наружу. Под верхним концом каждой “скобки” выбита крупная точка. Центр фигуры занимает самостоятельный компонент в виде вертикали, пересеченной в верхней части горизонтальной линией, концы которой под углом под-

нимаются до уровня концов “квадратных скобок” и вертикальной черты. Последняя внизу имеет два коротких горизонтальных отгиба, направленных в противоположные стороны. Прямых аналогов знак не имеет. Не исключено, что он представляет собой другую схематическую трактовку изображения колесницы и колесничего с воздетыми вверх руками. Очень заманчиво было бы видеть в этих двух знаках символы подземного мира, если считать, что фигуры над картушем символизируют верхний мир.

В каждом из крайних столбцов два верхних знака более мелкие, чем два нижние, вместе с тем первые три расположены близко друг к другу, а четвертый значительно отстоит от них и выбит почти у самого основания каменной плиты. В левом столбце верхний знак (рис. 2, 6) состоит из нескольких элементов. Основообразующей является вертикальная черта, верхняя часть которой пересечена ломаной линией горизонтальным уступом вниз (аналогична знаку над картушем), нижняя – элементом, образованным пересечением двух углов вершинами вверх. Вполне вероятно, что этот знак является схематическим изображением человека с поднятыми вверх руками. Прямые аналоги не известны, хотя отчасти знак напоминает тамгу на медных монетах VIII в. из района Пайкента [Смирнова, 1981, с. 77, рис. 36, 37].

Следующий знак (рис. 2, 7) явно представляет собой схематическое изображение воина в островерхом шлеме. Типологически он близок к центральной фигуре, но более упрощен. Руки переданы простой горизонтальной чертой, концы которой загнуты под углом вверх, кроме того, в основании фигуры отсутствует П-образный элемент (тахт). Схожие схематические изображения или тамгообразные знаки известны среди петроглифов Северной Монголии и Забайкалья [Окладников, Запорожская, 1969, с. 92, 128, табл. 108, 3], причем нередко голова передана простой чертой или маленьким треугольничком (рис. 3, 1 – 3). Близкие изображения людей зафиксированы на каменных плитах курганных оградок и склепов тагарского времени около оз. Шира в Туве (рис. 4, 4). Все они выбиты в пунктирной технике каким-то острым орудием [Рыгдылон, 1959, с. 201, табл. III, VI – IX]. Среди них есть и изображения воинов с мечом на поясе [Там же, табл. VI, рис. 1, 7 – 8]. Довольно близка к этому знаку династийная тамга тухуского правящего рода на раннесредневековых монетах с городища Ак-Бешим в Чуйской долине [Смирнова, 1981, с. 60, рис. 35, 4]. Основное отличие состоит в трактовке головы, которая передана простой чертой, тогда как в нашем случае – маленьким треугольником. Обнаруживается сходство и с одной из тамг кочевников племени или местности Ань-му-лу-джен, только она не имеет треугольного навершия и поперечной черты [Зуев, 1960, с. 101, 132], а также с тамгой эфталитов-алхонов [Иль-

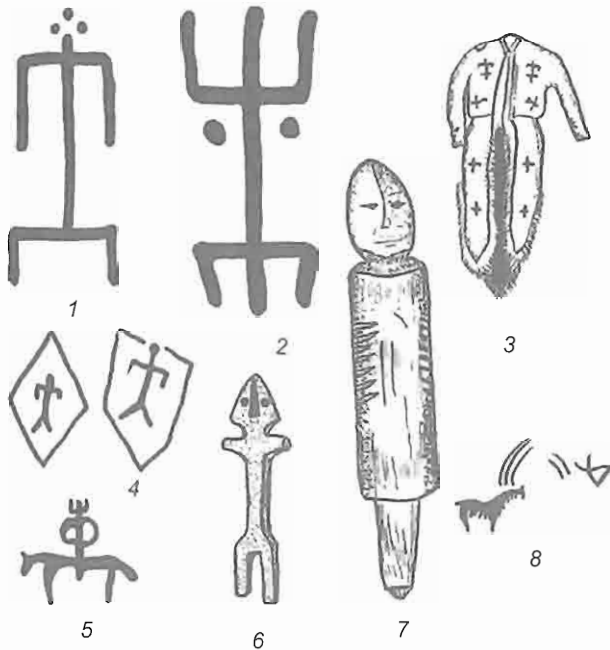

Рис. 3. Петроглифы Ангары и Забайкалья (1 – 3), рисунки на шаманской одежде (4, 5), онгоны (6, 7), сцена жертвоприношения на петроглифах Ходжикента (8).

ясов, 1999, с. 41]. Было бы очень заманчиво видеть в рассматриваемом знаке одну из исходных родовых тамг эфталитского круга. Типологически сходен с этим знаком один экземпляр в собрании из десяти тамг хакасов-качинцев, вышитых на куске ткани (Минусинский музей), где он занимает центральное место и превышает по размеру остальные [Кызласов, Леонтьев, 1980, рис. 15]. Правда, тамга развернута горизонтально, отсутствует четко выделенный верх в виде треугольного навершия осевой линии. Любопытна и, видимо, неслучайна определенная схожесть между знаком и антропоморфными фигурками (бронзовые идолы и налепы на крупных сосудах) с явно культовой семантикой, получившими распространение в джетысарской культуре (могильники Ферганы) в последние века до нашей эры – первые века нашей эры (рис. 4, 12, 16 – 19). Это прежде всего близость позы – показаны широко расставленные ноги; а также изображение головы в островерхом шлеме. Большая часть из них – определенно мужские фигуры с подчеркнутыми половыми признаками, некоторые изображены с луком и стрелами в руках [Левина, 1968, с. 167 – 178; 1996, с. 246 – 248].

Третий знак (см. рис. 2, 8) состоит из нескольких компонентов. Основообразующей является вертикальная Г-образная линия. Под перекладиной выбита крупная точка. С противоположной стороны в средней части вертикали горизонтально выведено ответвление в виде завитка, выполненного углова-

то-ломаной линией, завернутой вверх, причем ее верхний отрезок расположен на одном уровне с перекладиной Г-образного элемента. Нижнее поле под завитком занято самостоятельным компонентом (т.к. он не соединяется с первым) в виде трезубца зубцами вниз. Семантика знака неясна. Хотя отдельные компоненты хорошо известны. Тот же трезубец встречается и как элемент сложных тамг, и как самостоятельный знак у многих кочевых народов. У тюрков Северо-Западной Монголии он считался “дворянской” или султанской тамгой [Полубояринова, 1980, с. 175], у ногайцев назывался “ханской” тамгой, у казахов Малого Жуза и у башкир – “султанской”. Трезубец входил в состав тамг ряда золотоордынских и крымских ханов [Там же, с. 174, 177]. Вполне вероятно, семантически он восходит к изображению коня или всадника. Видимо, всю композицию в целом можно трактовать как изображение коня (всадника) под штандартом.

Четвертый знак (см. рис. 2, 9) представляет собой ромбовидный завиток, выполненный угловато-ломаной линией, на Т-образной подставке (ножке), но расположенный не вертикально, а горизонтально. В центре завитка выбита точка. В целом знак тоже не имеет прямых аналогов и напоминает проторунический символ. Если же взять его общую форму – ромб на подставке, то подобные тамги встречаются в различных районах Средней Азии, в частности, как надчеканы на монетах V – VI вв. в Северном Тохаристане [Ртвеладзе, 1987, с. 122] и знаки на керамике того же периода в Чаче. Позже подобный знак известен среди тамг на золотоордынской керамике [Полубояринова, 1980, с. 189]. Схожий элемент присутствует в декоративном оформлении среднеазиатских ковровых изделий, он воспринимался как магический символ (оберег). Возможно, семантически знак восходит к изображению прорастающего зерна или рыбы.

В правом столбце верхний знак (см. рис. 2, 10) состоит из нескольких компонентов. Основообразующая вертикальная линия в верхней части отогнута под прямым углом в сторону картуша (под отгибом выбита крупная точка), внизу – в противоположную сторону, затем под прямым углом поднимается вверх до уровня середины вертикали, далее угловато-ломаной линией выполнен завиток треугольной формы. Над его верхним отрезком, но не смыкаясь с ним, располагается крупный трезубец зубцами вверх, концы которых находятся на уровне отгиба вертикальной линии. Прямые аналоги знака не известны. Семантика его тоже неясна. Наиболее близок элемент декора на среднеазиатских коврах, который воспринимается современными мастерицами как символ лебедя, но у него вместо завитка еще один трезубец (зубцами вниз).

Второй знак (см. рис. 2, 11) близок по размеру и структуре к такому же по порядку в левом столбце.

Основу его составляет вертикальная линия, пересеченная в верхней трети ломаной линией, горизонтальным уступом вниз, ниже – дугой концами вверх, в нижней трети – элементом в виде горизонтальной линии, от концов которой вертикально вниз отходят отрезки с перегибом вовнутрь фигуры в средней части. Среди довольно схожих схематических изображений человека на писаницах Ангары и Забайкалья есть фигуры с поднятыми вверх руками и странно изогнутыми ногами [Окладников, 1966, с. 102, табл. 174]. Возможно, рассматриваемый знак символизирует конного воина-лучника с закинутым за спину луком. Такой способ ношения лука традиционен для многих народов. Очень интересно в этом плане изображение одной из тамг на скалах Цаган-Гола в Монголии: в нижней его части трезубец, в верхней – схематическая фигурка человечка с луком и стрелой (см. рис. 4, 1) [Вайнберг, Новгородова, 1976, рис. 5].

Третий знак (см. рис. 2, 12) по размеру и конфигурации напоминает такой же по порядку в левом столбце. Г-образный элемент с выбитой в углу точкой развернут в сторону картуша, внизу переходит в крайний зубец трезубца, направленного вниз. От конца другого крайнего зубца угловато-ломаной линией выполнен крупный подтреугольный завиток. Над ним еще одним отрезком ломаной линии, начинающейся от основания того же зубца, как бы повторяется верхняя часть контура завитка. Семантика знака неясна. Композиционно он наиболее близок к схематическому изображению хищника семейства кошачьих в ковровом декоре. Загнутый и поднятый вверх хвост, широко раскрытая пасть – символы агрессии. Кстати, изображения льва, затем барса или тигра время от времени служили своеобразной эмблемой Ташкентского оазиса на монетах раннего средневековья и эпохи Тимуридов. Некоторая схожесть с этим знаком отмечается в трактовке образа львиноголового грифона на коврах, татуировках, кожаных аппликациях в Пазырыкских курганах Центрального Алтая [Руденко, 1960, с. 302 – 303, рис. 154]. Вообще материалы этих курганов демонстрируют тенденцию развития тамгообразных знаков от реалистичных изображений к их схематизации, когда выделялись либо общие контуры, либо какие-то главные элементы. Показательны в этом плане кожаные аппликации, среди которых наряду с реалистичными изображениями присутствуют силуэтные – жирными линиями выделены основные контуры тела, мышц (рис. 5, 1 – 6) (см. изображение рогатого тигра [Там же, рис. 154, 12]). Вместе с тем нельзя исключать и иную трактовку. Знак мог обозначать повозку-кибитку, изображения которой известны на Курыканских писаницах Забайкалья. Возможно, трезубец с Г-образным элементом – схематическая фигура лошади, подтреугольный завиток – изображение кибитки.

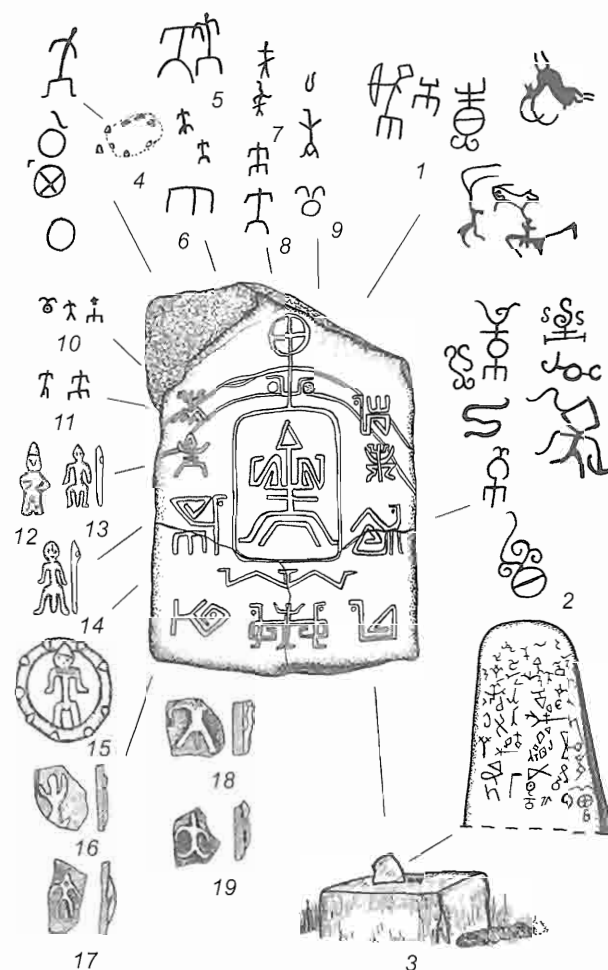

Рис. 4. Сравнительная таблица скопленных тамг и изображений.

1, 2 – фрагменты скопленных тамг на скалах Цаган-Гола, Монголия; 3 – каменная стела, Шивет-Улан; 4 – рисунки на плитах из кург. 8 могильника близ оз. Шира, Тува; 5 – 11 – петроглифы тогарского времени, Минусинская котловина, оз. Шира, Тува; 12 – бронзовая фигурка идольчика из погребения, Карабулак, Фергана; 13 – бронзовая фигурка, г. Керчь; 14 – бронзовая фигурка, д. Айвазовское; 15 – бронзовая подвеска, могильник Камунта, Северная Осетия; 16 – 19 – антропоморфные налеты на джетыасарской керамике.

Самый нижний знак (см. рис. 2, 13) выполнен одной ломаной линией: вертикаль, верхний конец которой отогнут под прямым углом в сторону среднего столбца (под отгибом выбита точка), внизу переходит в горизонталь и далее в подтреугольный завиток, завернутый вовнутрь фигуры. Этимология знака неясна. Наиболее близки элементы коврового декора, восходящие к зооморфному изображению (верблюда или птиц). Однако знак вполне мог обозначать кибитку. На петроглифах тюркского времени на горе Манхай и Шишкинских скалах есть изображения кибиток с флагом, который иногда передан довольно реалистично, иногда схематично в виде единицы или Г-образной линии (см. рис. 5, 7, 8) [Окладников, Запорожская, 1959, с. 138, рис. 63 – 65].

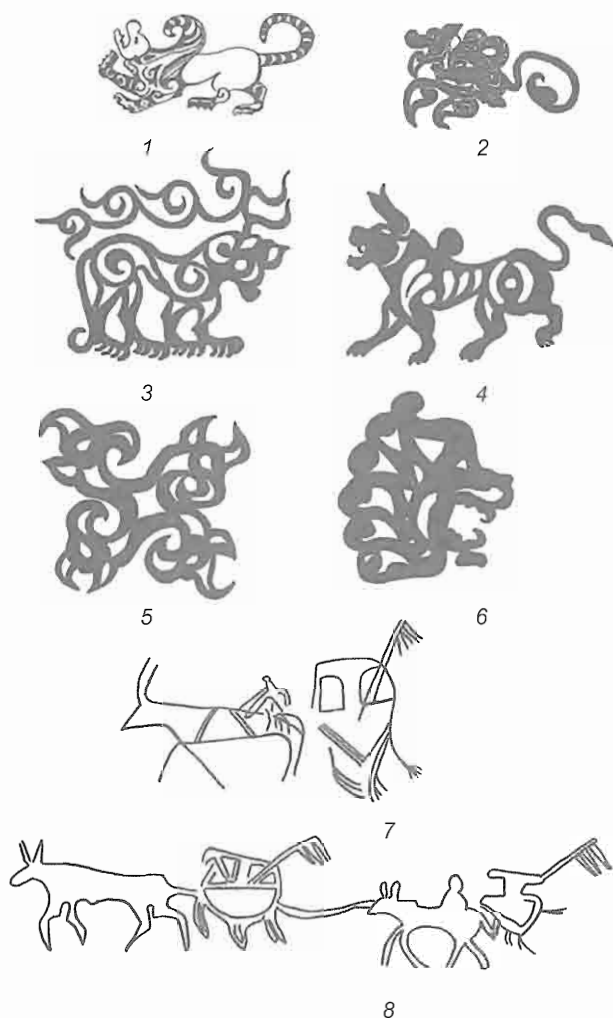

Рис. 5. Стилизованные зооморфные изображения (войлок, кожа) из Пазырыкских и Туэктинских курганов (1–6), изображения повозок-кибиток на петроглифах Забайкалья (7, 8).

Таким образом, весь облик ташкентской стелы, характер изображений, как бы выполненных в “ковровом стиле”, указывают на принадлежность к искусству кочевников. Совершенно очевидно, что все выбитые на плите граффити представляют собой тамгообразные знаки. Но одни из них показаны как бы в развитии, другие имеют вполне законченный вид, полный схематизма и условности. Ряд знаков (в частности, центральная фигура), несмотря на условность, еще сохраняют узнаваемую связь с изображаемым объектом, что приближает их к петроглифам. На наш взгляд, стела отражает процесс тамгообразования, который был растянут по времени и имел длительную традицию в кочевых обществах. Одни из них сходили с исторической арены, исчезали и связанные с ними знаки; другие – распавшись, откочевывая в новые места, включая в свой состав иные группы кочевников, создавали новые тамги. Поэтому нет ничего необыч-

ного в том, что знаки на стеле не находят прямых аналогов либо имеют определенное сходство с какими-то тамгами, которое скорее указывает на общий исходный прототип, чем на генетическую связь. Но что любопытно, большая часть этих схожих знаков связана с Сырдарьинским регионом. Очень заманчиво было бы связывать их с первоначальным расселением эфталтов. По крайней мере, тамги – это лишь часть в цепи артефактов, свидетельствующих о движении среднесырдарьинского населения на юг и появлении каунчиноидных элементов в оазисах Согда (Самарканда, Бухары и Кашкадарьи) в III – V вв.

Вообще генезис тамг, видимо, отражал, с одной стороны, процесс формирования социальных институтов кочевников, с другой – необходимость передачи определенной информации, фиксации ее на бытовом и сакральном уровнях. На территории, заселенной различными группами кочевников, тамга указывала, что данный скот, колодец, пастбище – собственность конкретного родового коллектива. Тамги часто являлись знаками родовой принадлежности. Позже стали восприниматься как знаки личной собственности, выполнять функции печати или подписи хозяина [Курылев, 1989, с. 216].

О значении тамг кочевых народов, в т.ч. и монголов, в XIII в. писал Рашид-ад-Дин: “Благо в том, чтобы в отдельности каждому заблаговременно были определены звание, путь, имя и прозвище и чтобы у каждого был (свой) определенный знак и тамга, дабы они тем знаком и тамгой специально отмечали свои приказы, казну, табунное стадо” [1861, с. 24]. Поэтому тамги – это рудименты дописьменной традиции. Они воплощали в себе определенные понятийные комбинации. Совершенно очевидно, что первоначально тамги сближались с петроглифами, имея значение, близкое изображенному объекту. Прямой иллюстрацией этому могут служить некоторые знаки на ташкентской стеле или на каунчинской керамике и кирпичах, и даже топонимика оазиса. Например, название населенного пункта в Аккурганском р-не Ташкентской обл. Кош-тамгалы отражает этноним одного из родовых подразделений Канглы, имевшего тамгу в виде птицы (Кош/Куш ‘птица’ + тамга + лы – суффикс множественности).

Ташкентская стела – это одна из т.н. энциклопедий тамг, которые встречаются на огромной территории от Монголии до Причерноморья. Данное понятие было предложено В.С. Драчуком для обозначения скопления в одном месте или на одном предмете трех и более тамг, нанесенных одновременно или в разное время [Драчук, 1975]. Каждая из таких “энциклопедий” по характеру размещения знаков, структуре, способу нанесения имеет свои особенности. Под этим понятием оказались объединены совершенно разно-

родные объекты, как крупные (отдельно стоящие скалы, валуны, стелы, стены склепов, строительные плиты), т.е. предполагающие общественный характер акции, так и небольшие по размерам предметы с ярко выраженным индивидуальным характером использования (котлы, уздечный набор, ножны меча, зеркало и т.д.). Потому термин “энциклопедия” считается неудачным и предлагается называть такие объекты скоплениями тамг [Яценко, 2001, с. 61]. Однако и это не отражает всей сущности явления, подчеркивая лишь количественный показатель. Возможно, более оправданным было бы определение “собрание тамг”, т.к. их концентрация явно носила неслучайный характер, все они преднамеренно наносились на одном объекте. Иногда подобные собрания знаков сопровождаются сюжетными изображениями. Наиболее знаменитыми, самыми крупными “энциклопедиями тамг” азиатских степей являются плита римского времени из Керчи (480 знаков), мраморные львы № 1 и 2 из Ольвии (соответственно 150 и 120 знаков) [Там же, с. 64]. Но прагматическая цель сосредоточения в одном месте такого большого количества тамг остается неясной. Возможно, они представляли собой следы каких-то общественных религиозных ритуалов [Там же], например связанных с погребально-поминальной обрядностью, либо религиозных акций, сопровождавшихся коллективной клятвой [Нахапетян, 1990, с. 60].

По мнению монгольского исследователя Д. Майдара, когда кочевники собирались для облавной охоты, культовых мероприятий (для этого, кстати, отводились особые места – куруки), они в числе других обсуждали и назревшие вопросы войны и мира. В память о себе (либо об участии в принятом решении) они высекали или рисовали на скалах свои тамги. Особенно много таких знаков на скале Рашаны-Хад на р. Хурха. Кстати, сама этимология этого гидронима восходит к “хурах” (“собрание”) [Майдар, 1981, с. 104].

Некоторые исследователи предполагают, что широко представленные в материалах сарматских памятников рубежа эр “энциклопедии тамг” распространились из Монголии, где они высекались на скалах и были связаны со своеобразными мини-святилищами [Яценко, 1992, с. 195]. На территории Средней Азии в настоящее время известны четыре такие “энциклопедии”. Две из них связаны с северо-западной частью Устюрта, где на стенах древнего поминального храма Байте III и на поваленном сарматами каменном (массагетском) изваянии были высечены тамги и схема Иненсимея [Там же, с. 195 – 198]. Еще одна “энциклопедия” обнаружена на скале в отрогах Нуратинского хребта. И, наконец, последняя – это ташкентская стела.

Совершенно очевидно, что все “энциклопедии тамг” относятся к кочевнической традиции. Появление такой плиты-“энциклопедии” рядом с городской

территорией или даже внутри города могло быть обычным явлением. Так, следы неоднократного нанесения тамг сохранились на строительных каменных плитах в районе главных городских ворот Ольвии, Пантикапеи, Танаиса, Калос-Лимана (Северо-Западный Крым) – греческих городов Северного Причерноморья, тесно связанных с кочевым миром и являвшихся торговыми пунктами, где в наибольшей степени сосредоточивались экономические и политические интересы сармато-аланской знати [Яценко, 2001, с. 82]. Любопытно, что “энциклопедии” в этих городах часто создавались на обработанных каменных плитах в форме параллелепипеда. Кстати, в разных “собраниях” тамги располагались по-разному. Так, в Монголии (Рашаны-Хад) они расположены бессистемно, что, видимо, отражает одновременность и стихийность их нанесения. Для каменных плит Ольвии и окрестных поселений характерно размещение знаков в один ряд, часто – через равные промежутки [Соломоник, 1959, № 59 – 61; Яценко, 2001, с. 62]. Предполагается, что зачастую тамги наносились вокруг знаков боспорских и сарматских царей и их родственников либо вокруг какого-нибудь (нередко зооморфного) изображения [Яценко, 1992, с. 197]. В Пантикапее, видимо, не случайно два крупных скопления расположены внизу надгробной стелы, в верхней их части изображена сидящая на троне женщина. В других случаях это лошадь или сюжетная композиция – лошадь и хищник [Там же, с. 62].

На ташкентской стеле знаки тоже выбиты рядами через равные промежутки (кстати, это показывает одновременность их нанесения) вокруг одного центрального. Несмотря на все присущие знаку признаки, этот ближе к петроглифам и изображает человека с поднятыми вверх руками, в островерхом шлеме и с мечом на поясе. Видимо, не являются тамгами и два верхних знака (см. рис. 2, 2, 3). Один из них изображает мировое дерево, другой – солнце, благодать которого как бы падает на тамги, окружающие центральную фигуру.

Интерпретация сюжета на ташкентской стеле неоднозначна. Совершенно очевидно, что фигура в картуше – центр композиции. Она подчеркнута статична и изображает умершего владетеля (картуш в данном случае – ограниченное сакральное пространство могилы) либо его душу, устремляющуюся в небесную сферу, которую символизируют два верхних знака. Выделим здесь два аспекта. Первый – стела в целом является наглядным воплощением мифологической картины мира, имевшей строгое пространственно-временное значение. Верх – это небо, низ – земля, которая воспринимается одновременно и как поглощающее (чрево, могила), и как порождающее начало. Вертикаль мира проходит через “могилу” с изображением умершего. Поле вокруг картуша символизирует зем-

ную зону с окружающими народами, которые представлены своими тамгами. В этой связи ташкентскую стелу можно поставить в один ряд со скифскими изваяниями, которые, как подчеркивал Д.С. Раевский, воздвигались на могиле человека, чья смерть в глазах соплеменников нарушала существующий порядок и требовала действия, направленного на его восстановление. Изваяние воспринималось как заместитель умершего вождя (племени, рода), который мыслился как личностное воплощение коллектива и олицетворение (гарант) мирового порядка [Раевский, 1983, с. 56 – 57].

Любопытная параллель положению рук центрального персонажа обнаруживается в искусстве Египта. Речь идет об иероглифе Ка, изображавшем как бы плечи человека и поднятые вверх согнутые в локтях руки. Согласно “Текстам пирамид”, Ка – это душа или даже олицетворение жизненной силы богов и царей, воплощение их могущества. Позже, судя по “Текстам саркофагов” и “Книге мертвых”, обладание Ка приписывалось уже каждому человеку. В этот период Ка уже мыслилось не только как жизненная сила, но и как “второе Я”, рождающееся вместе с человеком, духовно и физически функционирующее нераздельно с ним как при жизни, так и после смерти [Рубинштейн, 1991, с. 602]. Таким образом, Ка было неразрывно связано с судьбой человека. Поэтому в гробницы помещали портретные статуи умершего, считавшиеся вместилищем его Ка. Изображали Ка в виде человека, на голове которого помещены поднятые вверх руки, согнутые в локтях [Там же].

Кстати, это не единственная параллель с некоторыми религиозными идеями Египта. Например, представление о том, что умершие, подобно египетскому Осирису, восстанут из земли и прорастут, как зерно.

Возможно, это звено одной цепи развития религиозных идей, проникших в Среднюю Азию посредством культурных контактов с Ближнего Востока и наложившихся на местные верования. Хотя мифологические представления среднеазиатских народов поры древности и раннего средневековья известны крайне фрагментарно, большая их часть реконструируется на основании историко-этнографических параллелей и экстраполяций.

Второй аспект – это то, что центральная фигура не просто изображает умершего правителя, а, скорее всего, является воплощением одной из его душ. Отсюда и параллель с египетским Ка. В зороастрийских текстах имеются два термина для обозначения души – “урван” и “фраваш”. Фраваша (фравати) после смерти человека уходит на небо, урван как-то связана с его костными остатками. Видимо, это смутные пережитки некогда широко распространенной у многих народов веры в наличие у человека двух и более душ. Схожие представления бытовали у народов Сибири

и тюрков Алтая. Одна душа бессмертная, она переходит от умершего к новорожденному и после смерти человека птичкой улетает на небо (как фравати). Вторая – тень, отправляющаяся после смерти человека в страну мертвых [Богомолов, 1999, с. 138], она связана с его костями и обитает в могиле. Многочисленные примеры подтверждают широко распространенное представление о том, что кости понимались как “минимум живого”, способный стать источником новых рождений. Кости – тот минимум, который сохраняет свойства жизни – былой и будущей. У тюркских народов это стало основой суждения, что у членов одного рода одинаковые кости [Сагалаев, Октябрьская, 1990, с. 39 – 40].

Материалы этнографических наблюдений показывают довольно размытую, но устойчивую традицию бытования у народов Средней Азии веры в существование нескольких душ. Так, таджики долины Хуф полагали, что каждый человек получает при рождении две души – джан и рух. Первая из них в момент смерти безвозвратно покидает тело и улетает к божьему престолу, вторая некоторое время остается на земле. Почти такие же представления о жон и рух существовали у хорезмских узбеков. Причем рух в определенные дни посещают дома своих родных и могут влиять на их дела. Каракалпаки верили, что одна из душ уходит на небо, другая какое-то время остается в теле умершего и поддерживает связь с родственниками.

Видимо, ташкентская стела отражает архаические верования местного населения, в частности, их анимистические представления – о наличии нескольких душ у человека и его жизненных циклах: первый – рождение, рост и возмужание, второй – зрелость и старость, третий – смерть, четвертый – реинкарнация души в потустороннем верхнем или нижнем мире. Именно с последним, на наш взгляд, и связаны установка стелы и композиция на ней.

Вопрос датировки ташкентской стелы в связи с отсутствием какого-либо археологического контекста остается открытым. Попытаемся рассмотреть его, исходя из особенностей самой стелы. Диапазон вероятной датировки из-за уникальности объекта может быть весьма широк, начиная с античности – времени сложения каунчинской культуры, для которой наряду с оседлоземледельческими характерны и кочевнические элементы. Именно в это время (рубеж эр) возникает городище Мингурюк. Кроме того, курганные группы и отдельные курганы каунчинской культуры широко разбросаны по всей территории современного Ташкента. Стела могла быть установлена на одном из курганов в окрестностях зарождающегося или уже сложившегося города. Вместе с тем нельзя исключать датировку стелы тюркским периодом, когда широко были распространены самые разнообразные тамги, маркировавшие керамику, кирпичи, монеты.

Именно среди памятников эпохи Первого Тюркского каганата встречаются антропоморфные балбалы с тамгами (Хушо-Цайдам I и III, Тоглохын-тал II и Хуль-Асхете I) [Войтов, 1996, рис. 52], в т.ч. имеющие, подобно ташкентской стеле, косою подтеку верхней грани, либо они приостроены или округлены, что придает изваяниям антропоморфные очертания. На одной из плоскостей (чаще всего южной) таких балбалов выбиты различные тамги. Концом VII в. датируется плита-“энциклопедия тамг” из Шивет-Улана, комплекса, посвященного Ильтерес-кагану, на одной из широких граней которой изображено свыше 60 тамг [Там же, с. 88 – 89, рис. 55], расположенных бессистемно. Ташкентская стела отличается в данном случае наличием сюжетной линии и более усложненными формами тамгообразных знаков. Кроме этой в Ташкентской обл. известна еще одна каменная стела с антропоморфным изображением – из Тойтепы. Обе они выглядят архаично и выпадают из комплекса известных каменных изваяний Южного Казахстана и Семиречья, Сибири и Алтая [Шер, 1966]. По мнению Е.М. Массона, тойтепинская стела датируется второй четвертью I тыс. н.э. [Массон, 1953, с. 27].

Наконец, ташкентская находка напоминает каменные плиточные стелы казахских погребений Западного Казахстана (Мангышлака) XVIII – XIX вв. Заметим, что в XVIII – начале XIX в. холмы Мингюрюка и его окрестности почти не обживались, а использовались горожанами под сады и сезонные праздничные гуляния во время Навруза или Курбанбайрама. Поэтому стела вполне могла происходить из погребального сооружения, оставленного в этой незаселенной местности одной из кочевавших в окрестностях Ташкента групп (подобно Мазару Куйлюк-ата в другой загородной части Ташкента). На первый взгляд, наиболее привлекательна последняя версия. Действительно, по внешнему виду ташкентская стела напоминает грубую плоскостную стелу казахских могильных оградок [Аджигалиев, 1994, с. 234, рис. 12, 1 – 3]. Но, во-первых, она значительно меньше их по размерам. Во-вторых, на казахских стелах обычно выбит только один тамгообразный знак, который помещен внизу под изображением лошади или оружия либо под декоративным полем. Часто сами стелы имели форму столба-обелиска. Иногда камни подтесывались до формы, напоминающей человеческую фигуру. Вместе с тем и композиция, и знаки стелы не находят аналогов ни среди мангышлакского материала, ни среди известных родовых тамг узбекского и казахского населения XIX в. Не совпадают и стилистические особенности ташкентской стелы и каменных плит позднеказахских погребальных сооружений. Хотя, вероятно, и ташкентская находка,

и мангышлакские изваяния отражают разновременные этапы одной цепи развития некогда единых религиозно-погребальных представлений (традиции изображения умершего предка).

Обычно для каменных изваяний традиционным является метод датировки на основе анализа представленных на них атрибутов. Но в нашем случае это тамгообразные знаки. Причем практически все они не имеют прямых аналогов ни среди тамг античности и раннего средневековья, ни среди поздних тамг узбекского и казахского населения Средней Азии. Вопросы хронологии тамг, их внутренней динамики развития до сих пор не разработаны. Попытки вычленивать ранние группы нередко отражают лишь позицию автора [Гертман, 1991, 1998]. Наиболее часто тамги датируются по вещи, на которую они нанесены, т.е. на базе археологических сопоставлений. Анализ композиции ташкентской стелы позволяет выделить две неравные по количеству группы знаков. Первая – знаки центрального столбца, которые по своему характеру больше являются пиктограммами и явно не утратили смысловую связь с изображаемым объектом. Верхние из них понятны (солнце, древо жизни, центральная фигура), нижние – менее ясны. Вторая группа – знаки крайних столбцов. Они, напротив, отвечают всем признакам тамги – схематичны, линейны и явно несут символическую нагрузку. Практически все знаки имеют сложную структуру, характерной особенностью является многоэлементность, в ряде случаев вертикальное разворачивание знака, что резко отличает их от знаков тюркского и позднесредневекового периодов, которые обнаруживают тенденцию к дальнейшей схематизации и упрощенности.

Именно эта закономерность была подмечена Э.А. Новгородовой и положена в основу хронологического разграничения многочисленных тамгообразных знаков на петроглифах Западной Монголии. Определяющим критерием отнесения их к хуннскому периоду (III в. до н.э. – I – III вв. н.э.) она считает трехэтажность фигур (т.е. многоэлементность), наличие в структуре знака комбинаций круга с горизонтальной линией посередине, чертой под кругом и меандром внизу. Иногда круг являлся центральным элементом и имел “усы” сверху и снизу [Новгородова, 1981, с. 39]. Кстати, подобная тамга встречается на монетах Хорезма, Бухары, Чача поры раннего средневековья. Вообще тамги с полудугой, кругом с ножкой или волнистой линией внизу и с “усиками” сверху становятся ведущими в регионе с III по VI в. н.э. Большое количество тамг было получено при раскопках различных археологических памятников (городищ, поселений, курганов) этого периода в Ташкентской обл. Например, на городище Канка (Аккурганский р-н) большинство обожженных кирпичей, извлеченных из завала в процессе раскопок храмового комплекса V – VI вв. н.э., имело тамги,

среди которых выделено 44 типа. Преобладают простые знаки (круг, крест, стрела, волнистая линия, круг с ножкой и т.д.), но имеются и сложные многоэлементные. Отмечается взаимовстречаемость целого ряда тамг и на керамике, и на кирпичах. Однако, сравнивая их со знаками на ташкентской стеле, следует отметить почти полное отсутствие аналогий. Знаки на стеле значительно сложнее по своей структуре. Все это, видимо, является аргументом в пользу отнесения их к более раннему времени. Преобладание упрощенных и уменьшение доли сложносоставных знаков в общем наборе тамг связано не только с внутренней динамикой процессов тамгообразования, но и с инфильтрацией новых групп кочевников, миграцией части населения в южные районы, имевших место в III – IV вв. н.э.

В пользу ранней датировки ташкентской стелы говорит техника нанесения граффити. Знаки выполнены непрерывной желобковой линией, которая получалась в результате частых ударов металлическим чеканом. Подобная техника находит многочисленные аналогии в искусстве ранних кочевников Средней Азии [Худжаназаров, 1995, с. 54 – 55; Алпысбаев, 1956, с. 187]. Правда, ее нельзя считать решающим аргументом в датировке стелы, т.к. она встречается на памятниках сако-усуньского времени (VIII – I вв. до н.э.) и тюркского периода (VI – VIII вв. н.э.).

Слабая разработанность данного вопроса не позволяет точно хронологически дифференцировать каменные изваяния. Показателен в этом плане генезис погребально-культовых сооружений Западного Казахстана, где для каменных стел и койтасов раннего периода характерны грубо обработанные материалы со скупо декорированной поверхностью. Вообще до XII – XIII вв. наблюдается несистемная, случайная обработка плоскостей памятников, что придает им архаичный облик. Орнаментальный декор разработан слабо (чаще бордюрного характера) в отличие от каменных надгробий, стел койтасов XVIII – XIX вв. [Аджигалиев, 1994, с. 93 – 94]. Помимо способа нанесения, сам характер тамгообразных знаков на ташкентской стеле отличает их от тамг тюркского времени. Центральная фигура и типологически близкий к ней знак (см. рис. 2, 1, 7) имеют некоторое сходство с тамгой алхонов (алхоу), завоевавших Кабул и Северную Индию в конце IV – V вв. н.э. и традиционно связываемых с эфталитами [Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990, с. 189]. Отдельные знаки (см. рис. 2, 4, 9, 13) обнаруживают определенную близость к тамгам на керамике и кирпичах IV – VI вв. Среднесырдарьинского региона. Однако большая проработанность знаков на стеле позволяет считать их типологически более ранними, к III – IV вв. н.э. они начинают заменяться на упрощенные знаки. Все вышеизложенное вместе с близостью некоторых знаков к петроглифам предполагает датировку ташкентской стелы рубежом эр – первыми веками нашей эры.

Нет полной определенности и в вопросе назначения ташкентской стелы. В связи с этим отметим, что она сразу была рассчитана на фронтальное восприятие, ее задняя часть вообще не обработана. Кроме того, в отличие от многих других “энциклопедий тамг”, где знаки собирались постепенно и располагались произвольно, на стеле они выбиты одновременно, в определенном порядке, в единой композиции, с четко обозначенными верхом и низом. Причем нижние знаки заметно крупнее верхних, что предполагает вертикальное восприятие стелы. Небольшие размеры плиты, подтесанность кзади боковых граней, вероятно, указывают на то, что она куда-то вставлялась (в стену, глиняный постамент) либо устанавливалась на специальном пьедестале.

Говоря о назначении стелы, нельзя исключать ее утилитарное использование в качестве межевого знака, отмечавшего границу владения. Правда, в этом случае неясно, можно ли видеть в ее композиции пространственную схему, где верх – северное направление, низ – южное, а знаки – тамги соседей.

Более вероятно, что стела – памятный знак, установленный в честь какого-то события, которое относилось к разряду исключительных и чрезвычайно важных. Принципиальным является наличие на ней собрания тамг, выбитых одновременно и в определенном порядке, т.е. результат каких-то единовременных действий, ритуально и овеществленно закреплявших некое событие, например, заключение договора о мире и союзнических отношениях. Установка стелы в таком случае символизировала нерушимость клятвы, обязательства, которые ритуально как бы навечно запечатлялись на камне. Известно, что среди народов, исповадовавших зороастризм, клятва почиталась священной. Например, иранцы всю свою историю свято соблюдали договоры и первыми их никогда не нарушали. За этим наблюдало специальное божество – Митра, занимавшее одно из ведущих мест в зороастрийском пантеоне. Можно предполагать, что центральная фигура в картуше символизировала Митру, имя которого в переводе с авестийского означало “Договор”, “Согласие”, а в более ранней индоиранской религии это и есть собственно священная клятва, затем персонифицировавшаяся в божество клятвы и соблюдения договора. Не случайно венчает композицию солнце, чьи лучи (благодать) падают на тамги участников соглашения. Митра уже в древнейший период выступал как хранитель закона мироздания (Рта) и был связан с солнцем, которое воспринималось как его всевидящее око. Кстати, один из эпитетов Митры звучит как “выпрямитель границ”, что, вероятно, отражает “примиряющую роль Митры при спорах о границах” [Рак, 1998, с. 489]. Как гарант договора, нерушимости границ и клятв, Митра сурово карал клятвопреступников, защищал установленный миропорядок и, соответственно, изображался как божество-воитель

(с воинскими атрибутами). Все это вполне согласуется с данными письменных источников о древней традиции установления специальных алтарей и возжигания огней в честь заключения договора. Например, античные источники сообщают о походе полководца Селевкидов Демодама в 291 г. до н.э. за Сырдарью, где он заключил союз с местными племенами и воздвиг каменный алтарь в честь Аполлона Дедимийского. Вообще Митра как божество был весьма многосторонен, что делало его очень популярным в народных массах, которые видели в нем подателя благ, защитника и даже посредника между миром людей и миром богов. Еще один важный аспект культа Митры – его тесная связь с загробным миром, идеями воздаяния душам умерших и будущего возрождения (подобно ежегодному умиранию и возрождению природы). Видимо, в одном ряду с этим находятся изображения Митры или его символов на оссуариях. Поэтому вполне вероятно, что ташкентская стела в той или иной степени связана с погребальным культом. Она могла представлять собой жертвенник с весьма условным и схематическим изображением определенного божества (например, Митры) либо умершего знатного члена рода (точнее, его воплощением). Правда, остается неясной связь тамгообразных знаков с изображением и с самим погребальным комплексом.

Любопытна в этом плане упоминавшаяся уже каменная плита – “энциклопедия тамг” из Шивет-Улана в Западной Монголии. Этот мемориальный памятник, посвященный Ильтерес-кагану (Кутлугу), был возведен его гвардейцами после смерти кагана в 693 г. Здесь отсутствует вереница камней, но с восточной стороны каменной ограды, т.е. на месте первого балбала, на квадратной гранитной подставке была установлена плоская плита (совсем небольших размеров по сравнению с пьедесталом), на одной из широких граней которой изображено свыше 60 тамг (см. рис. 4, 3). Предполагается, что это соответствует числу вождей, поддержавших силами племенных и родовых отрядов восстание Кутлуга, и, следовательно, стела представляла собой знак почтения (верности) к умершему кагану [Войтов, 1996, с. 88].

Другой пример – тамги на стенах склепа 1872 г. в Керчи. Видимо, первый похороненный здесь мужчина играл важную роль в тогдашней политической жизни Боспора. На стенах лежанки в двух сценах изображен героизированный умерший в виде воина-катафрактария, в кольчуге, шлеме, в красном плаще и с длинным копьем в руке. Знаки были прочерчены на стенах узкого и короткого входного коридора. Справа у входа компактно расположены четыре тамги и изображения животных. На левой стене коридора первоначально была изображена охота двух собак на трех-четырёх козлов, затем поверх нее нанесли 11 тамг [Яценко, 2001, с. 68].

В Северном Причерноморье известна композиция с тамгой в центре прямоугольного картуша и четырьмя другими по его углам. По мнению С.А. Яценко, эта роспись стены склепа в Неаполе Скифском датируется II – III вв. н.э. и имеет не магическое, а чисто утилитарное назначение – имитирует висящий на стене коврик с вышитыми тамгами [Там же, с. 76], подобно куску ткани из Минусинского музея с вышитыми на нем десятью тамгами хакасов-качинцев [Кызласов, Леонтьев, 1980, рис. 15]. Как считает С.А. Яценко, знаки на стенах склепов не являлись магическими, а были памятными, указывали на участие представителей определенных родов в поминальном или похоронном обряде [Яценко, 2001, с. 81].

Любопытно, что “среди собраний тамг” из греческих городов Северного Причерноморья дополнительные зооморфные образы встречаются почти исключительно на каменных плитах-“энциклопедиях” из столицы Боспора Пантикапеи. Сюжеты этих рисунков достаточно разнообразны, но наиболее часто присутствует образ лошади. В Правобережной Украине и Крыму это в основном фигура оседланной лошади или ее голова [Там же, с. 64]. Присутствие данного образа не случайно. Лошадь – символ солнца и одно из самых популярных жертвенных животных у древних и современных кочевников (причем жертвоприношение всегда совершается только при солнечном свете: либо на рассвете, либо в течение дня), она посредник, приносящий в верхний мир чаяния и просьбы жертвователя. Кстати, лошадь – одна из ипостасей Митры. Поэтому смерть человека рассматривалась в одном ряду с заходом солнца с безусловным возрождением (восходом) в определенное время. В этой связи очень интересна одна из сцен ходжакентских петроглифов в Ташкентской обл. Здесь изображена стоящая лошадь с подстриженным хвостом, крупным стройным туловищем и длинной, по-лебединому изогнутой шеей, над которой выбиты отходящие вверх три полудуги. Симметрично им расположены две полудуги покороче. Чуть в стороне от последних выбит крупный тамгообразный знак (см. рис. 3, 8) [Алпысбаев, 1956, с. 184]. Схожие тамги встречаются на керамике, кирпичках из Чача V – VI вв. н.э. и среди знаков тюркского периода. Например, на плите-балбале из Шивет-Улана есть даже два похожих знака [Войтов, 1996, с. 89]. Видимо, ходжакентская сцена изображает жертвоприношение коня духу рода или недавно умершему соплеменнику, тем более что от живота, груди и шеи животного отходят короткие черточки, явно символизирующие стекающую кровь [Алпысбаев, 1956, с. 184]. С ташкентской стелой ходжакентские петроглифы объединяют не столько единый регион и хронологические рамки, сколько обращение к камню (сказался распространенный у кочевников культ камней, которые считались священными, связанными с небесной твердью); сочета-

ние в одной композиции схематического изображения и тамгообразного знака; наличие полудуг, символизовавших солнечные лучи или благодать; образы коня и воина как ипостаси Митры (кстати, Митра, согласно манихейской традиции, появлялся на свет из расколовшейся скалы). Самое главное, оба эти объекта принадлежат к единому идеологическому пласту, связанному с погребально-поминальной обрядностью. Причем в обоих случаях композиция – воплощение единой мифологической концепции, только на ходжакентских петроглифах заместителем умершего служила тамга, а на ташкентской стеле – мужская фигура. В этой же связи интересна композиция сарматского времени, выбитая на скале близ селения Уйташ в Дагестане. По сути, вся композиция размером 55 × 25 см состоит из двух знаков: верхний, более крупный, – трехчленный, линии которого завершаются дугами, нижний – четырехзубец, имеющий, по мнению исследователя, зооморфное происхождение (стилизация двух коней) [Марковин, 1970, с. 96].

В заключение отметим, что обнаруженная в окрестностях Мингурюка каменная плита, несмотря на отсутствие археологического контекста, представляет собой важный источник информации о кочевническом искусстве и идеологии древнего населения Ташкентского оазиса. Видимо, стела была воздвигнута на рубеже эр – в первые века нашей эры и связана с поминально-погребальной обрядностью. С одной стороны, она отражает один из этапов кочевнической традиции установки на могиле изваяния. Уникальное композиционное решение сюжета на стеле – сочетание схематически-условных изображений (солнца, древа жизни, мужской фигуры – главного персонажа с воинскими атрибутами) и окружающих их тамг – свидетельствует о поиске форм, принципов образительности. Кстати, в это же время в каунчинской культуре появляются изображения животных на ручках сосудов, тамгообразные знаки на посуде, керамические и металлические печати-амулеты с символическими изображениями (животных, солнца) на одной стороне и знаками на другой. Образительное воплощение мифологических концепций еще только начинает завоевывать позиции в каунчинской культуре.

С другой стороны, стела является одним из звеньев общей традиции установки каменного изваяния (в принципе могли быть из разных материалов) на могилах прославившихся личностей или знаменитых представителей верхушки общества. Показателем давности этой традиции может служить сообщение античных авторов (Диодора Сицилийского, Ктесия) о сакском предании, согласно которому саки в память о своей правительнице Зарине насыпали огромную пирамиду трехгранной или четырехгранной формы, имевшую по основанию одной из сторон длину в три

стадии (т.е. около 470 м), с колоссальной золотой статуей на вершине. Конечно, в сказании, как во всяком эпическом произведении, размеры сооружения и статуи, скорее всего, сильно преувеличены, и в реальности это мог быть крупный курган, увенчанный статуей или стелой, может даже позолоченной [Массон, 1953, с. 27]. Для нас важен сам факт существования такой традиции еще в дотюркское время.

Список литературы

- Аджигалиев С.И.** Генезис традиционной погребально-культовой архитектуры Западного Казахстана. – Алматы: Гылым, 1994. – 257 с.
- Алпысбаев Х.** Новые наскальные изображения Бостандыкского района // Тр. ИИАЭ АН КазССР. – 1956. – Т. 1: Археология. – С. 182 – 188.
- Байпаков К.М., Подушкин А.Н.** Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана (I тыс. н.э.). – Алма-Ата: Наука КазССР, 1989. – 160 с.
- Богомолов Г.И.** К вопросу о некоторых анимистических представлениях народов Средней Азии // Изучение культурного наследия Востока. – СПб.: Европейский дом, 1999. – С. 136 – 138.
- Вайнберг Б.И., Новгородова Э.А.** Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии. – М.: Наука, 1976. – С. 66 – 74.
- Войтов В.Е.** Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI – VIII вв. – М.: Изд-во ГМВ, 1996. – 152 с.
- Драчук В.С.** Системы знаков Северного Причерноморья: Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры. – Киев: Наук. думка, 1975. – 176 с.
- Гертман А.Н.** Сырцовый кирпич Капараса и Елхараса // Древности Южного Хорезма. – М.: Наука, 1991. – С. 227 – 286. – (Тр. ХАЭЭ; Т. 16).
- Гертман А.Н.** Знаки на кирпичках и некоторые вопросы организации древневосточного строительства (по материалам древнего Хорезма) // Приаралье в древности и средневековье. – М.: Изд-во “Восточная литература” РАН, 1998. – С. 136 – 150.
- Зуев Ю.А.** Тамги лошадей из вассальных княжеств // Тр. ИИАЭ КазССР. – 1960. – Т. 8. – С. 93 – 135.
- Ильясов Д.Я.** Эфталиты-алхоны в Чаганиане // Нумизматика Центральной Азии. – Ташкент, 1999. – Вып. 4. – С. 32 – 41.
- Курьлев В.П.** Казахские тамги как знаки родовой принадлежности // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. – Нукус: Каракалпакстан, 1989. – С. 210 – 222.
- Кызласов Л.Р., Леонтьев Н.В.** Народные рисунки хакасов. – М.: Наука, 1980. – 175 с.
- Левина Л.М.** К вопросу об антропоморфных изображениях в джетысарской культуре // История, археология, этнография Средней Азии. – М.: Наука, 1968. – С. 167 – 178.
- Левина Л.М.** Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до нашей эры – I тысячелетие нашей эры. – М.: Изд-во “Восточная литература” РАН, 1996. – 396 с.

- Майдар Д.** Памятники истории и культуры Монголии. – М.: Мысль, 1981. – 174 с.
- Марковин В.И.** Сарматская тамга на скалах Уйташа (Дагестан) // КСИА. – 1970. – Вып. 124. – С. 95 – 98.
- Массон М.Е.** Ахангеран: Археолого-топографический очерк. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1953. – 144 с.
- Нахапетян В.Е.** Граффити Маяцкого городища // Маяцкий археологический комплекс. – М.: Ин-т археологии АН СССР, 1990. – С. 41 – 49.
- Новгородова Э.А.** Периодизация петроглифов Монголии // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье: История и культура. – М.: Наука, 1981. – С. 33 – 41.
- Окладников А.П.** Петроглифы Ангары. – М.; Л.: Наука, 1966. – 322 с.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д.** Ленские писаницы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 144 с.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д.** Петроглифы Забайкалья. – Л.: Наука, 1969. – Ч. 1. – 218 с.
- Полубояринова М.Д.** Знаки на золотоордынской керамике // Средневековые древности евразийских степей. – М.: Наука, 1980. – С. 165 – 212.
- Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В.** Северная Бактрия – Тохаристан: Очерки истории и культуры (древность и средневековье). – Ташкент: Фан, 1990. – 218 с.
- Раевский Д.С.** Скифские каменные изваяния в системе религиозно-мифологических представлений ираноязычных народов евразийских степей // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. – М.: Наука, 1983. – С. 40 – 60.
- Рак В.И.** Мифы древнего и раннесредневекового Ирана. – СПб.; М.: Изд-во «Журнал “Нива” – “Летний сад”», 1998. – 500 с.
- Рашид-ад-Дин.** Сборник летописей: История монголов / Пер. с перс. И.Н. Березина. – СПб., 1861.
- Ртвеладзе Э.В.** Денежное обращение в Северо-Западном Тохаристане в раннем средневековье // Городская культура Бактрии – Тохаристана и Согда (античность, раннее средневековье). – Ташкент: Фан, 1987. – С. 120 – 130.
- Рубинштейн Р.И.** Ка // Мифы народов мира. – М.: Сов. энцикл., 1991. – Т. 1. – С. 602.
- Руденко С.И.** Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 360 с.
- Рыгдылон Э.Р.** Писаницы близ озера Шира // СА. – 1959. – Вып. 29/30. – С. 189 – 202.
- Сагалаев А.М., Октябрьская И.В.** Традиционное мировоззрение тюрок Южной Сибири: Знак и ритуал. – Новосибирск: Наука, 1990. – 209 с.
- Смирнова О.И.** Сводный каталог монет Согда: Бронза. – М.: Наука, 1981. – 546 с.
- Соломоник Э.Н.** Сарматские знаки Северного Причерноморья. – Киев: Изд-во АН УССР, 1959. – 170 с.
- Худжаназаров М.** Наскальные изображения Ходжакента и Каракияся. – Самарканд: Ин-т археологии АН РУз, 1995. – 121 с.
- Шер Я.А.** Каменные изваяния Семиречья. – М.; Л.: Наука, 1966. – 138 с.
- Яценко С.А.** Плиты – энциклопедии тамг в Монголии и Сарматии // Северная Евразия от древности до средневековья: Археологические изыскания: Тез. конф., посвященной 90-летию М.П. Грязнова. – СПб., 1992. – Вып. 2. – С. 195 – 198.
- Яценко С.А.** Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. – М.: Изд-во “Восточная литература” РАН, 2001. – 190 с.

Материал поступил в редколлегию 26.12.02 г.

А.В. Епимахов*Южно-Уральский государственный университет
пр. Ленина, 76, Челябинск, 454080, Россия**E-mail: eav@susu.ac.ru***ВЕРХНЕ-КИЗИЛЬСКИЙ КЛАД:
ВАРИАНТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ*****Введение**

Клады привлекают внимание исследователей в силу вполне очевидных достоинств этого вида источников. Для бронзового века Урала серия находок такого рода невелика и относится в основном к срубной культуре периода поздней бронзы (вторая – третья четверть II тыс. до н.э.)**. Во всяком случае в работе Е.Е. Кузьминой, посвященной андроновской общности, указаны только поздние среднеазиатские комплексы [1994, с. 152 – 153, 365 – 371]. На Урале (преимущественно в лесостепном Приуралье) найдено около 15 срубных кладов. Часть из них обнаружена на территории поселений или курганов [Обыденков, Обыденкова, 1992, с. 140 – 141]. Клад серпов был выявлен в Южном Зауралье при раскопках срубно-алакульского поселения Лебяжье VI***. Культурная атрибуция ряда комплексов, как и достоверность информации о одновременном обнаружении входящих в их состав артефактов, может быть подвергнута сомнению. Некоторые клады параллельно упоминаются в сводках и абашевских, и срубных памятников (Москательникова, Веселова). Тем не менее разнообразия в составе срубных кладов не наблюдается – преобладают серпы и их заготовки.

На территории Волго-Уралья к финалу среднего бронзового века (первая четверть II тыс. до н.э.) относятся памятники двух культурных групп, с которы-

ми специалисты связывают генезис срубной культурно-исторической общности, – абашевской и синташтинской. Истоки традиции формирования кладов могут быть обнаружены только в абашевских древностях, поскольку для синташтинских памятников такие примеры нам не известны*.

Клады Коршуновский, Верхне-Кизильский, у Долгой Горы, Москательникова, Галичский, Веселова, Морозовский (рис. 1) по устоявшейся традиции связываются с абашевской культурно-исторической общностью [Сальников, 1967, с. 40 – 46; Кузьмина О.В., 2000]. Ее уральский (баланбашский) вариант представляет самую восточную часть абашевского ареала. Абашевские древности выявлены в лесостепной зоне Среднего Поволжья и Доно-Волжском междуречье. Особое место в ряду кладов этого периода, с нашей точки зрения, занимает Верхне-Кизильский (далее ВКК), для которого достоверно установлены место, археологический контекст и состав клада, есть возможность предложить варианты интерпретации.

Значимость данного клада обусловлена, во-первых, тем, что он маркирует самую восточную границу кладов данного периода, известных сегодня; во-вторых, это едва ли не единственный клад, в котором массивные металлические орудия и оружие сочетаются с типично абашевскими украшениями и керамикой; в-третьих, он надежно увязывается с однослойным поселением. Вместе с тем памятник незаслуженно оказался на периферии исследовательского интереса в силу кажущейся очевидности ос-

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (грант № 01-01-00212а).

** Здесь и далее приводится последняя серия радиокарбонных калиброванных дат.

*** Выражаю искреннюю признательность автору раскопок Л.Ю. Петровой за возможность ознакомиться с коллекцией, не введенной в научный оборот.

* С некоторой долей условности кладами могут признаваться “тайники” в крупных синташтинских могилах (см., напр.: [Боталов, Григорьев, Зданович, 1996, с. 81]).

Рис. 1. Карта-схема распространения кладов
(по: [Кузьмина О.В., 2000]).

а – абашевские могильники, б – абашевские поселения, в – клады.
1 – Верхне-Кизильский, 2 – Веселова, 3 – Долгая Гора, 4 – Моска-
тельникова, 5 – Коршуновский; б – Морозовский, 7 – Галичский.

новых вопросов его интерпретации. Мы не намерены углубляться в вопрос о хронологии* и ограничимся изучением культурной принадлежности и содержательной интерпретацииклада.

История изучения

Мало-Кизильское селище располагается на северном берегу старицы р. Малый Кизил (правый приток р. Урал) в 1,5 км от устья, в современных границах пос. Супряк (северная окраина территории г. Магнитогорска Челябинской обл.; координаты 53,5° с.ш., 59° в.д.). Памятник локализуется в пограничной зоне современной степи и лесостепных предгорий восточного склона Урала. Можно утверждать, что на момент формированияклада данный участок находился в зоне лесостепи или даже широколиственных лесов. Палинологические данные непосредственно для памятника отсутствуют, однако из результатов палеогеографических исследований смежных участков восточного склона Урала следует, что имело место существенное смещение границ ландшафтных зон по линии запад – восток [Дюрягин, 1999, с. 54 – 66]. Результаты картографирования немногочисленных абашевских материалов из Зауралья (ранний горизонт городища Серный Ключ [Борзунов, Бельтикова, 1999], отдельные памятники Аргазинского водохранилища [Петрин, Нохрина, Шорин, 1993]) дают возможность говорить о прямом совпадении абашевского ареала с зоной распространения широколиственных лесов [Епимахов, 2001].

* По нашему мнению, есть основания для синхронизации памятников уральской абашевской (баланбашской) и синташтинской [Епимахов, 1993] культур.

Верхне-Кизильский клад был обнаружен в 1926 г. жителем пос. Верхне-Кизильский М.В. Бутаковым. Позже выяснилось, что минимум два крупных изделия (вислообушный топор и тесло (?)) из числа металлических вещей, находившихся в кожаной сумке вместе с комком тлена (ткани?), были утаены им для изготовления паяльников. Согласно данным М.В. Бутакова, клад включал также керамические сосуды и камни, на одном из которых были нанесены “знаки” (?)*.

История научного изучения памятника связана с именами Н.Н. Бортвина и К.В. Сальникова. Н.Н. Бортвин первым оперативно опубликовал и атрибутировал ВКК [Bortvin, 1928]. Он связывал клад с абашевской культурой и относил к досейминскому времени (этих же выводов придерживается большинство современных специалистов). К.В. Сальников в 1948 – 1950 гг. проводил на селище раскопки (вскрыта территория площадью 441 м²). Им установлена связьклада с поселением (рис. 2), получены значительные коллекции керамики (не менее 56 сосудов), металла

* По нашему мнению, эта часть сообщения, приводимая в отчете К.В. Сальникова, недостоверна. В всяком случае, образцы “камней со знаками” периода бронзового века нам не известны.

Рис. 2. План Мало-Кизильского селища
(по: [К.В. Сальников, 1967]).

а – современные постройки, б – место находки, в – забор. 1 – предполагаемое место находкиклада, 2 – топор. I – III – раскопки.

(более 40 экз.) и другого инвентаря. К.В. Сальников в итоговой работе интерпретировал селище как памятник, “оставленный особой группой абашевских племен, подвергшихся сильному влиянию со стороны представителей других уральских племен” [1967, с. 124 – 125].

В настоящее время ВКК хранится в Свердловском областном краеведческом музее (шифр коллекции СМ/8944)*. В ходе работы с коллекцией пока не удалось выявить две бляшки-“розетки”, два проволочных кольца, один из браслетов, шило и рыболовный крючок, однако по прорисовкам разного времени и фотографиям часть из них приводится в составе иллюстраций к настоящей статье.

В первой публикации клада приведены фотографии; контурная мелкомасштабная прорисовка фигурирует в монографии К.В. Сальникова [1967] и сводных таблицах Е.Н. Черных [1970], который провел анализ химического состава 30 металлических изделий. Установлено, что их большая часть была изготовлена из мышьяковистой бронзы и примерно треть (27%) – из металлургически чистой меди** (мышьяк, по мнению Е.Н. Черных, является естественной составляющей руды из местных месторождений Бакр-Узяк и Таш-Казган). Работа О.В. Кузьминой [2000] была призвана восполнить досадный пробел и полноценно опубликовать комплекс в соответствии с современными требованиями, но иллюстрации статьи также содержат ряд ошибок. Так, на рис. 22 показан нож (8), не входящий в состав комплекса; отсутствуют нож-кинжал, изогнутое двулезвийное орудие; неточно воспроизведены сечения гривен [Там же, рис. 21, 6; 22, 10]; прорисовка сосуда неполно отражает реальный облик и др. Учитывая эти недостатки, мы сделали новую прорисовку всех доступных вещей и приводим ее в настоящей статье.

Описание комплекса

В составе клада было не менее 43 изделий из меди, мышьяковистой бронзы и серебра, а также керамический сосуд. Изделия в основном массивные. Доминируют украшения (60%), среди которых много

* Автор благодарен руководству, сотрудникам музея и лично С.Н. Паниной за предоставленную возможность работы с материалами.

** К сожалению, имеются явные расхождения между данными К.В. Сальникова [1967, с. 66] и Е.Н. Черных [1970, с. 157 – 160]. В монографии Е.Н. Черных есть противоречия между таблицами и рисунками, поэтому детальное сопоставление типов изделий и химического состава металла пока не проведено.

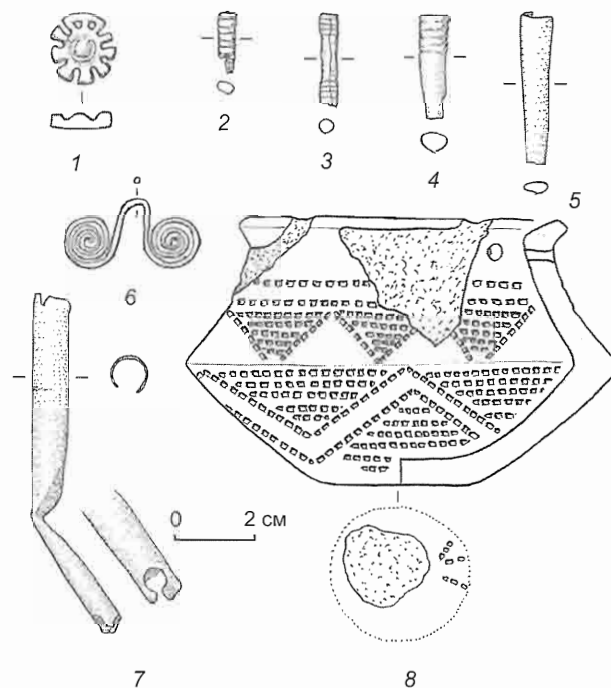

Рис. 3. Предметы из Верхне-Кизильского клада. 1 – бляшка-“розетка”; 2 – 5 – бронзовые пронизы; 6 – очковидная подвеска; 7 – серебряная пронизь; 8 – керамический сосуд.

скромных по металлоемкости пронизей (5 экз.)*. К украшениям относятся литые семилепестковые бляшки-“розетки” с парными отверстиями для подвешивания (3 экз.), проволочные очковидные подвески (рис. 3, 1, 7) и кольца (2 экз.). В числе украшений имеются 11 однотипных браслетов, треугольных в сечении, со слабо выраженным желобком на внутренней поверхности (рис. 4, 1, 3 – 6, 8, 10 – 14), а также три желобчатые гривны в серебряной обкладке (рис. 4, 2, 7, 9). Браслеты идентичны по технологии изготовления и выполнены, вероятно, одним мастером. Пронизы сделаны из тонкого листа металла и различаются по размерам, материалу (одна из серебра (см. рис. 3, 7), остальные медные (см. рис. 3, 2 – 5)) и способу оформления (на некоторых есть следы тиснения в виде поперечных линий на концах либо по всей поверхности; см. рис. 3, 2 – 5).

Орудия составляют около 33%, оружие (наконечник копья, топор, крупный нож-кинжал) – 7% от всех вещей. Признаки эксплуатации вещей визуально не выявлены. Более того, некоторые образцы выглядят как нефункциональные (рис. 5, 7). Разграничение категорий условно, т.к. не исключена их полифункциональность. Особое внимание обычно уделяется наконеч-

* Приводимое в скобках число учитывает и не обнаруженные нами образцы.

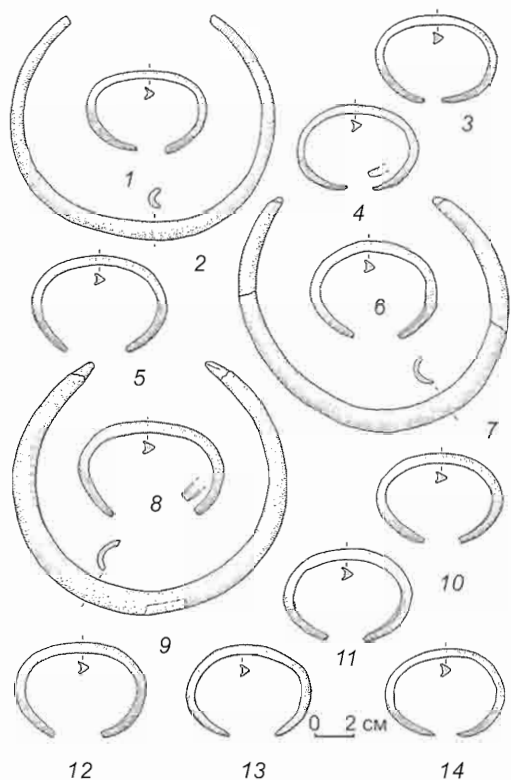

Рис. 4. Украшения из Верхне-Кизильского клада.
1, 3 – 6, 8, 10 – 14 – браслеты; 2, 7, 9 – гривны.

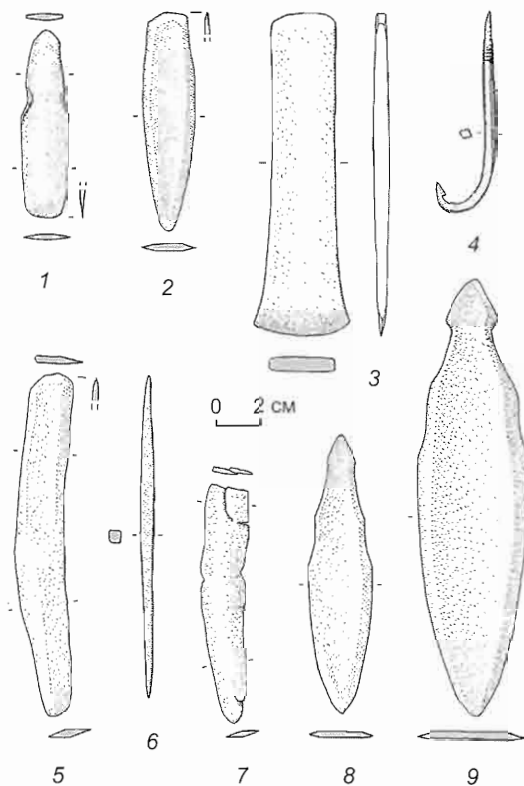

Рис. 5. “Бритва” (1), двулезвийный прямой нож (2), тесло (3), крючок (4), двулезвийные изогнутые ножи (5, 7), шило (6); ножи-кинжалы (8, 9) из Верхне-Кизильского клада.

нику копы с кованой разомкнутой втулкой (рис. 6, 2). Его длина 17 см, в т.ч. втулки – 9,8 см. Перо чуть асимметричной ромбической формы. Втулка в основании пера восьмигранная в сечении. В нижней части она дополнена двумя боковыми овальными отверстиями, при пробивке которых произошел разрыв металла. Технологический шов втулки хорошо читается на участке, составляющем 2/3 ее длины. Орнамент в виде пояска по краю втулки и четырех симметрично расположенных равнобедренных треугольников, высота которых превышает половину длины втулки, нанесен тонким (менее 1 мм) чеканом.

Пластинчатые двулезвийные орудия двух разновидностей – прямые (4 экз.) и слабо изогнутые (2 экз.). Прямые представлены двумя ножами-кинжалами (длина 20 и 13 см) с перекрестьем, перехватом и ромбической пяткой (см. рис. 5, 8, 9). Их особенность – отсутствие признаков ребра жесткости. Один короткий (9,5 см) нож без выделенного черенка, со слабо зауженной прямой пяткой (см. рис. 5, 2). Кроме того, в коллекцию входит небольшая (длина 8 см) “бритва” с параллельными гранями, зауженной пяткой, закругленным лезвием и перехватом (см. рис. 5, 1).

Слабоизогнутые обоюдоострые изделия иногда относят к серпам (см. рис. 5, 5, 7), однако в данном случае такому определению, с нашей точки зрения, мешают

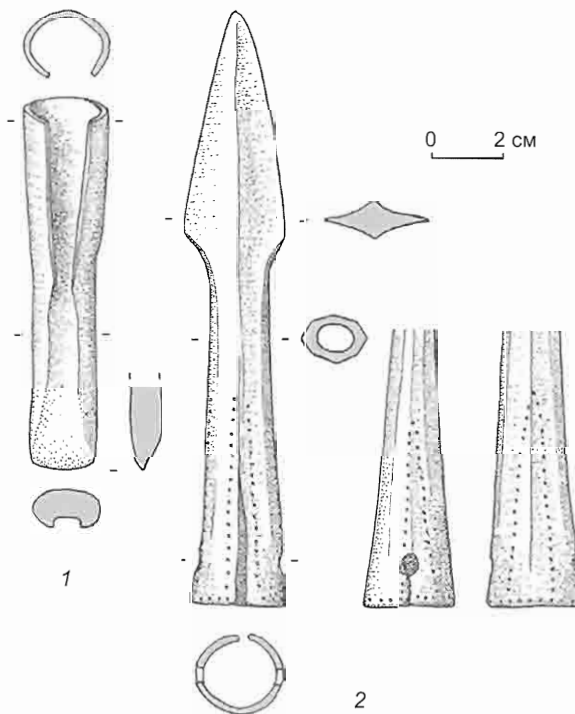

Рис. 6. Долото (1) и наконечник копы (2) из Верхне-Кизильского клада.

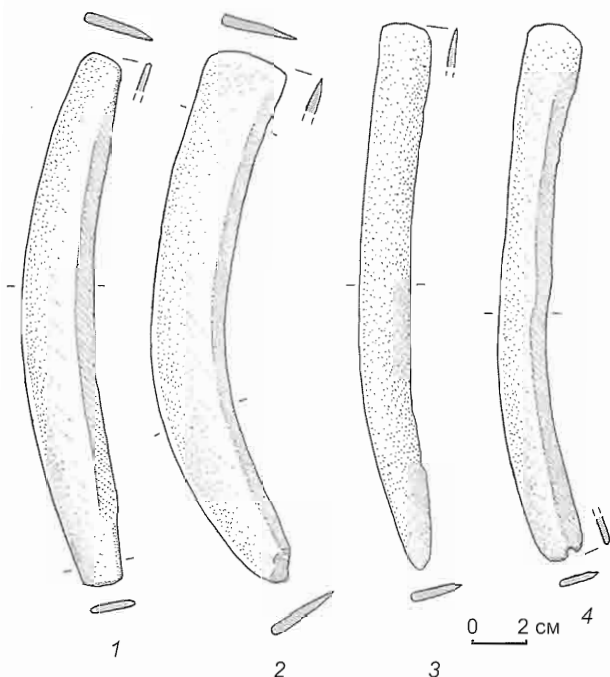

Рис. 7. Серповидные орудия из Верхне-Кизильского клада.

линейные характеристики изделий (длина 11 и 15,7 см, рабочая часть составляет чуть более половины общей длины). Имеется четыре собственно бесчеренковых серповидных орудия (“струги”) (рис. 7), из которых типологически выделяется одно. Серп отличается изгибом, сделанным под большим углом, шириной лезвия (30 мм), а также широкой пяткой (см. рис. 7, 2), что сближает его с андроновскими образцами. Одно изделие было явно двуручным (см. рис. 7, 1) и, видимо, использовалось в качестве скобеля.

В составе орудий имеются массивное крупное тесло (длина 15 см, толщина более 6 мм) с параллельными гранями, прямоугольной пяткой, раскованным лезвием (см. рис. 5, 3), и втульчатое долото (см. рис. 6, 1). Последнее, несмотря на небольшую длину (10,7 см), также очень массивно (ширина его рабочего края 20 мм), имеет несомкнутую втулку. Коллекцию орудий дополняют крупное (14 см) обоюдоострое шило (см. рис. 5, 6) и рыболовный крючок с жалом и стержневидным насадом (см. рис. 5, 4).

Единственный маленький сосуд-“святильник” (высота 7,0, диаметр по венчику 8,3, по плечу 11 см, дна 3,5 см) характеризуется округлым венчиком, сильно отогнутой наружу шейкой с внутренним ребром, слегка вогнутым плечом, туловом с хорошо выраженным ребром чуть ниже середины, едва выпуклыми стенками и уплощенным дном (см. рис. 3, 8). Поверхность заглажена. В верхней части сосуда имеется пара отверстий. Орнамент, нанесенный гребенчатым штампом, покрывает всю поверхность, кроме шейки. Пле-

чо декорировано двумя горизонтальными линиями и рядом горизонтально штрихованных равнобедренных треугольников, обращенных вершинами вниз, ниже ребра – взаимопроникающие горизонтально штрихованные равнобедренные треугольники. На поврежденном дне фиксируются фрагменты радиально расположенных линий. При рассмотрении сосуда со стороны дна орнамент образует шестилучевую звезду.

Интерпретация клада

Вопрос культурной идентификации ВКК может решаться только на основе анализа материалов Мало-Кизильского селища, население которого, вероятно, погибло в ходе военной катастрофы [Черных, 1972]. Автор раскопок отмечал специфичность памятника среди прочих абашевских объектов, предполагая выделение в дальнейшем особого магнитогорского варианта уральской абашевской культуры [Сальников, 1967]. Особенности памятника, наиболее ярко проявившиеся в керамическом комплексе, по мнению К.В. Сальникова, обусловлены сочетанием черт уральского энеолита с собственно абашевскими традициями. С нашей точки зрения, специфичность облика коллекции в значительной мере обусловлена пограничным положением селища. Установлены технологическое и некоторое морфологическое сходство керамики из клада с синташтинскими материалами (с относительно поздней группой), прямые аналогии по некоторым типам вещей. Материалы селища (и связанного с ним клада) являются ярким отражением абашевского комплекса, но мы полагаем, что правильнее интерпретировать их как синкретические*.

Принципиальным является вопрос о причинах гибели поселения. Однозначно ответить на него вряд ли возможно. Однако на других абашевских памятниках следы военных действий пока не обнаружены (исключением является знаменитый Пепкинский курган [Медникова, Лебединская, 1999] на средней Волге). Учитывая это, а также пограничное положение памятника, есть резон обратиться к материалам смежных территорий. Если принять версию о синхронизации абашевских и синташтинских древностей, восточными соседями жителей Мало-Кизильского селища были носители синташтинских традиций. Ближайшие синташтинские укрепленные поселения и некрополи расположены на расстоянии всего 60 – 100 км. Синташтинские городища (наиболее исследованным из которых является Аркаим [Зданович, 1997]) представляют собой сложные фортификационные си-

* Анализ Галичского клада также позволил сформулировать вывод о многокомпонентности культурных субстратов, главным из которых был сейма-турбинский феномен [Студзицкая, Кузьминых, 2001, с. 130 – 132].

стемы округлой формы с замкнутой планировкой. При исследовании некрополей получены несомненные свидетельства высокого уровня развития военного дела – оружие из металла и камня, следы установки колесниц, предметы конской упряжи (псалии). Исходя из этих данных, можно предположить, что жители Мало-Кизильского селища погибли в результате военного столкновения именно с “синташтинцами”.

В плане обсуждения истории возникновения ВКК важно обратить внимание на характер распространения абашевских кладов [Кузьмина О.В., 2000, с. 107 – 108] – на периферии абашевского ареала (исключения из этого правила – клады Москательникова и Долгая Гора – не имеют однозначной культурной идентификации). Рассматриваемый клад, как указывалось, зафиксирован на восточной периферии. Такая локализация кладов позволяет предположить, что аккумуляция изделий была ориентирована не столько на использование внутри социума, сколько на реализацию в “инокультурной” среде. Поскольку клад, как правило, содержит минимум предметов вооружения, приходится исключить вариант их интерпретации как своего рода арсеналов для отражения внешней опасности. Немногочисленность следов военных конфликтов косвенно подтверждает этот вывод.

Феномен кладов бронзового века специалистами трактуется по-разному. В.С. Бочкарев* выделяет три основных объяснения причин формирования кладов: экономическое, процессуальное и вотивное [2002]. Наиболее перспективным нам представляется рассмотрение “процессуальной” трактовки по К. Кристиансену [Kristiansen, 1998, p. 78]. Учитывая разнотипность изделий, можно предположить индивидуальный характер клада. Поскольку ни одна вещь не является заготовкой и не несет следов использования, возможно допустить, что клад был сформирован на постпроизводственной стадии. Условия его хранения не исключали повторного использования вещей, поэтому клад нельзя отнести к числу вотивных; кстати, нет и других свидетельств ритуальных действий, способных подтвердить такую интерпретацию. Не вносит ясности и факт локализации клада на периферии поселения. Таким образом, ВКК можно трактовать как 1) комплекс, ориентированный на торговую деятельность; 2) отражение отношений дистрибуции, которыми охвачена группа населения за пределами рассматриваемого селища; 3) персональный клад. Более аргументированными представляются первая и вторая интерпретации, поскольку абашевские памятники не демонстрируют яркой социальной или имущественной дифференциации, способной обеспечить аккумуляцию столь значительной суммы ценностей конкретным индивидуумом.

* Благодарю В.С. Бочкареву за содержательные консультации по данному вопросу.

Заключение

Присутствие ВКК на периферии абашевского ареала хорошо вписывается в общую картину распространения этого типа памятников. Находка сочетается со следами собственной металлургии на поселении, коллекция которого также насыщена металлическими изделиями. Наиболее вероятно, что предметы клада были изготовлены обитателями поселения для “реализации” в рамках дистрибутивной системы. Предположительно клад принадлежал не населению поселка в целом (в культурном слое зафиксировано значительное количество металла, не связанного с кладом), а более узкой (специализированной?) группе лиц. Мы не считаем, что клад сформировался под влиянием военной катастрофы [Пряхин, 1976, с. 109], однако он не был востребован именно в результате гибели селища.

Культурная принадлежность клада, несмотря на наличие в его составе ярких образцов “типично” абашевских категорий инвентаря, с учетом материалов селища должна определяться как синкретическая. Технология керамики и прямые аналоги некоторым категориям инвентаря делают обоснованным тезис о синхронности синташтинских и абашевских памятников Урала (что, в свою очередь, позволяет считать гибель поселения результатом военного столкновения с синташтинским населением). Абашевские и синташтинские древности Урала должны рассматриваться как свидетельства единого процесса культурогенеза, протекавшего на многокомпонентной основе. Сходство между ними обусловлено, с одной стороны, распространением эпохальных стереотипов (наследие “мира” катакомбных культур), а с другой – широкими контактами друг с другом.

Список литературы

Борзунов В.А., Бельтикова Г.В. Стоянка абашевских металлургов в горно-лесном Зауралье // 120 лет археологии восточного склона Урала: Первые чтения памяти В.Ф. Геннинга. – Екатеринбург: Урал. ун-т, 1999. – Ч. 2: Новейшие открытия уральских археологов. – С. 43 – 52.

Богалов С.Г., Григорьев С.А., Зданович Г.Б. Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника (публикация результатов археологических раскопок 1988 года) // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала / Тр. Музея-заповедника Аркаим. – Челябинск: Каменный пояс, 1996. – С. 64 – 88.

Бочкарев В.С. Проблема интерпретации европейских кладов металлических изделий эпохи бронзы // Клады: состав, хронология, интерпретация. – СПб.: СПб. ун-т, 2002. – С. 45 – 55.

Дюрягин В.В. Озерные геосистемы восточного склона Южного Урала и их изменение в зоне техногенного воздействия: Дис. ... канд. геогр. наук. – Пермь, 1999. – 234 с.

- Зданович Г.Б.** Аркаим – культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // РА. – 1997. – № 2. – С. 47 – 62.
- Епимахов А.В.** О хронологическом соотношении синташтинских и абашевских памятников // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. – Екатеринбург: Урал. ун-т, 1993. – С. 57 – 58.
- Епимахов А.В.** О границах и соотношении частей абашевской культурно-исторической общности // XV Уральское археологическое совещание. – Оренбург: Оренбургская губерния, 2001. – С. 73 – 74.
- Епимахов А.В.** Мало-Кизильское селище и его место в системе культур бронзового века Урала // Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы Междунар. науч. конф. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. – Кн. 1. – С. 133 – 138.
- Кузьмина Е.Е.** Откуда пришли индоарии? (Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев). – М.: Вост. литер., 1994. – 464 с.
- Кузьмина О.В.** Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье. – Самара: Изд-во Самар. пед. ин-та, 1992. – 128 с.
- Кузьмина О.В.** Металлические изделия и вопросы относительной хронологии абашевской культуры // Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). – СПб.: Европейский дом, 2000. – С. 65 – 134. – (Археол. изыскания; Вып. 63).
- Медникова М.Б., Лебединская Г.В.** Пепкинский курган: данные антропологии к интерпретации погребений // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретации древних идеологических представлений. – М.: Вост. литер. РАН, 1999. – С. 200 – 216.
- Обыденков М.Ф., Обыденкова Г.Т.** Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. – Самара: Самар. ун-т, 1992. – 174 с.
- Петрин В.Т., Нохрина Т.И., Шорин А.Ф.** Памятники Аргазинского водохранилища (эпохи камня и бронзы). – Новосибирск: ВО “Наука”, 1993. – 208 с.
- Пряхин А.Д.** Поселения абашевской общности. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1976. – 168 с.
- Сальников К.В.** Очерки древней истории Южного Урала. – М.: Наука, 1967. – 408 с.
- Студзицкая С.В., Кузьминых С.В.** Галичский “клад” (к проблеме становления шаманизма в бронзовом веке Северной Евразии) // Мировоззрение древнего населения Евразии. – М.: Старый сад, 2001. – С. 123 – 165.
- Черных Е.Н.** Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. – М.: Наука, 1970. – 180 с.
- Черных Е.Н.** Металл – человек – время. – М.: Наука, 1972. – 208 с.
- Bortvin N.N.** The Verkhny-Kizil find // Eurasia Septentrionalis Antiqua. – Helsinki, 1928. – N 3. – P. 122 – 131.
- Kristiansen K.** Europe before history. – Cambridge: Cambridge university press, 1998. – 496 p.

Материал поступил в редколлегию 5.03.03 г.

Н.Ю. Кунгурова¹, Б.Х. Кадиков²¹Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Алтайского края
ул. Ползунова, 39, Барнаул, 656043, Россия
Тел.: (3852), 230916

E-mail: Хуклор@mail.ru

²Бийский краеведческий музей им. В. Бианки
ул. Ленина, 134, Бийск, 659304, Россия
Тел.: (3824) 227698

БУДДИЙСКИЕ НАХОДКИ ИЗ ПЕЩЕРЫ НА РЕКЕ МОГЕН-БУРЕН

Введение

Распространение буддизма на Чуйские степи и юго-восточные районы Горного Алтая – Тувы имеет длительную историю, зафиксированную в письменных источниках с середины XVII в., но оно остается неизученным. Фактического материала, происходящего с территории Горного Алтая, недостаточно, чтобы в полной мере осветить вопросы вариантности форм ламаистской обрядности, связанных с влиянием той или иной секты, генезиса распространившихся культов и датирующих показателей. В настоящий момент известны буддийские культовые вещи, священные сооружения, которые обнаружены в основном в южной и юго-восточной частях Алтая. А.Г. Данилиным описываются “кылыши” с лоскутами разноцветной материи – “маан”, перечисляются такие предметы, как ладанки, книги с монгольскими текстами, мандала, приобретенные у ярлыков* Горного Алтая [Данилин, 1993, с. 172 – 174]. Им охарактеризованы молитвенные сооружения “куре” по левобережью Катуня (Апшийахта) и близ Кеньгинского озера, сооружение “Уч-Курбустан” в урочище Кайырлык [Там же, с. 180, 194], упоминаются обо на горных перевалах. По сведениям старожилов, в долине р. Юстыд находилась часовня с за-

гнутыми краями крыши, и будто бы обнаруживали в тех местах фрагменты черепицы. Большой интерес представляет клад ритуальных вещей из Кош-Агачского р-на в верховье р. Кам-Тытугем [Кубарев, Октябрьская, 1996, с. 84 – 92]. Роспись алтарика и ритуальных лент из клада выполнены с соблюдением традиционных буддийских (тибетских) канонов. В Горно-Алтайском республиканском музее хранятся молебник на тибетском языке и изображение колеса закона на листах бумаги, найденные в Кош-Агаче, книжный текст на монгольском языке из Улус-Озека, переданный в музей геологом Ф.Б. Бакштом в 1973 г. Ярким свидетельством распространения одного из направлений буддизма на южные рубежи горной цепи Алтая является ламаистский монастырь Аблайкит, построенный в первой половине XVII в. [Радлов, 1888; Борисенко, Худяков, 1997; Бородаев, Контъев, 1999].

В данной статье речь пойдет о пещере и найденных в ней предметах ламаистского культа. Она была обнаружена в 1957 г. геологом В.Е. Девяткиным на границе современных территорий Республики Алтай и Республики Тыва (рис. 1), на восточном склоне хр. Чихачёва в долине р. Моген-Бурен. В.Е. Девяткин в пещере видел две деревянные скульптуры. Он осмотрел место, сделал описание, схемы, фотографии, которые были переданы в Бийский краеведческий музей. Позже, в июле 1967 г., на хр. Чихачёва выехал географический отряд Э.А. Ирисова, который параллельно с биологическими исследованиями по просьбе

* Ярлык – алтайское название ламаистского духовного чина из разряда помощников лам; служитель ритуала; проповедник.

Рис. 1. Расположение пещеры на р. Моген-Бурен.

Б.Х. Кадикова провел раскопки в пещере с целью сбора материалов. Э.А. Ирисов описал перевал Карагай как “арктическую тундру: лед, снег, свистящий ветер, безжизненные камни” и отсутствие древесной растительности для растопки. В июле долина р. Устугимате была еще покрыта льдом. Экспедиция с большими трудностями преодолела снежный перевал и на склоне хребта обнаружила пещеру. Со склона открывался вид на поросшие лесом долины рек, впадающих в р. Моген-Бурен. Скульптуры из пещеры исчезли. Раскопки проводились без планиграфической фиксации расположения находок в пещере. Добытый материал насчитывал более 200 предметов, которые вместе со списком Э.А. Ирисов передал в Бийский краеведческий музей. В 1968 г. часть наиболее выразительных скульптурок (10 экз.) и пять обрезков шелка были вывезены А.Л. Мандельштамом в Ленинградское отделение Института археологии АН СССР для реставрации. В настоящее время их местонахождение неизвестно. В Бийском музее (коллекция № 5189) сохранились лишь фрагменты деревянных конструкций, имитации наконечников стрел, мелкие части скульптурок животных, в основном лошадей (они нами будут описаны более детально), а также фотографии фрагментов блюда, шелковой ткани, некоторых скульптур, в т. ч. и обнаруженных В.Е. Девяткиным (их прорисовки мы представляем в публикации). Интерпретация данных находок проводилась по черно-белым фотографиям. Ценную помощь по определению находок оказал нам Кончок-лама (В.К. Косьмин), который прошел обучение в монастырях Непала и Индии, связанных с культом грозных буддийских защитников, в т. ч. в монастыре Годона. В настоящее время работает на Алтае по возрождению алтайской сангхи. Он дал пояснения по терминологии и культу гневных защитников.

Описание находок из пещеры

Пещера находится на склоне горы в известняковом выходе на высоте 2 600 м над ур. м. в пределах зоны мерзлоты. В 1 км от пещеры пролегают тропы в глубь Тувы и в Монголию. По описанию В.Е. Девяткина, на горе, в 2–3 км от пещеры размещается обо. Согласно плану Э.А. Ирисова, вход в пещеру обращен на северо-северо-восток, высота свода 3,2 м, ширина полости 4 м, высота – 2, глубина пещеры – 4,7 м (рис. 2). В глубине пещеры кверху идут щели высотой до 6 м. От входа вниз по склону к ровной площадке ведут ступеньки лестницы. Они очень плохой сохранности. На площадке еще в начале 1960-х гг. фиксировались основания срубов трех либо пяти построек. Вход в пещеру перекрывался деревянной стеной, от которой сохранились лишь нижние бревна, лежащие на земле. В пещере имеются две ниши. Стены пещеры и ниш покрыты копотью.

Э.А. Ирисов отмечает, что на полу пещеры, а также в культурном слое на глубине от 0,2 до 0,5 м были обнаружены фрагменты деревянных изделий с резьбой (77 экз.), объемные антропо- и зооморфные скульптуры из дерева и их части (24 экз.), металлический шлем с навершием, мелкие предметы из металла (среди них ложка), обрывки китайского шелка, обломки фарфорового блюда с орнаментом, китайская монета с отверстием, осколки стекла толщиной 2 мм, бамбуковые палочки, фруктовые косточки и скорлупа грецкого ореха, кости животных, в т. ч. и альчики, осколки головных уборов лам, обломки керамических предметов (4 шт.), часть деревянной лопаты.

По предназначению вещи подразделяются на две категории: культово-бытовые и культовые. Первые представлены обломками мебели, посудой. Вторые включают фигурки из разряда приносимых в жертву и иконографические скульптурные изображения.

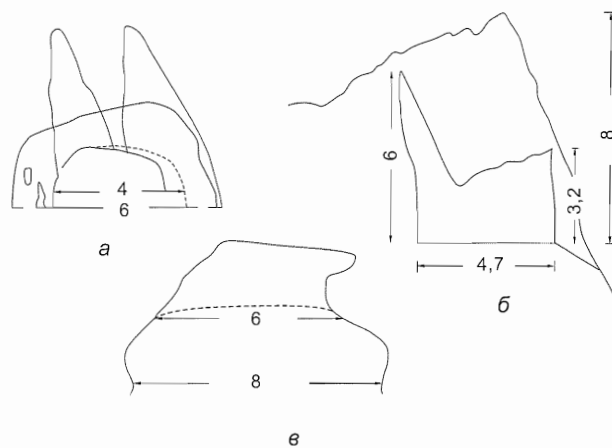

Рис. 2. План пещеры на р. Моген-Бурен.
а – в фас, б – в профиль, в – в плане.

Обломки мебели (около 40 фрагментов из коллекции Бийского музея). В пещере найдены узкие плоские планки со сложной системой пазов, скрепляющиеся между собой с помощью деревянных шпилек вместо гвоздей. Со стороны стыка или на концах они оснащены круглыми либо узкими прямоугольными шпонками, круглыми в сечении, посредством которых эти детали соединялись с основной конструкцией, снабженной отверстиями для них (рис. 3, 2 – 5). Сохранившиеся составные части могли быть боковыми и угловыми планками жертвенных столиков, стенки алтаря. На некоторых планках имеются растительные украшения с завитками. Например, планка (рис. 4, 1) длиной 0,37 м, красного цвета, с продольными карнизами и аналогичная длиной 0,46 м, шириной 0,13 м, красного цвета с зелеными краями (рис. 4, 2). Отдельные фрагменты украшений найдены в слое пещеры. Они рельефные, выполнены посредством объемной и сквозной художественной резьбы. Встречены фрагмент украше-

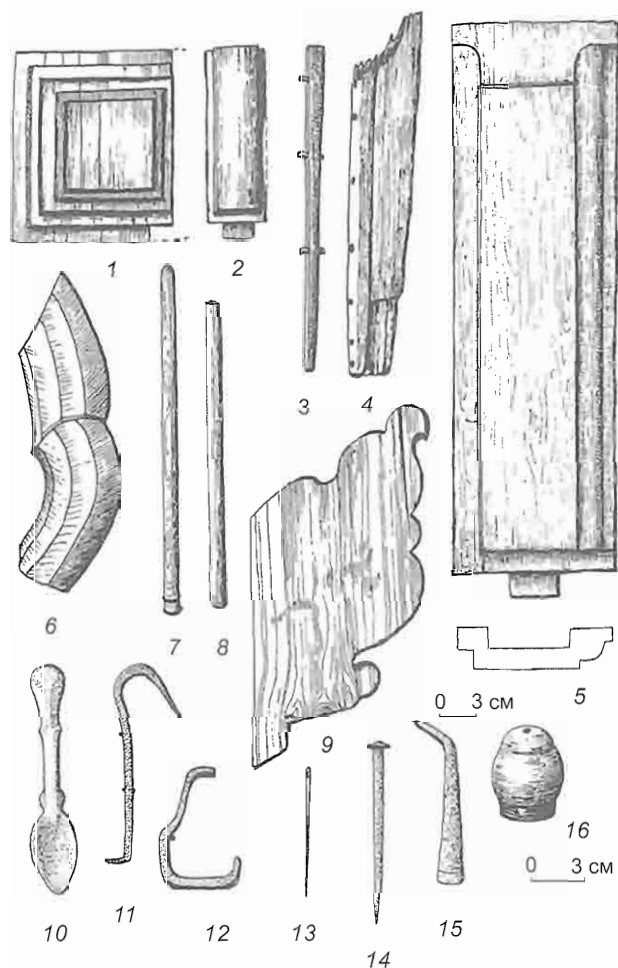

Рис. 3. Фрагменты деревянных конструкций (1 – 9) и металлические предметы (10 – 16).

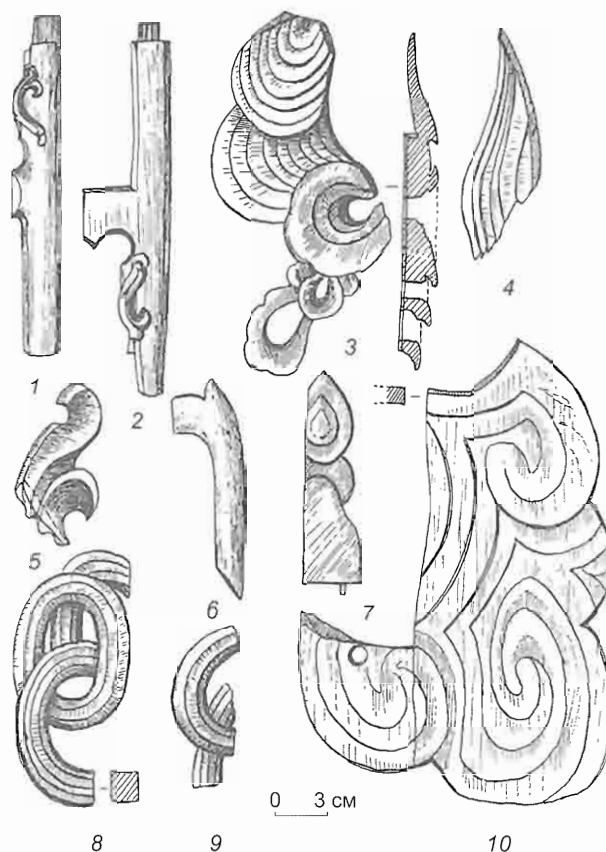

Рис. 4. Фрагменты деревянных конструкций.

ния в виде складного полукольца диаметром 0,3 м с трехгранной лицевой поверхностью и плоской тыльной; фигурное изделие также с трехгранной поверхностью, грани окрашены в белый, зеленый, синий цвета, их краевая обводка белая (см. рис. 3, 6). Несколько круглых в сечении брусков длиной до 0,3 – 0,5 м, возможно, служили в качестве верхних или нижних перекладин в конструкции легкой мебели (см. рис. 3, 7, 8). Плоское украшение в виде псевдоплетения (см. рис. 4, 8, 9), вырезанное из легкого светлого дерева либо корня, могло быть частью декора мебели. Видимо, такое же назначение имели два аналогичных по форме, но разных размеров (длина 0,23 и 0,29 м) изделия, оформленные ступенчатой резьбой. Поверхность меньшего из них окрашена в розовый цвет. Еще одно резное украшение, длиной 0,19 м, шириной 0,08 м, представляет собой как бы наложенные друг на друга створки раковин, лепестки замысловатых китайских роз (см. рис. 4, 3, 4). Определить предназначение фрагментов сложно. Тем не менее они находят аналогии в буддийской иконографии, напоминают элементы изображений “чинтамани” (драгоценностей).

Культовые предметы и иконографические изображения. Коллекцию находок этой категории венча-

Рис. 5. Деревянная скульптура.

ют деревянные фигурки гневных божеств (рис. 5, 6). Они являются ключевыми в системе бытовавшего здесь культа. Это скульптурные изображения женщины и мужчины, размером до 0,70 м. Предметы, которые они держали в руках, отсутствуют. Лица одинаковые: большие глаза навыкат, поднятые брови, маленький нос, раскрытый рот с подчеркнуто выделенными зубами, напоминающий пасть, на лбу знак – изображение третьего глаза. У мужской фигурки на голове показана накидка, на теле – подпоясанная кольчуга с диском в центре груди, защитными пластинами на предплечьях, груди и животе. Выведены также кольца кольчуги. На фотографии видна только верхняя часть. Женщина изображена верхом на коне, с согнутыми и полускрещенными ногами в позе “завилж суух” (монг.) [Жуковская, 1978, с. 116], левая рука согнута в локте и прижата к груди, правая – поднята (обломана). Фигурка покрыта насечками, имитирующими пористую поверхность кожи, показаны плоские груди, на шее – медальон.

К иконографическому комплексу относятся антропоморфные скульптурные изображения: две мужские головы, окрашенные красной краской, черепа, покрытые черным лаком, фрагмент стопы человека (рис. 7, 1 – 5). Мужские лица выполнены реалистично: европеоидные черты, большие глаза, короткие прически с большим чубом, на одном лице длинные изогнутые усы (см. рис. 7, 1). Черепа сделаны в умень-

Рис. 6. Скульптурное изображение всадницы. Дерево.

шенных пропорциях, они рельефные, правильные и реалистичные. В основании шеи фиксируется деревянный стержень для закрепления черепов в корону божества.

Зооморфные изображения – это прежде всего скульптурки коней, голова и крылатая фигурка дракона, скульптурные и плоскостные изображения животных из семейства кошачьих (лев или тигр), например крылатого льва, фигурка маленького копытного с большими ушами и пушистым хвостом (рис. 8, 7). К сожалению, основная часть скульптурок, в особенности самых выразительных, была утеряна, поэтому идентифицировать фигурку дракона (термин из описания находок В.Е. Девяткина) не представляется возможным. Образы животных согласуются с буддийской символикой.

Интерес представляет рельефное плоскостное изображение мифического существа. На дощечке длиной 0,79 м, шириной 0,09 – 0,12 см выделена голова длиной 0,09 см и тело с симметричными выступами по бокам, разделяющими его на три части по 0,23 м длиной. Прорисованы очертания морды с круглыми коричневыми глазами, широким носом, улыбающимся ртом, опущенными ушами. Морда окрашена в желтый цвет, точками обозначены усы. Брови и уши обведены зеленым. Тело окрашено продольными полосами: в верхней и нижней частях по центру – зеленая, по краям – синие, их разделяют белые поло-

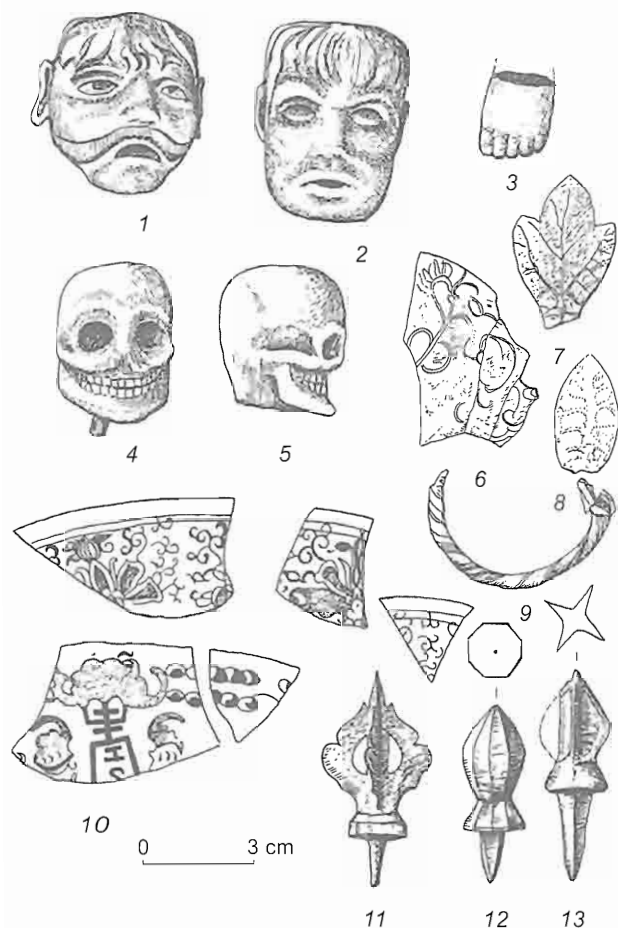

Рис. 7. Предметы из пещеры.

сы, в средней части, наоборот, в центре – синяя, по краям – зеленые. Изображение обнаруживает сходство с “белым львом” в буддийской иконографии. Выступы на теле и расширенный низ напоминают стилизованное изображение рыбы, которое в буддийской иконографии является благожелательным символом (рис. 8, 1).

В пещере найдены составные части фигурок коней: уши, ноги разной величины. Все они белые, лишь одна деталь (нога) красная. К этой группе относится аккуратная скульптурная голова лошади, состоящая из нижней и верхней половины и присоединяющихся к ней ушей зеленого цвета. Длина головы 0,12 м, ширина – 0,04, длина уха – 0,08 м. Найдено ухо от крупной фигурки лошади. Оно окрашено в белый цвет, имеет длину 0,13 м, ширину 0,045 м (рис. 8, 2 – 5).

Среди находок уменьшенные имитации дордже (оберэг), напоминающие наконечники стрел, изготовленные из дерева: три четырехлопастных, с коническим упором, черешковых, овально-ромбической формы, один восьмигранный и один четырехлопастный, фигурный, со сквозными отверстиями. В пещере най-

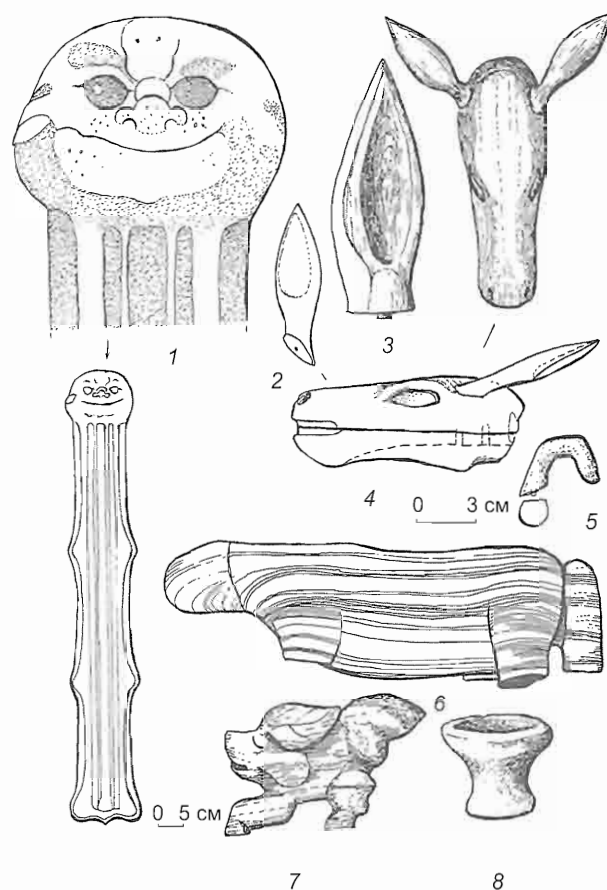

Рис. 8. Предметы из пещеры.

1 – 7 – дерево, 8 – керамика.

дены маленькая керамическая курильница на ножке (см. рис. 8, 8) и обломки фарфорового блюда (см. рис. 7, 10), железные крюки (см. рис. 3, 11, 12), ложка для брызганья молока (см. рис. 3, 10), обрывки китайского шелка с тонкими завитками растительного орнамента (см. рис. 7, 6). Большой интерес представляет блюдо. На нем имеется богатый орнамент в виде тонких завитков, стилизованных пионов. На одном из фрагментов иероглиф – квадратная марка. Эта марка фарфоровой посуды в сочетании с изображениями пионов упоминается М.Н. Кречетовой и Э.Х. Вестфаленом как знак династии Цин периода императора Цянь Луна (1736 – 1795 гг.) [Вестфален, Кречетова, 1947, с. 53, табл. XXIX, 5]. Техника рисунка и построения орнамента на блюде также характерна для фарфора Цин. Однако форма марки на блюде несколько не соответствует стандарту, что может быть следствием его модификации. Не исключено использование традиционной техники рисунка в более позднее время правления Цинской династии, которая просуществовала до 1912 г. Такая посуда в качестве культовой могла храниться сравнительно долго.

Назначение пещеры и интерпретация культовой практики

Характеризуя виды монастырей и различных молельных помещений Монголии, А.М. Позднеев выделяет кумирни, представляющие собой как самостоятельные молельни, так и небольшие здания в составе монастыря, а также подобные кумирням дуганы (храмы), где жили ламы. Он отмечает, что у каждого из них свое предназначение и свой гений – хранитель, которому посвящалась основная тема культа [Позднеев, 1993, с. 18 – 19]. По словам Кончок-ламы, пещерные святилища, служащие для отправления культа грозных защитников веры, называются “гонкханами” (тиб.). Бесспорно, пещера на р. Моген-Бурен является помещением для культовых ламаистских служений. Будем называть ее святилищем. У основания горы под пещерой находились нижние венцы строений, где, вероятно, жили ламы. Анализ предметов из пещеры позволяет связать их и само святилище с практикой культа докшитов [Там же, с. 322 – 323]. Интерпретация скульптур затруднена тем, что мы в данный момент располагаем только фотографиями. Культ защитников веры получил широкое распространение в религиозно-философских школах гелугпа, практиковавших в Тибете и Саяно-Алтае. А.М. Позднеев отмечает, что большой популярностью пользовался культ защитника веры, посвященный Джамсарану (тиб.). Он подробно описал ритуал [Позднеев, 1993], направленный на подавление грехов и зла, изгнание враждебных духов и демонов. Современные представители школы гелугпа подтверждают принадлежность скульптур из пещеры культу докшитов.

Кончок-лама, сравнив иконографические изображения из святилища с известными ему образцами иконографии Монголии, отнес их к культу Джамсарана и Лхамо (тиб.) – божеств из разряда сильных защитников, пребывающих за пределами сансары. Вследствие агрессивной направленности они изображались вооруженными. Лхамо связана с культом строгой грозной матери. Это важный образ в культовой системе школы гелугпа. Ее прообраз – тибетская Сипе Гьелмо – царица мира. Скульптуры Лхамо обычно окрашивались синей или голубой краской, а мул – желтой. В ее левой руке должна была находиться капала – человеческий череп, в правой, возможно, скипетр со сферическим наконечником. Джамсаран имеет второе имя Бегдзе (тиб.) – “одетый в кольчугу”. Он изображался с символом третьего глаза на лбу и одетым в панцирь. В его левой руке находилось сердце врага веры, в правой – меч, у локтя – копье с треугольным флагом. Последний мог быть изготовлен из лоскута материи. На голову божества надевалась корона из черепов, а на шею – ожерелье из мертвых голов.

Скорее всего, как полагает Кончок-лама, головы и черепа, изображенные на фотографиях, из таких короны и ожерелья. Джамсаран обычно изображался стоящим и попирающим правой ногой лошадь, левой – труп человека. Скульптуры Джамсарана окрашивались в красный цвет (красный защитник Махакала). Возможно, найденные детали (голова, ноги) являются частями скульптуры маленькой лошади, которую попирает Джамсаран. Фрагмент деревянной ступни мог принадлежать скульптурному изображению трупа человека, попираемого божеством, либо попоны из человеческой кожи, покрывающей мула Лхамо. Корона ламы, надеваемая при отпадении культа, украшалась пятью лепестками, но не зеленого цвета, поэтому найденные лепестки были частями орнамента, украшавшего алтарь.

Порядок служения исходит из традиционных буддийских канонов соблюдения “докшитских хуралов” [Там же, с. 328 – 339]. Установить принятое на территории, с которой было связано святилище, название почитаемого божества возможно только на месте.

Найденные в пещере фигурки животных символизируют жертвы защитникам. Возможно также, что некоторые из них входили в символику алтаря (например, дракон, лев). Четыре животных – лев, дракон, тигр, гаруда (либо як) – спутники Бодхисаттвы, и они же – его эманации в культовой практике школы гелугпа. Они соответствуют четырем сторонам света. В традициях и иконографии гелугпа конь занимает важное место. Конь – ездовое животное Бодхисаттвы, идамов и защитников веры, фигурирует также в свите божества и в качестве эманации учителя. Он изображался в белом или зеленом цвете. Его значение велико. Конь – это энергия, жизненная сила, олицетворение солнечной природы [Гомбоева, 1996].

Наконечники стрел, шлем являлись обязательными жертвенными предметами, посвящаемыми гневным защитникам. Предполагается также, что принимаемые за имитации наконечников предметы – это уменьшенные нижние окончания рукоятей культовых атрибутов: бадана (копье, символ власти буддийских божеств), скипетра.

Культ грозных защитников веры играет важную роль в северном буддизме. Существуют специальные практики, предполагающие затворничество и медитацию. Во время затворничества в горах йогинами выполнялась мощная и сложная практика, связанная со сферами биоэнергетики [Тинлей, 1996, с. 68]. Можно предположить, что святилище первоначально было местом такой практики затворников, принявших обет в одном из буддийских монастырей.

Вопрос о времени возникновения и существования святилища решается неоднозначно. Фрагменты мебели из пещеры находят аналогии в частях конструкции китайской мебели [Белозерова, 1980]. А.М. Позднеев

отмечает искусную и тонкую резьбу налпных деревянных украшений в атрибутах китайских храмов в Монголии, среди которых упоминают изысканные цветы, сложные фигуры, сочетающие правильные и ломаные линии, изображения крылатых драконов, львов [Позднеев, 1993, с. 32 – 36]. Цветовые решения также совпадают с окраской деталей из святилища. На влияние китайской культуры указывают и фрагменты блюда, обнаруживающего сходство с фарфором времени маньчжурской династии Цин. Кончок-лама, сравнивая фрагменты мебели из святилища с конструкцией алтарей Монголии, отметил, что в пещере находился сборный алтарь простой ярусной конструкции, оформленный снаружи планками и украшенный деревянными резными “облаками”, “раскручивающимися лентами”, изображениями животных, важных в мифологии культа. Обычно в качестве украшений использовались плоские рисованные изображения, повторявшие таковые из ткани. Они подвешивались к стойкам алтаря. Среди находок из пещеры это составное кольцо и “белый лев”, или “морда” (лицо славы), выступавшая в качестве защитной личины. Перед алтарем стоял стол, на котором находились чаши-светильники, чаши-жертвенники, курильницы.

История населения Алтая была во все времена связана с историей Китая и Монголии. Цинская империя завоевала Джунгарское ханство во второй половине XVIII в., после чего распространила свое влияние до северных территорий, пограничных с русскими. На Алтае граница проходила по Чуйской степи [Златкин, 1964, с. 467]. Предметы из пещеры указывают на влияние культуры Маньчжурии, что позволяет определить время функционирования святилища в пределах XIX – начала XX в.

Заключение

Проанализировав вещественный комплекс из пещеры на р. Моген-Бурен, мы пришли к выводу, что это было буддийское святилище (гонкхан), функционировавшее предположительно в XIX в. Предметы позволяют связывать его с буддийской эзотерической традицией школы гелугпа. Иконография и культовая атрибутика святилища характерны для ламаистской культуры Монголии, Тибета [Герасимова, 1989]. Они свидетельствуют о том, что в данном районе практиковались традиционные формы культа сильных гневных защитников веры, в частности Лхамо и Джамсарана, возникшие в Тибете и распространенные в Монголии. Не исключено, что святилище ис-

пользовалось вплоть до первой половины XX в. Место его расположения и ближайшая территория, скорее всего, являлись священными. В.Е. Девяткин и Э.А. Ирисов зафиксировали современное почитание обо. Исчезнувшие из пещеры скульптуры всадников, которые видел В.Е. Девяткин в 1957 г., возможно, были спрятаны местными жителями, контролировавшими святыню.

Список литературы

- Белозёрова В.Г.** Традиционная китайская мебель. – М.: Наука, 1980. – 144 с.
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.** Коллекция находок XVIII в. с территории Рудного Алтая // Изв. лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-алт. ун-та, 1997. – Вып. 2. – С. 129 – 134.
- Бородаев В.Б., Контьев А.В.** Монастырь Аблай-хит как памятник социально-политической истории Ойротов XVII в. // Россия, Сибирь и Центральная Азия (взаимодействие народов и культур): Материалы II Региональной конференции 26 октября 1999 г. – Барнаул: Изд-во Барнаул. пед. ун-та, 1999. – С. 12 – 22.
- Вестфален Э.Х., Кречетова М.Н.** Китайский фарфор. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1947. – 54 с., XXIX табл.
- Герасимова К.М.** Традиционные верования тибетцев в культовой системе ламаизма. – Новосибирск: Наука, 1989. – 320 с.
- Гомбоева А.Ш.** Образ коня в буддийской культуре // 100 лет гуннской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен: Тез. докл. – Улан-Удэ: Олзон (при БНЦ СО РАН), 1996. – Ч. 2. – С. 106 – 108.
- Данилин А.Г.** Бурханизм. – Горно-Алтайск: АК Чечек, 1993. – 208 с.
- Жуковская Н.А.** Ламаизм и ранние формы религии. – М.: Наука, 1978. – 199 с.
- Златкин И.Я.** История Джунгарского ханства (1635 – 1758). – М.: Наука, 1964. – 482 с.
- Кубарев В.Д., Октябрьская И.В.** Ритуальный клад из Кош-Агачского района Алтая // Гум. науки в Сибири. – 1996. – № 3. – С. 84 – 92.
- Позднеев А.М.** Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. – Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1993. – 551 с.
- Радлов В.В.** Сибирские древности. – СПб.: [Тип. имп. Акад. наук], 1888. – Т. 1. – 146 с. – (Материалы по археологии России; № 3).
- Тинлей Геше Джампа.** Тантра – путь к пробуждению. – СПб.: Ясный свет, 1996. – 128 с.

Материал поступил в редколлегию 16.12.02 г.

УДК 903.5

О.И. Горюнова¹, А.В. Вебер²

¹Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии
Института археологии и этнографии СО РАН – Иркутского государственного университета
ул. К. Маркса, 1, Иркутск, 664003, Россия
E-mail: u002343@ic.isu.ru

²Отдел антропологии, Университет Альберты, Эдмонтон, Канада
Department of Anthropology, University of Alberta, Edmonton
AB T6G 2H4, Canada
E-mail: aweber@ualberta.ca

КОМПЛЕКС С АЖУРНОЙ БЛЯХОЙ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ МОГИЛЬНИКА БРОНЗОВОГО ВЕКА КУРМА XI (ОЗЕРО БАЙКАЛ)

Введение

В комплексах бронзового века Прибайкалья изделия из меди и бронзы довольно редки, т.к. большинство захоронений были разграблены в древности. Немногие предметы из металла представлены в основном ножами, иглами, трубочками-игольниками, рыболовными крючками и украшениями в виде колец, а художественное литье – двумя втульчатыми изделиями: навершием в виде змея из погр. 5 Шиверского могильника и двушковым кельтом из погр. 37 могильника Шумилиха [Окладников, 1975, с. 126; Горюнова, 2002, с. 54]. Поэтому каждая новая находка из металла в составе “чистых” комплексов (а тем более художественное литье) представляет большой научный интерес.

Предлагаемая статья посвящена комплексу погр. 1 могильника Курма XI, содержащему уникальную ажурную бляху из бронзы.

Погребение 1 могильника Курма XI

Древний некрополь находится на северо-западном побережье Малого моря оз. Байкал, в 0,5 км к северо-востоку от пос. Курма (Ольхонский р-н Иркутской обл.). Планомерные раскопки могильника начаты Курминским отрядом Российско-Канадской археологической экспедиции в 2002 г. [Горюнова, Вебер, 2002]. Могильник расположен вдоль юго-восточного подножия горы на высоте от 6 до 16 м над уров-

нем Байкала и на террасовидных уступах ее восточного склона. Протяженность некрополя (по линии ЮЗ – СВ) 200 м. На могильнике зафиксировано более 35 искусственных кладок, 15 из которых вскрыты в 2002 г. Многие из раскопанных захоронений по составу сопроводительного инвентаря (ажурная бляха с антропоморфным изображением, орнаментированная бедренная кость ребенка, антропоморфные личины на стерженьках составных рыболовных крючков, мобильные петроглифы в конструкции погребального сооружения, остатки заячьих лапок) можно отнести к шаманским.

Надмогильное сооружение погр. 1 располагалось “во главе” цепочки захоронений, на высоте 16 м над уровнем Байкала. Кладка – округлая, кольцевая, 5,30 м в диаметре; состояла из каменных плит, плотно уложенных в два-три слоя (рис. 1). Они лежали плашмя и под углом 50 – 85°. В центре – свободное от плит пространство, отличающееся более темным цветом почвы. Форма этой площадки овальная (размеры 2,10 × 1,50 м), ориентация по длинной оси З – В.

Захоронение грунтовое; имело пять уровней внутримогильных перекрытий, состоящих из каменных плит, уложенных плотно друг к другу (рис. 2). Перекрытия сохранились только в северо-восточной половине погребения, юго-западная разрушена древними грабителями (все плиты выброшены из могилы). Здесь на разных уровнях зафиксирован археологический материал, который в ряде случаев апплицируется с обломками изделий из сопроводительного инвен-

Рис. 1. Надмогильное сооружение погр. 1. Курма XI.

Рис. 2. Остатки внутримогильного перекрытия погр. 1. Курма XI.

таря. Можно предположить, что эти артефакты были выброшены из могилы в момент ограбления. В числе находок наконечник стрелы (из халцедона) подтреугольной формы со слегка вогнутой базой и симметричными шипами (рис. 3, 1), нижняя челюсть бобра, неопределимая кость, обломок ложки из рога, двусторонний гарпун с асимметричным расположением зубцов и боковым выступом в основании (рис. 3, 10), ложило из расщепленной трубчатой кости животного (рис. 3, 11), диск (обнаружен за пределами могилы) из белого нефрита (рис. 3, 7). На уровне четвертого внутримогильного перекрытия отмечены отдельные угольки.

На дне могильной ямы зафиксирован костяк в анатомическом порядке (исключение составляли фаланги рук и ног). В погребении частично нарушено первоначальное положение изделий из кости в головах покойного. Мужчина 25 – 35 лет был погребен в вытянутом положении на спине, головой на ЮЗ, с вытянутыми и подведенными под бедра руками. Череп повернут к левому плечу, лицевой частью на север (рис. 4).

На одежде и головном уборе покойного, видимо, были нашиты подвески из зубов марала (рис. 3, 4 – 6, 9, 12). Скопление последних (33 подвески) отмечено вокруг черепа, непосредственно на нем и под ним. В правой глазнице найдены кольцо из светлого нефрита (рис. 3, 3) и еще одна подвеска из зуба марала. Подвески также отмечены в районе груди (3 экз.) и запястья левой руки (6 экз.) погребенного.

Уникальной находкой является ажурная бляха из бронзы, находившаяся в берестяном чехле (сохранился частично) на грудной клетке погребенного. То, что этот предмет был в закрытом чехле, свидетельству-

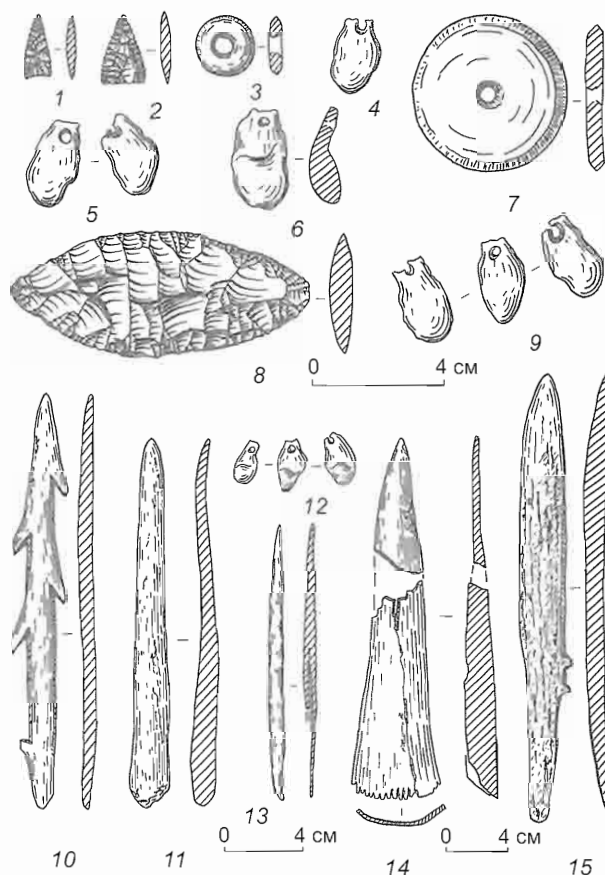

Рис. 3. Изделия из погр. 1. Курма XI.

ет, на наш взгляд, о его использовании не в качестве украшения, носимого на показ, а как культового, ритуального.

Рис. 4. Погребение 1. Курма XI.

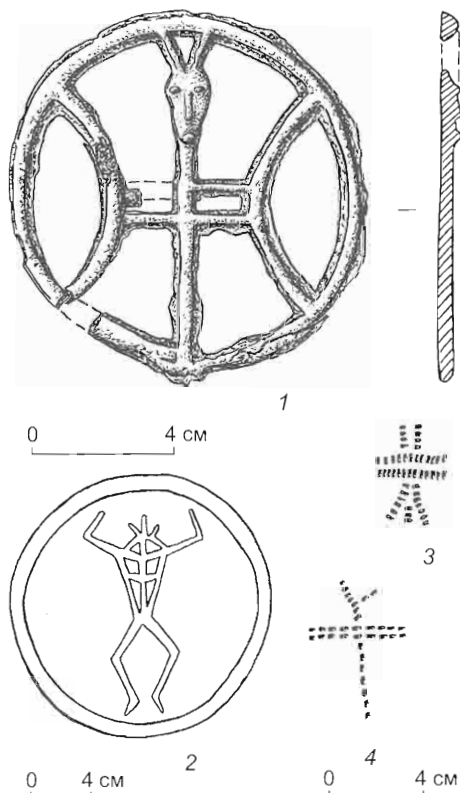

Рис. 6. Антропоморфные изображения.

1 – ажурная бляха из погр. 1 могильника Курма XI; 2 – наскальный рисунок у с. Мальга на р. Белой (по: [Окладников, 1966, рис. 43, 2]); 3 – изображение на керамике с поселения Улахан Сегеленнях, прорисовка (по: [Алексеев, 1996, табл. 42]); 4 – изображение на керамике с поселения Тушама, прорисовка (по: [Горюнова, Воробьева, 1993, рис. 1, 9]).

Рис. 5. Бронзовая ажурная бляха с антропоморфным изображением. Курма XI, погр. 1.

Рис. 7. Фрагмент ажурной бляхи (антропоморфное лицо). Курма XI, погр. 1.

Бляха представляет собой кольцо (диаметр 10 см), внутри которого вписана антропоморфная фигура в полный рост, выполненная в фас и размещенная в центре изделия (рис. 5; 6, 1). Овальную вытянутую голову венчают два луча-рога в виде развилки (рис. 7). Тщательно моделировано лицо. Глаза, нос и подбородок выделены рельефом. Глаза в виде овальных выпуклостей располагаются в верхней тре-

ти лица (в наиболее широкой его части). Удлиненный прямой нос выступает над плоскостью лица. Приостренный подбородок выделен овальной выпуклостью, возможно, изображающей бороду. Рот не обозначен. Голова, составляющая вместе с рогами третью часть фигуры, венчает прямой стержень – стилизованное изображение туловища и ног. Перпендикулярно к нему (по центру бляхи) по обе стороны расположены парные прямые линии (одна из них частично обломана), возможно, имитирующие руки. Они упираются в дугообразные ответвления, концами соединяющиеся с кольцом бляхи. Расположение “рук” и дугообразных ответвлений по отношению друг к другу симметричное.

Ажурная бляха изготовлена техникой литья в односторонней форме. Изделие неоднократно ломалось и реставрировалось в древности (припаяна часть одного дугообразного ответвления и нижний фрагмент кольца бляхи), что свидетельствует, на наш взгляд, о большой его ценности.

Сопроводительный инвентарь в захоронении размещался в головах и с левой стороны покойного.

Возле черепа найдены обломок ложки с зубчатым концом, сделанной из рога (см. рис. 3, 14) (часть ее фрагментов обнаружена на уровне третьего внутримогильного перекрытия), и роговой остроконечник с двумя боковыми выступами для крепления (см. рис. 3, 15), на котором лежала подвеска из зуба марала.

Слева от костяка находились два костяных игловидных наконечника стрел с расщепленным насадом (см. рис. 3, 13), которые лежали вдоль стенки могилы (один – на уровне коленного сустава, второй – локтевой кости), и кремневый наконечник стрелы подтреугольной формы с прямой базой (см. рис. 3, 2), располагавшийся у плечевой кости.

С правой стороны в области пояса найден лавролистный нож-бифас из кремня (см. рис. 3, 8).

Обсуждение результатов

Размещение могилы на возвышенном участке некрополя “во главе” цепочки захоронений, наличие в составе сопроводительного инвентаря ажурной бляхи с антропоморфным изображением, имеющей, на наш взгляд, особое ритуальное назначение (символ власти?), свидетельствуют о высоком социальном положении погребенного. Это, как нам кажется, косвенно подтверждается и фактом не состоявшегося ограбления могилы. Учитывая характер проникновения в нее (в области туловища погребенного, где обычно размещался основной сопроводительный инвентарь), можно предположить, что захоронение было нарушено современниками покойного, хорошо знавшими особенности погребального обряда, но не представлявшими, кто конкретно был там захоронен. Причи-

ной отказа грабителей от дальнейшего разрушения могилы (они дошли непосредственно до погребенного), вероятно, послужила сама персона покойника, при жизни занимавшего социально значимое положение в обществе. Возможно, он являлся шаманом, могила которого была затабуирована от ограбления.

Погребальный обряд (конструкция и форма намогильного сооружения, организация самой могилы, труположение и ориентация погребенного) находит широкие аналогии в комплексах глазковской культуры бронзового века Приольхонья и прежде всего могильников Хужир-Нугэ XIV, Сарминский Мыс, Улярба (основная группа захоронений), Улан-Хада II и др. [Горюнова, Вебер, Новиков, 1998; Горюнова, 2002; Комарова, Шер, 1992].

Набор и типология изделий из камня и кости (диск и кольцо из светлого нефрита, наконечник стрелы подтреугольной формы с прямой базой, нож-бифас лавролистной формы, двусторонний гарпун с одним боковым выступом в основании для крепления лия) являются характерными для глазковской культуры Прибайкалья в целом [Окладников, 1955; Горюнова, 1992]. Реже встречаются костяные игловидные наконечники стрел с расщепленным насадом. Аналогичные изделия найдены в глазковских погребениях Прибайкалья: Курма XI, погр. 4 (около 80 экз.), Хальский Улус, погр. 2 (45 экз.), Ключ Цакюр (50 экз.), Евсеево, погр. 1 [Горюнова, Вебер, 2002; Окладников, 1955, с. 64, 65, рис. 19]. В связи с отсутствием публикаций материалов трех последних могильников, отнести эти комплексы к определенным периодам глазковской культуры бронзового века в настоящее время не представляется возможным.

Роговой остроконечник с двумя боковыми выступами (копье по А.П. Окладникову) подобен изделиям из материалов могильников Новый Качуг – Звездочка (погр. 6), Шаманский Мыс (погр. 2, 1972 г.), Улан-Хада II (погр. 3), Тальский (погр. 9) [Окладников, 1955, с. 73, рис. 21, 2; Конопацкий, 1982; Комарова, Шер, 1992; Базалийский, Туркин, Тютрин, 2001]. Разница заключается в количестве боковых выступов (от одного до трех). Комплексы этих погребений датируются развитым – поздним бронзовым веком.

Выполненная из бронзы бляха с антропоморфным изображением – изделие уникальное, ее аналоги в настоящее время неизвестны.

Образ человека занимает главенствующее место в изобразительном искусстве бронзового века. В Прибайкалье он представлен многочисленными скульптурами малых форм из кости и рога, найденными в глазковских погребениях [Окладников, 1955; Студзицкая, 1970]. При их сравнении с антропоморфной фигурой из погр. 1 могильника Курма XI отмечаются общие черты в трактовке образа человека: фронтальное изображение в полный рост, тщательная мо-

делировка лица при схематично выполненном туловище, овальная (яйцевидная) форма головы, составляющей треть скульптуры.

“Рогатые” антропоморфные фигуры, изображающие людей или духов в человеческом облике, широко распространены на петроглифах Восточной Сибири, и прежде всего Прибайкалья, датируемых бронзовым веком [Окладников, 1966, 1974]. Наиболее монументальные рисунки представлены на скалах в бухте Саган-Заба на Байкале, их характерной чертой является фронтальное изображение “рогатых” танцующих человечков с круглыми головами и рогами в виде развилки; в ряде случаев рожки-развилки полностью заменяли собой голову. По особенностям трактовки образа А.П. Окладников сравнивал эти рисунки с писаницами нижней Ангары и Лены (Братская Када на р. Оке выше г. Братска, Шишкинские писаницы и др.). Такие “рогатые” танцующие фигуры интерпретируются как изображения шаманов, исполняющих ритуальные танцы.

Антропоморфная фигура курминской бронзовой бляхи по сюжету и стилистике выполнения рогов (развилкой) находит аналогии в прибайкальских наскальных рисунках, и, видимо, ее следует так же интерпретировать. В этом плане интересно сравнить курминскую бляху с петроглифом вблизи с. Мальты на р. Белой (в настоящее время уничтожено), где изображение человека вписано в двойной круг (см. рис. 6, 2) [Окладников, 1966, с. 137, рис. 43, 2], который, по мнению А.П. Окладникова, мог означать небо – вселенную, а вместе с тем и шаманский бубен. Курминская антропоморфная фигура также заключена в круг, что подтверждает ее культовое шаманское значение. Возможно, она отражает представления о связи между миром духов и земным, человеческим, миром, осуществляемой через посредство шамана.

Антропоморфные изображения встречаются и на керамических сосудах с поселений развитого бронзового века Прибайкалья (I слой Плотбища, Долгая, Тушамы, комплекс у д. Шишкино и др.) [Горюнова, Воробьева, 1993]. Все они выполнены фронтально, в полный рост. У фигур из Плотбища и Тушамы вместо головы развилки-рожки, что сближает их с трактовкой образа человека на ажурной бляхе. Наибольшее сходство с курминским обнаруживает антропоморфное изображение на керамике с поселения Тушамы [Там же, с. 102, рис. 1, 9]: туловище выполнено (как и на бляхе) одной линией, перпендикулярно к нему расположены руки в виде двойных линий, голова изображена развилкой (см. рис. 6, 4). Подобная трактовка рук и головы отмечена и на керамических сосудах бронзового века Якутии – VII слой поселения Улахан Сегеленнях (см. рис. 6, 3) [Алексеев, 1996, с. 140, табл. 42].

“Рогатые” человечки – довольно распространенный сюжет на керамике самусьской культуры развитого бронзового века Западной Сибири [Матюшенко, 1973]. Однако их отличает от прибайкальских антропоморфных фигур иконография образа (“скелетная” трактовка туловища, согнутые руки и ноги, вместо головы – две или три вертикальные черточки). Изображение “рогатых” антропоморфных фигур, на наш взгляд, явление эпохальное и свидетельствует о существовании в эпоху развитой бронзы единой изобразительной традиции.

Заключение

В предлагаемой работе мы целенаправленно сосредоточились на публикации материалов погр. I могильника Курма XI, в которых представлена уникальная ажурная бляха с антропоморфным изображением. Художественное литье – редкое явление для бронзового века Прибайкалья, поэтому эта находка представляет большой научный интерес. Стилистика и особенности моделировки изображения на курминской бляхе позволяют сравнивать его с рисунками на прибайкальских скалах и керамических сосудах, связывая такие изображения с образами людей (шаманов) или духов в человеческом облике. По нашему мнению, “рогатые” антропоморфные фигуры на курминской бронзовой бляхе, керамических сосудах развитого бронзового века и наскальных рисунках Прибайкалья следует рассматривать как разные проявления единой изобразительной традиции, характерной для развитого бронзового века.

Форма и конструкция намогильного и внутримогильных сооружений, трупоположение и ориентация погребенного, состав и типология сопроводительного инвентаря также позволяют сопоставить погр. I могильника Курма XI с позднеглазковской культурой развитого бронзового века Приольхонья и в целом Прибайкалья. Ряд особенностей погребального обряда и сопроводительного инвентаря, носящих эпохальный характер, находит аналогии в кротовской и самусьской культурах развитого бронзового века Западной Сибири [Молодин, 1985; Матюшенко, 1973].

Список литературы

- Алексеев А.Н. Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 144 с.
- Базалийский В.И., Туркин Г.В., Тютрин А.А. Могильник Тальский на Южном Байкале // Каменный век Южного Приангарья. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2001. – Т. 1: Иркутский геонархеологический район. – С. 39 – 55, 73 – 82.
- Горюнова О.И. Бронзовый век на территории Предбайкалья // Северная Евразия от древности до средневековья. – СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 1992. – С. 50 – 53.

Горюнова О.И. Древние могильники Прибайкалья (неолит – бронзовый век). – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2002. – 83 с.

Горюнова О.И., Вебер А.В. Раскопки Российско-Канадской экспедиции на могильнике Курма XI (оз. Байкал) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 8. – С. 291 – 294.

Горюнова О.И., Вебер А., Новиков А.Г. Новые данные по бронзовому веку Прибайкалья: Могильник Хужир-Нугэ XIV // Сибирь в панораме тысячелетий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 138 – 146.

Горюнова О.И., Воробьева Г.А. Археология и палеогеография развитого бронзового века Предбайкалья // Культура народов евразийских степей в древности. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. – С. 94 – 116.

Комарова М.Н., Шер Я.А. Могильники бухты Улан-Хада // Древности Байкала. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1992. – С. 32 – 41.

Конопацкий А.К. Древние культуры Байкала. – Новосибирск: Наука, 1982. – 176 с.

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). – Томск:

Изд-во Том. ун-та, 1973. – Ч. 2: Самусьская культура. – 208 с. – (Из истории Сибири; Вып. 10).

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Ч. 3: Глазковское время. – 347 с. – (МИА; № 43).

Окладников А.П. Петроглифы Ангары. – Новосибирск: Наука, 1966. – 322 с.

Окладников А.П. Петроглифы Байкала – памятники древней культуры народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1974. – 167 с.

Окладников А.П. Неолитические памятники средней Ангары (от устья р. Белой до Усть-Уды). – Новосибирск: Наука, 1975. – 318 с.

Студзицкая С.В. Изображение человека в искусстве Прибайкалья в эпоху неолита и ранней бронзы (мелкая пластика) // СА. – 1970. – № 1. – С. 19 – 32.

Материал поступил в редколлегию 26.03.03 г.

Сато Хироюки, Онуки Сидзуо

*Университет Токио, Япония**University of Tokyo, Japan**7-3-1, Hongo, Bunkyo-ku, Tokyo, 113-0033**E-mail: hsato@1.u-tokyo.ac.jp*

ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОСЕЛЕНИЙ И ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗМЕЩЕНИЯ УДЭГЕЙЦЕВ НА РУССКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX века.)

Введение

Когда археологи занимаются реконструкцией структуры первобытного общества, они за археологическими артефактами надеются увидеть некие группы людей и представить, чем была примечательна их деятельность. Однако, используя только археологические материалы, трудно установить связь между структурой архаического общества и жизнедеятельностью его членов, между социальной структурой и культурной адаптацией [Сато Хироюки, 1992, 1999]. Реконструкции жилых построек, а также модели поведения членов общества до сих пор создавались на основе этнологии лишь немногих территорий [Binford, 1977, 1980]. Необходимую информацию этнографы получали в основном в специфических районах Южной Америки и Африки, мало внимания уделялось Дальнему Востоку, в т.ч. Японскому архипелагу [Сато Хироюки, 2000]. В статье представлены результаты этноархеологического изучения поселений удэгейцев Приморского края России.

Одной из задач археологов в этом междисциплинарном исследовательском проекте стало изучение сведений о типах жилищ и характере хозяйственной деятельности малочисленных народов Дальнего Востока (например, о летних и зимних поселениях), на которые часто ссылаются при реконструкции типов жилищ домов и деятельности людей первобытной эпохи. Все это было предметом изучения этнографии середины XIX – начала XX в. В своем исследовании мы намереваемся представить дополнительные сведения о системе поселений и типах жилищ, о сред-

ствах существования и о жизнедеятельности удэгейцев, а также рассмотреть исторический фон аборигенной этнографии. Внимание будет сосредоточено также на вопросе охотничьих территорий и особенностях хозяйственной деятельности коренного населения бассейна р. Бикин (Приморье) в настоящее время.

Удэгейцы в бассейне р. Бикин

В прежние времена удэгейцы обитали на территории, охватывающей северную часть Приморья и юг Хабаровского края (хр. Сихотэ-Алинь). Они жили в горах и в отличие от земледельцев юга Приморья, селившихся на равнинах и вдоль побережья Японского моря, имели иную систему жизнеобеспечения, основанную на охоте и рыболовстве. Но это не значит, что они были изолированы от земледельческих районов [Росиа сюрё бункаси, 1998].

В рамках исследовательского проекта изучение вопросов, связанных с удэгейцами, проводилось в д. Красный Яр. Этот населенный пункт находится в Партизанском р-не Приморского края Российской Федерации. Жилые постройки размещаются вдоль берегов среднего течения р. Бикин, впадающей на западе в Уссури – приток Амура (рис. 1). В 1959 г. здесь, на Сихотэ-Алине, была создана чисто удэгейская деревня, куда собрали обитателей всех окрестных деревушек. Удэгейцы представляют собой один из малочисленных народов, проживающих на территории Российского Дальнего Востока. Вместе с нанайцами и орочами они относятся к тунгусо-маньчжурским народностям. Прежде удэгейцы жили на берегах Хора, Бикина и Имана (трех текущих на запад

притоков Уссури), а также вдоль р. Анюй (приток Амура) и в бассейне р. Самарги – на противоположной стороне Сихотэ-Алиня. Однако сейчас в указанных районах осталось мало мест их компактного проживания [Моримото Кадзуо, 1998]. В силу этого Красный Яр оказался почти единственной деревней, где сохраняются до сих пор образ жизни и обычаи удэгейцев.

Старые удэгейские поселения размещались на территории от д. Охотничьей (прежнее название – Урунга) до д. Верхний Перевал* (ниже по течению Бикина от д. Красный Яр), где удэгейцы жили по соседству с нанайцами. Отсюда вдоль долины Уссури простирается равнина. Как удэгейцы, так и нанайцы прочно обосновались в этих местах. С конца XIX и до начала XX в., по мнению С.К. Патканова [1906] и В.К. Арсеньева [1972], многие китайские крестьяне переселились сюда и растворились среди удэгейцев на территории от д. Верхний Перевал до д. Красный Яр и далее до д. Сивантай-Мяо. Можно полагать, что деревни в этом регионе, где занимались земледелием и торговали сельскохозяйственной продукцией, несколько отличались от тех, что располагались в верхнем течении Бикина. Поэтому далее мы сосредоточим внимание на чисто горном районе – от д. Сивантай-Мяо до д. Урунга и рассмотрим систему размещения там старых деревень (рис. 2, от Б до В). Удэгейцам удалось сохранить свою традиционную хозяйственную деятельность – охоту, в т.ч. на соболя с использованием ловушек, хотя современная “модернизация” жизни и внесла существенные изменения в их культуру и обычаи. Соответственно, можно предполагать, что они также сохранили за собой традиционные территории охотничьих промыслов.

Охотничьи территории

Бассейн Бикина вверх по течению от д. Красный Яр в настоящее время разделен на 22 охотничьи территории, каждая из которых закреплена за одним охотни-

* Эти сведения получены при разговорах со старожилками, а также из документальных источников: переписи населения, проведенной С.К. Паткановым, записей участников экспедиции В.К. Арсеньева.

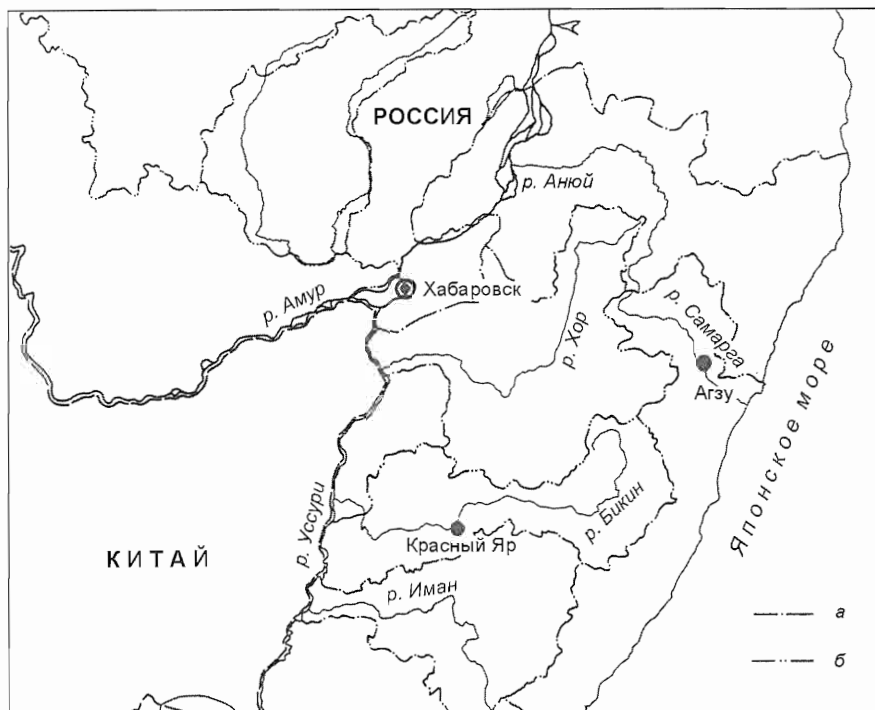

Рис. 1. Расположение д. Красный Яр.

а – граница районов проживания удэгейцев, б – граница Приморского края.

ком. Говорят, что подобное разделение совпадает с традиционным. Поскольку охота на соболя с помощью ловушек требует хороших знаний его привычек, то, вероятно, и в наши дни выгоднее сохранять и использовать более эффективную местную систему охоты.

Площадь всех охотничьих территорий – 1 231 649 га (табл. 1). Каждый участок составляет в среднем 55,984 га, наименьший из них – 22,460 га, а самый большой – 180,343 га. Изменения в составе растительности прослеживаются между участками 12/13 и 14/15. В то время как на территориях, расположенных вниз по течению Бикина, господствуют смешанные леса, в которых растут дуб, корейская сосна (*Pinus koraiensis*) и широколиственные деревья с опадающей листвой, в бассейне его верхнего течения в смешанных лесах с елью (*Picea jezoensis*) и широколиственными деревьями доминируют хвойные (шишконосные). Соболю же предпочитает в основном леса с широколиственными деревьями – и потому охотничьи уголья, расположенные далеко в горах, обширнее, чем в низовьях Бикина* (рис. 2).

* Площадь каждой из 11 охотничьих территорий в низовье Бикина в среднем составляет 38,515 га, а в верховьях – 73,453 га [Моримото Кадзуо, 2000]. Даже если исключить неимоверно большой (180,343 га) участок 18 (горы Сихотэ-Алиня), средняя площадь каждой из остальных 10 промысловых территорий составит 62,764 га.

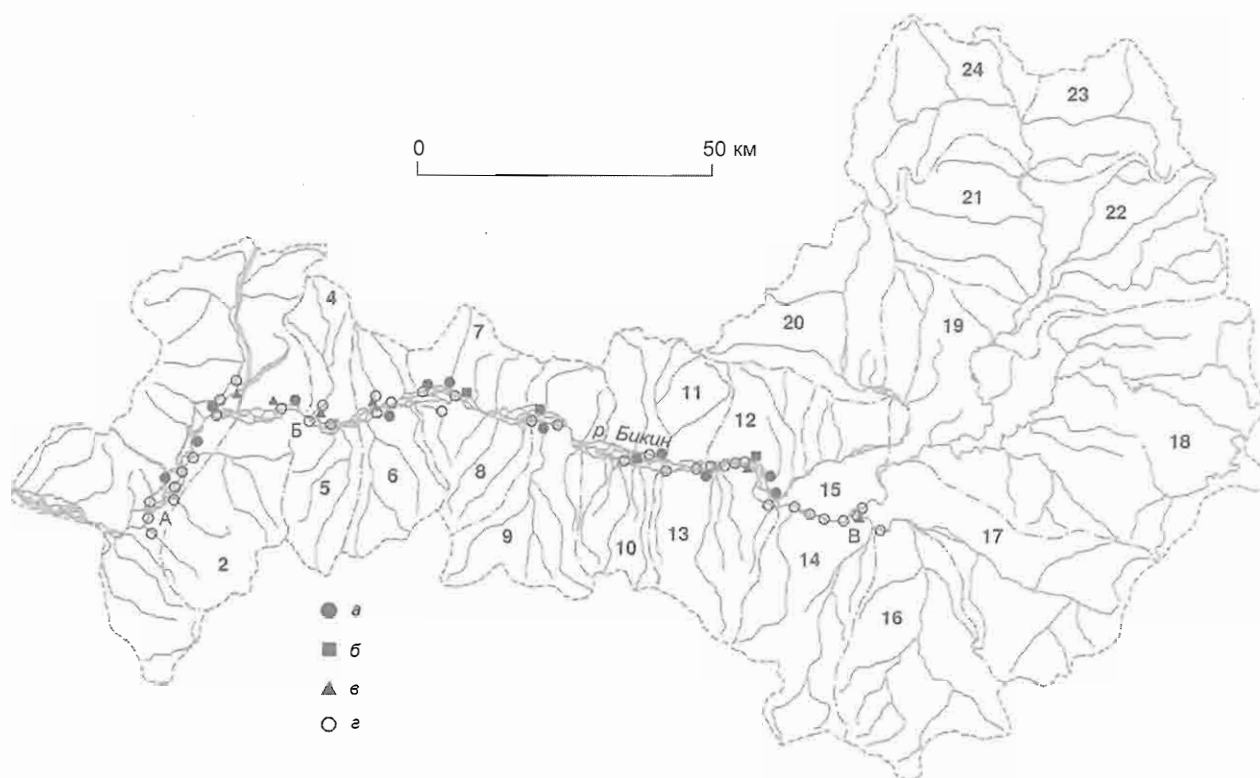

Рис. 2. Охотничьи территории и система старых поселений в бассейне Бикина в конце XIX – начале XX в. а – старые деревни в 1894 г. (по: [Патканов, 1906]); б – старые деревни в 1907 г. (по: [Арсеньев, 1972]); в – старые деревни, где мы проводили исследования в 1995 – 1999 гг.; з – главные места нереста лосося. А – д. Красный Яр, Б – д. Сивантай-Мяо, В – д. Урунга. 2 – 24 – охотничьи территории.

Таблица 1. Охотничьи территории в бассейне р. Бикин

Номер участка	Площадь, га	Номер участка	Площадь, га
2	55,672	14	65,235
4	22,460	15	32,349
5	30,180	16	81,149
6	44,916	17	88,125
7	26,225	18	180,343
8	31,680	19	55,504
9	59,763	20	59,211
10	29,548	21	53,096
11	42,368	22	77,484
12	29,611	23	49,431
13	51,242	24	66,057

Охота в пределах каждой территории

Удэгейцы охотились не только на соболя, но и на других зверей (медведь, изюбрь, косуля, лось, дикий кабан и т.д.). Медведи здесь черные и бурые. Последние встречаются в горах в верхнем течении Бикина. Лоси обитают в зоне хвойных (шишконосных) лесов в той же части бассейна реки. Большинство жи-

вотных среднего и крупного размеров встречаются в основном в полосе распространения широколистных деревьев с опадающей листвой. Мясо дикого кабана и изюбря – самый важный продукт питания удэгейцев. Дикие кабаны встречаются в нижнем течении реки, а ареал обитания изюбрев более широкий.

Территории, где с помощью ловушек добывали пушных зверей, были также строго поделены между теми, кто охотился на крупных животных, используя иные средства охоты. Так, например, согласно сообщению удэгейского информатора Сюзана Джонки, когда подстреленный олень или лось, убегая, оказывался на чужой охотничьей территории, охотник должен был отдавать определенные части убитых животных владельцу этого угодья: половину грудинки и часть печени, почек и голени. Однако в некоторых случаях охотничьи территории использовались с учетом складывавшейся обстановки. Более того, похоже, что поиски растительных ресурсов, таких как ценнейший женьшень, велись безотносительно поделенных территорий.

Ввиду того, что в прошлом население региона время от времени покидало старые деревни и селилось в новых местах (о чем поговорим позже), маловероятно, что охотничьи территории в их нынешних пределах соответствуют тем, которые были в далеком прошлом. Вероятно, их границы менялись в зависимости от контекста времен, но сохранялась основная структура.

По сведениям, полученным при опросах, до 1930-х гг., промысловое угодье оставалось личной собственностью охотника и переходило по наследству наиболее искусному в охоте сыну. На каждой охотничьей территории вели промысел несколько детей владельца. Права собственности на определенные охотничьи территории были переданы при советской власти госпромхозу. Теперь же они перешли от него к аборигенной охотничьей компании “Бикин” [Сасаки, 1998]. В советские времена охотники, в основном удэгейцы, работали по нормам, установленным государством, права на использование промысловых территорий закреплялись за ними сроком на пять лет. Тем не менее искусные охотники могли пользоваться своими угодьями вплоть до старости. Каждая промысловая территория включает несколько бассейнов рек, впадающих в Бикин, участки разграничены водоразделами, а также главной рекой. Долины рек (*якперы*) были и остаются основным местом охоты с помощью ловушек.

Охотничья территория и деятельность Сюзана Джонки

В настоящее время даже в д. Красный Яр очень немногие охотники знают что-либо об охоте в 1930-х гг., когда стала проводиться политика этнического переселения, а тем более до того. Нашему информатору Сюзану Джонке сейчас 85 лет. Он родом из Хабагу, а рос в Лаохэ [Росиа сюрё бункаси, 1998]. В 10-летнем возрасте ему впервые удалось охота на соболя, и с тех пор он оставался искусным охотником вплоть до ухода на пенсию в 1992 г. Далее мы рассмотрим традиционное использование охотничь-

их территорий и деятельность охотников в 1930-х гг. и ранее, исходя из того, что нам довелось узнать при опросах и в ходе дополнительных полевых исследований.

Сюзан обычно жил в охотничьем домике, расположенном на его промысловой территории 5, с начала октября, когда открывался сезон охоты, и примерно до 10 марта следующего года (за исключением праздничного периода, связанного с наступлением нового лунного года) и все это время проводил на охоте. Главным объектом его промысла был соболь, на которого охотились, используя *дьюи* – разновидность капканов. *Дьюи* устанавливались на деревьях, переброшенных в виде мостиков с одного на другой берег небольших ручьев, на расстоянии 10 – 15 м друг от друга и в 100 местах одновременно [Сато Хироюки, 1998а]. Дополнительно Сюзан Джонка устанавливал ловушки арканного типа, *фуки*, для небольших пушных зверей [Сато Хироюки, 1998б, с. 204 – 207] и северной кабарги [Сато Хироюки, 1998а]. Использовались также капканы на пнях, *раги* [Росиа сюрё бункаси, 1998, с. 7 – 79], и несколько разновидностей пружинных самострелов (для охоты на медведя такие самострелы применяли только с ноября до начала снегопада). *Дьюи* устанавливались только в сезон листопада, с октября до начала декабря, в то время как капканы иных устройств – в течение всего сезона охоты. Поскольку считалось, что охотиться на соболя лучше всего в начале снежного времени года, то в такой охоте предпочтение отдавалось капканам типа *дьюи*.

В охотничий сезон Сюзан Джонка совершал каждодневные длительные маршруты по личным охотничьим угодьям в бассейне р. Бачихеза (нынешнее название – Кленовка), которая течет на север и впадает в Бикин на восточной стороне Сивантай-Мяо* (рис. 3). По очертаниям это угодье имело вид неправильного прямоугольника с протяженностью сторон около 30 км с севера на юг и 10 км с востока на запад, площадь 30,180 га. Охотничий домик Сюзана находился на северной окраине его владений, в месте слияния рек Бачихезы и Бикина. Поскольку охотничьи территории были разграничены водоразделами, а участки, где велась охота на пушного зверя и дичь с использованием ловушек, размещались в долинах рек, то маршрут охотника охватывал не все угодье, а лишь две трети общей площади, т.е. 20 га (10 × 20 км). Свой обход Сюзан начинал от охотничьего домика, шел в южном направлении 15 – 16 км вдоль Бачихезы, пересекал горный хребет на западе от нее, спускался к одному из притоков той же реки, а затем продолжал

* Здесь находится небольшое святилище, где удэгейцы совершают жертвоприношения “лесному богу (или духу)” [Моримото Кадзуо, 1998].

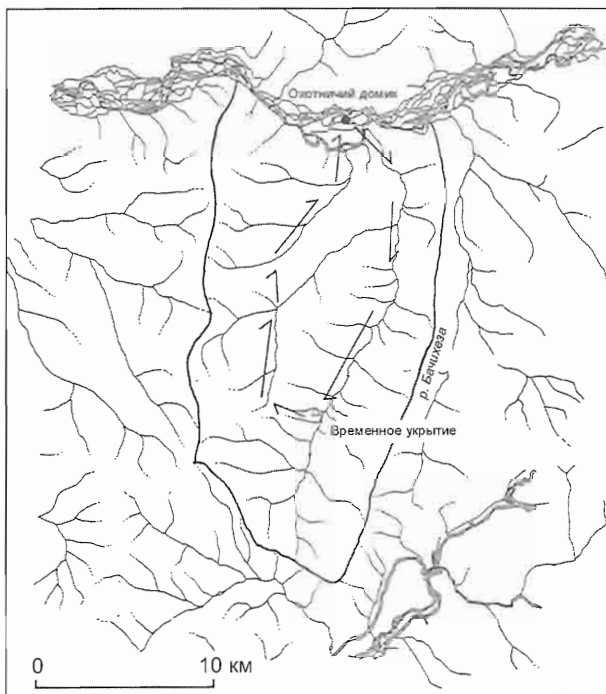

Рис. 3. Охотничья территория 5 Сюзана Джонки в 1930-х гг.

двигаться, но уже в обратном (северном) направлении, по пути, ведущему к домику. Следуя таким маршрутом, Сюзан проходил 30 – 40 км.

Помимо охоты на пушного зверя с использованием ловушек, в зимнее время были также иные виды промысла. На изюбря охотились с луками и стрелами, взяв с собой собак, которых побуждали к преследованию животных сигнальным свистком. Практиковалась также охота с копьем, когда охотник и собаки преследовали изюбря до тех пор, пока не загоняли его в глубокий снег. Копье использовали и при охоте на дикого кабана. В таких случаях охотник мог преследовать зверя и без собак. Для охоты на зайца предназначалась одна из разновидностей пружинного лука – *шеньми*. Медведя брали в пору зимней спячки, в берлоге*. Амурского барсука преследовали по следам.

По возвращении в деревню, в начале мая, Сюзан Джонка ловил на обширных мелководьях (места нереста) сахалинского тайменя, используя рыболовный крючок или копье, а затем обрабатывал улов для длительного хранения. Рыбья кожа использовалась для изготовления обуви. В июле охотились на изюбря. В это время можно было добыть весьма ценные панты оленя. Оленину вялили, нарезав мясо длинными тонкими полосами. Охоту на лося начинали в конце

* Удэгейцы, вероятно, не охотились на медведей, находившихся в зимних берлогах, ранней весной.

августа, а на изюбря – в сентябре. На самцов нападали из засады, т.к. в период гона они теряли осторожность. В такой охоте использовали собак и свистки. В летне-осенний сезон охотничьи домики служили временным базовым лагерем. В них хозяева долго не задерживались*.

Лучшим сезоном для ловли лосося, особо важного для удэгейцев продукта питания, был октябрь. В это время вся семья охотника переезжала во временное жилище, расположенное вблизи от мест нереста. У каждой семьи здесь был свой участок, где ловили рыбу и делали из нее заготовки на зиму. Семья Сюзана ловила по 3 – 4 тыс. рыб (примерно столько же заготавливала на зиму семья айнов [Watanabe, 1968]). Закончив ловлю лосося, глава семьи отправлялся в охотничий домик, а остальные участники лова продолжали заниматься разделкой, сушкой и копчением рыбы, заботясь о возможно более длительной сохранности продукта. По завершении подготовки к зиме члены семьи переезжали в деревню. Охота в зимнее время, а также рыбная ловля весной и осенью позволяли делать значительные запасы продовольствия. Однако нельзя было обойтись и без ежедневной ловли речной рыбы в теплое время года, ибо это обеспечивало оседлую жизнь удэгейцев все лето.

Леса с широколиственными деревьями вдоль р. Бикин позволяли делать запасы маньчжурского ореха и желудей. Тем не менее орехи, насколько помнил тот же Сюзан, не считались важным пищевым продуктом. Вот почему в повседневной жизни удэгейцев сбор растительных ресурсов не занимал много времени [Росиа сюрё бункаси, 1998, с. 27]. По словам жителей нанайской деревни Найхин, орехи использовали только для подкормки свиней. Вопрос в том, как сложилось такое отношение к этим дарам природы. Принято считать, что ручные мельницы, которые некогда были распространены по всему бассейну Амура, использовались для помола хлебных злаков. Однако, возможно, их также применяли для размалывания орехов [Там же, с. 238 – 249 (статья Онуки Сидзуо)]. Следовательно, стоит осторожнее оценивать значимость орехов в пищевом рационе удэгейцев.

Жилища и типы поселений удэгейцев по данным этнографии

Удэгейские поселения, которые и далее будут называться также деревнями, были двух разновидностей. Одни предназначались для относительно постоянного проживания в течение длительного времени, в основном зимой, а другие служили местами временного обитания, от нескольких дней до нескольких меся-

* О деталях охоты удэгейцев см.: [Росиа сюрё бункаси, 1998].

цев. Наиболее распространенным типом зимних жилищ были землянки с островерхими (коническими) крышами [Старцев, 1996, с. 17 – 18], летние наземные постройки возводились каждый год, когда удэгейцы, покидая землянки, переезжали на берег реки. Эти описанные этнографами типы жилищ и поселений сходны с теми, что представлены в китайской исторической хронике “Цзю-Таншу” (“История ранней Тан”).

Зимние деревни были окружены горами, которые защищали их обитателей от ветра. Они размещались вблизи речных долин, где велась охота на пушных зверей. На каждом поселении 15 – 20 чел. проживали в трех – пяти землянках [Подмаскин, 1998, с. 138]. Можно поэтому предполагать, что в каждой землянке находилась семья из 4 – 5 чел. Летние временные поселения располагались на берегу реки в пригодных для рыбной ловли местах, продуваемых ветрами. В каждой такой деревне 3 – 10 семей жили в трех – пяти строениях [Там же]. Хотя наш информатор не мог с уверенностью рассказать о количественном составе каждой семьи, проведенная С.К. Паткановым перепись населения (о чем подробнее будет сказано далее) свидетельствует о том, что в некоторых случаях число членов семьи превышало 10 чел. [Патканов, 1906].

Согласно капитальному исследованию по малочисленным народам Советского Союза “Народы Сибири” [1956], несколько семей удэгейцев жили по деревням, часто переезжая на новые места охоты и рыбной ловли. Хотя подобное утверждение может создать впечатление о кочевом образе жизни удэгейцев, все же они предпочитали оседлый, а миграции были вынужденными, сезонными. Последнее подтверждается тем, что удэгейцы оставались в одних и тех же зимних деревнях в течение многих десятилетий, а иногда и более сотни лет [Старцев, 1996, с. 17].

*Зимние жилища**

Землянки с островерхими крышами. Это наиболее распространенный тип зимнего жилища. Его длина 5 – 10 м, ширина 3 – 5 м, глубина 50 – 60 см, а высота крыши 2 – 3 м. Очаг находился в центре жилого помещения. В нескольких землянках, обнаруженных в бассейнах рек Сунгари и Иман, были выявлены обогреватели пола – *каны*.

Хотя подобные землянки считаются наиболее подходящими для жизни в зимнее время, мы не нашли в этнографических материалах дополнительной информации о них. Кроме того, в ходе полевых исследований, ожидая обнаружить множество западин от землянок этнографического времени, мы нашли лишь

одну (в Хабагу). По рассказам информаторов, такие землянки встречались и в д. Лаохэ на берегу Бикина [Росиа сюрё бункаси, 1998, с. 18]. И все же трудно судить о том, насколько общераспространенным был этот тип жилищ у обитателей бассейна Бикина, т.к. удэгейцы расселялись на очень большой территории.

Фанзы. Говорят, что богатые удэгейцы строили на берегах Бикина и Имана наземные жилища с *каном*. Одно из них выявлено возле дома Ивана Ганвовича.

Конусообразные постройки. В них удэгейцы жили в зимнее время в долине Хора и частично на берегах Бикина и Имана.

Большие наземные жилища с крышей, крытой корой (рис. 4, 1, 2). Такие постройки прямоугольной в плане формы, с двускатной крышей встречаются на берегах рек Анной и Хор. Их длина 4 – 8 м, ширина 3 – 5, высота 2 – 3 м. Стены, как таковые, отсутствовали. Два входа располагались напротив друг друга. Очагов было два. Подобные жилища предназначались обычно для больших семей.

Малые наземные жилища с крышей, крытой корой. Их удэгейцы строили для семей из 3 – 5 чел. в бассейнах рек Хор, Анной, Сунгари и Самарга. Вход у таких жилищ был один.

Подобная информация позволяет предполагать, что в зимнее время в малых домах, крытых корой, проживали малочисленные семьи, в то время как в подобного же типа жилищах, но значительно больших размеров, размещались несколько родственных семей. Похоже, жилая площадь в каждом таком доме четко соотносилась с количеством его обитателей.

Описание землянок наводит на мысль, что каждая из них предназначалась для одной семьи. Однако некоторые землянки имеют те же размеры, что и большие наземные жилища с крышей, крытой корой (как землянка в Хабагу); следовательно, к оценке того, сколько человек могло разместиться в землянке, нужно подходить с непременным учетом жилой площади в каждом конкретном случае. Мы предпочитаем избегать поспешных подсчетов и сравнений размеров поселений на основании лишь количества домов. Допуская, что форма жилищ соотносится с типами поселений, но учитывая многовариантность конусообразных построек, мы не считаем модели поселений удэгейцев единообразными.

*Летние временные жилища**

Большие наземные жилища с крышей, крытой корой. Они сходны с зимними домами, но не имеют предвходовой части. На крыше поверх коры настилали слой камыша. Сделав его потолще, можно было жить в таком доме и зимой.

* Описание жилищ по: [Старцев, 1996, с. 17 – 25].

* Описание жилищ по: [Старцев, 1996, с. 26 – 29].

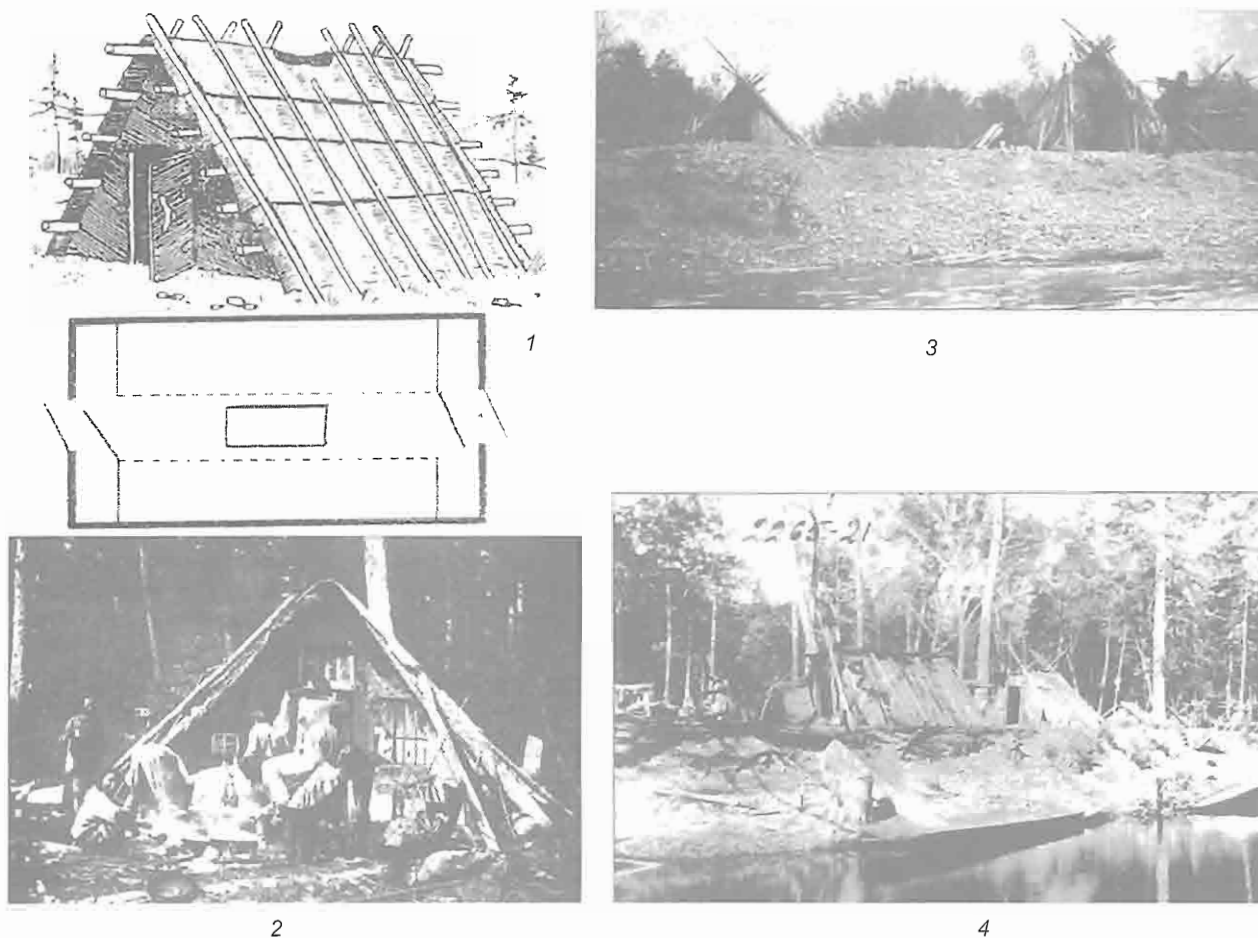

Рис. 4. Жилища удэгейцев.
1 – по: [Старцев, 1996]; 2 – 4 – по: [Vladimir K. Arseniev..., 1997].

Малые наземные жилища с крышей, крытой корой. Они также сходны с зимними, но на их крыше поверх коры настилали только один слой тростника. У некоторых из таких построек отсутствуют очаг или предвходовая часть (рис. 4, 3, 4).

Прямоугольные жилища со стенами и остроугольной крышей. Такой тип жилища был у населения долин рек Самарга, Хор, Бикин и Иман.

Постройки с цилиндрическим сводом. Их удэгейцы строили на берегах рек Анюй, Хор и Иман, в местах, богатых рыбой. Длина и ширина подобных жилищ были соответственно 3 – 5 и 2,5 – 3,5 м.

Кроме того, в качестве летнего жилища удэгейцы использовали брезентовые палатки и навесы.

Судя по всему, размеры летних и зимних домов с крышей, крытой корой, и количество проживавших в них людей существенно не различались. А потому можно предполагать, что жители небольших зимних деревень в летнее время не расходились в разные стороны, а все вместе перебирались на новое временное местожительство. И, наоборот, население больших зимних деревень в летнюю пору могло рассредоточиваться по разным местам.

Реконструкция типов поселений в бассейне р. Бикин

В настоящее время нам известны 19 названий деревень, в которых удэгейцы жили до их переселения в 1930-х гг. [Росия сюрё бункаси, 1998, с. 4]. Прежде чем судить о системе размещения этих деревень, необходимо определить их местонахождение. Следует иметь в виду, что не все они существовали в одно и то же время и население каждой из деревень могло периодически меняться. Выдающиеся русские исследователи С.К. Патканов и В.К. Арсеньев единодушны в том, что примерно 13 известных деревень существовали в бассейне р. Бикин всегда. Типы поселений можно рассмотреть на основе анализа и сопоставления приводимых ими сведений.

Рассмотрим типы удэгейских поселений в бассейне р. Бикин, опираясь на информацию, полученную С.К. Паткановым [1906] в ходе проведенных им переписей населения в 1894 и 1897 гг., а также записи, сделанные в 1907 г. В.К. Арсеньевым (эти сведения включены в его знаменитую книгу “Дерсу Узала” [1972]).

Таблица 2. Население деревень на берегах р. Бикин
летом 1894 г. [Патканов, 1906]

№ п/п	Название деревни	Кол-во жилищ		Кол-во семей	Численность населения		
		Дома	Фанзы		Мужчины	Женщины	Всего
1	Та-байчелаза			1	10	9	19
2	Муси-джий-дээ	2	–	?	11	12	23
3	Дау-сик-сы	2	–	?	12	12	24
4	Ганьгату	3	–	2	10	12	22
5	Байчелаза	3	–	?	7	9	16
6	Тун-гуза	2	–	?	11	2	13
7	Гундзюгу	1	–	1	9	13	22
8	Фунсулаза	?	?	2	9	8	17
9	Метахези	4	–		13	9	22
10	Тохоло	3	1	3	24	14	38
11	Кукучингэ	1	1	?	7	7	14
12	Сигу	1	6	?	35	35	70
13	Ся-муси-джий-дээ	1	1		6	4	10
14	Табань	?	?	?	?	?	?
Всего		23	9	9	164	146	310

Согласно В.К. Арсеньеву [1972, с. 218], в 1907 г. в бассейне Бикина кроме удэгейцев никто не проживал, и в то время там не было ни одного китайца (маньчжура). Хотя раньше они селились в районе д. Сигу (по его сведениям [Там же, с. 238], 35 мужчин в Сигу были китайцами. Похоже, многие названия местностей имеют китайское происхождение, что также указывает на проживание здесь китайцев. По подсчетам В.К. Арсеньева [Там же], в 1895 г. на берегах Бикина расселились 306 туземцев.

Сведения С.К. Патканова [1906] о населении бассейна Бикина представлены в табл. 2 и 3. Мы допускаем, что *балаганы*, о которых он пишет, есть в сущности наземные жилища с крышей, крытой корой. Очевидно, в д. Кукучингэ были подсчитаны только удэгейцы, жившие в такого рода домах. Отметим, что китайцы и люди смешанной крови жили, возможно, на поселениях с *фанзами* (речь идет о деревнях Тохоло, Кукучингэ, Сигу, Ся-муси-джий-дээ). Похоже, семей было, как правило, столько же, сколько домов, по крайней мере, в деревнях, по которым сохранились сведения о количестве тех и других. В то время как в большинстве деревень женщин и мужчин было примерно поровну, удивляет несоразмерно высокий процент мужчин в д. Тун-гуза.

В деревнях, где *фанзы* отсутствовали, в одном доме жили в среднем 10 чел.; возможно, то были большие семьи родственников, которые состояли из брачных пар разных поколений, а также братьев

или сестер. В иных деревнях проживала только одна семья численностью около 20 чел. (т.е. почти столько же, сколько в деревнях, где проживали две семьи). Другими словами, семьи были расширенными. Последнее соответствует упомянутому описанию А.Ф. Старцева, в котором отмечается, что в зимних наземных жилищах было несколько очагов и что в таких домах проживали большие семьи. Они включали от одной до трех групп родственников. Хотя точную картину такой “семьи” трудно воссоздать, но, по крайней мере, можно с уверенностью говорить о принадлежности ее членов к одному роду. То есть можно предполагать, что если в деревне проживало несколько семей, то они, скорее всего, представляли один и тот же род.

По данным переписей населения бассейна р. Бикин 1894 и 1897 гг., в каждом доме проживали в среднем 8 – 9 чел. [Патканов, 1906]. Однако в материалах этих переписей общее количество деревень и численность в них людей различаются, хотя С.К. Патканов сообщает [Там же], что в промежуток времени между переписями населения (лето 1894 г. – зима 1897 г.) в деревнях, которые он обследовал, не было ни серьезных болезней с летальным исходом, ни широкомасштабных миграций. Даже с учетом сезонных миграций (в зимнюю пору была наибольшая концентрация населения в деревнях, а летом происходил его отток на временные места обитания), различия в цифрах все же слишком разительны. По всей вероятности, в 1897 г. перепись не коснулась обитателей вер-

Таблица 3. Население деревень на берегах р. Бикин в 1897 г. [Патканов, 1906]

№ п/п	Название деревни	Кол-во семей	Численность населения			Удэгейцы			Нанайцы			Китайцы			Представители других наций		
			Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего
1		7	49	12	61	-	-	-	1	4	5	43	5	48	5	3	8
2		1	3	0	3	-	-	-	3	-	3	-	-	-	-	-	-
3		1	7	3	10	-	-	-	7	3	10	-	-	-	-	-	-
4		2	10	8	18	-	-	-	10	6	16	-	2	2	-	-	-
5		1	6	3	9	6	3	9	-	-	-	-	-	-	-	-	-
6		1	5	2	7	5	2	7	-	-	-	-	-	-	-	-	-
7		1	6	2	8	-	-	-	6	2	8	-	-	-	-	-	-
8		1	3	2	5	3	2	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-
9		1	4	0	4	-	-	-	4	-	4	-	-	-	-	-	-
10	Тохоло	2	8	5	13	8	5	13	-	-	-	-	-	-	-	-	-
11	Кукучингэ	2	9	7	16	9	7	16	-	-	-	-	-	-	-	-	-
12	Сигу	5	25	21	46	25	21	46	-	-	-	-	-	-	-	-	-
13		4	33	0	33	-	-	-	-	-	-	33	-	33	-	-	-
14	Перевал	8	65	0	65	-	-	-	-	-	-	65	-	65	-	-	-
Всего		37	233	65	298	56	40	96	31	15	46	141	7	148	5	3	8

ховьев Бикина, потому что в зимнюю пору добраться до тех мест трудно из-за проблем с транспортом. Поэтому перепись населения 1894 г. более надежна. В ходе ее было установлено, что на берегах Бикина в то время проживало около 200 чел., а значит, в одном доме – около восьми.

Местоположение и размеры старых деревень в бассейне р. Бикин

Поскольку записям С.К. Патканова более века и на современных картах уже нет многих из упомянутых им деревень, мы попытались установить их тождество с ныне существующими. В этом нам помогли книга В.К. Арсеньева “Дерсу Узала” в переводе на японский язык [1995], составленный В.В. Подмаскиным в 1996 г. документ со старыми названиями притоков Бикина (он хранится во Владивостоке в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока) и составленная русскими учеными “Карта нерестилищ лосося в бассейне р. Бикин”, на которой отмечено несколько прежних названий ее притоков. Но все же некоторые старые деревни остались неидентифицированными.

В записях В.К. Арсеньева, сделанных зимой 1907 г., некоторые названия старых деревень соответствуют тем, что приводил С.К. Патканов [1906], хотя есть

такие, что появляются впервые, а иные из указанных в переписи отсутствуют. Очевидно, не все зимние поселения удэгейцев были зафиксированы С.К. Паткановым в 1894 г., а за последующие 13 лет в тех местах произошли некие перемены.

В 1894 г. деревни, находившиеся на расстоянии от 4 до 6 км друг от друга, образовывали подгруппы, интервалы между которыми составляли от 10 до 16 км (рис. 5). Последнее обстоятельство зависело, видимо, от характера рельефа долины Сигоньку-Гуляни, что разделяла районы верхнего и нижнего течения Бикина. Большинство деревень располагалось на правом берегу этой реки (вероятно, потому, что горы хорошо защищали зимние поселения от северных ветров).

Группа населения верховьев Бикина, обитавшая в ущелье Сигоньку-Гуляни (104 чел. в 11 домах). В ней три подгруппы:

- 1) Та-байчелаза (19 чел. в одном (?) доме) – 4 км* – Муси-джий-дзэ (23 чел. в двух домах) – 9 км – ;
- 2) Дау-сик-сы (24 чел. в двух домах) – 10 км – ;
- 3) Ганьгату (22 чел. в трех домах) – 5 (или 18) км – Байчелаза (16 чел. в трех домах).

Группа населения в окрестностях ущелья Сигоньку-Гуляни. В этом районе от охотничьей террито-

* Здесь и далее это расстояния между деревнями при ходе напрямик.

рии 8 до западной стороны промыслового участка 10 проживали всего несколько человек – Тунгуза (13 чел. в двух домах). Поселение необычно по соотношению полов – 11 мужчин и 2 женщины. Вполне возможно, что его обитатели специализировались на охоте.

Группа населения в среднем течении Бикина районов Хойтунь и Метакези (61 чел. в семи домах) – Гундзюгу (22 чел. в одном доме) – 10 – [4 км (?) – Фунсулаза (17 чел. в двух (?) домах) – 6 км (?) –] Метакези (22 чел. в четырех домах) [– 17 км (?) – Фунсулаза (17 чел. в двух (?) домах)]*.

Хотя перепись населения в 1894 г. происходила летом, местоположение старых деревень, о которых сообщает С.К. Патканов [1906], мало чем отличается от размещения зимних поселений, описанных спустя 13 лет (в 1907 г.) В.К. Арсеньевым (рис. 6).

Группа населения верховьев Бикина (более девяти домов). В ней две подгруппы:

- 1) Лаохозэн (три дома) – 5 км – Давасигучи (или Дау-сик-сы) (четыре дома) – 12 км – ;
- 2) Каньгату (или Ганьгату) (?) – 4 км – Хабагу (один дом).

Из четырех деревень, исследованных В.К. Арсеньевым в 1907 г., две, вероятно, те, в которых побывал в 1894 г. С.К. Патканов. Последнее свидетельствует о том, что они продолжали еще находиться там же по крайней мере 13 лет.

Группа населения в окрестностях ущелья Сигоньку-Гуляни.

Поскольку это был малонаселенный район, деревни располагались на большом расстоянии друг от друга.

Группа населения, проживавшая в среднем течении Бикина. Значительное количество людей проживало в районе Хойтун-Метакези, где было много деревень, но конкретных их описаний нет. Источники существования жителей этих деревень были разнообразнее, чем у населения верховьев Бикина, т.к. они занимались земледелием.

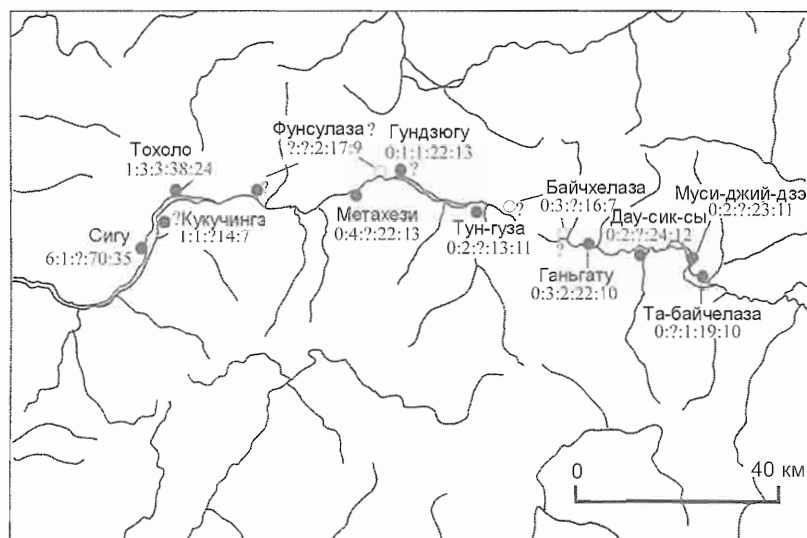

Рис. 5. Старые деревни на берегах р. Бикин летом 1894 г. (по: [Патканов, 1906]). Цифрами обозначено количество домов с каналами, летних построек, семей, населения, мужчин в деревнях.

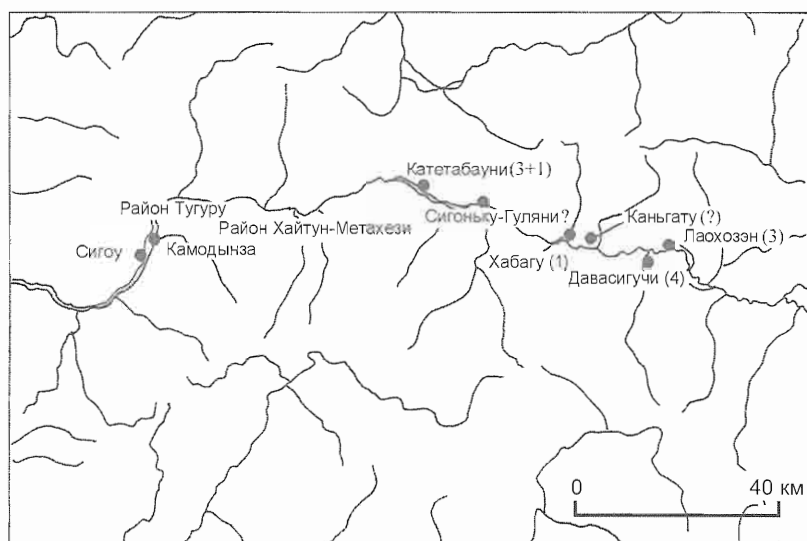

Рис. 6. Старые деревни на берегах р. Бикин зимой 1907 г. (по: [Арсеньев, 1972]). В скобках указано количество домов в деревнях.

Система поселений и средства существования

Мы склонны предполагать, что старые поселения представляют собой зимние деревни и в них отсутствовали временные балаганы, сходные с теми, что удэгейцы строили на берегу реки для использования их в теплую пору года. И вот почему. Старые деревни, где нам довелось побывать, находились в лесу всего в нескольких сотнях метров от р. Бикин. Поэтому мы не можем понять связь между такими поселениями и временными стойбищами.

* Расположение д. Фунсулаза выяснить не удалось.

В регионе, где велись исследования, наблюдается тенденция расположения старых деревень у мест слияния полноводных притоков с р. Бикин, где находятся нерестилища лосося. Именно с основными местами нереста и связаны почти все старые деревни. Этот факт согласуется со сведениями, которые мы получили от местных информаторов. Указанные на карте охотничьих территорий старые поселения в бассейне Бикина (см. рис. 2) приурочены к зонам промыслов. Современные охотничьи территории, которые, как говорят, остаются традиционными, почти перекрывают район распространения старых деревень. Расстояния между соседними поселениями 5 – 10 км. В настоящее время охотничья территория вокруг д. Сигоньку-Гуляни простирается по обе стороны р. Бикин, вероятно, потому, что животных и птиц здесь немного. Такой факт согласуется с большими расстояниями между старыми деревнями в этом регионе.

Род или близко родственные группы обычно занимали территорию вдоль главных притоков Бикина и размещали деревни у мест их впадения в эту реку; каждый приток был закреплен за определенным охотником и его семьей [Сасаки, 1998, с. 182]. Это свидетельствует о важности речных бассейнов для формирования общественных групп.

Например, девять деревень, о которых сообщал С.К. Патканов в записях 1894 г. (д. Метахези и те, что расположены восточнее ее), согласуются с количеством охотничьих территорий в этом районе – участки 7 – 15. В.К. Арсеньев писал о пяти старых деревнях в Сигоньку-Гуляни и восточнее, что также соответствует количеству охотничьих территорий – участки 9 – 13. Конечно, размещение деревень фиксировалось не всегда, в чем мы уже могли убедиться; к тому же не известно, существовало ли в прошлом столь же строгое, как сейчас, восприятие смысла слова “территория”. А потому без детального обсуждения этого вопроса мы не склонны сопоставлять прежние охотничьи территории с современными.

Если предположить, что данные переписи 1897 г. точны, то они свидетельствуют о росте численности населения. Весьма вероятно, число жителей в деревнях не было стабильным, периодически то уменьшаясь, то возрастая. Это связано, возможно, с тем, что удэгейцы, будучи не только охотниками и рыболовами, но и собирателями растительных продуктов питания, находились в значительной зависимости от изменений в окружающей природной обстановке, а также с болезнями, появившимися в их среде с приходом чужеземцев. Иногда поселения мало-помалу перемещались в другие места, хотя резких изменений в природной обстановке не было. В любом случае, важным кажется то, что размещение населения по ре-

гиону в 1894 и 1897 гг. в целом совпадает (исключая несколько деревень). Все это свидетельствует о детерминированности структуры группового расселения экологической системой.

В настоящее время лишь небольшое количество лосося заплывает в верховье Бикина, что вызвано интенсивной ловлей рыбы в низовьях этой реки и в устье Амура; между тем обильные уловы лосося обычно составляли основу пищевых запасов удэгейцев. Говорят, что каждой семье выделялось особое место для рыбной ловли на нерестилищах лосося. Такой участок имел протяженность 2 км [Моримото Кадзуо, 1998, с. 30]. Надо отметить, что “семья” нередко включала несколько родственных семей.

А теперь поговорим о связи между расположением старых деревень и местами нереста лосося. Поскольку местоположения нерестилищ не очень меняются со временем, однажды выделенные обитателям деревень участки рыбной ловли были постоянными. Вероятно, около крупных нерестилищ располагались относительно большие деревни, для которых характерны концентрация населения зимой и рассредоточение его по временным жилищам в теплое время года. А так как деревни, о которых идет речь, небольшие, совсем не похоже, что здесь происходили значительные сезонные изменения.

Если создавалась большая зимняя деревня, такая как нынешний Красный Яр, то удэгейцам приходилось периодически отлучаться, чтобы сохранить за собой места охоты и участки для ловли рыбы. Но подобные отлучки были обязательны не для всех, поскольку зимой охотой занимались только искусные охотники. Ясно, что “традиционная” поселенческая модель обитателей бассейна Амура до прихода русских на Дальний Восток не всегда была представлена небольшими поселениями, расположенными на равном расстоянии друг от друга. Этот факт также подтверждается археологическими данными [Сакаи Рюити, 1984; Танигути Ясухиро, 1993], что позволяет рассматривать современную поселенческую модель в бассейне р. Бикин как уже опробованную предками аборигенного населения.

Вернемся к вопросу о средствах существования удэгейцев. Как отмечается в китайской исторической литературе, в местах обитания удэгейцев земледелие было внедрено пришлыми китайцами. Поскольку занятие сельским хозяйством не признается традиционным средством существования аборигенного населения региона, оно не стало основным предметом исследования специалистов. В этнографической литературе, посвященной бассейну Амура, вопрос о сельском хозяйстве либо не затрагивается, либо оно трактуется как новое и чуждое для аборигенов средство существования. Подобные утверждения противоречат археологическим материалам и историческим документам доэтнографического времени, которые

свидетельствуют о наличии земледелия и скотоводства [Росиа сюрё бункаси, 1998, с. 238 – 249 (статья Онуки Сидзуо)]. Поэтому не следует настаивать на том, что предки удэгейцев были только собирателями диких плодов и вели “традиционный” для населения Дальнего Востока образ жизни.

Хотя не известно, какие именно огородные культуры выращивали в данном регионе в этнографическое время (по крайней мере, это не отмечено в современных календарях удэгейцев), но мы знаем, что сельскохозяйственные работы планировались на июнь – сентябрь. Поскольку это не совпадает с периодами охоты (осенью и зимой) и рыбной ловли (весной и осенью) [Моримото Кадзуо, 1998, с. 29], то можно было легко включить такие работы в календарь мероприятий по обеспечению средств существования. Однако надо отметить, что следы борозд на полях и в садах встречались в местах зимних поселений, где, по сведениям этнографов, в летнее время никто не проживал. Возникает вопрос: не привело ли занятие сельским хозяйством к изменению поселенческой модели удэгейцев, к тому, что они стали отлучаться из основного места жительства только в сезоны рыбной ловли (т.е. весной и осенью)? Или, возможно, в том не было серьезной проблемы, поскольку зимние поселения и летние дома находились неподалеку друг от друга? Не стоит, пожалуй, недооценивать роль земледелия только потому, что оно как средство существования удэгейцев заметно проявилось лишь недавно. Следует поэтому рассмотреть вопрос о том, произошел или нет какой-либо структурный сдвиг в хозяйственной деятельности, и если да, то исследовать, в чем состоит его суть.

Давайте посмотрим на миграционную модель удэгейцев с точки зрения перспектив получения средств существования. Охотники придерживались круговой модели перемещения: они находились в деревне с весны до осени, переселялись во временные жилища возле мест рыбной ловли весной и осенью, пребывали в охотничьих домиках в зимнее время, а затем возвращались в деревню. Остальные члены их семей перемещались по типу качания маятника – между постоянным местом жительства и временным жилищем около участков рыбной ловли (весной и осенью). Вновь созданные деревни стали основными пунктами переселения удэгейцев. Но вследствие того, что функциональной связи между этими поселениями и прежними охотничьими домиками не было, поселенческая модель изменилась.

Можно предположить, что старая схема “деревня – охотничье угодье” была вытеснена затем новой – “охотничий домик – промысловая территория”. Раньше в зимнюю пору охотники обычно уходили на однодневную охоту из деревень, которые размещались в пределах каждой охотничьей территории. После пе-

реселения в новые деревни также практиковалась однодневная охота, но теперь она начиналась от охотничьего домика. Похоже, что современные промысловые территории остались почти теми же, что были раньше, да и стиль охоты сохранился прежний. Правда, вряд ли в прошлом охотники оставались в домиках в горах несколько месяцев, как то было после переселения удэгейцев в новые деревни.

Согласно переписи населения бассейна Бикина, проведенной С.К. Паткановым в 1894 г. (см. табл. 2), в деревнях проживали от 10 до 24 чел. Исключение составляли деревни Тохоло (38 чел.) и Сигу (70 чел.), располагавшиеся в нижнем течении реки. В них удэгейцы проживали вместе с китайцами. Мужское население деревень (кроме последних двух) составляло от 6 до 13 чел. Поскольку среди них, естественно, были дети и старики, можно предположить, что около половины мужчин участвовали в охоте. Удэгейцы обычно охотились поодиночке, но иногда и коллективно. Так, например, чтобы загнать животное в глубокий снег, требовалось 5 – 6 чел. [Тагути Хироми 1998, с. 93]. В большинстве деревень мужчин для такого дела было достаточно, и потому не приходилось обращаться за помощью в соседние деревни. Судя по результатам той же переписи населения, на каждой охотничьей территории, по крайней мере от д. Сивантай-Мяо до д. Урунги, где размещались старые поселения, в охоте участвовали по три – шесть взрослых мужчин односельчан. Их наставником становился самый сильный и умудренный опытом охотник. В то время как эти мужчины занимались только охотой, остальные члены их семей разделяли туши убитых животных, следили за содержанием и исправностью охотничьего снаряжения и т.д. Следовательно, существовало разделение труда с учетом пола и возраста членов семей. Можно полагать, что каждым охотничьим угодьем владела отдельная семья. Вероятно, каждая из выделенных промысловых территорий использовалась всей деревней, и после переселения она оставалась во владении тех же людей.

Деревни, охотничьи территории и организация общественных работ

Имели ли группы и подгруппы населения отмеченных на карте деревень какую-либо значимость в качестве общественных организаций? Поскольку принадлежность к определенному роду играла важную роль в функционировании общества тунгусо-маньчжурских народностей, следует рассмотреть вопрос о родовом составе обитателей деревень.

Допуская, что старые деревни состояли из нескольких домов, можно предполагать принадлежность всех проживавших в них мужчин к одному и тому же роду. Но известно несколько случаев, когда в горных

деревушках Большого Хингана (Маньчжурия) проживали охотники и собиратели, которые были выходцами из разных родов.

В музее д. Красный Яр имеется составленный ее директором перечень старых деревень и родов от начала XX в. до 1930-х гг. Не ясно, однако, существовали или нет эти деревни в обозначенный период, поскольку названия некоторых из них не встречаются в упомянутых ранее документах. Все же похоже, что в больших деревнях проживали представители многих родов, а в небольших – лишь одного.

Согласно упомянутому перечню, те, кто принадлежал роду Канчуга, расселились большей частью в среднем и нижнем течении Бикина. Однако большинство родов не владели столь обширными территориями, и поэтому связь между ними и размещением старых деревень остается неясной. В каждом роду наблюдается тенденция держаться подальше от соседей. Это кажется странным. Ведь, согласно теории, все должно быть наоборот, ибо если представители разных родов живут по соседству, то возникает перспектива брачных межродовых союзов.

Анализ поселенческих моделей показал, что расстояние между деревнями (5 – 10 км) соответствует интервалу между стоянками, которые исследуют археологи. Последние подсчитали, что в период дзэмон в Японии базовые поселения отстояли друг от друга на 7 – 10 км [Сакаи Рюити, 1984]. Такое же расстояние отделяло в эпоху неолита в Китае поселения, жители которых существовали за счет продукции сельского хозяйства [Онуки Сидзуо, 1997].

Среди японских специалистов, занимающихся изучением культур охотников и собирателей, бытует мнение о том, что промысловые территории простирались в радиусе 5 – 10 км от поселения, находившегося в центре. Но в бассейне Бикина деревни располагались вдоль берегов и размеры охотничьих угодий определялись расстояниями между его притоками.

Рассчитанная Моримото Кадзуо, [2000] плотность удэгейского населения (согласно переписи 1894 г. С.К. Патканова) составляла 3 – 4 чел. на 100 км². Это довольно мало. Почти такая же плотность населения в Субарктике и в зонах умеренных температур в Канаде, а также на Аляске, но она намного больше на северо-западном побережье США (10 – 20 чел. на 100 км²) и в устье Амура, где проживают нивхи (19,2 чел. на 100 км²) [Kelly, 1995, tabl. 6, 4]. Ситуация с удэгейцами свидетельствует о том, что они при оседлом образе жизни не всегда могли содержать большую семью.

В бассейне Бикина низовье богато пищевыми ресурсами (дикие животные, рыба и растения). Вполне возможно, что именно потому плотность населения здесь побольше, а деревни многолюднее. Согласно проведенной С.К. Паткановым переписи, в 1897 г. население д. Сигу, которая размещалась около нынешнего

Красного Яра, было довольно многочисленным (70 чел.). Можно предположить, что китайские земледельцы поселились в этом богатом природными ресурсами районе, где относительно большие деревни уже существовали, в то время как в верховьях Бикина сохранялся традиционный образ жизни, т.к. природные условия там не способствовали развитию сельского хозяйства.

Надо отметить, что в ходе исследования мы не смогли обнаружить следы котлованов древних жилищ доэтнографического времени ни в д. Сивантай-Мяо, ни восточнее ее. Но их много в бассейнах Амура и Имана. Можно предположить, что в исследованном нами районе древнее население было еще более малочисленным, чем в этнографическое время. Поэтому, вполне вероятно, плотность населения в этом регионе не является обычной для поселений собирателей Дальнего Востока.

Заключение

Поселения удэгейцев конца XIX – начала XX в. размещались в пределах каждой охотничьей территории около нерестилищ лосося. Главными средствами существования этого народа были ловля лосося и охота на крупных млекопитающих – изюбря и дикого кабана. На мелких пушных зверей (соболя и др.) охотились с целью продажи ценного меха. В бассейне Амура важность такой торговли со временем возрастала, о чем свидетельствует т.н. саньтяньская торговля, а история ее восходит к глубокой древности.

В охотничьих угодьях верховьев Бикина (территории 16 – 24) нерестилища лосося отсутствуют, а из-за преобладания здесь хвойных (шишконосных) лесов количество животных, которые обеспечивали обычно пропитание, значительно меньше. Так что существовать здесь по традиционной схеме выживания трудно. Такое предположение подтверждается отсутствием в этом регионе старых деревень.

Деревни в основном располагались в пределах охотничьих территорий. Это обусловлено, вероятно, тем, что ловля лосося и охота на промысловых животных обеспечивали пропитание людей. Старые зимние деревни удэгейцев размещались на речных террасах. С мая по октябрь, в сезон ловли рыбы, их обитатели жили во временных постройках на берегу реки. В них к тому же легче было переносить летнюю жару [Подмаскин, 1998]. Но поскольку летние жилища удэгейцев размещались обычно неподалеку от зимних деревень [Старцев, 1996], то это больше соответствует модели поселения для постоянного (в течение всего года) проживания в одном месте. Можно предположить, что, по крайней мере, в бас-

сейне Бикина деревни строились так, чтобы расстояния между ними и летними стойбищами не были значительными. Удэгейцы переезжали временно в постройки на берегу реки для ловли рыбы с весны до осени, а зимой мужчины ежедневно отправлялись на охоту из зимних деревень*. Согласно нашим сведениям, удэгейцы, занимавшиеся охотой на обширных пространствах Сихотэ-Алиня, были более мобильны, чем нанайцы – рыболовы Амура, Уссури и Сунгари. Записи, касающиеся этих народов, не имеют конкретной привязки к месту и времени, поэтому сложно проверить содержащиеся в них сведения. Мы можем сделать лишь одно предположение – по крайней мере, в бассейне р. Бикин с конца XIX до начала XX в. удэгейцы, вероятно, имели оседлую модель хозяйствования.

Список литературы

- Арсеньев В.К.** Дерсу Узала. – Владивосток: Кн. изд-во, 1972. – 258 с.
- Народы Сибири.** – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 1083 с.
- Арсеньев В.** Дэрусу Удзара [Дерсу Узала]. – Токио: Кавадэ-сёбо, 1995. – Т. 1. – 331 с.; Т. 2. – 339 с. (на яп. яз.).
- Маак Р.** Амуру-гава рюки миндзокуси [Этнография бассейна р. Амур] / Пер. под ред. Като Кюдзо // Кукан. – 1972. – № 5. – С. 65 – 93; № 6. – С. 125 – 152; № 7. – С. 167 – 223. (на яп. яз.).
- Моримото Кадзуо.** Карасуни-яру то бикин-гава рюки-но тэса [Исследования в д. Красный Яр и в бассейне р. Бикин] // Росиа сюрё бункаси / Под ред. Сато Хироюки. – Токио: Кэйюся, 1998. – С. 1 – 41. (на яп. яз.).
- Моримото Кадзуо.** Росиа кёкуто-но сюрё миндзоку Удэхэ-но сюраку [Поселения удэгейцев, охотников Российского Дальнего Востока] // Оцука Хацусугэ сэнсэй рёдзю кинэн кокогаку ронсю. – Токио: Токёдо-сюппан, 2000. – С. 1116 – 1139. (на яп. яз.).
- Онуки Сидзю.** “Канан бумбуцу тидзусю – канан бунсацу” – о-ёму – Суцзан-о мэгуру исэкигун-но дотай [Исследование динамики развития стоянок вокруг Суншаня] // Дзю-но кокогаку. – Токио: Досэйся, 1997. – С. 139 – 154. (на яп. яз.).
- Патканов С.К.** Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников. – СПб.: Б.и., 1906. – Ч. 2. – 206 с.
- Подмаскин В.В.** Народные знания удэгейцев. – Владивосток: Дальнаука, 1998. – 160 с. (на яп. яз.).
- Росиа сюрё бункаси** [Охотничья культура в России по данным этнографии] / Под ред. Сато Хироюки. – Токио: Кэйюся, 1998. – 324 с. (на яп. яз.).
- Сакаи Рюити.** Яёй дзидай тюки, Кинай сякай-но кодзо то саторумэнто сисутэму [Структура и поселенческая модель общества Кинайского региона в период среднего яёи] // Бункадай дакухо. – 1984. – № 3. – С. 37 – 51. (на яп. яз.).
- Сасаки Сиро.** Курасуни-яру-мура-но сюрё сайсю сонгё-но юкуэ кабусики гайся миндзоку рёси кигё “Бикинно” тёсэн [Будущее индустрии охотников-сборителей в д. Красный Яр – вызов этнической корпорации охотничьего предпринимательства] // Росиа сюрё бункаси / Под ред. Сато Хироюки. – Токио: Кэйюся, 1998. – С. 164 – 202. (на яп. яз.).
- Сато Хироюки.** Нихон кюсэки бунка-но кодзо то синка [Структура и эволюция палеолита Японии]. – Токио: Касива-сёбо, 1992. – 362 с. (на яп. яз.).
- Сато Хироюки.** Сюрё-но эсуноакэорodzi кэнкю тоханакика – Удэхэ то матаги-но сюрё сисутэму-но хикаку кара [Этноархеологическое исследование охоты – сравнение охотничьей системы удэгейцев и матагийцев] // Росиа сюрё бункаси / Под ред. Сато Хироюки. – Токио: Кэйюся, 1998а. – С. 47 – 75. (на яп. яз.).
- Сато Хироюки.** Отосиана-но додзоку кокогаку – сюрё гидзюцу-но сисутэму то кодзо [Этноархеология ямных ловушек (капканов) – система и структура охотничьей техники] // Дзёмон сики сэйкацу кодзо – Токио: Досэйся, 1998б. – С. 192 – 221. (на яп. яз.).
- Сато Хироюки.** Нью-акэорodzi ва Нихон-но кюсэки дзидай кэнкю-ни нани-о мотараситака? – сэнси кокогаку кэнкю-но парадайму-сифуто [Что привнесла новая археология в изучение палеолита Японии? – примечательные сдвиги в изучении доисторического прошлого] // Кюсэки кокогаку. – 1999. – № 58. – С. 133 – 140. (на яп. яз.).
- Сато Хироюки.** Хоппо-сюрёмин-но миндзоку-кокогаку [Этноархеология охотников Севера]. – Саппоро: Хоккайдо сюппан кикаку сэнта, 2000. (на яп. яз.).
- Старцев А.Ф.** Материальная культура удэгейцев. – Владивосток: Дальнаука, 1996. – 156 с.
- Тагути Хироми.** Росиа Энкай-сю сёсу миндзоку удэхэ-но сюрё то кураси [Охота и жизнь удэгейцев, малочисленного народа в Российском Приморье] // Росиа сюрё бункаси / Под ред. Сато Хироюки. – Токио: Кэйюся, 1998. – С. 81 – 157. (на яп. яз.).
- Танигути Ясэхиро.** Дзёмон дзидай сюраку-но рёики [Территориальное размещение поселений эпохи дзёмон] // Кикан кокогаку. – 1993. – № 44. – С. 67 – 71. (на яп. яз.).
- Binford L.R.** Forty-seven trips: a case study in the character of archaeological formation processes // Stone Tools as Cultural Markers / Ed. by R.V.S. Wright. – Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies, 1977. – P. 24 – 36.
- Binford L.R.** Willow smoke and dogs’ tails: hunter-gatherer settlement systems and archaeological site formation // American Antiquity. – 1980. – N 45. – P. 4 – 20.
- Kelly R.L.** The Foraging Spectrum: Diversity in Hunter-Gatherer Lifeways. – Washington: Smithsonian Institution Press, 1995. – 446 p.
- Vladimir K. Arseniev:** A Bibliography in Photographs and Eyewitness Accounts / Primorsky Local Lore Museum Named after Arseniev. – Vladivostok, 1997. – 335 p.
- Watanabe H.** Subsistence and Ecology of Northern Food Gatherers with Special Reference to the Ainu // Man the Hunter / Ed. by R.B. Lee. – Chicago: Aldine, 1968. – P. 69 – 77.

* Однако в бассейнах Уссури и Амура летние стойбища, где велась ловля рыбы, могли находиться на большом расстоянии от зимних деревень [Маак, 1972].

Л.М. Русакова

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
Тел. (8-3832) 34-27-78*

КОЛЛЕКЦИЯ ОДЕЖДЫ СТАРООБРЯДЦЕВ-СИБИРЯКОВ ШТАТА ОРЕГОН (США)

Историография старообрядчества в России представлена очень широко. Она освещает это самобытное явление с точки зрения его возникновения, развития, причин устойчивости, многообразия проявлений старообрядческих традиций в духовной и культурной жизни. Не ослабевают интерес исследователей к проблемам истории российского старообрядчества, в т.ч. современного. Изучаются, например, состояние культуры и быта компактных групп старообрядцев-сибиряков, покинувших страну в послереволюционные годы, а также в период коллективизации и проживающих в настоящее время в различных странах.

В 1990 г. мне была предоставлена возможность в течение месяца вести полевые этнографические исследования в г. Вудбурне штата Орегон на северо-западе США, где поселились старообрядцы. По словам информаторов, в большинстве своем они сами либо их отцы, деды и прадеды ранее проживали на Алтае в бывшей Томской губ., главным образом в районе р. Бухтармы. После Октябрьской революции (в 1917 – 1920 гг.) и во время коллективизации (конец 1920-х – начало 1930-х гг.) старообрядцы, боясь арестов и конфискации имущества, бежали в Китай. Одна группа старообрядцев обосновалась в Синьцзяне (район на западе Китая), другая группа – в Харбине, в северо-восточной части Китая (Маньчжурия). Там после вступления советских войск в Маньчжурию в 1945 г. они начали подвергаться гонению. Многие были арестованы и вывезены в СССР. Оставшиеся, чтобы избежать преследования, стали покидать насиженные места. После провозглашения в 1949 г. Китайской Народной Республики старообрядцы снова ощутили прессинг, на этот раз уже со стороны новой власти. Только

444 чел. из колонии старообрядцев смогли тогда покинуть Гонконг, 1 055 старообрядцев остались в Китае [Brother Ambrose..., 1972, p. 5].

Старообрядцы решили обосноваться в Бразилии. Путь туда лежал через Лос-Анжелес, где им рассказали, что в США в штате Орегон проживают русские молокане. Группа старообрядцев отправилась в Орегон и пришла к выводу, что в штате можно заниматься сельским хозяйством, рыболовством, работать на фабрике, а также купить дом и землю. С 1962 по 1965 г. из Бразилии в Орегон переселилось 80 семей старообрядцев*. В 1970 г. бразильская группа в Орегоне насчитывала уже 2 840 чел. (около 300 семей). Значительная группа “синьцзянцев” и “харбинцев” (так в США называли прибывших из Синьцзяня и Харбина) поселилась в Вудбурне. В близлежащей деревне проживали 46 семей (167 чел.) старообрядцев, эмигрировавших из Турции [Ibid, p. 6]. Их стали называть “турчане”. В 1981 г. в Орегоне насчитывалось уже 5 тыс. старообрядцев [Peterson, 1981, p. 6]. Статистических данных на 1990 г. мне найти не удалось.

Из бесед с 25 информаторами выяснилось, что с их близкими и дальними родственниками мне приходилось встречаться во время экспедиций в селах Огнево, Осочиха, Тургусун, Соловьево, Снегирево, Парыгино, Путинцево, Язовая, Печи (Алтайский край) и г. Зырянское (Восточно-Казахстанская обл.). В Орегоне проживают Анфилофьевы, Блиновы, Выходцевы, Кузнецовы, Кузьмины, Лаптевы, Лысовы, Макаровы, Маметьевы, Мамонтовы, Пятковцы, Самойловы, Снегиревы и многие другие.

* Hall R.L. Russian Old Believers of Marion County. Manuscript. Kept in Archives of North-West Folklore. Eugene, Oregon.

Несмотря на то что старообрядцы, проживающие в Орегоне, покинули Россию 60 – 70 лет назад и сменили немало мест жительства за границей, в будни и праздники, как правило, продолжают носить традиционную одежду, бытовавшую у их предков в Сибири и в Европейской России, – сарафан, рубаху, передник, пояс, шашмуру и платок, которые составляют комплекс женской одежды. Набор предметов женской одежды остался прежним. Вместе с тем мною отмечен ряд изменений. Проживая в Сибири и в Китае, старообрядцы носили одежду из натуральных тканей – холста, ситца, сатина, шелка, шерсти. После переселения в Орегон практически все рубахи (мужские, женские и детские), сарафаны, передники, даже шашмуры они стали шить из синтетических тканей. Любопытно, что новые ткани старообрядцы называют по-старому: однотонные – “шалон”, яркие крупноузоровчатые – “кашемир”. Для вышивания и даже для тканья поясов старообрядцы стали использовать “найлоновую” пряжу, а также серебристые и золотистые тонкие металлические нити. При этом они предпочитают использовать объемную пушистую пряжу традиционно красную, белую, зеленую, черную, а также голубую, розовую, желтую, фиолетовую и др.

Прежде чем приступить к характеристике одежды старообрядцев, проживающих в штате Орегон, отмечу, что краткий очерк об одежде орегонских старообрядцев дан в книге доктора Ричарда А. Морриса (США) [Morris, 1991, p. 58 – 66]. Автор перечисляет предметы, входящие в женский и мужской комплексы одежды трех групп старообрядцев – “синьцзянцев”, “харбинцев” и “турчан”, отмечает различия в их повседневном и праздничном костюмах, а также изменения, произошедшие в их одежде за время проживания в Америке. Однако за полем его внимания оказался покрой женских рубах, сарафанов и головных уборов, бытующих у разных групп старообрядцев. Автор отметил бросающиеся в глаза различия. Например, женская рубаха “синьцзянок” имеет широкие рукава, широкие отделочные ленты на подоле сарафанов и передников, широкие пояса. У “харбинок”, наоборот, узкие пояса, такие же отделочные полоски на сарафанах и передниках. У “турчанок” охарактеризован лишь один вариант повседневной одежды – “таличка” без рукавов, отсутствуют описания “таличек” с рукавами и древней обрядовой одежды – сарафана-“шубки”.

Вещевые материалы, собранные мной в Орегоне, а также записи бесед с информаторами позволяют более полно охарактеризовать одежду орегонских старообрядцев. В коллекции одежды, полученной мною в дар, содержится 65 предметов: 8 сарафанов, 5 “таличек”, 6 мужских рубах, 1 детская рубаха, 10 фартуков, 2 шашмуры, 1 кичка, 2 платочка на голову, 1 косынка, 23 пояса.

Рис. 1. Е.М. Крайнова в “круглом” сарафане.

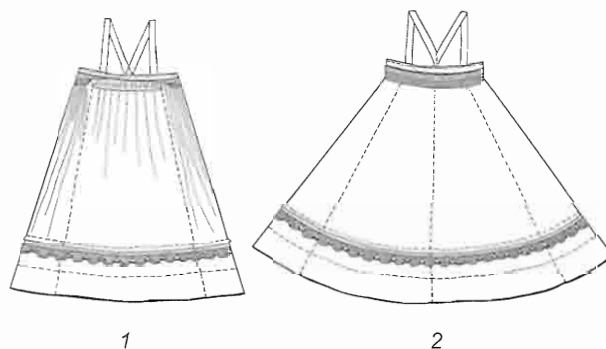

Рис. 2. Сарафан Е.М. Крайновой.
1 – вид спереди, 2 – вид сзади.

Самым распространенным видом повседневной одежды у женщин и девушек является “круглый” сарафан, который шьют из трех – шести прямых полос ткани (рис. 1). Такие сарафаны появились на Алтае еще в конце XIX – начале XX в. Тогда их шили преимущественно девушки и молодые женщины. Старухи относились к таким сарафанам отрицательно.

В нашей коллекции имеется наиболее ранний вариант сарафана этого типа, сшитый Елизаветой Макаровой Крайновой (1917 г.р.) еще до замужества в 1935 г. в возрасте 16 лет. Сарафан скроен из пяти прямых полос натуральной атласной ткани розового цвета: одна полоса спереди, четыре сзади (рис. 2). Его подол украшен черным кружевом; низ обшит черной тесьмой. Переднее полотно сверху заложено неглубокими, а заднее – очень мелкими складочками (плиссе).

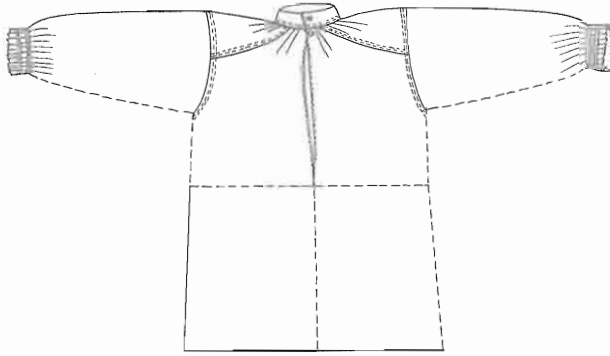

Рис. 3. Рубашка Е.М. Крайиновой.

Складочки простроены в четыре ряда черными нитками, вверху по ним нашиты две полоски узенькой черной тесьмы. Верх сарафана пришит к пояску-“перелинке” шириной 2 см. Лямки сзади соединены и сшиты на участке длиной 6 см на месте “спиночки” – архаичной детали, которая выкраивалась заодно с полотнищем. С изнанки лямки подшиты черной тканью, края которой закрывают сверху края лямок. Низ подола обшит черной тесьмой. Спереди на 2 см ниже “перелинки” по вертикальным складочкам заложена горизонтальная складочка шириной 1 см. По низу подола над кружевом вкруговую заложена складка шириной 2 см. Внизу с изнанки подол сарафана подшит полосой светлого материала. По словам Елизаветы Макаровны, сарафан дополняли “рукава” (рубашка) из шелковой ткани сиреневого цвета и фартук “сиреневый в цветочек”. Мне она подарила рубашку из мягкого розового искусственного шелка (рис. 3). Ее “полики” шириной 25 см пришиты по основе стана, ворот заложен мелкими складочками, воротник-стойка шириной 3 см застегивается на кнопку, второй кнопкой застегивается вверху ворот. Ширина рукава вверху 28 см; книзу рукав заужен и заложен неглубокими складками, на которые нашиты две узенькие белые ленточки. Застегиваются рукава на кнопку. Подмышечные ластовки отсутствуют. Рубашка имеет “подставу” из старого светлого материала.

“Круглый” сарафан Степаниды Тимофеевны Маметьевой (в девичестве Пяткова, 1933 г.р.) шит из узорчатой ткани фиолетового цвета с букетами алых роз и голубых цветов. Состав ткани – химические волокна. Сарафан шит из трех полос широкой ткани. Сзади вверху ткань густо заложена мелкими бантовыми складочками, под них с изнанки подложена полоса белого материала, а сверху настроены четыре желтые узенькие ленточки (рис. 4). Все это сделано для того, чтобы прижать упругие складки искусственной ткани. В зависимости от роста настрачивали три – семь ленточек, тесемочек, поясом

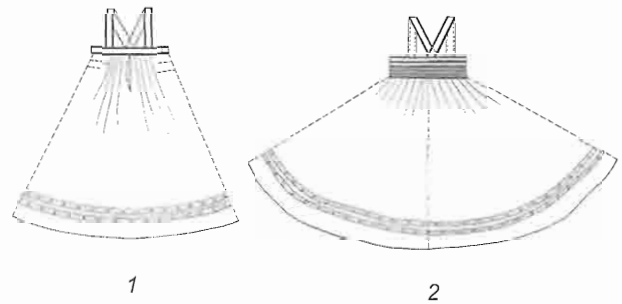

Рис. 4. Сарафан С.Т. Маметьевой.

1 – вид спереди, 2 – вид сзади.

прижимали складки на талии, благодаря чему женщина в таком сарафане выглядела более стройной. Переднее полотно также заложено складочками, но более широкими, чем заднее. По складкам вверху нашита полоска ткани – обшивка-“перелинка” шириной 3,8 см. Белой тканью обшиты верх “перелинки” и края лямок. По низу “перелинки” спереди и сзади настроена желтая ленточка. У современных сарафанов отсутствует выкроенная деталь – “спиночка”, к которой пришивали лямки. Концы лямок сзади перекрещены, сшиты на участке длиной 6 см и пристроены к пояску. Подол сарафана отделан двумя рядами белого кружева. С изнанки он подшит тканью сиреневого цвета. Спереди в сарафане имеется “прорешка”, сделанная для того, чтобы женщине было удобнее кормить ребенка грудью.

Рубашка “харбинского” типа сшита Степанидой Ивановной Гейкен (в девичестве Кузьмина, 1949 г.р.) (рис. 5). Рубашка сшита из белого искусственного шелка. “Полики” (28 см) пришиты по основе стана. Ворот приспособлен под обшивку, по которой с изнанки пришит воротник шириной 8 см со скошенными краями (при носке он перегибался). Воротник застегивался на кнопку. Рукава сшиты из одного полотна (вверху ширина 23 см); книзу они слегка заужены и приспособлены на резинку. Под мышками имеются “ластовки” (11,5 × 11,5 см). На воротнике и низках рукавов настроены узенькие розовые ленточки; “полики” украшены петельчатой вышивкой (вьющийся стебелек с семью красными цветочками и зелеными листиками).

Степанида Ивановна подарила мне “круглый” сарафан, сшитый из трех широких (110 см) полос искусственного шелка. Ткань темно-бордового цвета, по фону разбросаны бело-желтые и голубые цветы в окружении веточек с коричневыми и белыми листочками. Переднее полотно вверху приспособлено мелкими бориками, заднее заложено узкими бантовыми складочками. По складочкам нашито шесть узеньких сиреневых ленточек. Две ленточки нашиты на подоле.

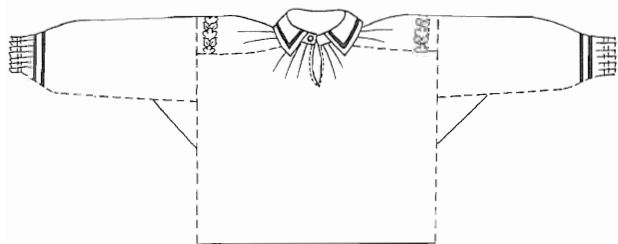

Рис. 5. Рубаха С.И. Кузьминой.

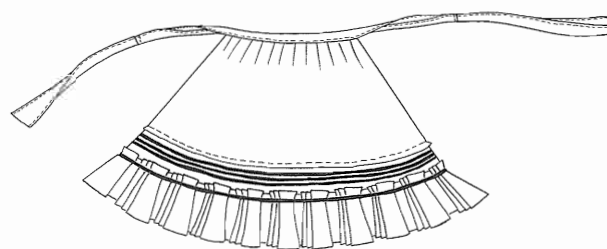

Рис. 6. Фартук С.И. Кузьминой.

Тканью сиреневого цвета обшиты края лямок и верх “перелинки”. Лямки сзади внизу сшиты на участке длиной 4,5 см и пришиты к “перелинке”.

С этим сарафаном надевалась рубаха из искусственного шелка горчичного цвета с узкими (ширина 17 см) “поликами”, пришитыми по основе. Подмышечные “ластовки” отсутствуют. Рукава сшиты из одного полотна (вверху ширина 25 см); внизу они заужены и собраны на резинку. Воротник-стойка высотой 4 см застегивался на пуговку. На “поликах” мелким крестиком вышито по два, на низках рукавов – по пять цветочков. Рубаха имеет “подставу” из другого материала (состав – химическое волокно).

Еще один сарафан, полученный в подарок от С.И. Гейкен, сшит из искусственной ткани желтого цвета с синими и красными крупными цветами в окружении зеленых стебельков с листочками и нераскрывшихся красных и синих бутончиков. Сарафан скроен из трех полос широкой ткани, вверху спереди заложеной обычными, а сзади – более мелкими бантовыми складочками. Спереди на складочки настроены две, а сзади – четыре оранжевые узенькие ленточки. Тканью такого же цвета обшиты верх “перелинки” и края лямок. Лямки сзади перекрещены и сшиты на участке длиной 6 см, чтобы не расходились, в таком виде они имитируют “спиночку”. По подолу нашиты три ленточки бордового цвета.

С сарафаном Степанида Ивановна надевала рубаху из искусственного шелка бледно-розового цвета с “поликами” (ширина 25 см), без подмышечных ластовок, с “надставой” из старой хлопчатобумажной ткани, воротником-стойкой высотой 6 см, который при носке перегибался. Рубаха застегивалась у шеи на кнопку. Верх у ворота сложен очень мелкими складочками. “Полики” и низки рукавов украшены вышитыми мелким крестиком цветочками красного, сиреневого, голубого и желтого цвета с зелеными листочками и стебельками. С этим сарафаном и рубахой надевался фартук оранжевого цвета из искусственного шелка (рис. 6). Верх фартука сложен складками, по которым из той же ткани нашит пояс шириной 2,5 см. Концы пояса длинные – 91 см, расширяющиеся до 9 см.

В собранной мною коллекции одежды имеются еще три “круглых” сарафана. Один сарафан трехполосный – дар Дарьи Васильевны Овчинниковой (в девичестве Лаптева, 1904 г.р.). Сарафан сшит из темно-синей ткани с красно-розовыми и коричнево-оранжевыми крупными цветами в окружении зеленых листочков, веточек с бутонами и мелкими желтыми цветочками. Вверху спереди ткань присобрана мелкими сборочками, сзади – пышными сборками, буфами. Полоса с буфами шириной 6 см. На этом, как и на других сарафанах, по бортикам вверху настроена “перелинка”, к которой пришиты лямки. Сзади внизу концы лямок перекрещены и сшиты на участке длиной 5 см и таким образом имитируют “спиночку”. Верх “перелинки” и лямки по бокам обшиты узенькими полосками голубой в белый горошек ткани. Сзади по буфам настроены четыре узенькие ленточки светло-зеленого цвета.

Сарафан Анисьи Григорьевны Якуниной (в девичестве Мартюшева, 1918 г.р.) был сшит в 1937 г. из четырех полос натуральной шелковой ткани красного цвета, густо затканной красными с белыми полосками крупными листочками, между которыми – “травочки” с мелкими четырехлепестковыми цветочками. Переднее полотно вверху присборено. По бортикам ниже “перелинки” на 2,5 см заложены три узенькие (0,2 см) складочки. Заднее полотно собрано буфами, по которым настроены три узенькие (0,2 см) тесемочки черного цвета. Черной тканью обшиты верх “перелинки” и края лямок.

У В.Т. Пятковой мной был куплен “синьцзянский” сарафан с оборкой (рис. 7). Ткань светло-зеленого цвета (искусственный шелк) с белыми и синими крупными и мелкими цветочками. Сарафан сшит из двух с половиной полос очень широкой ткани. Переднее полотно заложено вверху мелкими складочками, заднее – буфами, переходящими в складочки. Спереди по складочкам настроена узенькая ленточка белого цвета, сзади по буфам и складочкам – пять таких ленточек. Верх “перелинки” и края лямок обшиты узенькими полосками белого искусственного шелка. Оборка шириной 22,5 см заложена вкруговую по две складочки с промежутком в 8 см. По нижнему краю

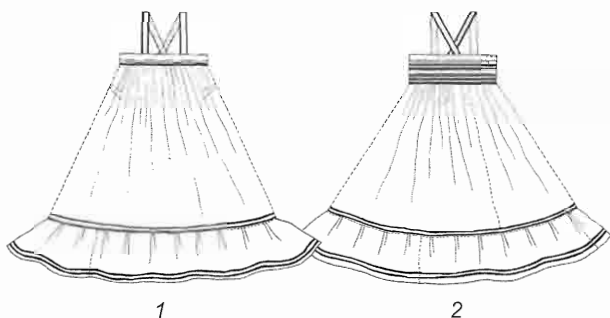

Рис. 7. Сарафан В.Т. Пятковой.
1 – вид спереди, 2 – вид сзади.

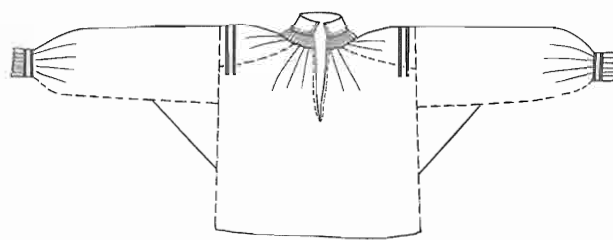

Рис. 8. Рубаха “синьцзянского”
покроя В.Т. Пятковой.

оборки и выше ее по подолу настрочены по две белые ленточки. Лямки сзади у пояса, как и на других сарафанах, перекрещены и сшиты вместе.

Вместе с этим “синьцзянским” сарафаном была приобретена рубаха “синьцзянского” покроя (рис. 8). Она сшита из светло-зеленого искусственного шелка, а “подстава” из хлопчатобумажной ткани синего цвета. “Полики” (ширина 32 см), воротник-стойка высотой 5 см застегивается на крючок. Ткань на вороте заложена очень мелкими складочками (вместо традиционных бориков). Рубаха имеет “ластовки” под мышками (размеры 18 × 18 см). Рукав широкий (23 см); книзу он заужен и заложен складочками. “Полики” и низки рукавов украшены двумя узкими ленточками фиолетового цвета (рис. 9, 10).

В коллекции имеется сарафан, который отличается от всех охарактеризованных выше. Это сарафан-“шубка” Ефимии Петровны Алагоз (в девичестве Кузнецова, 1951 г.р.). Он сшит из синтетической ткани бирюзового цвета (рис. 11). Переднее полотно спереди доходит до подмышек. Слева верхняя часть этого полотна подрезана до пояса и оставшейся нижней частью соединена сзади со вторым полотнищем, более узким. Вверху переднее полотно собрано бантовыми складочками, по которым нашита тесьма золотистого цвета. Лямки сшиты из ткани малинового цвета, сзади у пояса сужаются, между ними вшита узенькая вставка треугольной формы из ткани сарафана. Задние полотнища на поясе собраны мелкими складочками, по которым вверху нашита полоска ткани малинового цвета. Такой же малиновой тканью обшит низ подола. На подоле в 9,5 см от края имеется вышивка волнообразного вида, выполненная бордовыми шелковыми нитками. Выше над вышивкой в два ряда настрочено кружево оранжевого цвета. Сарафан-“шубка” бытовал у старообрядцев-“дунаков”, живших после бегства из России на Дунае в Румынии, а впоследствии бежавших в Турцию и оттуда переселившихся в Америку.

Под сарафан-“шубку” надевалась рубаха из белого искусственного шелка. Рубаха с “поликами” (25 см) и рукавными “ластовками” (11 × 11 см). Ткань на во-

роте рубахи заложена складочками, поверх которых имеется обшивка шириной 1,5 см (рис. 12). На обшивку настрочена тесьма-вьюнчик золотистого цвета. Рукава вверху шириной 21 см, внизу сужаются. Низки рукавов заложены редкими неглубокими складочками, края которых образуют оборку, пришитую к манжетам. Последние книзу также слегка сужаются. Низки рукавов и манжетов украшены такой же тесьмой, как и воротник.

К такому наряду полагался “кругленький” пояс, который плели и сшивали на руках. Описанный сарафан повязывался “круглым” бело-голубым пояском с кисточками в виде бахромы из нитей пояса.

Другая рубаха, которую надевали с сарафаном-“шубкой”, была сшита Ариной Макеевой Таран (1905 г.р.) из светло-сиреневого капрона, “стеклянного шелка”, как называли его старообрядцы. Рубаху мне подарила ее сноха – Таран Агапия Ефимовна (1925 г.р.). По крою эта рубаха аналогична описанной выше, но “полики” у нее узкие (19 см), отсутствуют рукавные “ластовки”. Рукава широкие (вверху 30 см); низки заужены до 13,5 см глухо простроченных в самом низу пяти складочек на месте манжетов. Воротник-стойка высотой 2,3 см застегивается на пуговицу. К низу рубахи пришит подол от белой комбинации.

“Круглый” сарафан, у которого перед сделан из более длинной полосы, чем остальные, и вверху собран, бытовал у части старообрядцев в Среднем Приобье. П.Е. Бардина отмечает, что старообрядцы не надевали его на моления [1995, с. 129]. Однако у старообрядцев-“дунаков” сарафан такого типа считался моленным. Д.К. Зеленин кроме косошлинных выделяет “круглый” сарафан в виде пышной юбки с пришитым нагрудником. Такой сарафан с нагрудником назывался “шубкой” [Зеленин, 1991, с. 241]. По нашему мнению, “шубка” “дунаков”, как и прямой сарафан старообрядцев Среднего Приобья, восходят к московскому “круглому” сарафану или к южно-русскому сарафану в виде длинной юбки с лямками. Эти сарафаны были выше груди, под грудью их подвязы-

Рис. 9. Женщины в рубахах, сарафанах и передниках-“запонах”, девушка крайняя слева – в “таличке”.

Рис. 10. Девушки-американки (ансамбль “Slavic voices”) в русских сарафанах и рубахах, девушка вторая слева – в “таличке”.

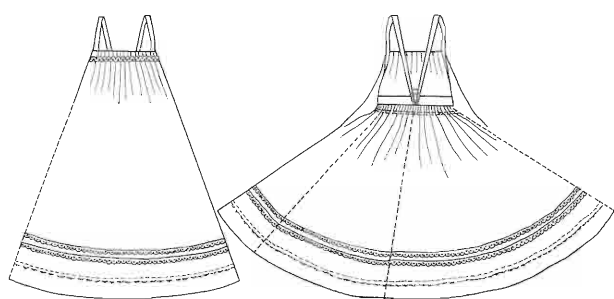

Рис. 11. Сарафан-“шубка” Е.П. Алагоз.

вали тесемками передника или специальным поясом. Возможно, когда пояс стали завязывать на талии, ляжки сзади удлиннили, сохранив такую деталь, как “спиночка”. Переднее полотно сначала оставалось цельным. Позднее “шубку” стали шить с отрезным “нагрудником”, “грудинкой”. Кстати, на некоторых “шубках” “дунаков” сверху “нагрудника” имеется разрез, как на московских “круглых” сарафанах [Там же]. Использование старообрядцами-“дунаками” “шубок” как моленной одежды может служить дополнительным аргументом в пользу древности этого вида сарафана.

С сарафанами девушки и женщины носили передники двух видов: короткие до талии – фартуки и с “нагрудником” – “запона” (рис. 13, 14).

Елизавета Макаровна Крайнова подарила три фартука и два “запона”. Один фартук шит из китайской натуральной атласной ткани. На малиновом поле бирюзовыми нитками вытканы крупные цветочные розетки в окружении листьев и нераскрывшегося бутона. Выше этой полосы вытканы крупные листья в окружении мелких цветочков; ниже крупных цветочных розеток – четыре павлина с распущенными хвостами. Под павлинами узор, аналогичный верхнему, из круп-

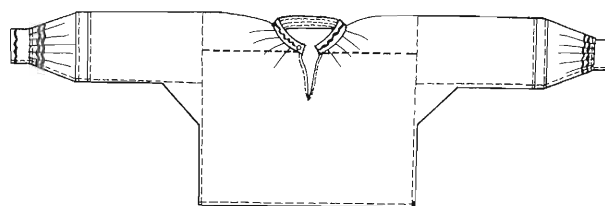

Рис. 12. Рубаха под сарафан-“шубку” Е.П. Алагоз.

ных листьев и мелких цветочков. По низу фартука пришта оборка. Верх полотнища и оборка заложены редкими неглубокими складочками. Верх фартука обшит полоской шелковой ткани бордового цвета, по бокам к ней пришиты узенькие завязки из ткани желтого цвета.

Второй фартук такого же покроя шит из ткани с красными и синими ягодами в окружении зеленых листочков на белом фоне (рис. 15). По верху оборки настроена ленточка синего цвета. Вверху по бокам фартука пришиты карманы. По верхнему краю фартука настроен поясок с длинными концами. Ткань соткана из химического волокна.

Третий фартук шит из нейлоновой прозрачной ткани, на которой изображены крупные розовые цветы в окружении светло-зеленых листьев. Верх полотнища и оборка заложены складочками. Внизу на подоле и по верхнему краю оборки нашиты две полосы белого кружева: верхняя с цветочками из серебристых металлических ниточек, нижняя с волнообразным нижним краем.

Два “запона” Е.М. Крайновой шиты из тканей, сотканых из химического волокна. Один зеленого цвета, с крупными розовыми и голубыми цветами,

Рис. 13. Девушки в рубахах, сарафанах и фартуках.

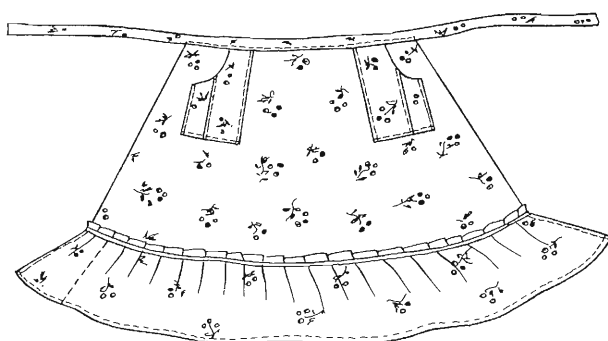

Рис. 15. Фартук Е.М. Крайновой.

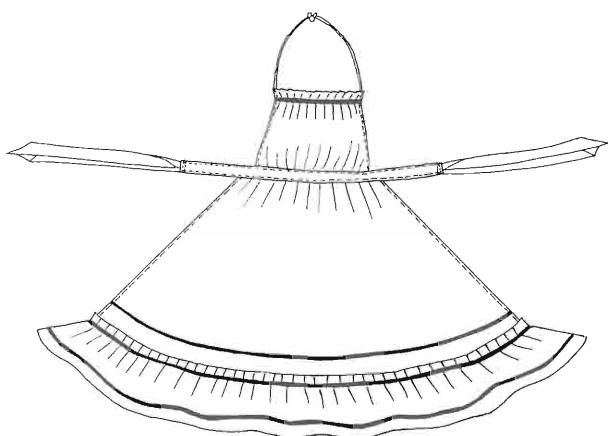

Рис. 16. “Запон” из “стеклянного шелка” С.И. Гейкен.

второй горчичного цвета, с красными розами и мелкими желтыми цветочками. “Запоны” одного фасона. Полотно у пояса и оборки внизу заложены крупными, а верх у “нагрудников” – мелкими складками. На обоих “запонах” справа у пояса пришит карман. По складочкам сверху полотна нашиты полоски ткани, которые переходят в завязки. На складочках

Рис. 14. Девушки в рубахах, сарафанах и “запонах”.

вверху кокетки нашиты узенькие полоски ткани, которые переходят в петлю, с помощью которой “запон” держится на шее.

Один “запон” С.И. Гейкен шит из синтетической ткани зеленого цвета с изображением красных и фиолетовых ягод на маленьких веточках с желто-коричневыми листиками. По покрою он такой же, как и “запоны” Е.М. Крайновой. Данный “запон” украшен кружевами трех видов, нашитыми по верху оборки, заложной складочками, по низу подола и верху “нагрудника”. Ткань – из химических волокон.

Второй “запон” из “стеклянного шелка” (капрона) фиолетового цвета шит, как и другие, с “нагрудником” и оборкой, заложными складочками (рис. 16). Низ “нагрудника” и верх полотна присборены. Поверх сборок из того же материала нашит поясик шириной 2,5 см. По бокам он расширяется за счет пристроенных к нему более широких концов, завязывавшихся сзади. По борикам сверху “нагрудника” наштрочена узкая бирюзовая ленточка. По низу полотна и по оборке вверху и внизу пришиты ленточки оранжевого цвета.

Третий “запон” С.И. Гейкен шит из белого прозрачного капрона со светло-голубыми цветочками и зелеными листиками, выполненными машинной вышивкой. Верх и низ “нагрудника” и верх подола и оборки собраны складочками. По верхним складочкам “нагрудника” и по верху и низу оборки наштрочено белое кружево с узором, сотканым из серебристых нитей.

Еще один передник под названием “крылатик” перешит из старинных нарукавников из натуральной атласной ткани черного цвета с разбросанными по полю стембельками с распутившимися розами красного цвета с бутончиком и зелеными листиками на стембельке. Полотно сверху заложено складочками. На складочки нашита полоса черного сатина размерами 36 × 7 см, низ и боковые края которого украшены тесьмой в виде выюнка из белых и зеленых ниток. По сатину верхом желтыми нитками вышито пять крупных ромбов с крючками по бокам и на вершинах, внутри этих ромбов зелеными нитками вышиты ромбы поменьше с продолженными сторонами, между углами которых – маленькие ромбики красного цвета. Между большими ромбами сверху и внизу зелеными нитками вышиты ромбики с крючками на вершинах. Внизу над отделочной тесьмой красными нитками вышито восемь уголков. Этот передник мне подарила А.Н. Лысова, а сшила его М.Л. Черемнова (1893 г.р.) еще в 1909 г.

У передника сверху к пояску-обшивке пришиты ляжки с оборками (“крылышками”), заложенными широкими складками. На спине ляжки соединены и пришиты к пояску. Оборка внизу также заложена складками, по низу полотна фартука и низу оборки нашиты полоски шелковой ткани зеленого цвета. Выше нижней тесьмы по оборке настроена петлеобразного вида тесемочка оранжевого цвета.

Одежда девочек и девушек более разнообразна по сравнению с женской. Многие девушки и сегодня носят сарафаны, в основном прямые, аналогичные описанным выше. Под сарафанчики они надевают разнообразные кофточки, которые им шьют матери. Вместе с тем и маленькие девочки, и девушки предпочитают носить т.н. талички. “Талички” являются одеждой группы старообрядцев, переселившихся в Орегон из Румынии и Турции. “Талички” шьют двух видов. Один из них напоминает сарафан с закрытой спиной и кокеткой спереди (рис. 17). Переднее полотнище приоборено и пришито к кокетке с V-образным вырезом. Сзади до талии спинка, как у современных платьев, отрезная. К ней на уровне талии пришиты два приоборенных полотнища. По бокам у талии пришиты полоски ткани, которые завязываются спереди, заменяя собой пояс. Подаренная мне “таличка” сшита из синтетического крепа. По белому полю “рассыпаны” букетики розовых мелких цветочков и зеленых тоненьких стембельков с листиками. Вырез ворота украшен узенькой тесьмой лилового цвета. Такая же тесьма нашита по сборкам сверху переднего полотна. Тесьмой сиреневого цвета обшиты проймы. Внизу по подолу настроены две узенькие ленточки фиолетового цвета. Подол с изнанки подшит полосой белой ткани. Разрез на груди у ворота застегивается крючком. Под такую “таличку” надевают кофточку. В целом такой наряд выглядит как комби-

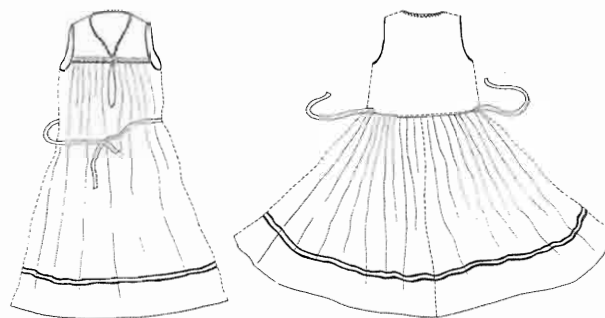

Рис. 17. “Таличка” без рукавов.

нированное платье, т. к. кофточка и сарафан-“таличка” сшиты из разных тканей. Описанная “таличка” получена в дар от Е.П. Алагоз, которая вышла замуж за “дунака”.

“Талички” второго вида женщины стали шить именно как комбинированное платье – из двух разных тканей (рис. 18).

Многие были получены в дар от С.И. Гейкен четыре “талички” с рукавами.

Одна “таличка” сшита из светло-бежевой синтетической ткани атласного типа; ворот, рукава и оборка – из синтетического шелка розового цвета (рис. 19, 1). Ткань на груди собрана буфами, сзади у пояса заложена складками. Воротник – в виде присборенной стойки. Вверху у разреза ворота пришиты две узенькие ленточки-завязки. Рукава внизу собраны на резинку. Спинка имеет подкладку из тонкого белого материала.

Вторая “таличка” сшита из розовой синтетической ткани атласного типа; ворот с воротником, рукава, пояс – из тонкой синтетической ткани светло-бежевого цвета (рис. 19, 2). Кокетка – из розового материала. На груди полотно заложено узкими, а сзади у пояса – широкими складками. Внизу к подолу пришита оборка. Рукава слегка заужены и внизу собраны на резинку. Сзади по талии пришит перегнутый вдвое пояс. Концы пояса широкие.

Третья “таличка” сшита из синтетического шелка светло-коричневого цвета; ворот с воротником, рукава и пояс – из тонкой синтетической шелковой ткани бежевого цвета (рис. 19, 3). В верхней части рукавов коричневыми нитками вышито по три цветочка. Внизу рукава собраны на резинку. Кокетка спереди и спинка сзади сверху фигурные. Ткань спереди под кокеткой заложена узкими складочками, а сзади у пояса – складками пошире. “Таличка” сшита с оборкой, украшенной по низу узким белым кружевом. Такое же кружево пришито к низу подола над оборкой. По талии сзади нашит пояс. Концы пояса длинные.

Четвертая “таличка” с рукавами сшита из синтетического шелка розового и бордового цвета с узенькими полосками люрекса золотистого. Кокетка спереди и пришитое к ней полотнище, заложен-

Рис. 18. Женщина слева в “таличке” и фартуке, в центре – в сарафане и “запоне”, справа – в сарафане и фартуке.

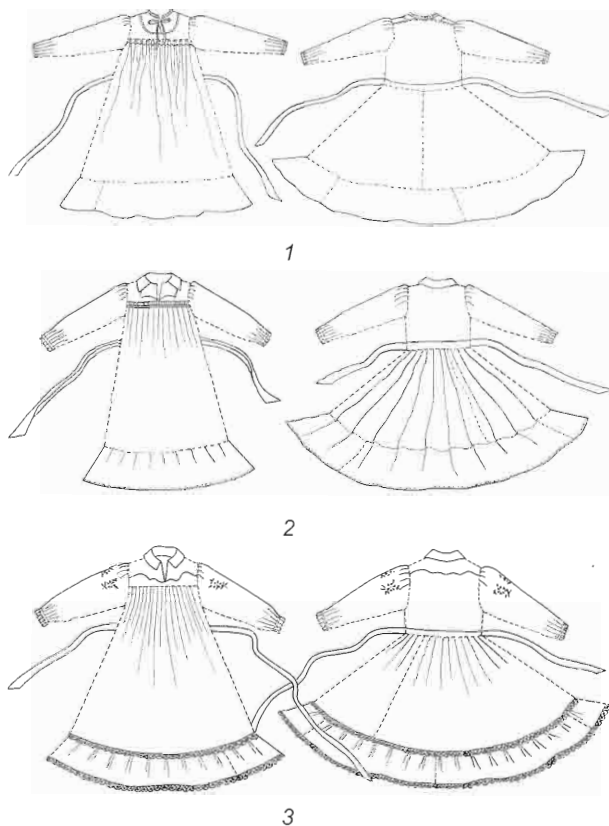

Рис. 19. “Талички” С.И. Гейкен.

Рис. 20. Семья Алагоз. Девочки в “таличках”.

Рис. 21. Молодожены. Женщина в шашмуре и платочке.

ное складками, – из розового шелка, из этого же шелка сшита спинка и заднее полотнище, также заложено складками. Воротник, рукава и оборка сшиты из бордового шелка. Рукава широкие, внизу собранные на резинку (рис. 20).

Шашмуры женщин-“синьцзянок” и “харбинок” одинаковые по крою. Это мягкая шапочка с вшитым на темени обручком из плотно скатанной ткани. У молодых женщин обруч примерно 2 см в диаметре, у пожилых он в 2 раза уже. Одна шашмура сшита из ситца. Диаметр обручка 1 см. Передняя полоса ткани над лбом шириной до обручка 7,5 см; к ушам она сужается до 2,5 см. У обручка сзади сверху ткань заложена складочками. Внизу по складочкам на затылке настрочена перегнутая полоска этого же ситца – кулилка – длиной 10 см, шириной 2,5 см. Нижний край налобной полосы подвернут, благодаря чему образуется кулилка. В кулиску по всей окружности шашмуры продернут шнурок, которым женщина повивает шашмуру, чтобы она удерживалась на голове. Поверх шашмуры надевался сложенный углом платочек (рис. 21).

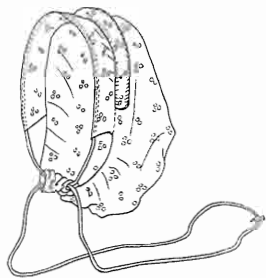

Рис. 22. Шашмура из кружевной ткани С.И. Гейкен.

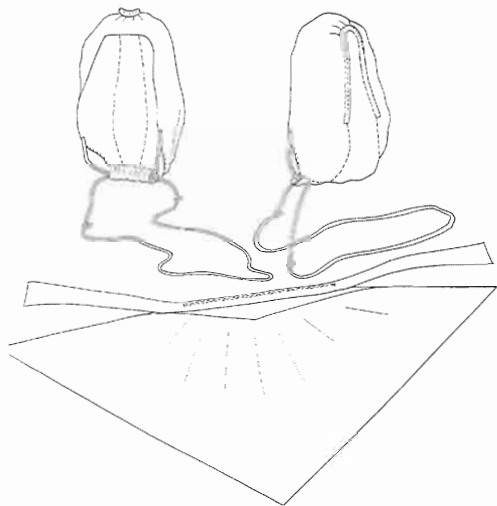
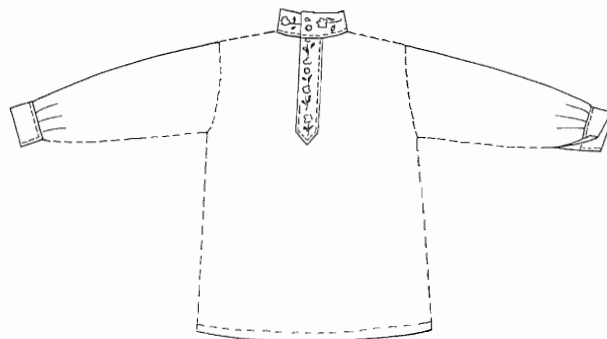

Рис. 23. Шашмура и косынка женщины-“турчанки”.

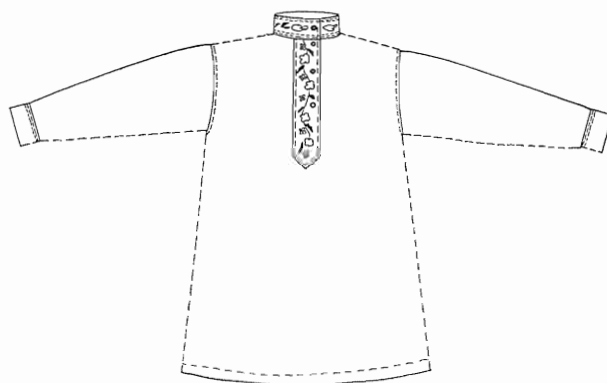
Вторая шашмура сшита из кружевного полотна светло-голубого цвета (рис. 22). В надлобной части ширина полотна уже по сравнению с шашмурой, описанной выше, на 2 см, а обручок шире на 2 см. Обруч из плотно скатанной ткани обшит светло-голубым поплином, который является подкладкой в надлобной части кружевного полотна. Голубые ленточки пришиты к нижним краям надлобной полосы и продернуты в кулиску на затылочной части шашмуры. Эта шашмура, надетая на голову, ничем не повязывалась, поэтому из-под шашмуры были видны волосы, что раньше считалось недопустимым для женщины.

Женщины-“турчанки” носят головной убор другого вида (рис. 23). Он шит из ситца в клеточку: широкие полосы белого и серого цвета пересекаются узкими полосками голубого, бордового и сиреневого цвета. Обручок узенький – 0,5 см в диаметре – вшит в верхнюю часть кички. Середина обручка приходится надо лбом (на высоте 7 см), к затылку концы обручка расходятся на ширину 6 см. Сзади к кичке пришиты завязочки, продернутые в кулиску.

По будням этот головной убор повязывался косынкой из искусственного крепа оранжевого цвета; по

1

2

Рис. 24. Мужские рубахи.

праздникам на него надевался твердый головной убор овальной формы, высокий надо лбом, украшенный двумя восьмилучевыми розетками. На концах лучей пришиты блески. Донышко снаружи вышито в виде сеточки с пришитыми по ней бусинками. В коллекции этот головной убор отсутствует.

В костюме мужчин традиционными остались лишь рубаха и пояс. Мужские рубахи “синьязянец” и “харбинцев” одинаковые по крою: разрез ворота посередине, накладная планка и застежка у одних рубах на правую, у других – на левую сторону; воротники – в виде стойки. По планке и воротнику стали вышивать яркий цветочный орнамент. К низкам рукавов пришивают манжеты. Такие же рубахи шьют мальчикам.

Две мужские рубахи сшиты С.И. Гейкен из искусственного крепа коричневого и желтого цвета.

Воротник рубахи коричневого цвета – стойка высотой 6 см, ширина планки 6 см, высота – 28 см, застегивается на правую сторону двумя кнопками (рис. 24, 1). Низки рукавов у манжетов заложены пятью защипами. Воротник и планка вышиты мелким крестиком. Узор – вьющийся стебелек с зелеными листиками, цветочками бело-розового цвета и бутончиками розово-бордового цвета.

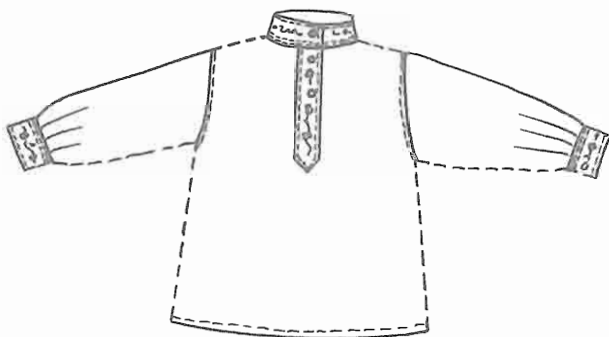

Рис. 25. Рубаха мальчика.

Вторая рубаха из желтого крепа аналогичного покроя (рис. 24, 2). Воротник-стойка 5 см, планка 6 × 27 см. Застегивается на правую сторону на три пуговицы. Воротник и планка украшены вышитыми крестиком розовыми цветами в окружении зеленых листиков. У обеих рубах спинка имеет кокетку. Полотно, пришитое к кокетке, сверху по центру заложено встречной складочкой. Рукава прямые. У данной рубахи, как и у описанной выше, рукава внизу заложены пятью защипами, по которым настроены манжеты. На манжетах обеих рубах отсутствуют петли и пуговицы.

Две рубахи сшиты Анной Герасимовной Демьяновой (1934 г.р.) из искусственной тонкой ткани – вискозы зеленого и желтого цвета. По фасону рубахи одинаковые. Рубаха зеленого цвета с воротником-стойкой высотой 4,5 см. Планка на груди размерами 32,5 × 7 см. Застежка на левую сторону кнопками. Рукава внизу заужены, пришиты к манжетам размерами 6 × 12 см. Воротник и планка на груди украшены петельчатой вышивкой, выполненной специальной иглой. Орнамент на воротнике в виде вьющегося коричневого стебля с бутонами синего, красного, желтого и оранжевого цвета и листочками зеленого и черного цвета.

Вторая рубаха сшита из желтой ткани. Воротник-стойка высотой 4 см застегивается на одну пуговицу, планка размерами 23,5 × 5 см – на три пуговицы. Застежка на рубахе на левую сторону. Рукава внизу заужены, заложены тремя защипами. Манжеты шириной 5,5 см застегиваются на две пуговицы. Воротник, планка и манжеты украшены вышивкой в виде вьющихся стеблей с цветочками розового цвета (по воротнику), красного и голубого (по планке) и розового и голубого (по манжетам).

Рубаха мальчика также сшита из вискозы светло-зеленого цвета с воротником-стойкой высотой 3,5 см и планкой размерами 20 × 3,7 см (рис. 25). Застежка на три кнопки на левую сторону. Рукав у манжеты сужается благодаря шести защипам, по которым настроена манжета размерами 7,5 × 3 см. Рубаха подарена мне А.В. Мажаевой.

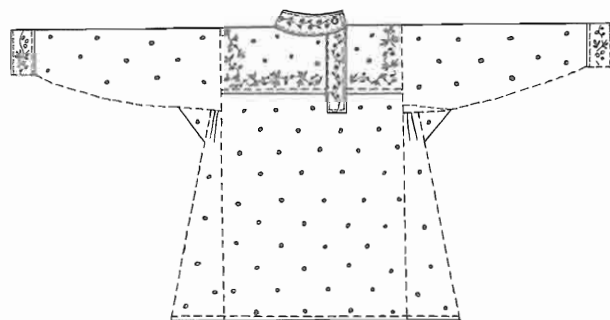

Рис. 26. Мужская рубаха “турчан”.

“Турчанская” мужская рубаха сшита из хлопчатобумажной ткани белого цвета в голубой горошек (рис. 26). Рубаха туникообразная с нашитой кокеткой без швов на плечах, воротник-стойка высотой 3 см. Разрез ворота слева. Воротник застегивается на одну пуговицу. Слева над разрезом пришита планка размерами 24 × 4 см. Воротник, планка и кокетка по периметру украшены вышитыми мелким крестиком вьющимися стебельками зеленого цвета с ягодками красного и оранжевого цвета. Рукава книзу сужаются. К основному полотну по бокам пришиты клинья, сверху они разрезаны на 8 см по высоте и заложены двумя защипами. В разрезы вшиты “ластовки” размерами 8 × 8 см.

Мужские рубахи “турчан”, как и женские сарафаны, повязывают круглыми поясами.

Пояс – неперенный предмет одежды старообрядцев и детей, и взрослых. Он, как и крестик, считался атрибутом православного человека. Пояса изготавливали разными способами: плели на руках, вязали, ткали на “навое” и кроснах, а также старинным способом – “на плашках” (“на кружочках”).

В коллекции имеется 23 пояса. Три из них – опояски, изготовленные еще в России. Две получены в дар от А.Н. Лысовой. Обе опояски ткала ее мать М.Л. Черемнова (1893 г.р.), когда семья еще проживала на Алтае в с. Соловьеве. Одна опояска соткана на кроснах потайным утком из домопряденной шерсти (“жичка”) черного и розового цвета; в каемках – желтые, коричневые и фиолетовые “жички”. Уток – черная “жичка”. Длина опояски 2,5 м с бахромой, ширина 9 см. Узор опояски – крупные “двадцатикрюшные” кресты, между которыми – “четырёхкрюшные” кресты. Вторая опояска таких же размеров сплетена на руках из гаруса белого, розового, зеленого и желтого цвета. Узор ромбический. Кисти выполнены из той же пряжи, что и весь пояс.

Третья опояска, также сплетенная на руках из лилового, зеленого и оранжевого гаруса, – дар Д.В. Овчинниковой, проживавшей в с. Верхний Уймон (Алтай). Ее изготовила ее мать Домна Степановна

Рис. 27. Женщина за тканьем пояса.

Рис. 28. Пояса, сотканые “на кружочках”.

Затеева (1861 г.р.). Опояска украшена ромбическим узором. Она была разрезана по длине; один край обшит узенькой темно-зеленой ленточкой. Длина опояски 256 см, ширина 8 см. Кисти выполнены из пряжи трех цветов, как и весь пояс.

Двадцать поясов коллекции были изготовлены в Америке (рис. 27): девять сотканы в древнейшей технике “на кружочках” (“в топках” – рис. 28, 1, 2), шесть – на ткацком стане, три сплетены руками “кругленьких”, один – “иглой шит”, один – сплетен руками и сшит иглой. В качестве пряжи использованы пушистые нейлоновые нити, или, по словам информаторов, пуховый гарус. Только три пояса сотканы полностью из хлопчатобумажных ниток мулине, а два – из ниток мулине в сочетании с нейлоновыми. Концы шести поясов заканчиваются бахромой из нитей основы, трех “кругленьких” – нитями основы и дополнительной бахромой. Концы остальных поясов украшены пришитыми кисточками в виде петелек, выполненными из пушистых

Рис. 29. Пояс. Концы украшены “юбочкой”.

Рис. 30. Четырехцветные пояса.

Рис. 31. Мужчины в рубашках, подвязанных поясами.

нейлоновых нитей двух цветов. На двух поясах поверх петелек пришита “юбочка”, связанная крючком (рис. 29).

Длина поясов колеблется от 70 до 300 см, а ширина – от 1,5 до 3,5 см. В коллекции только по одному поясу таких размеров. Остальные пояса шириной от 2,5 до 3 см. Имеется 13 двухцветных (не считая каемок) поясов: фон одного цвета, узоры – другого. У трех

поясов и фон, и узоры двухцветные. Например, одна половина пояса по ширине желтая, узоры голубые, вторая половина красная, узор зеленый; на оборотной стороне цвет поля и узоров меняется: поле голубое, узоры желтые; поле зеленое, узоры красные (рис. 30).

Подводя итоги, отмечу, что старообрядцы, проживающие в штате Орегон, и в конце XX в. продолжали носить традиционные виды одежды: женщины – сарафаны, рубахи, передники, пояса, шашмуры и платки, мужчины – рубахи и пояса (рис. 31). Ткани, пряжу для поясов, отделочные материалы, верхнюю одежду и обувь они покупали в магазинах.

В собранной мною коллекции женской одежды из натуральных тканей лишь два старинных сарафана (шелк, атлас) и один атласный фартук. Все остальные сарафаны, рубахи, передники и пояса, за исключением трех опоясок, привезенных из России, сшиты и сотканы из разного сорта искусственных тканей и пряжи. В мужской одежде только одна рубаха сшита из хлопчатобумажной ткани.

Покрой женских рубах и сарафанов изменился. “Полики” рубах стали шить узкими и только прямыми; манжеты на рукавах отсутствуют, вместо них закладываются складочки, по которым пришивают по две ленточки, или собирают низки на резинку. Сарафаны в коллекции только “круглые”. У них отсутствует “спиночка” – обязательная деталь старинных сарафанов. “Спиночку” имитируют перекрещенные сзади у пояса концы лямок.

Появился новый вид женской одежды – “галички” с рукавами или без них.

Узор на женских и мужских рубахах выполняется обычной или специальной иголкой. Орнамент растительный: вьющиеся стебельки с цветочками и листиками на них. Вышивка на мужских рубахах сделана на воротнике, планке и манжетах (ранее толь-

ко на груди). Фартуки и “запоны” украшают кружевами с золотистыми и серебристыми мишурными узорами.

Все пояса сотканы из “найлоновой” пряжи. Изменился орнамент: мотивы не связываются один с другим, а ткуются с промежутками между ними.

Головные уборы женщин – шашмуры – не закрывают полностью волосы, оставляют их открытыми над лбом.

* * *

Хочется отметить бескорыстие женщин, расставших со своими изделиями: С.И. Гейкен (подарила 16 предметов одежды), Е.М. Крайнову (9 предметов), А.Г. Якунину и ее дочь А.П. Квокову (7 предметов), А.Н. Лысову (6 предметов), Е.П. Кузнецову (5 предметов), а также А.В. Мажаеву, Д.В. Овчинникову, А.Е. Таран, Ф.И. Серебрякову, А.Г. Дементьеву, И.П. Якис, Ф.И. Селедкову (по 2 – 3 предмета).

Список литературы

- Бардина П.Е.** Быт русских сибиряков Томского края. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. – 223 с.
- Зеленин Д.К.** Восточнославянская этнография. – М.: Наука, 1991. – 511 с.
- Brother Ambrose.** A Brief History of Old Believers in Oregon. – Oregon: Saint Benedict Cloister, 1972.
- Morris R.A.** Old Russian Ways, Cultural Variations among three Russian Groups in Oregon. – N.Y.: AMS Press, Inc., 1991.
- Peterson R.E.** Believers. Booklet for the Old Believers film, shot by Margaret Xixon. – Oxidental College, 1981.

Материал поступил в редколлегия 23.06.03 г.

ЭТНОРЕАЛЬНОСТЬ В ФОТООБЪЕКТИВЕ

КАЗАХИ ЮЖНОГО АЛТАЯ

Повседневная жизнь Чуйской степи, где сегодня соседствуют теленгиты, алтайцы, казахи, русские, стала одним из объектов наблюдения международной экспедиции по Сибири в июне 2002 г. Организаторами проекта выступили: агентство “Открытая Сибирь”, фонд Кондратюка, фонд “Объективная реальность” и Институт археологии и этнографии СО РАН. Культура и обычаи казахов Кош-Агачского р-на Республики Алтай определили содержание коллективного фоторепортажа.

По данным переписи 1989 г. численность казахов Горного Алтая составляла 10 692 чел., из них 86,5% проживали на территории Кош-Агачского и Улаганского р-нов; 8,5% – в Усть-Канском, Онгудайском, Шебалинском р-нах. Сегодня казахи являются третьими по численности народом Республики Алтай.

История освоения казахами южных пределов Горного Алтая насчитывает около полутора веков. Демаркация границ и колонизационная политика, административные и земельные реформы в Российской державе середины XIX в. вызвали активные миграционные процессы на окраинах государства. В этот период началось продвижение в высокогорные районы Алтая казахов из сопредельного степного края. Особенно интенсивным переселение стало в последней трети XIX – начале XX в. в результате обострения земельного вопроса и межродовых распрей в казахской степи, а также вследствие межэтнических и религиозных конфликтов в пограничных с Алтаем районах.

Известно, что в 70-х гг. XIX в. мятежный бий Тохтамыс поднял казахов из урочищ по р. Бухтарме (родовых подразделений самаев, каратаев, кара-кереев племени найман) и убедил их бежать в Китай. Через десять лет они вновь пересекли границу, начав перекочевку в сторону Алтая – в пограничные урочища Колгуты, Укока, Джазатора, Джумалы, затем Тархаты и далее на теленгитские земли. В 1890 г. в пределах 2-й Чуйской волости насчитывалось 128 кибиток чингистайских казахов. Для их потомков, живущих ныне в с. Джазатор Кош-Агачского р-на, Тохтамыс – легендарная личность. В мифологизированной версии он обрел черты эпического героя – мудрость, сильный характер, богатырскую силу, поэтический дар. Его якобы знал весь Алтай, и сам Аргымбай, крупнейший конезаводчик России, стал побратимом казаха-первопроходца, подарив ему

белую лошадь под седлом и плетью. Вымысел и реальность переплелись в этнической памяти, канонизировавшей образы предков.

В условиях иноэтнического окружения верность традиции и памяти предков является основой самосохранения этноса. Казахи Кош-Агача чтят память Абдульдо Сарыголдакова и его прямых потомков. В 1900 г. в Чуйской степи на землях теленгитов кочевало 110 кибиток казахов-сарыголдаков – выходцев из Китая. В 1907 г. их численность возросла до 150 кибиток. Случайные путешественники восхищались зажиточностью местного населения и отмечали наивное тщеславие предводителя казахов Абдульдо Сарыголдакова, составившего “Посемейный список народа Сарыголдак”. При этом уже с 90-х гг. XIX в. в высшие инстанции поступали донесения подданных “свободного зайсана” Абдульдо о его злоупотреблениях. В начале XX в. А. Сарыголдаков контролировал районы, прилегавшие к торговому тракту, который шел из Кош-Агача в Кобдо. Постепенно его влияние распространилось на всю 50-верстную приграничную полосу, в пределах которой действовал принцип беспошлинной торговли, сулившей большие доходы. Укрепляя собственное положение, А. Сарыголдаков добивался включения бывших китайских подданных казахов-сарыголдаков в официальные государственные структуры. Уездное и губернское руководство считало целесообразным создание казахской волости для установления контроля над этим населением, однако не хотело признавать власть “свободного зайсана”. В 1908 г. он был приговорен к тюремному заключению и высылке в Нарымский край.

С согласия теленгитских старшин во второй половине XIX в. казахи арендовали земли в Чуйской степи и в высокогорных урочищах – в долинах рек Ак-Алаха и Джазатор и далее. По преданию, зайсан Очурдяп первым принял в Чуйской степи 40 казахских семей, владеющих искусством врачевания, ковроделия, ткачества, ювелирным, кузнечным и шорным ремеслом. Реально продвижение казахов на теленгитские земли приводило к острым межэтническим противоречиям и вызывало недовольство официальных властей. История и прежде не раз сталкивала казахский и алтайский народы. Особенно трагичными были военные конфликты на Алтае в XVIII в., земельный передел конца XIX в. и другие события, которые всякий раз актуализировали этническое противостояние.

В 1912 – 1913 гг. возникла новая волна казахской миграции, связанная с событиями в пограничной Монголии. Ситуация в этом регионе была очень сложной. Светская и духовная власть находилась в руках жесткого и волевого авантюриста Джаламы, который намеревался создать независимое государство ойратов (западных монголов) в составе Кобдосского и Алтайского округов. Утверждая собственную власть, он сделал нормой практику этноцида. Особенно жестоким преследованиям подвергались казахи, кочующие в округе. В 1913 г. переходы через границу имели особенно массовый характер.

Перед казахами-переселенцами стояла проблема утверждения права на новые территории. Возникали острые конфликты казахов и теленгитов из-за пастбищ. Формально этот вопрос был разрешен в 1912 – 1913 гг., когда Землеустроительная комиссия дала казахам отводную запись. В соответствии с ней под казахские кочевья были определены земли на левом берегу Чуи. Численность казахов, получивших этот надел, выражалась цифрой 672 души мужского пола. Они и составили население вновь созданной Казахской волости.

На протяжении последующих десятилетий численность казахов в пограничных районах Алтая неуклонно возрастала. Согласно статистике, в 1959 г. она составляла 4 745 чел., в 1970 г. – 7 170, в 1979 г. – 8 677, в 1989 г. – 10 672 чел., из них 83,4% приходилось на Кош-Агачский р-н, где проживало ок. 9 тыс. казахов, это 54,4% населения района (39,6% – теленгиты). Современную этнодемографическую ситуацию здесь характеризует смешанный характер поселений. Из 11 сельских советов (по данным районного отдела статистики на 1994 г.) казахи преобладали в четырех; в других населенных пунктах большинство составляли теленгиты.

За время пребывания на Алтае, в своеобразной природно-географической зоне высокогорья, в отрыве от основного этноконфессионального массива различные родоплеменные и территориальные объединения казахов консолидировались в единое целое. Сохраняя память о местах исхода, поддерживая родственные связи с ближними к Алтаю казахскими районами, чуйские казахи сознают свою самобытность.

В рамках алтайской государственности казахи, как и все народы республики, получили подтверждение культурного и языкового суверенитета. В последние десятилетия в зоне расселения казахского этноса широко развивалось фольклорное движение; в национальных школах было введено преподавание народных традиций; в Кош-Агачском р-не возникли музеи и центры казахской культуры. Законодательные акты Республики Алтай провозгласили государственными алтайский и русский языки, оговорив, что ка-

захский может использоваться на официальном уровне в местах компактного проживания его носителей. К 1993 г. преподавание казахского языка было введено в восьми школах района. Законодательное закрепление особого статуса казахского языка не исключает активных форм алтайско-казахского билингвизма; в роли “денационализированного” посредника в диалогах полиэтничного сообщества приграничной зоны Алтая выступает русский язык.

Языковая и культурная специфика казахов Южного Алтая формировалась в условиях изоляции группы от основного этнического массива при активном воздействии иноэтничного окружения (алтайцев, теленгитов, тувинцев и монголов приграничных территорий). Основой жизнедеятельности населения района традиционно являлось отгонно-пастбищное скотоводство. Общность производственных технологий – скотоводческих и охотничьих – определяла близость бытовых, в настоящее время в значительной степени унифицированных, укладов казахов и теленгитов. Этнодифференцирующий характер имели: особенности устройства и оформления упряжи и охотничьего снаряжения; конструкция, устройство и оформление войлочной юрты; характер орнаментации войлоков; кулинарные технологии и предпочтения, в особенности в ритуальном застолье и т.д. Этикетные нормы, формы заключения брака, ритуалы, связанные с рождением и социализацией ребенка, отчетливо ориентированы на сохранение самобытности. Погребально-поминальная обрядность казахов, основанная на нормах ислама, является важнейшим фактором структурирования полиэтничного сообщества микрорегиона, разделяя людей на своих и чужих.

Межнациональные контакты на юге Алтая имеют очень сложный характер. Их контекст во многом определяется исторической памятью этносов, опытом векового сосуществования, характером социально-экономических и политических процессов в России и сопредельных странах. После распада СССР приобретает массовый характер исход казахов за пределы Алтая. Если в 1991 г. в Кош-Агачском р-не насчитывалось 8 200 казахов и 7 013 теленгитов, то в 1993 г. соответственно 6 377 и 7 264. По заключению правительственной комиссии, работавшей в 1992 г., главная причина отъезда – стремление к воссоединению нации, возобладавшему с провозглашением независимости государства Казахстан. Но некоторое время спустя миграция пошла на убыль и начался обратный процесс. По данным Комитета статистики, в 1994 г. число лиц, убоавших в Казахстан из Республики Алтай, составило 153 чел., в 1995 г. – 209 (в целом из республики выбыло в 1994 г. 7 024 чел., в 1995 г. – 7 103), прибывших из Казахстана – соответственно 1 377 и 1 200 чел. (в целом число прибывших в Рес-

публику Алтай в 1994 г. составило 1 579 чел., в 1995 г. – 1 420). В пределы Кош-Агачского р-на в 1994 г. прибыло 699 чел., в 1995 г. – 686, в 1996 г. – 335 чел.; выбыло из района соответственно 232, 266 и 259 чел. Массовый приток переселенцев в середине 90-х гг. XX в. вызвал возмущение коренного населения и актуализировал проблему межэтнической конфронтации, имеющую историческую подоплеку.

В ситуации, когда алтайцы обрели статус титульной нации, а казахи, сохраняющие лидирующие позиции в социальной инфраструктуре Кош-Агачского р-на, оказались в роли этнического меньшинства, особое значение приобрел религиозный фактор. В Республике Алтай за последние годы были основаны несколько мечетей (тогда как в начале века не было ни одной), в т.ч. в столице – г. Горно-Алтайске. Связанная с установлением контактов с исламским миром (с мусульманами Казахстана, Монголии, Китая, Турции, России) реисламизация Алтая актуализировала не только религиозное, но и этническое сознание казахов республики. Ощущая себя частью исламского мира, казахское меньшинство обрело новый опыт этнокультурных и конфессиональных контактов и утверждалось в чувстве этнической гордости.

Возрождение исламских институтов в 90-х гг. XX в. способствовало консолидации казахов Алтая. Выражая интересы самого многочисленного меньшинства республики, национальные лидеры искали новые формы этнической самоорганизации. Традиционные родовые структуры в условиях дестабилизации социально-политической ситуации в стране в 90-х гг. XX в. рассматривались как форма альтернативной организации самоуправления. Среди коренного населения Алтая процесс легитимизации родовых институтов начался в 1989 г. В конце 90-х гг. ряд алтайских субэтносов получили статус коренных малочисленных народов.

Практика этнического самоопределения стала темой для размышлений лидеров казахского сообщества. Во второй половине 90-х гг. XX в. среди казахов Южного Алтая активно обсуждалась возможность организации Совета суёков (родов). Летом 1999 г. в с. Жана-Аул Кош-Агачского р-на состоялся Курултай казахов Республики Алтай. В его Обращении говорилось:

«Мы, казахи Республики Алтай, уже почти два века живем в Республике Алтай. На протяжении данного времени отношения с коренным народом и народами совместного проживания – с русскими и другими – характеризуются как благоприятные и доброжелательные. По последним данным, в Республике Алтай насчитывается около 12 тыс. казахов. Согласно Федеральному закону “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации”, мы относим себя к коренным мало-

численным народам, так как проживаем на территории традиционного расселения своих предков, сохраняем традиционный образ жизни, насчитываем менее 50 тыс. человек и осознаем себя самостоятельной этнической общностью.

По существующему законодательству каждый из малочисленных народов имеет право участвовать в работе властных структур. Это наше право также не реализовано. Мы не представлены в республиканских структурах власти, включая федеральные. О каком же развитии народа, об его участии в подготовке и принятии органами государственной власти решений по наиболее важным вопросам жизни можно говорить? Считаем, что настало время заявить о себе, своих проблемах с тем, чтобы нас услышали, поддержали, помогли реализовать наши права на социально-экономическое и культурное развитие в столь трудное для нас и всего общества время”.

Эта концепция, не нашедшая поддержки общественных организаций и административных структур, обозначила территориальные, культурные и социально-политические притязания казахов. Перспектива развития трансграничных связей и превращения Кош-Агача в крупный транспортный и торговый узел юга Республики Алтай определила контекст, в котором происходило развитие этнополитической ситуации в пограничной зоне региона.

Летом 1999 г. состоялся учредительный съезд казахов Алтая, где было создано общественное движение “Курултай казахского народа”; его Устав Минюст Республики Алтай утвердил в 2000 г.; основополагающими принципами деятельности Курултая были объявлены: *“признание прав казахского и других народов на сохранение национального языка, культуры, обычаев; признание приоритета национального единства над идеологическими, классовыми убеждениями и предрассудками; признание и неукоснительное соблюдение законодательства Российской Федерации, законов Республики Алтай и других регионов проживания казахов, а также норм международного права; решение национальных и политических проблем цивилизованными демократическими путями”.*

Стратегия деятельности Курултая была переориентирована на взаимодействие с основным этническим массивом, со структурами, представляющими интересы казахов России и Азии. После распада СССР за пределами Казахстана оказались 2 млн казахов, в т.ч. 635,9 тыс. в России. Взаимодействие с диаспорой стало важным аспектом внешней политики государства. Казахская диаспора рассматривается как фактор присутствия и оплот казахской государственности в России. Согласно официальному утверждению Президента Казахстана Н. Назарбаева, *«развитие*

казахского национального самосознания, чувства своей принадлежности к прекрасному и богатому историческому и культурному целому, что зовется именем “казах”, – это главный этнический приоритет. И скрывать или придумывать дипломатические оговорки здесь нет нужды»*.

В июле 2001 г. в Кош-Агачском р-не состоялся Малый курултай казахов России, собравший лидеров диаспоры из Алтайского края, Москвы, Монголии, Китая, а также представителей Казахстана, членов Всемирной ассоциации казахов. Его участники приняли Обращение к высшим органам государственной власти, к соотечественникам: *“Основными направлениями в своей работе считать: утверждение идеалов дружбы, добрососедства, сотрудничества, равенства и взаимного уважения ко всем народам... Для координации деятельности по решению всех проблем, стоящих перед соотечественниками, необходимо создать центр казахской ассоциации в России”***.

* Назарбаев Н. В потоке истории. – Алматы, 1999. – С. 190.

** Звезда Алтая. – 2001. – 20 июля.

Апеллируя к соглашениям на межгосударственном уровне о сотрудничестве между Россией и Казахстаном, а также к принципам, сформулированным президентом Казахстана Н. Назарбаевым по отношению к приграничным территориям, лидеры казахского Курултая выступили с инициативами консолидации.

Изменение геополитического контекста в мире в 2002 – 2003 гг., обозначившее оси напряженности между Западом и Востоком, привело к появлению новых проблем в существовании маленького этнического сообщества на границах России. Сохраняя верность прошлому, казахи Чуйской степи активно утверждают себя в настоящем, чтобы иметь шанс на будущее.

И.В. Октябрьская

*Институт археологии и этнографии РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск,
630090, Россия*

E-mail: SIEM405@yandex.ru

1. Александр Сорин. Казахская семья
с. Тобелер, Кош-Агачский р-н, Республика Алтай.

Семья

Юрту в степи узнают по куполу. Деревянный круг с перекрестьем – шанарак – служит основой купола, основой юрты. Поставить шанарак – значит создать семью, дом, стать хозяином. Это понятный кочевнику круг слов и смыслов.

В казахских семьях Алтая чтут родословные, помнят генеалогии, строго соблюдают правило семи поколений при заключении брака.

2. Хайди Брэднер. Установка казахской юрты
с. Кош-Агач, Кош-Агачский р-н, Республика Алтай.

3. Александр Сорин. Подготовка к поминкам сорокового дня
с. Тобелер, Кош-Агачский р-н, Республика Алтай.

Дастархан

Казахский дастархан напоминает о том, что трапеза – это ритуал. Казахское застолье подчинено строгому канону. Обязательный чай, обязательная сервировка; масло, сахар, сладости – неременные атрибуты достатка семьи. Только потом – мясо строго по рангу, для каждой категории гостей – собственное блюдо с положенными частями мяса. Лишь старшему мужчине, главе рода, за праздничным дастарханом позволено разделить голову жертвенного животного.

4. Андрей Кобылко. Поминальный дастархан
с. Тобелер, Кош-Агачский р-н, Республика Алтай.

5. Андрей Кобылко. Разделка туши сарлыка для поминальной трапезы
с. Тобелер, Кош-Агачский р-н, Республика Алтай.

Поминальная жертва

На сороковой день после похорон тридцатилетнего сына в семье Зийнулдановых из с. Тобелер закололи сарлыка. Поминальные жертвы приносятся в течение года после смерти человека. Ритуал прощания растягивается, собирая ближнюю и дальнюю родню. Выразить уважение к умершему считается долгом для живых. В системе ценностей казахов Алтая, в течение ста лет отстаивающих право на новую родину, человеческая жизнь, судьба, доля занимают одно из центральных мест. Количество пришедших в поминальную юрту служит показателем статуса покойного, его семьи, рода.

6. Александр Сорин. Баш-тепши – почетное блюдо с головой сарлыка на поминальном дастархане
с. Тобелер, Кош-Агачский р-н, Республика Алтай.

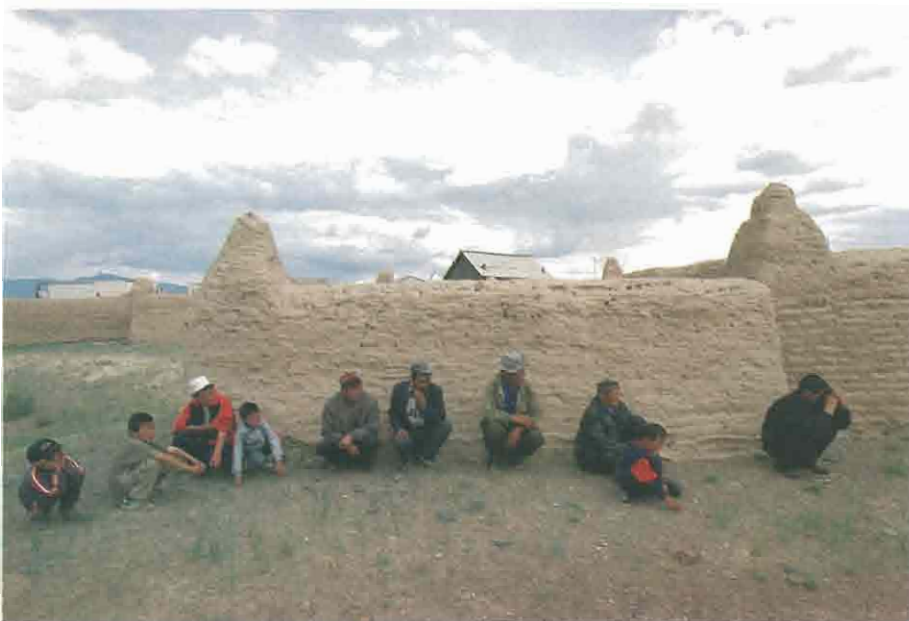

7. Александр Кузнецов. Установка могильной плиты на кладбище с. Джанаул, Кош-Агачский р-н, Республика Алтай.

Могилы

Погребальный исламский канон не предполагает посещения могил. Но в традиции казахов Алтая переход в иной мир растянут во времени. Живые не торопятся отпустить умерших. По истечении года сооружают вокруг могилы ограду. Всякий раз, сопровождая на кладбище покойного, навещают могилы близких, читают Коран, вспоминают о прошлом под оплывшими белесыми стенами сырцовых мавзолеев.

Один из самых больших и красивых некрополей Чуйской степи Ак-тал расположен недалеко от Кош-Агача, как и полагается по обычаю, за руслом ручья, отделяющего жизнь от смерти.

8. Александр Сорян. Ак-Тал – казахское кладбище у с. Кош-Агач Кош-Агачский р-н, Республика Алтай.

9. Хайди Брэднер. Дойка кобылиц на семейной ферме близ с. Кош-Агач Кош-Агачский р-н, Республика Алтай.

Рождение кумыса

Сквозь череду дней от поминок к рождению течет жизнь в Чуйской степи с повседневными делами и заботами.

Когда ожеребятся кобылы, казахи начинают делать кумыс. Кобылиц доят часто, молоко считают литрами; перед дойкой подпускают к вымени жеребят. Кочевники с пониманием относятся к тем, с кем бок о бок живут много столетий. Молоко кобылицы священо, как все белое и чистое, – страшно, если оно прольется на землю. Кумыс – это национальное достояние. А если спросить специалиста-этнографа, он объяснит, что рождение кумыса в мифопоэтической традиции сродни шаманскому ритуалу и описывается как рождение мира. Хотя, если кумыс незрелый, в голову приходят совсем другие мысли.

10. Сергей Ильницкий. Угощение кумысом в казахской юрте с. Кош-Агач, Кош-Агачский р-н, Республика Алтай.

11. Сергей Ильницкий. Изготовление сырмака
с. Ташанта, Кош-Агачский р-н, Республика Алтай.

Войлок

“Как цвет яблони, как узор текемета проходит жизнь – твоя и моя незаметно...” – вьются над Чуйской долиной казахские песни, объединяющие людей; ложатся на казахские ковры строчки швов, соединяющие войлочные пластины. Киис, текемет, сырмак – яркие узоры летней степи. “Нос птицы”, “рога барана”, “хвост собаки” – под рукой женщины рождается орнаментальная мозаика простого и пестрого мира. Из цветных лоскутов собирают единое целое. Вьется по красному полю золотой шнур – петляет и создает иллюзию бесконечности.

12. Сергей Ильницкий. Дети проветривают войлоки на летней стоянке близ с. Ташанта
Кош-Агачский р-н, Республика Алтай.

ГРИГОРИЙ МАКСИМОВИЧ БОНГАРД-ЛЕВИН

Григорий Максимович Бонгард-Левин, несомненно, один из наиболее выдающихся, талантливых и широко известных востоковедов России. Он родился 26 августа 1933 г. в семье профессора МГУ Максима Григорьевича Левина – крупного антрополога и этнолога. Семейные традиции определили высокий уровень образования, научные устремления и интересы молодого человека. В 1951 г. он поступил на исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, который с отличием закончил в 1956 г., специализируясь по восточному отделению и кафедре истории древнего мира. Со студенческих лет Г.М. Бонгард-Левин сохранил живой интерес к теме “Индия и античный мир”.

Будучи студентом, Григорий Максимович занялся хинди и санскритом, он регулярно ездил в Санкт-Петербург, где под руководством известного индолога В.С. Воробьева-Десятовского изучал пракрит, шрифт брахми и приступил к чтению надписей Ашоки. Тогда у него сформировался глубокий интерес в маурийской эпохе и эпиграфике – надписям на брахми и кхароштки.

После второй мировой войны в Советском Союзе не сохранилось хорошей индологической школы. Догматизм и схоластика нередко царили в трудах по всеобщей истории: провозглашалось, что социально-экономическая формация, основанная на рабстве, существовала во всех странах древнего мира; древневосточная политическая система характеризовалась термином “восточный деспотизм”. Изучение первоисточников не считалось необходимым условием для научного исследования. Однако окончание Г.М. Бонгард-Левиным университета по времени совпало с существенными изменениями в истории СССР – знаменитой “оттепелью”, начавшейся после смерти Сталина. Некоторая свобода была допущена и в научной работе.

С 1956 г. Г.М. Бонгард-Левин работает в Институте востоковедения АН СССР. Он прошел путь от младшего до главного научного сотрудника, председателя Совета по защите кандидатских и докторских диссертаций. Для своей кандидатской диссертации в 1961 г. Григорий Максимович избрал ключевую тему для истории древней Индии – “Формирование и система управления Маурийской империи”.

Возвращение в СССР проф. Юрия Николаевича Рериха – известного востоковеда и буддолога, сохранившего лучшие традиции российской востоковедной

школы, – было подарком судьбы. Ю.Н. Рерих руководил индологическим семинаром в Институте востоковедения АН СССР, и Г.М. Бонгард-Левин участвовал в его работе. С. Ю.Н. Рерихом он прошел полный курс санскрита, а с профессором Г.П. Малаласекерой – курс языка пали.

В 1960 г. на XXV Международном конгрессе востоковедов, проходившем в Москве, молодой ученый сделал доклад “Мегасфен и надписи Ашоки”. Он сравнил паришад, упомянутый в эдиктах Ашоки, с “советниками”, известными по фрагментам сочинений Мегасфена, показав тем самым правдивость античных источников об Индии. Доклад был встречен с большим интересом и одобрением. На основе древнеиндийских источников Г.М. Бонгард-Левин убедительно отверг распространенное мнение о доминировании деспотической формы правления Древней Индии.

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. СССР установил прочные отношения с государствами Южной Азии. Молодой индолог был послан на год на стажировку в Шри-Ланку (Цейлон). Собирая информацию об Ашоке в исторической традиции, ежедневно занимаясь с монахами чтением буддийских канонических сочинений, он совершенствовал свои знания пали и буддийских текстов.

Директором Института востоковедения АН СССР в то время был Б.Б. Гафуров. Он уделял большое внимание изучению Средней и Центральной Азии. В 1968 г. в Душанбе была проведена крупнейшая международная конференция по проблемам кушанской истории. Г.М. Бонгард-Левин был одним из ее организаторов. Эта конференция открыла для молодого ученого возможность проявить свои незаурядные способности и установить широкие международные связи.

В 1960-е гг. Институт востоковедения работал над подготовкой к печати четырехтомного исследования по истории Индии с древнейших времен до наших дней. Объемный том по истории Древней Индии был написан Г.М. Бонгард-Левиним и его старшим коллегой Г.Ф. Ильиным. Книга была положительно оценена специалистами. Ее второе издание, исправленное и дополненное, появилось в 1985 г. В 1970 г. Г.М. Бонгард-Левин успешно защитил докторскую диссертацию.

В 1973 г. Г.М. Бонгард-Левин опубликовал фундаментальную монографию “Индия эпохи Маурьев”, которая позднее была переведена на английский язык и издана в Индии. По его инициативе было написано несколько коллективных работ по актуальным проблемам истории древности. Результатом творческого союза Г.М. Бонгард-Левина и ираниста Э.А. Грантовского стала захватывающая книга по истории и культуре арийских племен – “От Скифии до Индии” (переведена на французский, венгерский и английский языки). Г.М. Бонгард-Левин и С.И. Тюляев являются авторами первой в СССР книги по искусству Шри-Ланки (была переведена на румынский язык). Совместно со специалистами по средневековой и новейшей истории профессорами К.А. Антоновой и Г.Г. Котовским Г.М. Бонгард-Левиним написан краткий исторический очерк по истории Индии (книга переведена на английский, венгерский, чешский и многие индийские языки). А.А. Вигасиним и Г.М. Бонгард-Левиним была подготовлена книга “Образ Индии”, в которой представлена история индологии в России и СССР (опубликована на английском языке и хинди). Г.М. Бонгард-Левин – автор фундаментальной монографии “Древнеиндийская цивилизация” (вышло три издания), опубликованной на английском языке в Индии, на болгарском в Болгарии, сербском в Югославии. Некоторые его книги были изданы в Индии – “Mauryan India” (1986), “Studies in Ancient India and Central Asia” (1971), “Kunala Legend” (1972), “Complex Study of Ancient India” (1986), “Ancient India History and Civilization” (1998).

Исследования Г.М. Бонгард-Левина по буддийским и сако-хотанским текстам из Восточного Туркестана явились важнейшим вкладом в индологию и буддологию. В этой сфере исследований Г.М. Бон-

гард-Левин проявил себя достойным продолжателем лучших традиций российской буддологической школы, представленной именами академиков С.Ф. Ольденбурга и Ф.И. Щербатского. В сотрудничестве с индологами из Санкт-Петербурга и зарубежными коллегами он продолжил классические традиции российской буддологии, выражением которых является знаменитая серия “*Bibliotheca Buddhica*”. Г.М. Бонгард-Левин – автор большого количества статей в различных научных журналах, двухтомного труда “Индийские тексты из Центральной Азии” (1985 – 1990 – подготовлены в соавторстве с М.И. Воробьевой-Десятковской), краткой, но очень важной книги “*Sanskrit Fragments of the Mahāyāna Mahāparinirvāṇa-sūtra*”, опубликованной в Токио. В 1996 г. его работа “*Sanskrit-Texte aus dem buddhistischen Kanon: Neuentdeckungen und Neueditionen. Nagaropamastra*”, написанная совместно с Д. Буше, Т. Фукитой и К. Вилле, вышла в Германии.

Впечатляющий послужной список научных достижений и высокий научный авторитет позволили Г.М. Бонгард-Левину в 1981 г. быть избранным в члены-корреспонденты, а в 1990 г. – действительным членом Академии наук СССР. В последовавшие затем несколько лет изучение буддийских рукописей из Центральной Азии, хранящихся в России, стало основной сферой его научных интересов и принесло ему заслуженное признание у крупнейших индологов и буддологов мира.

В 1989 г. Г.М. Бонгард-Левин стал главным редактором журнала “Вестник древней истории”. Эта должность потребовала от него проявления незаурядных организаторских способностей и глубоких знаний истории и культуры древних цивилизаций Востока и Запада. Журнал, который и до этого имел прочную академическую репутацию, стал под его руководством центром многоплановых исследований по древней истории и филологии. Григорий Максимович сумел собрать и организовать в единый коллектив молодых талантливых специалистов по истории Египта и Вавилонии, Греции и Рима, эллинистических государств и Северного Причерноморья. Благодаря Г.М. Бонгард-Левину они получили возможность участвовать в различных международных проектах. С 1991 г. Г.М. Бонгард-Левин является главным редактором журнала “*Ancient Civilizations*”, выходящим на английском языке в издательстве “Brill” в Голландии.

В последние годы Г.М. Бонгард-Левин занимается изучением наследия русской научной и литературной эмиграции. Он опубликовал целый ряд уникальных архивных материалов из российских и иностранных архивных собраний. Под его редакцией и при его активном участии был издан большой том неопубликованных материалов выдающегося русского ученого М.И. Ростовцева – “Скифский роман” (М., 1997).

Книга прекрасно издана и иллюстрирована, несомненно, лишь Г.М. Бонгард-Левин смог бы осуществить это чудо! В 2000 г. этот труд был удостоен Государственной премии РФ. Совсем недавно под редакцией Г.М. Бонгард-Левина был издан фундаментальный труд, посвященный научному наследию М.И. Ростовцева, – “Парфянский выстрел” (М., 2003). Многие главы в нем написаны Григорием Максимовичем. В последние годы на основе собранных архивных материалов Г.М. Бонгард-Левиним изданы десятки статей, посвященных творчеству писателей и поэтов русского зарубежья – И.А. Бунина, И.С. Шмелева, В.В. Набокова, Б.К. Зайцева, К.Д. Бальмонта, Вяч. Ив. Иванова. По этой тематике была напечатана книга Г.М. Бонгард-Левина «Из “Русской мысли”» (СПб., 2002), уже получившая высокую оценку литературоведов.

Г.М. Бонгард-Левин – автор около 20 монографий и более 300 статей, опубликованных во Франции, Великобритании, Италии, США, Германии, Венгрии, Швеции, Японии, Китае, Индии, Шри-Ланке, Пакистане и других странах. Он принимал участие в работе многих международных конгрессов, выступал с научными докладами и лекциями в разных странах мира. Уже 15 лет Г.М. Бонгард-Левин возглавляет Центр индологических и буддологических исследований МГУ им. М.В. Ломоносова, в котором получают образование молодые индологи и буддологи. В течение последних лет он заведует кафедрой истории древних и средневековых цивилизаций Государственного академического гуманитарного университета.

Г.М. Бонгард-Левин награжден Золотой медалью Азиатского общества Бенгалии (1975); он лауреат премии Неру (1972), лауреат Государственной премии СССР за книгу “Индия в древности” (1988) и Государственной премии РФ за “Скифский роман” (2000), лауреат Международной премии Святого Марка (1990), лауреат Международной премии Эмпедокла (Агридженто, Италия). Г.М. Бонгард-Левин – почетный доктор Тибетского института высших исследований в Сарнате, Индия (1992), вице-президент Международной Ассоциации санскритских исследований (1979 – 1990), член-корреспондент Итальянского ин-

ститута Азии и Африки (ISMEO–ISIAO) (1985), член-корреспондент Германского археологического института (1993), Почетный член Королевского Азиатского общества Великобритании и Ирландии (1997). В 1999 г. Г.М. Бонгард-Левин был избран иностранным членом Французской Академии надписей и изящной словесности – одной из самых престижных академий мира.

С 1999 г. Г.М. Бонгард-Левин представляет Российскую академию наук в Международном союзе академий, в который входят академии более 50 стран, и немало делает для развития международного сотрудничества наших ученых с зарубежными коллегами, укрепления авторитета отечественной науки. В 2000 г. на Международном конгрессе исторических наук в Осло он был избран членом бюро Международного союза историков.

Г.М. Бонгард-Левин – в вечном поиске, полон творческих планов и участвует в многочисленных научных проектах. Он привык к победам, всегда знает, как выполнить поставленную научную задачу. У него много учеников. Среди них – доктора и кандидаты наук, университетские профессора, заведующие кафедрами. Его студенты – не только в России, но и в Индии, Европе. В 2000 г. Г.М. Бонгард-Левину было присвоено звание Заслуженный профессор МГУ.

Друзья и коллеги знают Григория Максимовича как чрезвычайно доброго и отзывчивого, справедливого и живого, требовательного и остроумного человека. Его приятно слушать как в научной и университетской аудитории, так и за праздничным столом. Несмотря на бесконечную всепоглощающую научную работу требования, которые Григорий Максимович предъявляет своим коллегам и ученикам, с ним легко и приятно сотрудничать. Он привык принимать жизнь во всей ее полноте, хотя для него она не была устлана розовыми лепестками и нередко оборачивалась своей жестокой и неприветливой стороной.

70 лет – далеко не старость. И, конечно, не старость – если мы говорим о Григории Максимовиче Бонгард-Левине.

Академик С.Л. Тихвинский

АЛЕКСЕЙ ПАВЛОВИЧ УМАНСКИЙ

17 октября 2003 г. исполнилось 80 лет известному исследователю археологических памятников Алтая, историку и педагогу, ветерану Великой Отечественной войны, доктору исторических наук, почетному профессору Барнаульского государственного педагогического университета, заслуженному деятелю науки Российской Федерации Алексею Павловичу Уманскому.

Будущий археолог родился в 1923 г. в пос. Горбуновка (ныне в черте г. Барнаула) в многодетной крестьянской семье. Ему рано пришлось испытать житейские невзгоды после ареста и ссылки по ложному обвинению его отца Павла Николаевича.

В 1941 г. Алексей Уманский, с отличием окончив среднюю школу, поступил на исторический факультет Новосибирского педагогического института (в годы войны он находился в г. Колпашеве), однако учеба была прервана мобилизацией в трудовую армию. С самого начала Великой Отечественной войны он несколько раз пытался попасть на фронт или поступить в военное училище, но из-за анкетных данных был призван в действующую армию только в сентябре 1943 г. Молодой танкист участвовал в освобождении Украины, воевал в Польше, Чехословакии, Германии. За проявленное мужество Алексей Павлович награжден двумя орденами Отечественной войны, медалью «За отвагу», другими медалями и знаками отличия.

После демобилизации А.П. Уманский с отличием окончил в 1947 г. исторический факультет Бар-

наульского пединститута и навсегда связал свою судьбу с этим старейшим в крае высшим учебным заведением.

В 1949 г. по просьбе известного ленинградского археолога М.П. Грязнова А.П. Уманский с группой студентов был направлен на раскопки знаменитого комплекса древних памятников у с. Большая Речка и тогда же на всю жизнь «заболел» археологией.

Первые самостоятельные раскопки начинающий археолог провел в 1951 г. близ с. Иня в Павловском (ныне Шелаболихинском) р-не Алтайского края, вскрыв четыре кургана сrostкинской культуры. А.П. Уманским открыто и исследовано много памятников края. Среди них некрополи андроновской культуры (Кытманово, Нижняя Суетка, Степной Чумыш и др.), поздней бронзы (Новоильинка, Ильинка, Плотинная, Новотроицкое), раннежелезного (Раздумье, Камень, Масляха, Новотроицкое) и древнетюркского (Зайцево, Грязново и др.) времени. В Эрмитаже хранятся вещи из уникального захоронения эпохи великого переселения народов из Тугозвонова, которые были спасены для науки благодаря усилиям Алексея Павловича, а также большая коллекция (более 110 предметов) ювелирных украшений, найденных им в могилах поздней бронзы (Кытманово) и в курганах раннего железного века (Раздумье).

В Институте археологии и этнографии Сибирского отделения РАН сосредоточены каменные изделия из Улалинка (в черте г. Горно-Алтайска), которые своей древностью произвели в 1970-х гг. настоящую сенсацию в научном мире. Открыл этот памятник академик А.П. Окладников, а раскапывал его в течение двух сезонов А.П. Уманский. Их многолетнее сотрудничество переросло в крепкую дружбу и взаимную поддержку.

Научные контакты, глубокое уважение и добрые человеческие отношения связывали профессора А.П. Уманского с другими крупнейшими археологами нашей страны: В.А. Могильниковым, Л.Р. Кызласовым, Н.Л. Членовой (Москва), А.П. Деревянко, В.И. Молодиным, Т.Н. Троицкой (Новосибирск), А.И. Мартыновым (Кемерово), В.И. Матюшенко (Омск), Л.А. Чиндиной (Томск), Ю.Ф. Кирюшиным (Барнаул), с научными сотрудниками Государственного Эрмитажа, с музейными работниками и краеведами Алтая. Особенно тесной и плодотворной была со-

вместная деятельность А.П. Уманского и В.А. Могильникова. В частности, в результате раскопок курганных групп в Масляхе, Камне-на-Оби и Новотроицком они собрали богатейший материал по выделенной ими же каменской культуре эпохи раннего железа лесостепного Приобья.

А.П. Уманский составил первую археологическую карту Алтайского края. Выпущенная им в 1959 г. книга “Памятники культуры Алтая” содержала первый обстоятельный обзор археологических и исторических памятников региона. Материалы из раскопок Алексея Павловича хранятся в Алтайском краевом, Бийском, Каменском, Родинском и других краеведческих музеях края. Они занимают важное место в экспозиции историко-краеведческого музея Барнаульского педагогического университета. Самые ценные и интересные из них были представлены в 1994 г. на международной выставке в г. Сеуле (Южная Корея) и опубликованы в ее каталоге.

Научная деятельность А.П. Уманского не ограничивается археологией. Изучая историю алтайских телеутов, исследователь сопоставлял различные виды

исторических источников, привлекал археологические материалы для реконструкции этнокультурных процессов, протекавших на территории Южной Сибири в XVII – XVIII вв., и на эту тему им опубликованы две капитальные монографии.

В последние годы профессор А.П. Уманский не участвует в полевых изысканиях, однако археология по-прежнему находится в центре его многогранной деятельности. Он активно публикует материалы своих прежних раскопок, готовит к печати новые монографии, участвует в конференциях, редактирует научные сборники, неизменно в течение 40 лет читает вузовский курс археологии, руководит дипломниками и аспирантами, составляет проспекты музейных экспозиций, плодотворно работает в составе диссертационного совета.

Пожелаем Алексею Павловичу достойных учеников, новых научных свершений и творческого долголетия.

М.А. Демин
*Барнаульский государственный
педагогический университет*

АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ МАРТЫНОВ

11 марта 2003 г. доктору исторических наук, профессору Анатолию Ивановичу Мартынову исполнилось 70 лет. Он родился в 1933 г. в старинном г. Звенигороде Московской обл. в семье простых тружеников Ивана Ильича и Ольги Васильевны. В 1951 г. после окончания средней школы Анатолий поступил на исторический факультет Московского педагогического института им. Н.К. Крупской. По окончании института в 1955 г. молодого специалиста по распределению направляют в г. Кемерово, где его сразу назначают директором областного краеведческого музея. Практически музей надо было создавать, и А.И. Мартынов успешно справился с этой задачей. Он также начал вести самостоятельные полевые исследования и преподавать в высшем учебном заведении. До 1960 г. А.И. Мартынов совмещал работу директора музея с педагогической деятельностью на историко-филологическом факультете Кемеровского государственного педагогического института.

В 1960 г. А.И. Мартынов находился в годичной аспирантуре отдела гуманитарных исследований Института экономики и промышленного производства СО АН СССР, в которой под руководством А.П. Окладникова завершил работу над кандидатской диссертацией. В ее основу легли материалы полевых иссле-

дований памятников эпохи бронзы и раннего железа, которые он проводил на территории Кузнецкой котловины и Ачинско-Марининской лесостепи. В 1963 г. состоялась защита диссертации. Переход в педагогический институт на постоянную работу определил дальнейшую жизнь и творческую судьбу А.И. Мартынова. До настоящего времени Анатолий Иванович связан с высшей школой и работает в Кемеровском государственном университете, созданном в 1975 г. на базе педагогического института. Он прошел путь от ассистента до профессора, заведующего кафедрой (1970 – 1975 гг. – кафедра всеобщей истории, 1975 – 1998 гг. – кафедра археологии). Под руководством А.И. Мартынова было подготовлено несколько тысяч специалистов-историков. Им написаны около десяти учебно-методических пособий, разработана программа курса по археологии, учебник “Археология”, выдержавший три издания. Ряд статей Анатолия Ивановича посвящен преподаванию курса археологии в вузах. Немало сил А.И. Мартынов приложил для создания кафедры археологии. Ее открытие в Кемеровском университете явилось значительным событием в развитии гуманитарного образования в системе высшей школы Сибири.

А.И. Мартынов широко известен как незаурядный организатор. В 1965 г. благодаря его усилиям появилась лаборатория археологических исследований, стал регулярно выпускаться научный сборник, был открыт молодежный археологический лагерь для учащихся старших классов, аналогов которому не было в стране, построена крупная стационарная археологическая база в пос. Тисуль. По инициативе Анатолия Ивановича при Кемеровском университете открылся специализированный археологический музей. Музей “Археологии и этнографии Южной Сибири” является одним из популярных музеев в Кемеровской обл. Значителен вклад А.И. Мартынова в сохранение уникального памятника первобытного искусства “Томская писаница” и создание на его основе музея-заповедника. В настоящее время это сложный комплекс, включающий археологический памятник, музеефицированные археолого-этнографические объекты и музей “Петроглифы Азии”. Музей-заповедник признан одним из лучших музеев под открытым небом в России.

А.И. Мартынов широко известен в нашей стране и за рубежом как крупный специалист в области

археологии. Большое место в его научной деятельности занимают полевые исследования. Маршруты возглавляемой им экспедиции пролегали по территории Кузбасса, Хакасии, Горного Алтая, Казахстана. Анатолий Иванович занимается раскопками многочисленных памятников преимущественно скифского времени. Именно эти исследования на долгие годы определили тематику его научной деятельности. Одним из итогов работы ученого стала докторская диссертация “История лесостепных тагарских племен в VI–I вв. до н.э.”, которую он защитил в 1975 г. С 1964 г. А.И. Мартынов занимается изучением петроглифов на р. Томи. Проблематика изучения первобытного искусства стала вторым главным направлением его научных исследований.

Анатолий Иванович – автор и соавтор более 250 научных и научно-методических работ, среди которых “Сокровища Томских писаниц” (написана в соавторстве с А.П. Окладниковым), переизданная в Будапеште на венгерском языке, “Лесостепная тагарская культура”. Он является одним из авторов книги

“Солнце в истории народов”, изданной в Париже в 1994 г. по программе ЮНЕСКО. Ряд работ А.И. Мартынова вышел в США, Франции, Италии, Испании, Индии и других странах.

Анатолий Иванович уделяет много внимания подготовке кадров высокой квалификации. В 1979 г. по его инициативе в Кемеровском университете была открыта аспирантура по специальности “археология”. А.И. Мартынов подготовил 23 кандидата исторических наук, из которых двое стали докторами наук. Он организатор и участник многих конференций, в т.ч. международных. За вклад в развитие науки в 1997 г. А.И. Мартынову присвоено звание “Заслуженный деятель науки Российской Федерации”.

Коллеги ученого желают ему новых творческих успехов, достижений в области науки и образования, а также музейном деле.

В.В. Бобров
Кемеровский государственный университет
E-mail: bobrov@kemsu.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БНЦ – Бурятский научный центр СО РАН
ВГО – Всесоюзное географическое общество
ВСЕГЕИ – Всесоюзный геологический институт
ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
ГИМ – Государственный Исторический музей
ГМВ – Государственный музей Востока
ГМИР – Государственный музей истории религии
ГУГК СМ СССР – Главное управление геодезии и картографии Совета Министров СССР
ИАЭт – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИГиГ – Институт геологии и геофизики СО РАН
ИИАЭ – Институт истории, археологии и этнографии КазССР
ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН (АН СССР)
ИПОС – Институт проблем освоения Севера СО РАН
ИЭРиЖ – Институт экологии растений и животных УрО РАН
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
МАЭ – Музей антропологии и этнографии
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НИЦ – Научно-издательский центр ОИГГМ СО РАН
ОИГГМ – Объединенный институт геологии, геофизики и минералогии СО РАН
РА – Российская археология
РАН – Российская академия наук
РГО – Русское географическое общество
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
ТКАЭЭ – Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция
ТКЭИЭ – Тувинская комплексная экспедиция Института этнографии АН СССР
ТНИИЯЛИ – Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук
ХАЭЭ – Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ХНИИЯЛИ – Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории